КОЗЬМА ПРУТКОВ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Козьма Прутков

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1949

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1949

КОЗЬМА ПРУТКОВ

1

Биографический очерк, помещенный в первом собрании сочинений Козьмы Пруткова и перепечатанный во всех дальнейших, дает следующие основные сведения о жизни поэта.

Козьма Петрович Прутков родился 11 апреля 1803 г. В 1820 г. он был принят в один из лучших гусарских полков, но прослужил в нем лишь два с небольшим года. В военную службу он вступил «только для мундира» и, выйдя в 1823 г. в отставку, тогда же определился на гражданскую службу по министерству финансов — в Пробирную палатку. Здесь он прослужил сорок лет, до самой своей смерти.

Писателем Козьма Прутков стал в очень немолодом уже возрасте — в исходе пятого десятка. Он дебютировал в 1850 г. комедией «Фантазия», поставленной на сцене Александринского театра, в следующем году он анонимно напечатал свои первые стихотворения. Затем талант его быстро развернулся. С 1854 г. Прутков стал печататься под своим именем. В этом году и затем в 1860-м в журнале «Современник» были напечатаны все его основные произведения, относящиеся к разнообразным жанрам: Прутков писал стихотворения, афоризмы, исторические анекдоты и драматические произведения.

Умер Козьма Прутков 13 января 1863 г., в звании директора Пробирной палатки, имея чин действительного статского советника.

Все эти сведения, за исключением библиографических указаний, вымышлены. Изложенные выше события на самом деле не происходили. Вымышлен и самый объект биографии. Директор Пробирной палатки Козьма Петрович Прутков в действительности не существовал. Эта личность, со всем ее жизненным и творческим путем, с резко очерченными особенностями внешности и характера, — такой же плод художественного вымысла, как и произведения Козьмы Пруткова. Жизнь

и творчество этого писателя — художественное целое, единое по замыслу и выполнению.

Козьма Прутков — псевдоним, развившийся в самостоятельное лицо, в «авторскую маску». Такие «авторские маски» привились в русской литературе именно с легкой руки Козьмы Пруткова. Так, Добролюбов создал маски либерального поэта Конрада Лилиеншвагера и реакционного поэта Якова Хама, Минаев писал от имени армейского солдафона майора Бурбонова и т. д. Но ни одна из подобных сатирических масок и в отдаленной степени не достигла рельефности и жизненности Козьмы Пруткова, наделенного точно фиксированным служебным положением, жизненным путем, характерными чертами психологического склада и соответственной наружностью, запечатленной на известном портрете, приложенном ко всем собраниям сочинений Козьмы Пруткова.

Цельность личности и творчества Козьмы Пруткова не уменьшается от того, что тут сотрудничали несколько авторов, каждый из которых, конечно, вносил свои художественные устремления и особенности своего таланта, расширяя тем самым творческий горизонт вымышленного поэта. Образ Козьмы Пруткова настолько скрепил произведения этих авторов, что возник единственный в истории литературы случай, когда вымышленный автор-герой стал в один ряд с реальными писателями; сочинения Козьмы Пруткова не разбиваются на произведения отдельных авторов, а издаются и воспринимаются как творческое наследие одного автора. Правда, разбить сочинения Пруткова по отдельным авторам до конца и невозможно, так как часть произведений написана сообща.

Из создателей Козьмы Пруткова наиболее известен Алексей Константинович Толстой (1817—1875). Видный лирик, стихи которого широко известны до сих пор, особенно благодаря тому, что чуть не половина их положена на музыку Чайковским и Римским-Корсаковым; известный драматург, пьеса которого «Царь Федор Иоаннович» прославлена постановкою МХАТ'а, — Алексей Толстой в то же время и блестящий сатирик. В особенности замечательна его поэма «Сон Попова», одна из лучших сатир на жестокую и лицемерную бюрократию и полицию русского царизма.

Мировоззрению А. К. Толстого были свойственны черты консерватизма, но в то же время для него характерна неприязнь к деспотизму и бюрократии. Его оппозиционность в отношении властей не имела, конечно, революционного характера, — она была своеобразным проявлением аристократического фрондерства против обезличивающего деспотизма и всесилия чиновничества.

Гораздо менее известен другой участник трудов Козьмы Пруткова, Алексей Михайлович Жемчужников (1821—1908). Козьма Прутков —

высший взлет его творчества. Вне Пруткова многолетняя литературная деятельность Жемчужникова имеет весьма скромное значение в истории русской литературы. Он писал и пейзажные, и любовные стихи, но преобладают в его поэзии гражданские мотивы. Это отнюдь не гражданская поэзия некрасовского типа; в ней недостает социально-политической остроты и силен налёт либерального дидактизма.

Третий создатель творений Козьмы Пруткова, Владимир Михайлович Жемчужников (1830—1884), вне Пруткова никак не проявил себя в литературе. Между тем, это, собственно говоря, центральная фигура прутковского триумвирата. По количеству принадлежащих ему произведений Козьмы Пруткова Владимир Жемчужников стоит на первом месте. Он же был организатором и редактором публикаций Козьмы Пруткова, редактировал «Полное собрание сочинений» и написал «Биографические сведения».

В этих «Биографических сведениях» признается участие в литературном наследии Козьмы Пруткова еще одного Жемчужникова — Александра Михайловича (1826—1896), но в строго ограниченном объеме: указывается, что Александр Жемчужников участвовал в сочинении трех басен и двух комедий. Мы увидим далее, что «прутковская» деятельность его в действительности была более обширной.

«Козьма Прутков» творился в привольной обстановке дворянского семейного быта. Братья Жемчужниковы и их двоюродный брат Алексей Толстой были баловни судьбы: красавцы и силачи, веселые, богатые, прекрасно образованные, с большими придворными и великосветскими связями, блестящие остроумцы и талантливые поэты. Жизнь била из них ключом и в затхлой и чинной атмосфере николаевского царствования прорывалась в задорных выдумках и дерзких «шалостях». В этих шалостях особенно отличался Александр Жемчужников, неистощимый забавник с необычайным даром имитатора. Многочисленные анекдоты о проделках Жемчужниковых, сохраненные мемуаристами, относятся главным образом к нему.[1] Приведу два таких анекдота.

Министр финансов Вронченко ежедневно в девять часов утра гулял по Дворцовой набережной. Жемчужников, незнакомый с министром, стал каждое утро проходить мимо него и, приподнимая шляпу, приветствовал его словами: «Министр финансов — пружина деятельности». Вронченко наконец пожаловался петербургскому обер-полицмейстеру Галахову, и Жемчужникову, под страхом высылки, было предписано впредь министра финансов не беспокоить.

---

[1] См. об этом в письме Алексея Жемчужникова в редакцию „Нового времени" („Новое время",1900, № 8613; перепечатано в „Полном собрании сочинений" Козьмы Пруткова под ред. П. Н. Беркова. М.— Л., 1933, с. 494—495).

Ночью, в мундире флигель-адъютанта, Жемчужников объездил всех главных архитекторов Петербурга с приказанием наутро явиться во дворец ввиду того, что провалился Исаакиевский собор.

Трудно сказать, что правда, что вымысел в этих рассказах, но «прутковский» дух в них чувствуется.[1] Все казенное, все официально признанное возвышенным и почтенным возбуждало в создателях Козьмы Пруткова злую и шаловливую иронию. В круг подобных проказ и выдумок входили и литературные шалости веселых братьев.

Алексей Толстой ко времени рождения Козьмы Пруткова имел уже пятнадцатилетний (по крайней мере) опыт самого разнузданного балагурства на бумаге. Его письма 30-х годов — это какой-то поток дурашливости, в котором многое, за неясностью намеков, совершенно нам непонятно, — а местами появляются забавные куплеты, пародии, нелепые баллады.

Алексея Толстого, как и его кузенов, увлекал комизм нелепости. Можно себе представить, каков был смолоду этот зуд зубоскальства, если в старости Алексей Толстой мог начать письмо стихами вроде:

Желтобрюхого Гаврила
Обливали молоком,
А Маланья говорила:
Он мне вовсе незнаком!

Алексей Жемчужников также наслаждался комизмом нелепости и тоже еще в 30-е годы стал изощряться в комической «беглой поэзии». Многие образцы ее ведут к Пруткову. Вот, например, глубокомысленное стихотворение, очевидно родившееся при чтении газетного объявления: «Жемчуг в нитках и вещах покупает ювелир Фаберже»:

ДУМЫ И НАБЛЮДЕНИЯ

При борще или при щах
Завершает редко пир
Бланманже.

Воин, бывший на часах,
Отдыхает, сняв мундир,
В неглиже.

---

[1] В мемуарах современников Жемчужниковым и их друзьям приписывается множество „шалостей“ и „проделок“. См.: Н. А. Котляревский. Старинные портреты. Спб., 1907, с. 411—413; П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. III. Спб., 1896, с. 238—239; В. П. Мещерский. Мои воспоминания, т. I. Спб., 1897, с. 94—95; К. Н. В. Черточки характера писателей. Из наблюдений и воспоминаний. — „Новое время“, 1906, № 10899 (иллюстр. прилож.); Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого, вып. I. От кадетского корпуса к Академии художеств 1828—1852 гг.) Л., 1926, с. 80.

Жемчуг в нитках и вещах
Покупает ювелир
Фаберже. [1]

Алексей Жемчужников был мастером комических записок, посвящений, альбомных стихов. Рукопись заставляет думать, что известное стихотворение Козьмы Пруткова «В альбом N. N.» первоначально было написано Алексеем Жемчужниковым от своего лица в альбом какой-то даме, а затем уже перешло в литературную собственность Козьмы Пруткова.

Младшие братья тоже рано вступили на стезю, проложенную старшими. Александр буффонил в стихах и прозе, как и в жизни. Нелепые басни — видный жанр в творчестве Козьмы Пруткова — начал культивировать он. На копиях некоторых произведений Александра, попавших в печать с именем Козьмы Пруткова, но не включенных в собрание его сочинений, имеется одинаковая пометка редактора собрания Владимира Жемчужникова: «Глупость Сашинькина!» Сколько, вероятно, было написано таких «глупостей», прежде чем возникла идея «Козьмы Пруткова»!

Младший брат, Владимир, был по преимуществу пародистом. У него был замечательный дар художественной имитации. Он легко и тонко высмеивал манеру любого поэта, соперничая с Алексеем Толстым. Этим двум авторам, в основном, принадлежат пародии Козьмы Пруткова. Судя по датам произведений, на которые направлено жало пародий, написанных Владимиром, часть этих пародий едва ли не относится еще к 40-м годам.

В начале 50-х годов, когда возник из небытия Козьма Прутков, Владимир Жемчужников был студентом Петербургского университета, Александр только что окончил университет; старшие братья уже входили в солидный возраст, оба были камер-юнкерами и чиновниками привилегированных петербургских канцелярий: Алексей Толстой служил во 2-м отделении «собственной его императорского величества канцелярии», Алексей Жемчужников — в канцелярии Государственного совета.

Литературные шалости молодой компании отнюдь не были в то время чем-то исключительным. У дворянства было слишком много досуга. Устройство обильных и разнообразных развлечений было постоянной заботой в дворянском кругу; поэтому всякого рода таланты, служащие для приятного препровождения времени в обществе, тща-

[1] Не напечатано. Рукопись в архиве А. М. Жемчужникова (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде).

тельно выращивались в культурных дворянских семьях. Высоко ценились острословы и забавники. Наряду с живыми картинами, домашними спектаклями, «petits jeux», процветали карикатуры, эпиграммы, веселые послания, стихотворные буффонады и всяческая домашняя литературная галиматья.

Эта атмосфера запечатлена в стихотворении Лермонтова «В альбом С. Н. Карамзиной»:

Люблю я парадоксы ваши
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи.

«Ишка Мятлев» — салонный «эстрадник», с его шутовскими куплетами, перешедшими из быта в литературу, создатель авторской маски «госпожи Курдюковой» — несомненный предшественник Козьмы Пруткова в наиболее «легких» жанрах прутковского творчества — баснях и эпиграммах; басни Пруткова восходят к таким произведениям И. П. Мятлева, как «Медведь и коза» или «Брачная деликатность»

(Один чувствительный священник
Сказал почтенной попадье:
Тебя узнав, я стал твой пленник,
Свободе я сказал *адье*

и т. д.).

В архиве Блудовых (Пушкинский дом) в пачке рукописных афиш домашних спектаклей сохранилась афиша представления под названием «Еще домашний театр. Водевиль-драма-комедия в одном действии». Спектакль происходил, видимо, в начале 50-х годов. Здесь вместе с молодежью участвуют ветераны мятлевского круга, С. Н. и А. Н. Карамзины, Л. Д. Шевич и др. Александр Жемчужников фигурирует здесь в качестве актера,[1] а Алексей Жемчужников в качестве «автора и суфлера».

Таких шутливых пьес для домашних подмостков было, вероятно, написано множество. Лев Жемчужников вспоминает, что его брат Алексей еще в 30-е годы «писал пьесы для домашнего театра; и мы все

---

[1] По словам Алексея Жемчужникова, „Александр Михайлович был известен как превосходный актер на домашних спектаклях. Разнообразные созданные им типы высоко ценились М. С. Щепкиным, П. М. Садовским и И. Ф. Горбуновым“ (Письмо в редакцию — „Новое время“, 1900, № 8613. Перепечатано в „Полном собр. соч.“ К. Пруткова под ред. П. Н. Беркова. М.—Л., 1933, с. 495).

с двоюродным братом Петром Курбатовым разыгрывали их в присутствии отца и некоторых знакомых».[1]

В 1851 году Алексей Толстой и Алексей Жемчужников впервые вышли со своими шутками из интимной среды на арену публичности. Написав вдвоем одноактный водевиль «Фантазия», они поставили его не на «домашнем театре», а на Александринской сцене.

Когда впоследствии возник Козьма Прутков, ему задним числом приписали эту пьесу, обозначенную на театральной афише как «сочинение Y и Z». Атрибуция была вполне законной. В «Фантазии» есть тот дух иронии и пародии, который отличает от простодушной буффонады Мятлева прутковскую ироническую буффонаду. Этот дух Алексей Жемчужников в старости характеризовал такими словами:

«Все мы тогда были молоды, и «настроение кружка», при котором возникли творения Пруткова, было веселое, но с примесью сатирически-критического отношения к современным литературным явлениям и к явлениям современной жизни. Хотя каждый из нас имел свой особый политический характер, но всех нас соединила плотно одна общая нам черта: полное отсутствие «казенности» в нас самих и, вследствие этого, большая чуткость ко всему казенному».

«Фантазия» — издевательство над убожеством тогдашнего ходового комедийного репертуара. Поставить на императорской сцене под видом водевиля издевательство над водевилем — это была затея во вкусе описанных выше «шалостей». Расчет, очевидно, шел на то, что дирекция императорских театров примет насмешку над водевильной глупостью за обыкновенную водевильную глупость. Расчет оправдался. В атмосфере общего смирения в самый свирепый период николаевской реакции театральное начальство не заподозрило запретного критического духа в сочинении двух камер-юнкеров.

Водевилей тогда требовалось множество, так как их ставили оптом и большей частью они очень быстро надоедали и недолго держались на сцене. «Фантазия» была исполнена 8 января 1851 г. вместе со следующими комедиями и водевилями: «Заговорило ретивое, или Урок бедовой девушке», «Интересный вдовец, или Ночное свидание с иллюминацией», «Провинциальный братец», «Вечер артистов».

Какую-то неблагонадежность почуял в «Фантазии» цензор. Сохранился театральный экземпляр пьесы с его исключениями и исправлениями. По ним видно, что пьеса смущала цензора. Но запретить ее не было оснований, и цензор тщетно старался изгнать из водевиля «вольный дух», который засел где-то, откуда цензор не мог его извлечь

---

[1] Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого, вып. 1. Л., 1926, с. 45.

своими банальными приемами. Он заменил «грубые» слова: вместо «глотка» написал «горло», вместо «гадости» — «глупости», вместо «кобенится» — «церемонится». Он исключил все упоминания должностных лиц вплоть до брандмейстера. Он сделал исправления по части религии и нравственности: лишил фамилии девицу Непрочную, вычеркнул слово «священный» из словосочетания «священный долг», во фразе «сказала бы неприличное слово, да в пятницу как-то совестно» исключил пятницу, постный день.

Печатая впервые «Фантазию» в 1884 году в первом собрании сочинений Козьмы Пруткова, В. Жемчужников необычайно обогатил текст комедии, приведя в подстрочных сносках все исправления цензора. Получился как бы удвоенный Козьма Прутков: Прутков вверху и внизу, — Прутков, процензурованный Прутковым. Ибо, по неуклонной тупости и казенности понимания литературы, цензор действительный статский советник Гедерштерн вполне уподобился действительному статскому советнику Пруткову.

Он чует дух непочтительности в сверхмерной нелепости водевиля. «У меня есть портрет одного знаменитого незнакомца: очень похож». Цензор зачеркивает «очень похож». Один из героев рекомендует свою собаку: «В 5 минут съедает 10 фунтов говядины, давит волков, снимает шляпы и поливает цветы». Цензор зачеркивает «поливает цветы». Конечно, такими купюрами он ничего не достигает.

Сюжет пьесы утрирует и доводит до абсурда банальные водевильные ситуации. Шесть женихов, в числе которых имеются немец, грек и татарин, добиваются руки Лизы, воспитанницы «богатой, но самолюбивой старухи». И Лиза и ее воспитательница склоняются к сантиментальному подлизе-немцу Либенталю; но тут пропадает любимая старухина моська Фантазия. Старуха, «не по летам жестокого характера», назначает воспитанницу в жены тому, кто отыщет собаку. Женихи натаскивают собак разных пород, из которых одна игрушечная; но Либенталь, «немец не без резвости», прибегает с пропавшей моськой и объявляется женихом, к неудовольствию соперников, которые с ругательными куплетами покидают дом. Сцена пустеет, остается лишь один из женихов, благонамеренный ябедник Кутило-Завалдайский. Он бранит автора пьесы, уверяет, что автор — человек самый безнравственный, открывает публике, что пьеса полна неприличий, которые актеры не позволяли себе повторять за суфлером; наконец обрушивается на сюжет пьесы и предлагает от себя ряд сюжетов, один другого глупее; оркестр прерывает его слова, он замечает, что занавес за ним опущен, и, сконфузившись, скрывается.

Если постановка была замышлена в качестве «проказы», эффект ее превзошел все ожидания. Разразился настоящий скандал.

На спектакле присутствовал царь. «Фантазия» возмутила его; он уехал, не досмотрев пьесы, и при отъезде запретил повторять ее. По сохранившемуся преданию, Николай I сказал при этом директору императорских театров Гедеонову: «Много я видел на своем веку глупостей, но такой еще никогда не видал». [1]

После этого и публика начала возмущаться, шикать и свистать и в таком настроении поддалась на заключительную мистификацию, приняв монолог перед занавесом за импровизацию актера Мартынова и наградив его единодушными аплодисментами. Сбитым с толку оказался даже сам король водевилистов Федор Кони, который писал, обозревая театральные постановки в своем журнале «Пантеон»:

«Публика, потеряв всякое терпение, не дала актерам окончить эту комедию и ошикала ее, прежде опущения занавеса. Г. Мартынов, оставшийся один на сцене, попросил у кресел афишку, чтобы узнать, как он говорил, «кому в голову могла придти фантазия сочинить такую глупую пьесу?» Слова его были осыпаны единодушными рукоплесканиями». [2]

Полон «благородного негодования» отзыв булгаринской «Северной пчелы»:

«Приучив нашу публику наводнением пошлых водевилей ко всем выходкам дурного вкуса и бездарности, эти господа воображают, что для ней все хорошо. Ошибаетесь, чувство изящного не так скоро притупляется! По выражению всеобщего негодования, проводившего «Фантазию», мы видим, что большая часть русских зрителей состоит из людей образованных и благонамеренных». [3]

Лишь один критик понял смысл «Фантазии» — критик, который не видел и не читал пьесы, а ознакомился с нею только по рецензии Федора Кони. Это был Аполлон Григорьев. Перепечатав в «Москвитянине» часть отзыва из «Пантеона», Григорьев добавляет: «...с своей стороны мы видим в фантазии гг. Y и Z — злую и меткую, хотя грубую пародию на произведения современной драматургии, которые все основаны на такого же рода нелепостях. Ирония тут явная — в эпитетах, придаваемых действующим лицам, в баснословной нелепости положений. Здесь только доведено до нелепости и представлено в общей картине то, что по частям найдется в каждом из имеющих успех водевилей. Пародия гг. Y и Z не могла иметь

---

[1] ⟨А. А. Соколов.⟩ „Из записной книжки театрального нигилиста“. — „Петербургский листок“, 1877, № 59.

[2] „Пантеон“, 1851, № 1, отд. VI, с. 13.

[3] „Северная пчела“, 1851, 19 января, № 15.

успеха потому, что не пришел еще час падения пародируемых ими произведений». [1]

Атмосфера николаевского царствования как нельзя характернее запечатлелась на театральной истории «Фантазии». И вполне в духе всей истории оказался ее финал: как гласит надпись на театральном экземпляре, «по высочайшему повелению от 9 января 1851 г. представление сей пиесы на театрах воспрещено». [2]

Таков был первый дебют еще не существовавшего Козьмы Пруткова, — по позднейшей версии укрывшегося за псевдонимом «Y и Z», «опасаясь последствий по службе».

2

Не только на сцене, но и в печати Козьма Прутков появился еще до своего возникновения. Летом 1851 г. Александр Жемчужников сочинил, частью в сотрудничестве с братом Алексеем, три комических басни. В ноябрьской книжке «Современника» 1851 г. они были напечатаны без указания автора в фельетоне И. И. Панаева «Заметки Нового поэта о русской журналистике». Алексей Толстой и Жемчужниковы были хорошо знакомы с писательским кругом тогдашнего «Современника», Алексей Жемчужников еще в 1850 г. напечатал в «Современнике» комедию «Странная ночь».

Как впоследствии пояснял Вл. Жемчужников в письме к А. Н. Пыпину (от 6 февраля 1883 г.), басни «были напечатаны в «Современнике» без обозначения имени автора потому, что в то время еще не родился образ К. Пруткова. Однако эти басни уже зародили кое-какие мысли, развившиеся впоследствии в брате моем Алексее и во мне до личности Пруткова; именно: когда писались упомянутые басни, то в шутку говорилось, что ими доказывается излишество похвал Крылову и другим, потому что написанные теперь басни не хуже тех. Шутка эта повторялась и по возвращении нашем в Спб., и вскоре привела меня с бр. Алексеем и гр. А. Толстым (брат Александр был в то время на службе в Оренбурге) к мысли писать от одного лица, способного во всех родах творчества. Эта мысль завлекла нас, и создался тип Козьмы Пруткова. К лету 1853 г., когда мы снова проживали в Елецкой деревне, набралось уже очень достаточно таких произведений; а летом прибавилась к ним комедия «Блонды», написанная бр. Александром при содействии бр. Алексея и моем. Осенью, по соглашению с А. Толстым и бр. моим Алексеем, я занялся окончатель-

---

[1] „Москвитянин", 1851, № 6, отд. „Критика", с. 278.

[2] „Фантазия" была уже назначена к повторению на 10 января (см. репертуар театров в „Северной пчеле" от 10 января 1851 г.).

ною редакциею всего подготовленного и передал это Ив. Ив. Панаеву для напечатания в «Современнике». Редакция «Современника» оценила это по достоинству и напечатала в отделе «Ералаш», дотоле не существовавшем, добавив стихотворный эпиграф — кажется — Некрасова».

Итак, идея «Козьмы Пруткова» возникла по возвращении в Петербург после лета, проведенного в имении Жемчужниковых. В письме назван «1851 или 1852 г.». Поскольку во время публикации первых басен, то есть зимой 1851 г., «еще не родился образ К. Пруткова», — его рождение, очевидно, относится к 1852 г. Это подтверждает и намек В. Жемчужникова в «Биографических сведениях»,[1] и указание на то, что Александр Жемчужников в эту пору служил в Оренбурге.[2]

Между тем, к лету 1853 г. накопился уже большой прутковский материал, отредактированный осенью 1853 г. и напечатанный большими партиями в пяти выпусках «Литературного ералаша» (юмористическое приложение к «Современнику») 1854 г. под заглавием «Досуги Кузьмы Пруткова». (В Козьму Прутков был переименован впоследствии, спустя много лет после прекращения его литературной деятельности и самой жизни).

«Досуги Кузьмы Пруткова» — это целое собрание, включающее не менее половины всего творческого наследия Пруткова. Представлены все его основные жанры: басни, эпиграммы, «Мысли и афоризмы», «Выдержки из записок моего деда», пьесы, пародии на все основные объекты литературных нападений Пруткова. Хотя в «Досугах» не было еще никаких материалов о жизни и личности Кузьмы Пруткова, образ его уже твердо сложился здесь в основных своих чертах: выявились самовлюбленность, самохвальство, славолюбие и претензия на глубокомыслие при сверхъестественной тупости.

Весьма маловероятно, чтобы все произведения, вошедшие в «Досуги», были написаны в краткий период — вероятно, около года —

---

[1] „В 1852 г. совершился в его личности коренной переворот под влиянием трех лиц из упомянутого кружка: графа А. К. Толстого, Алексея Жемчужникова и Владимира Жемчужникова. Эти три лица завладели им, взяли его под свою опеку и развили в нем те типические качества, которые сделали его известным под именем *Козьмы Пруткова*".

[2] Александр Жемчужников служил в Оренбурге, где его дядя граф В. А. Перовский, оренбургский и самарский генерал-губернатор, устроил его чиновником особых поручений при председателе оренбургской пограничной комиссии, известном ориенталисте В. В. Григорьеве. Но В. А. Перовский был назначен генерал-губернатором в 1851 г. и летом 1851 г. только еще сам прибыл в Оренбург.

О „шалостях" и „чудачествах" Александра в Оренбурге см.: П. П. Жакмон. Из воспоминаний оренбургского старожила. — „Исторический вестник", 1905, № 4, с. 80—82; Е. Г. Гвоздиков. Ахметка-башкирский шут. — „Русская старина", 1890, № 11, с. 461; В. И. Герцык. Жемчужников. К рассказу Е. Г. Гвоздикова. — „Русская старина", 1891, № 10, с. 138.

Вероятно, к концу 60-х годов Александр „остепенился" и начал делать „серьезную" карьеру: был вице-губернатором в Пензе и Пскове, а затем губернатором в Вильне.

между возникновением идеи «Кузьмы Пруткова» и началом публикации собранного материала. Гораздо вероятнее, что сюда вошел материал более ранний — начала 50-х, а может быть, и 40-х годов. Дальнейший показ объектов прутковских пародий подтвердит эту мысль.

После «Досугов» Кузьма Прутков надолго умолк. Лишь через шесть лет в «Современнике» появилось небольшое дополнение к «Досугам» из семи стихотворений под названием: «Пух и перья» (Daunen und Federn [1]). К Досугам Кузьмы Пруткова». Оно было напечатано в «Свистке», новом сатирическом отделе «Современника», в номере четвертом, включенном в мартовскую книжку «Современника» 1860 г. Это, действительно, дополнение к «Досугам»; повидимому, оно напечатано — или отдано в журнал — с большим запозданием: похоже, что все семь стихотворений написаны не позже 1855 г., а частью взяты из материалов, не опубликованных своевременно в «Досугах». В самом деле: две басни («Помещик и садовник», «Помещик и трава») датированы в рукописи 1855 годом, стихотворение «К моему портрету» цитируется А. В. Дружининым в феврале 1856 г., стихотворение «Память прошлого» тесно примыкает к циклу пародий на русские подражания Гейне в «Досугах Кузьмы Пруткова», остальные стихотворения также являются пародиями и, судя по оригиналам, видимо относятся к первой половине 50-х годов. [2]

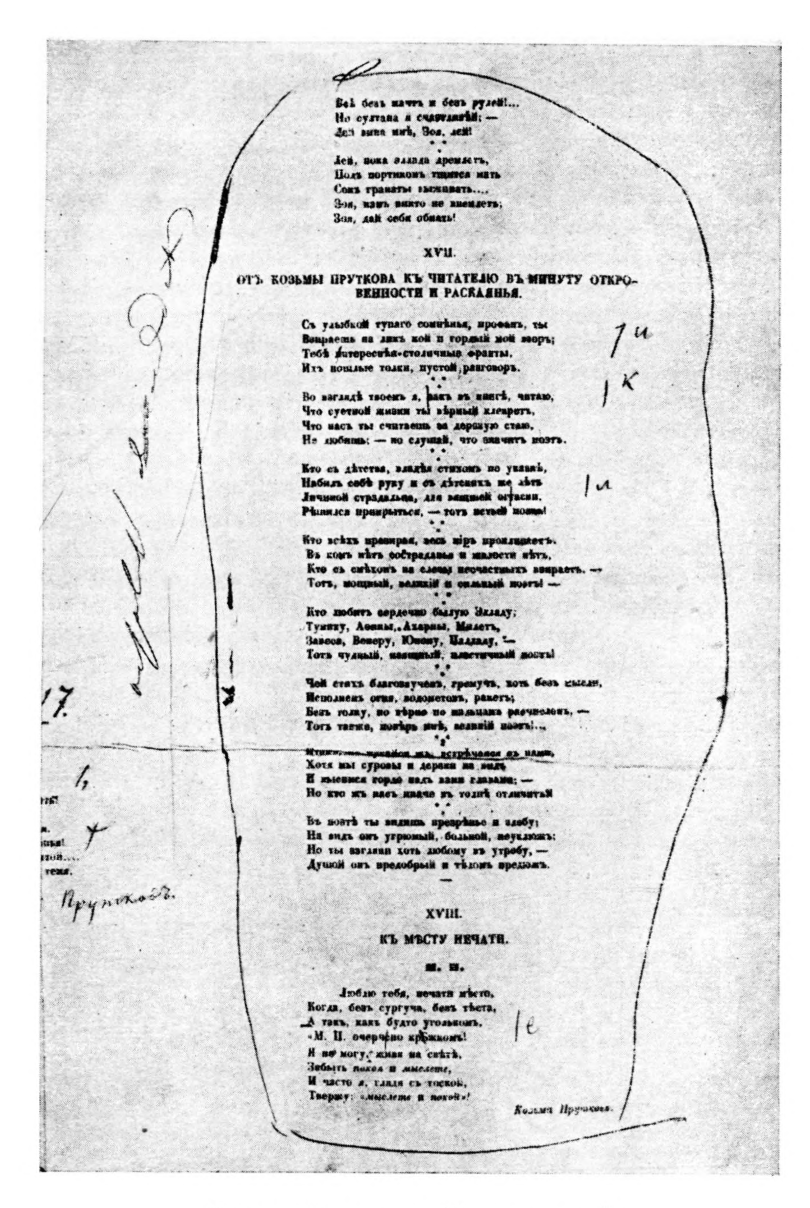
Ничего нового в облик Кузьмы Пруткова «Пух и перья» не вносят. Существеннее другая публикация того же 1860 г.: в четырех номерах знаменитого сатирического журнала «Искра» печатались дополнительные «Мысли и афоризмы» и анекдоты «Из записок моего деда». Конечно, и это, по существу, — добавление к «Досугам», выдержанное в той же манере; но в новых афоризмах начинает создаваться характерный облик благонамеренного чиновника, обо всем судящего с казенной точки зрения («Не будь портных, скажи: как бы различил ты ведомства?», «Если хочешь быть покоен, не принимай горя и неприятности на свой счет, но всегда относи их на казенный»), а в «Записки моего деда» проникают острые современные темы о «невольничьем труде», о неумеренном «выпуске ассигнационных билетов»...

Последняя публикация Кузьмы Пруткова в «Современнике» относится уже к 1863 г. Стремясь оживить «Свисток», падавший после смерти его инициатора и основного автора Добролюбова, М. Е. Сал-

---

[1] По указанию современников, это название взято с вывески немецкого торгового склада на Васильевском острове. Указано в рецензии на „Полное собр. соч". К. Пруткова в „Вестнике Европы", 1884, № 3, с. 393.

[2] См. примеч. к стихотворениям „Разочарование", „Философ в бане" и „Осень".

Вы безъ мачтъ и безъ рулей!...
Но султана я счастливѣй; —
Лей вина мнѣ, Зоя, лей!

Лей, пока эллада дремлетъ,
Подъ портикомъ тщится мать
Сокъ гранаты выжимать...,
Зоя, насъ никто не внемлетъ;
Зоя, дай себя обнять!

XVII.

ОТЪ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА КЪ ЧИТАТЕЛЮ ВЪ МИНУТУ ОТКРОВЕННОСТИ И РАСКАЯНЬЯ.

Съ улыбкой тупаго сомнѣнья, профанъ, ты
Взираешь на ликъ мой и гордый мой взоръ;
Тебѣ интереснѣе столичные франты,
Ихъ пошлые толки, пустой разговоръ.

Во взглядѣ твоемъ я, какъ въ книгѣ, читаю,
Что суетной жизни ты вѣрный клевретъ,
Что насъ ты считаешь за дерзкую стаю,
Не любишь; — но слушай, что значитъ поэтъ.

Кто съ дѣтства, владѣя стихомъ по указкѣ,
Набилъ себѣ руку и съ дѣтскихъ же лѣтъ
Личиной страдальца, для вящшей огласки,
Рѣшился прикрыться, — тотъ истый поэтъ!

Кто всѣхъ презирая, весь міръ проклинаетъ,
Въ комъ нѣтъ состраданья и жалости нѣтъ,
Кто съ смѣхомъ на слезы несчастныхъ взираетъ, —
Тотъ, мощный, великій и сильный поэтъ! —

Кто любитъ сердечно былую Элладу,
Тунику, Аѳины, Ахарны, Милетъ,
Зевеса, Венеру, Юнону, Палладу, —
Тотъ чудный, изящный, пластичный поэтъ!

Чей стихъ благозвученъ, гремучъ, хоть безъ мысли,
Исполненъ огня, водометовъ, ракетъ;
Безъ толку, но вѣрно по пальцамъ расчисленъ, —
Тотъ также, повѣрь мнѣ, великій поэтъ!..

~~Итакъ, не пугайся какъ встрѣчаемся съ нами,~~
Хотя мы суровы и дерзки на видъ
И высимся гордо надъ вами главами; —
Но кто жъ насъ иначе въ толпѣ отличитъ?!

Въ поэтѣ ты видишь презрѣнье и злобу;
На видъ онъ угрюмый, больной, неуклюжъ;
Но ты взгляни хоть любому въ утробу, —
Душой онъ предобрый и тѣломъ предюжъ.

—

XVIII.

КЪ МѢСТУ ПЕЧАТИ.

м. п.

Люблю тебя, печати мѣсто,
Когда, безъ сургуча, безъ тѣста,
А такъ, какъ будто угелькомъ,
«М. П.» очерчено кружкомъ!
Я не могу, живя на свѣтѣ,
Забыть *покоя* и *мыслете*,
И часто я, глядя съ тоской,
Твержу: «*мыслете и покой*»!

Козьма Прутковъ.

Прутковъ.

Часть корректуры „Пуха и перьев“ с неизвестными доселе стихотворениями Козьмы Пруткова.

тыков в письме к Некрасову от 29 декабря 1862 г. пишет о желательности нового обращения за материалами к Жемчужникову (видимо, Владимиру). Вероятно, в результате этого обращения в последнем, девятом номере «Свистка» появилась еще одна публикация Кузьмы Пруткова. Но эта публикация извещала читателей о том, что Кузьма Прутков окончил свое земное поприще. В некрологе, подписанном племянником Кузьмы Пруткова, Каллистратом Шерстобитовым, впервые излагалась биография почившего писателя, описывалась его величественная, строгая, но в то же время и поэтическая наружность; впервые Кузьма Прутков предстал перед читателем не только как поэт, драматург и мыслитель, но и как директор Пробирной палатки,[1] «полезный государственный деятель», посвящавший музам лишь часы досуга. Здесь же напечатаны два «посмертных произведения» Кузьмы Пруткова: незаконченная пьеса «Опрометчивый турка» и «Проект», характеризующий Пруткова как государственного мыслителя. Проект этот, написанный Владимиром Жемчужниковым и получивший в позднейшей редакции заглавие: «Проект: О введении единомыслия в России», ярко рисует Кузьму Пруткова как человека «самодовольного, тупого, благонамеренного» и «до того казенного, что ни мысли его, ни чувству недоступна никакая так называемая злоба дня, если на нее не обращено внимания с казенной точки зрения».[2] Являясь резким протестом против борьбы правительства с печатным словом, против реакции, перешедшей в наступление с начала 60-х годов, проект Кузьмы Пруткова предвосхищает позднейшие пародийные «проекты» Салтыкова-Щедрина в «Дневнике провинциала в Петербурге» и «Пестрых письмах» («О необходимости оглушения в смысле временного усыпления чувств», «О переформировании де сиянс академии», «Об уничтожении разнузданности», «О расстрелянии и благих оного последствиях» и пр.).

Тогда же, видимо, должна была быть опубликована комедия Кузьмы Пруткова «Министр плодородия», текст которой до нас не дошел. Все, что до сих пор было известно об этой комедии, это следующее упоминание в перечне произведений Пруткова, посланном Владимиром Жемчужниковым А. Н. Пыпину:

«Министр плодородия (рукопись была передана в ред. «Совр.» 1863 или 4 г., не напечатана и не возвращена)».

---

[1] Должности такой на самом деле не было, но название учреждения не выдумано: в департаменте горных и соляных дел, входившем в министерство финансов, существовали С.-Петербургская и Московская главные пробирные палатки для испытания и клеймения золота и серебра. Они управлялись обер-контролерами проб, в скромных чинах.

[2] См. с. 336 и 334 настоящего издания.

Письмо, в которое включена эта справка, вместе с двумя другими письмами В. М. Жемчужникова к Пыпину, было дважды опубликовано по подлинникам, хранящимся в Пушкинском доме. Но в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся еще три письма, представляющие собой непосредственное продолжение опубликованной части. В последнем из них (от 12 февраля 1884 г.) В. М. Жемчужников просит поискать в бумагах редакции «Современника», «не найдется ли там рукописи или даже корректурных листов комедии Козьмы Пруткова «Министр Плодородия»?

«Она была дана мною, — продолжает В. Жемчужников, — в 1860—4 годах, охотно принята редакциею, но — как мне сообщили потом — не пропущена цензурой (поэтому я и говорю о «корректурных листах»). Я помню, что мы все смеялись тогда, что Валуев принял тип министра за свой. Теперь я не нахожу подлинной рукописи этой комедии у себя... а между тем хотелось бы поместить ее во 2-м издании сочинений Козьмы Пруткова. Хотя в той рукописи, которая была передана мною редакции «Современника», эта комедия была немного переделана, именно в цензурных видах, но я мог бы теперь повсюду выкинуть эти переделки и восстановить подлинник по памяти; а восстановить ее всю по памяти — мы не можем: ни я, ни брат мой Алексей, ибо уже стары, живем не вместе, да духом не прежние».

Итак, «опекуны» Козьмы Пруткова написали такой политический памфлет, который даже в нарочито смягченном виде не мог пройти через цензуру.

Столь же безнадежными в цензурном отношении были накапливавшиеся, очевидно, с середины 60-х годов до начала 70-х так называемые «Военные афоризмы». Как и «Министр плодородия», они не были напечатаны при жизни авторов; «Военные афоризмы» опубликованы по рукописи лишь в 1922 г.

«Военные афоризмы» — жестокое издевательство над тупостью и «казенностью» офицеров скалозубовского склада, для которых

При виде исправной амуниции
Как презренны все конституции;

над страшным воровством, при котором солдат оказывается «голоден и наг»; над увлечением маршировкой и парадами; над немецким засильем в армии; над жадностью и склочничеством полковых попов и т. д.

Конечно, осуждение дано в форме простодушного одобрения со стороны псевдоавтора. Штатский Козьма Прутков дублирован на

этот раз военным: «Военные афоризмы» приписаны сыну Козьмы Пруткова, поручику Фаддею Козьмичу Пруткову, подобно тому как «Гисторические материалы» приписаны деду, а «Черепослов» — отцу Козьмы Пруткова. При этом образ тупого солдафона еще удвоен подстрочными примечаниями командира полка, в котором служил поручик Прутков.

Тут же, однако, находим нападки на «нигилистов» и на противодворянские идеи и действия; эта направленность сатиры в противоположные стороны сообщает «Военным афоризмам» дух аристократического фрондерства, вовсе не свойственный Козьме Пруткову, но присущий сатирам А. К. Толстого, который, повидимому, и является автором или, по крайней мере, участником «Военных афоризмов».

Козьма Прутков печатается в 60-е годы в органах революционной демократии — «Современнике» и «Искре». Авторы Пруткова отдают его произведения в «Современник» в то время, когда из «Современника» уходит весь круг либеральных писателей, окончательно порывающих с демократами, занявшими доминирующее положение в журнале. Произведения Пруткова появляются со вступительными редакционными заметками Добролюбова.

Если присмотреться к произведениям авторов Козьмы Пруткова, надо отметить, что и во «внепрутковском» их творчестве сказывается в 60-е годы усиление оппозиционных настроений. Алексей Толстой начинает создавать резкие сатиры против правительства и реакционеров, — правда, в сочетании с сатирами против материалистов и нигилистов. Творчество Алексея Жемчужникова приобретает характерный облик «гражданской поэзии».

Любопытно, что все три «опекуна» Козьмы Пруткова уходят с правительственных и придворных служб, на которых исключительные связи создавали им блестящее положение: Вл. Жемчужников покинул службу в 1857 г., Алексей Жемчужников — в 1858 г., Алексей Толстой — в 1861 г.[1]

Вероятно, у трех участников Козьмы Пруткова должно было вызывать досаду появление в 1861 и 1862 гг. в «Искре» и преимущественно в третьестепенном юмористическом журнале «Развлечение»

---

[1] В. М. Жемчужников по окончании Петербургского университета уехал в 1854 г. в Тобольск чиновником особых поручений при своем зяте, В. А. Арцимовиче, назначенном тобольским губернатором, но в следующем году вступил в ополчение. Выйдя в 1857 г. из военной службы, он не вернулся на гражданскую, а поступил на частную и в 1861 г. был одним из директоров Русского общества пароходства и торговли. Впоследствии В. М. Жемчужников вновь поступил на государственную службу, но скитался по разным министерствам, нигде не уживаясь, — вероятно, из-за той суровой честности и принципиальности, которую отмечают в нем мемуаристы. В конце жизни был директором канцелярии министра путей сообщения. Алексей Жемчужников и Алексей Толстой по выходе в отставку больше никогда уже не служили.

ряда произведений, подписанных именем Кузьмы Пруткова и не принадлежащих ни одному из них. Эти произведения доводили до абсурда ту манеру беспритязательного балагурства, к которой относятся некоторые ранние произведения Козьмы Пруткова. Из этой серии душеприказчик Козьмы Пруткова В. М. Жемчужников впоследствии только в комедии «Любовь и Силин» признал «кое-что действительно прутковское» (она была несколько обработана Алексеем Жемчужниковым), но и эту комедию не включил в собрание сочинений, остальные же произведения [1] он отбросил, как не принадлежащие Козьме Пруткову.

Повидимому, все эти произведения принадлежат Александру Жемчужникову, который когда-то написал вместе с братом Алексеем несколько басен и участвовал в написании комедии «Блонды»; на этом основании он счел себя теперь вправе отдавать в печать свои произведения под прославившимся именем Кузьмы Пруткова. В «Развлечении» эти произведения появлялись в окружении слабых вещей А. Н. Аммосова, подписывавшегося «Последователь Кузьмы Пруткова». Одно произведение Александра Жемчужникова («Выдержки из моего дневника в деревне») появилось в «Развлечении» с подписью «Асон Апполинович де Соколов» и пояснением: «Это вновь открытый автор, имеющий гораздо менее таланта Пруткова, но сильно ему подражающий». А потом эти же стихи были перепечатаны в «Искре» уже с подписью «Кузьма Прутков». Но тем же псевдонимом «Асон Апполинович де Соколов» подписаны в «Развлечении» еще какие-то, совсем нелепые и бездарные, сцены под заглавием «Артишоки».

Таким образом, публикации Александра Жемчужникова в 1861 и 1862 гг. наносили ущерб уже достаточно четкому образу Козьмы Пруткова. Быть может, в этом была одна из причин того, что «опекуны» Пруткова в 1863 г. формально объявили его литературную деятельность законченной.

Причиной смерти Кузьмы Пруткова было, вероятно, и то, что к этому времени «прутковское» творчество его создателей оскудело, [2] образ же его вполне выкристаллизовался; Прутков стал определенной личностью, которой естественно было придать биографию и характеристику, — а это было удобнее всего сделать в дифирамбическом некрологе почтительного мемуариста.

Как бы то ни было, Прутков умер и отныне мог появляться перед публикой лишь с посмертными дополнениями к основному корпусу своих произведений. Тем более настоятельной становилась задача — очистив от подделок, собрать воедино все творческое наследие

---

[1] „Азбука для детей Косьмы Пруткова“, „Простуда“, „Я встал однажды рано утром“, „Сестру задев случайно шпорой“, „Выдержки из моего дневника в деревне“.
[2] Ср. объяснение В. М. Жемчужникова в письме к А. Н. Пыпину — см. с. 337.

поэта и мыслителя, завершившего цикл своей разносторонней литературной деятельности.

Собственно говоря, с самого зарождения идеи «Кузьмы Пруткова» лучшей формой публикации его произведений представлялось собрание сочинений. Ведь идея состояла именно в том, чтобы писать от одного лица, «способного во всех родах творчества» и притом наделенного рядом комических черт. Но этот замысел мог доходить до читателя лишь при сопоставлении ряда произведений Пруткова. Поэтому с самого начала литературной деятельности Козьмы Пруткова перед его создателями встал вопрос о собрании сочинений.

«В первый же год своей гласной литературной деятельности (в 1853 г.), — читаем в «Биографических сведениях о Козьме Пруткове», — он уже занялся приготовлением отдельного издания своих сочинений, с портретом. Для этого были тогда же приглашены им трое художников, которые нарисовали и перерисовали на камень его портрет, отпечатанный в том же 1853 году, в литографии Тюлина, в значительном количестве экземпляров. Тогдашняя цензура почему-то не разрешила выпуска этого портрета,[1] и вследствие этого не состоялось все издание». Большой формат портрета В. М. Жемчужников объясняет тем, «что именно в таком размере хотелось издать сочинения Пруткова, для вящшего выражения его притязательности».[2] Значит, в это время была уже продумана и внешняя форма издания.

По убедительной догадке П. Н. Беркова, «сперва было предположено выпустить сочинения Пруткова отдельной книгой, и лишь после того, как в конце 1853 г. выяснилась невозможность ее издания, «Досуги Кузьмы Пруткова» (как, вероятно, называлась неосуществленная книга) были переданы для напечатания в «Современнике».[3]

Это предположение подтверждается как будто и изложением рассказа Алексея Жемчужникова репортеру «Петербургской газеты» о происхождении псевдонима «Козьма Прутков»; из репортерской записи видно, что поиски псевдонима были связаны с намерением издать отдельную книгу:

«Служил у нас тогда камердинером Кузьма Фролов, прекрасный старик, мы все его очень любили. Вот мы с братом Владимиром и говорим ему: «Знаешь что, Кузьма, мы написали книжку, а ты дай нам для этой книжки свое имя, как будто ты ее сочинил... А все, что

---

[1] Ср. в письме В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину от 6 февраля 1883 г.: „Но цензор не дозволил выпуска этого портрета из литографии, подозревая, что это также насмешка над каким-либо действительным лицом“ (см. с. 336).

[2] Письмо к М. М. Стасюлевичу от 19 июля 1883 г. — „М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке“, т. 4. Спб., 1912, с. 314.

[3] П. Н. Берков. Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт. Л., 1933, с. 71.

мы выручим от продажи этой книжки, мы отдадим тебе». Он согласился. «Что ж, говорит, я, пожалуй, согласен, если вы так очинно желаете... А только, говорит, дозвольте вас, господа, спросить: книга-то умная аль нет?» Мы все так и прыснули со смеха. «О нет! говорим: книга глупая-преглупая». Смотрим, наш Кузьма нахмурился. «А коли, говорит, книга глупая, так я, говорит, не желаю, чтобы мое имя под ей было подписано. Не надо мне, говорит, и денег ваших»... Когда брат Алексей (гр. А. Толстой) услыхал этот ответ Кузьмы, так он чуть не умер от хохота и подарил ему 50 руб. «На, говорит, это тебе за остроумие». Ну, вот мы тогда втроем и порешили взять себе псевдоним не Кузьмы Фролова, а Кузьмы Пруткова».[1]

В. М. Жемчужников, правда, путается в датировке изготовления портрета в литографии, указывая то 1853,[2] то 1854,[3] то «1853—4» гг.[4] Поэтому осторожнее признать работу по подготовке издания Пруткова либо предшествующей первым публикациям, либо одновременной с ними: учтем, что основной автор портрета, Лев Михайлович Жемчужников,[5] уехал навсегда из Петербурга весной 1854 г.,[6] когда только начали появляться первые публикации Пруткова в «Современнике», и что во всяком случае портрет был выпущен из литографии до отъезда Владимира Жемчужникова в Тобольск, тоже весной или в начале лета 1854 г.[7]

«Полное собрание сочинений» было издано только через 30 лет, хотя оно анонсировалось и при публикации «Пуха и перьев»,[8] и в некрологе 1863 г.

---

[1] Икс. У А. М. Жемчужникова (по поводу 75-летия его рождения). — „Петербургская газета", 1896, № 39. Перепеч. в „Полном собр. соч." К. Пруткова под ред. П. Н. Беркова. М.— Л., 1933, с. 516—517. Интервью это, правда, своей неточностью и развязным тоном вызвало печатный протест Алексея Жемчужникова. (Перепеч. там же, с. 493—494). По другим данным (см. сводку в книге П. Н. Беркова „Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт", с. 11 — 13), слугу звали именно Кузьма Прутков.

[2] Кроме „Биографических сведений", в письме к М. М. Стасюлевичу от 6 окт. 1883 г. — „М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке", т. IV. Спб., 1912, с. 317.

[3] В письме к М. М. Стасюлевичу от 19 июля 1883 г. — Там же, с. 314.

[4] В письме к А. Н. Пыпину от 6 февраля 1883 г. См. с. 336.

[5] О других авторах см. в сноске на с. 282.

[6] Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого, вып. 2. Л., 1927, с. 49.

[7] Ср. с. 282. В. М. Жемчужников прибыл в Тобольск в июле 1854 г., проехав около 3000 верст на лошадях, небыстрой ездой; он ехал с семейством губернатора („Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики". Спб., 1904, с. 15).

Портрет Кузьмы Пруткова, опубликованный лишь при собрании сочинений 1884 г., был, видимо, хорошо известен в литературном кругу. Согласно этому портрету описывает наружность Кузьмы Пруткова А. В. Дружинин в „Заметках петербургского туриста" („С.-Петербургские ведомости", 1856, № 43). По этому портрету дан облик Кузьмы Пруткова и в карикатуре Н. А. Степанова в „Искре" 1860 г., № 43 (воспроизведена в настоящем издании, между с. 96 и 97).

[8] См. в примечаниях первоначальный подзаголовок стихотворения „К моему портрету" и сноску к стихотворению „Разочарование".

Мы имеем документальные свидетельства о том, что Вл. Жемчужников работал над «Полным собранием сочинений» и в 1859 г.,[1] и в 1865 г.,[2] и в 1876 г.,[3] — и однако оно не появилось ни в 60-е, ни в 70-е годы.

После 1863 г. Кузьма Прутков умолкает на 20 лет и, естественно, сходит со сцены.

Любопытно свидетельство современника: «В 70-х годах Прутков сделался совершенно легендарным. Странное забвение продолжалось очень долго. Когда начала работать наша молодая юмористическая группа 80-х годов «Будильника», «Стрекозы» и «Осколков» (Чехов, Дорошевич, Сергеенко и др.), от Пруткова осталась только номинальная слава да несколько изустно повторяемых афоризмов и стихов, по большей части разрозненных».[4]

В 70-е годы авторы Козьмы Пруткова не делают попыток публиковать ненапечатанные остатки его творений. Видимо, они считают литературно-общественную ситуацию неподходящей. Только Александр Жемчужников проявляет литературную активность. В четырех номерах газеты «С.-Петербургские ведомости» 1876 г. он помещает фельетоны, в которых сообщаются загробные мысли, отзывы и проекты Козьмы Пруткова, переданные через спиритического медиума, материалы к биографии Пруткова, неизданные афоризмы и стихотворные отрывки и т. д. С этими материалами Вл. Жемчужников, подготовляя «Полное собрание сочинений», поступил столь же сурово, как и с прежними опытами Александра: в список произведений Пруткова их не ввел, а биографические сведения в специальной сноске объявил вымышленными.

Борьба с притязаниями брата Александра могла, конечно, быть лишь совершенно глухой, она не оставила никаких следов в печати или мемуарах и впервые раскрывается нами теперь, после того как достаточно выяснено авторство отдельных произведений Козьмы Пруткова. Но с 70-х годов памятный по наслышке и не используемый больше его авторами псевдоним «Кузьма Прутков» начинает привлекать посторонних юмористов, которые подписывают свои однодневки этим именем. Такому использованию псевдонима способствует неопределенность авторских прав на него. Создатели Козьмы Пруткова вряд ли имели в виду когда-либо разоблачить собственную мистификацию, и

---

[1] См. с. 347 настоящего издания.

[2] Судя по неизданному письму В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину от 25 ноября, повидимому 1865 г. (Об этом письме и его дате см. с. 384.)

[3] См. письмо В. М. Жемчужникова к М. М. Стасюлевичу от 2 апреля 1876 г. („М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке", т. IV. Спб., 1912, с. 312).

[4] Забытый смех, т. I. Спб., 1914, с. 429.

в обществе циркулировали, попадая и в печать, слухи о том, что псевдоним «Кузьма Прутков» редакция «Современника» ставила под шутливыми произведениями любых своих сотрудников: Некрасова, Панаева, Добролюбова, Лонгинова, Аммосова — и поэтому он никому персонально не принадлежит. Алексею и Владимиру Жемчужниковым приходится для защиты подлинного Козьмы Пруткова в нескольких письмах в редакции раскрыть тайну его происхождения. В значительной мере под влиянием того же стремления защитить память Козьмы Пруткова они решаются наконец издать полное собрание его сочинений. За издание берется М. М. Стасюлевич, издатель либерального «Вестника Европы», в котором сотрудничает Алексей Жемчужников. Готовит издание, как и раньше, Владимир Жемчужников; рукописи просматриваются и санкционируются Алексеем Жемчужниковым (А. К. Толстой умер в 1875 г.).

В «Полное собрание сочинений», появившееся в 1884 г., вошли, за небольшими исключениями, все ранее напечатанные произведения «законных» участников Козьмы Пруткова. Добавлено немногое, — в основном произведения 50-х годов, в свое время ненапечатанные; часть их поддается датировке («Фантазия», «Червяк и попадья», «Новогреческая песнь»); часть нельзя датировать, но можно с вероятностью предположить, что период их написания тот же, так как позже не представляли уже интереса объекты пародий («Шея», «Родное»). Повидимому, лишь два-три произведения («Блестки во тьме», «Сродство мировых сил», «Предсмертное») добавлены в 70—80-е годы. Наиболее политически острые произведения Козьмы Пруткова 60-х годов — «Проект: О введении единомыслия в России», «Военные афоризмы» — в собрание не вошли, вероятно, по цензурным соображениям.

На основе давнего «некролога» В. Жемчужников написал для «Полного собрания сочинений» биографический очерк, включающий блестящую характеристику личности и деятельности Козьмы Пруткова. Козьма Прутков раскрылся во всем блеске своих литературных и служебных дарований. Он показан и как самоуверенный, славолюбивый и бесконечно ограниченный литератор, и как фанатически усердный, тупой и самодовольный чиновник. «Будучи умственно ограниченным, — пишет В. Жемчужников, — он давал советы мудрости; не будучи поэтом, он писал стихи и драматические сочинения; полагая быть историком, он рассказывал анекдоты; не имея ни образования, ни хотя бы малейшего понимания потребностей отечества, он сочинял для него проекты управления».

Козьма Прутков понят как типичный представитель эпохи Николая I, как «сын своего времени, отличавшегося самоуверенностью и неуважением препятствий».

В конце очерка раскрываются имена трех создателей Козьмы Пруткова, и скромное место случайного сотрудника отводится Александру Жемчужникову, как «принимавшему участие в сочинении» трех басен и двух комедий. Он поставлен рядом с П. П. Ершовым, автором «Конька-горбунка», который когда-то в Тобольске передал В. М. Жемчужникову несколько куплетов, включенных впоследствии в оперетту «Черепослов». [1]

«Полное собрание сочинений» имело неожиданный для авторов и издателя успех. Выпущенное небольшим тиражом в 600 экземпляров, оно сразу разошлось и в следующем году было переиздано в 2000 экземпляров. С тех пор оно постоянно переиздавалось. В 1916 г. вышло 12-е издание. После революции трижды издавались собрания сочинений Козьмы Пруткова, дополненные материалами, не входившими в прежние издания; [2] выходили и сборники избранных произведений.

Со времени первого собрания сочинений слава Козьмы Пруткова стала нерушимой. Козьма Прутков вошел в обиход русского читателя, завоевал репутацию классика без всякой критической указки, ибо ни один сколько-нибудь значительный критик не писал о нем. Особенно известны афоризмы Козьмы Пруткова. Они постоянно цитируются и многие употребляются как пословицы. К Пруткову часто обращаются публицисты. Из марксистских публицистов нередко цитировал афоризмы и стихи Козьмы Пруткова Плеханов. В статьях и речах Ленина нет цитат из Пруткова; тем не менее, мы знаем, что Владимир Ильич знал и любил Козьму Пруткова. «В. И. Ленин, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — очень любил произведения Пруткова, как меткие выражения и суждения, и очень часто между прочим повторял известные его слова, что «нельзя объять необъятного», применяя их тогда, когда к нему приходили со всевозможными проектами особо огромных построек и пр. Книжку Пруткова он нередко брал в руки, прочитывал ту или другую его страницу, и она нередко лежала у него на столе». [3]

---

[1] Об участии П. П. Ершова в трудах Козьмы Пруткова см. в примеч. к „Черепослову“ и „Эпиграмме № II“ („Раз архитектор с птичницей спознался...“). Об участии А. Н. Аммосова см. в примеч. к стихотворению „Пастух, молоко и читатель“.

[2] Полное собрание сочинений под ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. М.—Л., Госиздат, 1927; Полное собрание сочинений под ред. П. Н. Беркова. М.—Л., Academia, 1933; Избранные сочинения под ред. В. А. Десницкого. Л., Советский писатель, 1939.

[3] П. Н. Берков. Цит. кн., с. 147—148.

3

Генезис Козьмы Пруткова шел, с одной стороны, от сознательной пародии, с другой — от непритязательного развлечения комизмом нарочитой абсурдности. Но так создавшийся образ Козьмы Пруткова отвечал реальному образу «литератора-обывателя» николаевской эпохи.

Подобные литераторы существовали. На одного из реальных прототипов Козьмы Пруткова указал А. Н. Пыпин; и так как это указание не использовано доселе историками литературы, мы остановимся на нем.

В своей книге «Н. А. Некрасов» (Спб., 1905) А. Н. Пыпин писал о Козьме Пруткове:

«В литературу введен был писатель, который очевидно был карикатурой, — тупоумный или одурелый чиновник, который считал себя и мудрым, и благонамеренным. По странной случайности, около этого времени заехал в Петербург мелкий провинциальный чиновник, хлопотать о своих делах. Это был некто Афанасий Анаевский, известный тогда в литературе так же, как во времена Пушкина известен был Александр Анфимович Орлов, — автор целого ряда небольших книжек, совсем серьезных по намерению автора, но чудовищных по своей нелепости, — как бы прототип Кузьмы Пруткова; книжки носили, например, такие названия: «Энхиридион любознательный», «Жезл», «Экзалтацион и 9 муз», «Мальчик, взыгравший в садах Тригуляя» и т. п.» (с. 17).

Афоризмы Анаевского в самом деле словно написаны директором Пробирной палатки. Вот примеры, взятые из книжки Анаевского «Жезл правоты. Сочинение и труды. В пользу любителей словесности» (Спб., 1852):

«Трудолюбие составляет человеку самодовольство; а леность расслабляет тело. Кто облагородит себя изящными познаниями, тот для себя и для других бывает полезен: а невежда не познает, для чего он сотворен».

«Уединение, сады, рощи и всякое место, где удобно прохаживаться, лучшую предоставляют способность к изучению предпринятого и к сочинению воображаемого».

«Человек одарен душою бессмертною; но эта душа, имеющая существом дух светлый, иногда потемняется от своего неприличного обхождения».

«При покупке должно соображать выгодность и доброту, надобность и прочность. Найденные вещи всегда должно объявлять без утайки».

«Звуки голоса изображают мысль».[1]

Или сравним с прутковскими начальные фразы исторических анекдотов Анаевского:

«Два молодые Афинца после кончины родителей, взявши из оставшегося преогромного богатства несколько по ровной части денег, вознамерились отправиться в разные стороны для вояжа».

«Дон Алонзо Дерсилла, Гишпанский полководец, весьма отличный победитель, никогда время напрасно без дела не упускал. При отдыхе от войны занимался он для походов сочинением планов. Он имел страсть к славе, о которой занимался и размышлением».

«Когда в вероломной Франции возвысились моды, роскоши и вольнодумства и разные амурства, которым раболепствовали не одни преизбыточные богатством, но и средний класс людей, тогда-то, говорит автор Миллот, Карл-Квинт почал трепать Французов».

Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» восхищался «Выдержками из записок моего деда», как необычайно меткой пародией на анекдоты XVIII века. Приведя один анекдот Пруткова, Достоевский восклицает:

«Вы думаете, что это надуванье, вздор, что никогда такого деда и на свете не было. Но клянусь вам, что я сам лично в детстве моем, когда мне было десять лет от роду, читал одну книжку екатерининского времени, в которой я прочел следующий анекдот; я тогда же затвердил его наизусть — так он приманил меня — и с тех пор не забыл:

«Остроумный ответ кавалера де-Рогана. Известно, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло. Однажды, присутствуя при пробуждении принца де-Конде, сей последний сказал ему: «Отстранитесь, кавалер де-Роган, ибо от вас весьма дурно пахнет». На что сей кавалер немедленно ответствовал: «Это не от меня, всемилостивейший принц, а от вас, ибо вы только что встаете с постели».

То-есть вообразите только себе этого помещика, старого воина, пожалуй еще без руки, со старухой помещицей, с сотней дворни, с детьми-Митрофанушками, ходящего по субботам в баню и парящегося до самозабвения; и вот он, в очках на носу, важно и восторженно читает по складам подобные анекдоты, да еще принимает всё за самую настоящую суть, чуть-чуть не за обязанность по службе. И что за наивная тогдашняя вера в дельность и необходимость подобных европейских известий. «Известно, дескать, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло...» Кому известно, зачем известно, каким мед-

---

[1] П. Н. Берков называет, в качестве возможных образцов для Пруткова, различные отдельно изданные книги „афоризмов", а также журнальные публикации разных авторов (Цит. кн., с. 77—78 и 86).

ведям в Тамбовской губернии это известно? Да кто еще и знать-то про это захочет? Но подобные вольнодумные вопросы деда не смущают. С самой детской верой соображает он, что сие «собранье острых слов» при дворе известно, и довольно с него».

Но Козьма Прутков пародирует не только сборники анекдотов XVIII века (в «Письмовнике» Курганова также есть очень похожие), но и подражателей, отделенных от жизни такими глухими стенами, какие могло воздвигать только николаевское время, подражателей, еще в 50-х годах XIX века упражнявшихся в изложении подобных анекдотов.

Пародистом является и Прутков-драматург. Он начал свою деятельность комедией «Фантазия», этим издевательством над современным водевилем, продолжал «Спором древних греческих философов об изящном» — пародией на «антологический жанр» — и «Блондами» — пародией на пьесу из великосветской жизни. «Естественно-разговорное представление» «Опрометчивый турка» высмеивает натуралистические тенденции современной драматургии, а поздняя «мистерия» «Сродство мировых сил» откликается на первые веяния декадентства.

Только «Фантазия» сбила с толку критиков; с появлением «Досугов Козьмы Пруткова» они единогласно признали Пруткова пародистом. В книге П. Н. Беркова[1] приведены печатные отзывы, на основании которых автор делает несомненный вывод: «Из приведенного материала видно, что к деятельности Пруткова сразу же было привлечено внимание читающей публики и что Прутков рекомендовался исключительно в качестве пародиста».

Идея, положенная в основу образа Козьмы Пруткова, в том, что он бессознательный пародист. Он исправно подражает, но получается пародия, которую сам автор, однако, принимает всерьез. Козьма Прутков с самого начала был замышлен как гротескный образ: это ясно показывает его портрет, созданный, как мы знаем, в самом начале его литературной деятельности. С гордо приподнятой головой, с поэтически разметанными волосами, с небрежно накинутой бархатной альмавивой, — это гротескный портрет романтического поэта.

Козьма Прутков был задуман прежде всего как поэт. Впервые выступив под своим именем, он сразу дал публике понятие о себе как о поэте-пародисте: «Я поэт, — поэт даровитый. Я в этом убедился, — убедился, читая других: если они поэты, так и я тоже!»

Итак, Козьма Прутков для современников был прежде всего пародистом, а для того, чтобы понять историко-литературный смысл его пародий, надо обратиться к его поэзии.

---

[1] Цит. кн., с. 79—84.

Козьма Прутков пародировал ряд современных ему поэтов (Бенедиктова, Хомякова, Щербину, Фета, Полонского, Ивана Аксакова) и в особенности безыменных творцов замково-рыцарских баллад, испанских «романсеро», «новогреческих песен», антологических стихотворений, стихов в «гейневском роде» и прочей массовой стихотворной продукции. Есть у него очевидные «любимцы» — поэты, преследуемые настойчиво и постоянно. Таких любимцев трое: Хомяков, Щербина и особенно Бенедиктов.

Собственно говоря, это поэты разных эпох. Хомяков начал свою поэтическую деятельность в 20-е годы, Бенедиктов выступил в 1835 г., первый сборник Щербины появился в 1850 г. Но при этом надо указать, что в 1844 г. Хомяков издал свой первый, по существу итоговый, сборник стихотворений. Все стихотворения Хомякова, пародированные Прутковым, входят в этот сборник. Бенедиктов печатался и сохранял популярность в известном кругу читателей до середины 40-х годов; потом он надолго замолчал. Вообще, поэтические явления, осмеиваемые Козьмой Прутковым, относятся преимущественно к 40-м годам и к началу 50-х. Не опоздал ли Козьма Прутков? Не были ли его пародии на поэтов 40-х годов анахронизмом в 50-е годы?

Думаю, что нет. 40-е годы и начало 50-х — единый период в истории русской поэзии; пародии на поэтов 40-х годов еще звучали в начале 50-х. Новые проблемы и новые объекты для литературной полемики приносит эпоха подготовки реформ.

Говоря о конце 40-х и начале 50-х годов, надо учесть, что с 1847 по 1853 год ведущие журналы совершенно перестают печатать какие бы то ни было стихи. «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» годами выходят без единого стихотворения. Крайне редко появляются статьи о стихах. Критики высказывают явное пренебрежение к стихам. Почти не выходят за это время и стихотворные сборники. А конец этого периода и есть основное время деятельности создателей Козьмы Пруткова. Не имея пищи в текущих изданиях, они обращаются к недавнему прошлому.

Любопытно, что, прекратив печатание стихотворений, «Современник» с 1847 г. начинает печатать пародии «Нового поэта» (И. И. Панаева) на основных поэтов 40-х годов. Эти пародии помещались в журнале вплоть до 1853 г. — во все время остракизма поэзии — и в 1855 г. вышли отдельной книгой («Собрание стихотворений Нового поэта»). Круг пародируемых авторов у Нового поэта шире, чем у Козьмы Пруткова, но среди объектов его пародий Щербина и особенно Бенедиктов также занимают заметное место.

Начиная печатать свои пародии в «Современнике» 1847 г., Новый поэт предпослал им предисловие, где указывал как на своих основ-

ных «любимцев» на Бенедиктова, Языкова, Хомякова, Кукольника и поэтов «гейневской эпохи». В предисловии к собранию 1855 г. Новый поэт (не называя уже имен) выставляет основными своими объектами Языкова, Бенедиктова, Кукольника, подражателей Гейне и поэтов, «усиливавшихся воскрешать греческий и римский миры в драмах, поэмах и антологических пьесах». Это круг, очень близкий к прутковскому. Видимо, выбор создателей Козьмы Пруткова не был случаен и не свидетельствовал об отрыве от актуальных задач современности.

40-е годы в русской поэзии — период очень своеобразный. К началу этого десятилетия с исторической сцены преждевременно сходят не только Пушкин, Лермонтов и Кольцов, но и все поколение, как пушкинское, так и молодое, послепушкинское. На сцену выходят совсем юные поэты, люди, родившиеся около 1820 г., — с одной стороны Некрасов, с другой Фет, Майков, Полонский. В 40-е годы эти поэты еще не могут определить своим творчеством физиономии современной поэзии,[1] они тонут в массовой поэзии, выдвигающейся поэтому в поле зрения читателей и критиков. А в массовой поэзии продолжает владычествовать эпигонский романтизм — направление, нацело оторванное от жизни, от русской национальной почвы. Оно перепевает и омещанивает темы и настроения байронизма, «космической» лирики, «антологического жанра», «восточной» или «средневековой» баллады, «испанской» или «итальянской» и других видов романтики, достаточно истрепанных в 30-е годы, но благополучно продолжающих свое существование и в 40-е. Против эпигонского романтизма 40-х — начала 50-х гг. направлена в основном пародийная деятельность как Нового поэта, так и Козьмы Пруткова.

Идейные источники и стилистические устремления романтизма были многообразны и противоречивы. Для эпигонов характерен отрыв романтических тем и «приемов» от породившей их идеологии и смешение мотивов, не связываемых единым настроением и своей несовместимостью выдающих неподлинность, заимствованность из вторых рук. Этот имитаторский, неорганический характер эпигонского романтизма прежде всего подчеркивается в поэзии Козьмы Пруткова.

Козьма Прутков не упускает ни одного из стандартов романтизма. Прежде всего, конечно, — разочарования, мировой скорби, презрения к толпе, гордого обособления. Подобно всем ходовым байроническим героям, байронический герой Козьмы Пруткова — человек с неведо-

[1] Не забудем, что Некрасов в это время печатал очень мало стихотворений. Написанное им с середины 40-х до середины 50-х годов напечатано, в основном, в 1855—1856 гг.

мой биографией, с непонятными целями и с мучительными, но нераскрываемыми тайнами.

Ты к кому спешишь навстречу,
Путник гордый и немой?
«Никому я не отвечу:
Тайна то души больной!

Уж давно я тайну эту
Хороню в груди своей,
И бесчувственному свету
Не открою тайны сей».

(„Путник")

Козьма Прутков любит накинуть чайльд-гарольдов плащ, «обнять грозное страданье», похвастать своим измученным, больным, увядшим сердцем, скрытым за презрительно-спокойной улыбкой:

В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!

«Байронические» настроения Пруткова напрягаются до демонизма («Над воплем страданья я дико смеюсь»), но демонический поэт «с змеею желчною в изношенной груди» — в то же время и галантный кавалер, склоняющийся «пред волей женщины, тем более девицы».

Одной из ветвей русского романтизма 20-х годов был «философский романтизм» «любомудров», опиравшихся на идеалистическую философию, — Веневитинова, Хомякова, Шевырева.

Основная тема этой ветви романтизма — постижение поэтом внутреннего единства мироздания, единства природы и духа, стремление к пантеистическому слиянию с целостным миром, с «мировой душой».

Известно, что стихотворение Козьмы Пруткова «Желания поэта» является пародией на стихотворение Хомякова «Желание». «Желание» написано в 1827 г., но, включенное в состав сборника стихотворений Хомякова, впервые вышедшего в 1844 г., оно должно было восприниматься уже на густом фоне продукции вульгаризаторов романтизма.

Тема стихотворения Хомякова формулирована в первом стихе:

Хотел бы я разлиться в мире.

Поэт стремится воплотиться в различных явлениях природы, обнимая в их совокупности мироздание и чувствуя его единство. Его желания выражены преимущественно в глаголах, обозначающих движение, переход (разлиться в мире, играть зыбью в глубине, скользить

лучом зари по волне, с тучами скитаться, туманом виться, ветром разыграться, носиться орлом, в громах, вихрях, непогоде пространство неба обтекать).

Эпигону неизвестны и чужды эти выспренности и туманности идеалистической мысли; тем не менее, он подражает и таким образцам. С отпадением философской проблематики отпадает и основная тема — стремление «разлиться в мире» — и тогда «Желание» превращается в ряд разомкнутых «желаний поэта»:

Хотел бы я тюльпаном быть;
Парить орлом по поднебесью;
Из тучи ливнем воду лить;
Иль волком выть по перелесью.

Хотел бы сделаться сосною;
Былинкой в воздухе летать;
Иль солнцем землю греть весною;
Иль в роще иволгой свистать.

Отрешенные от философского осмысления «Желания поэта» комичны и своей несвязностью, и немотивированностью самого стремления к «метаморфозам», и наивной жаждой удовольствий, заменившей жажду «слияния» с целостным миром:

Как сладко было б на свободе
Свой образ часто так менять
И, век скитаясь по природе,
То утешать, то устрашать!

Любимая тема поэтов романтического идеализма — высокая роль поэзии, призвание и величие поэта. С другой стороны, и байроническая поза обреченности, гордого страдания также подымает певца высоко над миром пошлых людей с их банальным счастьем.

Эпигон охотно все это использует и с особым самодовольством посвящает груды стихотворений теме «избранности» и «призванности» поэта.

Козьма Прутков отдает теме «величия поэта» обильную дань. Он преисполнен сознанием избранности и презрением к ничтожной толпе, высоко над которой стоит поэт:

Клейми, клейми, толпа, в чаду сует всечасных,
Из низкой зависти, мой громоносный стих:
Тебе не устрашить питомца муз прекрасных,
Тебе не сокрушить треножников златых!..
Озлилась ты?.. так зри ж, каким огнем презренья,
Какою гордостью горит мой ярый взор,
Как смело черпаю я в море вдохновенья
Свинцовый стих тебе в позор!

Теме поэта посвящено замечательное стихотворение Пруткова «Мой сон». Это своеобразная «синтетическая» пародия на три стихотворения Хомякова.[1] Стихи Хомякова-«любомудра» говорят о значении поэта, утоляющего жажду смертных понять «тайный глас природы» и слиться духом с мировой душой. Хомяков говорит, конечно, о поэте вообще, Козьма Прутков — о конкретном поэте, о себе самом, о Козьме Пруткове. Стиху Хомякова

Я видел сон, что будто я певец

в прутковской пародии соответствует стих

И снилось мне, что я *тот* певец.

Вместо особого значения поэта, проникающего в глубину сердец, удовлетворяя высшей потребности человеческого духа, воспевается значение Козьмы Петровича Пруткова, весьма довольного привилегиями славы и власти, присвоенными ему по званию поэта.

По Хомякову, поэт видит во сне свою смерть и бессмертие. И по Козьме Пруткову, поэт видит во сне свою смерть и бессмертие, но последнее представляется ему в образах посмертных почестей на земле и в среде небожителей. Козьма Петрович так тешится посмертной славой, что не хочет и возвращаться к жизни:

Но — ах! — я проснулся, к несчастью, живой,
Здоровый!

Этот финал — «к несчастью, живой, здоровый» — шедевр нелепой оторванности поэзии от жизни, возникающей на почве эстетизации изолированного от своих идейных истоков искусства.

Эстетизм особенно отчетливо компрометируется в стихотворениях Пруткова в «антологическом роде». Этот род имел большой успех и распространение в поэзии 40-х и первой половины 50-х годов. На нем более всего базировались апологеты «чистого искусства»: недаром Дружинин так выдвигал Майкова и Щербину. На нем же демонстрируют убожество поэзии, оторванной от жизни и мысли, создатели Козьмы Пруткова. Сюда относятся «Спор древних греческих философов об изящном», «Письмо из Коринфа», «Древний пластический грек», «Философ в бане», «Древней греческой старухе». Как по линии философского романтизма основным «учителем» Козьмы Пруткова был Хомяков, так по линии «антологического» жанра его образец — Щербина.

[1] См. примеч. к стихотворению „Мой сон“. Козьма Прутков подражает преимущественно Хомякову-„любомудру“; Хомякову славянофильского периода он отдает дань в стихотворении „В альбом красивой чужестранке“.

Щербина, действительно, поэт до назойливости однообразный в своем «служении красоте»:

В священном трепете восторга подхожу я
Пред жертвенник богини красоты.
. . . .
Во свете ль дня или во мраке ночи
С тобой беседует богиня Красота.
. . . .
Едва дыша, взираю на черты
Возвышенной античной красоты

и т. д. Словом,

Красота, красота, красота! —
Я одно лишь твержу с умиленьем.

(У Пруткова:

«Красота, красота!» — всё твержу я.)

Эта «жреческая» позиция связана с несамостоятельностью в выборе эстетических ценностей. «Красивое» дано раз навсегда. А это приводит к «каталогу красот», списку предметов, которые сами по себе прекрасны.

Чтобы создать впечатление «полноты жизни», Щербина нагромождает «прекрасные» предметы, действия и состояния:

Бросься на мягкое свежедушистое ложе.
...Возле нас портик, а в портике видим картину
Славного мастера Аттики нашей прекрасной.
...Статуи граций и муз у колонн разместились
И улыбаются нашему счастью оттуда.
...Принесу поскорее амфору
С чистым фазосским вином...
...Буду играть я на флейте лидийские песни,
Буду читать я творенья хиосского старца.

(„Ложе из лилий и роз приготовил тебе я“...)

Восприятие или воссоздание мира подменяется перечислением «прекрасных» предметов. Мир распадается на отдельные детали, выделенные по принципу «красивости».

Именно эта черта «антологического рода» особенно выдвинута в пародиях Козьмы Пруткова.

Страстно люблю архитрав и карниз —

собственно, одной этой строчки было бы достаточно, чтобы убить «антологистов».

Быть может, наиболее тонко эту черту «антологической поэзии» 40—50-х годов Козьма Прутков пародирует в «Древнем пластическом греке»:

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн.

В стихах Пруткова разоблачено позерство и «ложно-величавая» торжественность «антологистов». См. хотя бы реплики греческих философов в их «споре об изящном»:

Клефистон
(самоуверенно)

Свесть не могу очарованных глаз
С формы изящной котурна.

Стиф
(со спокойным торжеством и сознанием собственного достоинства)

После прогулок моих утомясь,
Я опираюсь на урну.

(Изящно изгибаясь всем станом, опирается локтем правой руки на кулак левой, будто на урну, выказывая таким образом пластическую выпуклость одного бедра и одной лядвеи.)

Идея «чистой красоты» всегда приводит к тому, что смысл искусства ограничивается назначением доставлять наслаждение его ценителям. Прутков говорит о наслаждении эстетическим созерцанием с такой же торжественной и самодовольной важностью, как и другие его жрецы, а в то же время у читателя создается впечатление, что это наслаждение бездельника. Не забыт и эротизм поздних антологистов — естественное следствие эпикурейской установки. Ср. у Щербины постоянные мотивы такого типа:

На это пурпурное шитое ложе
Мы бросимся жадно с тобой.
...И слившись две белые груди, как волны,
Взаимно утонут в себе...

и т. п.

В замечательном стихотворении Козьмы Пруткова «Письмо из Коринфа» (пародирующем «Письмо» Щербины) построфно проходят все типовые темы «антологического рода»: избранные красоты античного мира, наслаждение эстетическим созерцанием, культ «Красоты», культ «изящного сладострастия».

Но «антологические» стихотворения Козьмы Пруткова целят не в Щербину только, не в «антологистов» только, — они целят гораздо дальше. Не у одних «антологистов» потеря искусством идейной зна-

чимости привела к фикции «служения красоте», а романтическое представление об особой высоте художественного творчества не вязалось с гурманской установкой искусства, с невозможностью найти для него функцию вне «изящного наслаждения». В стихотворении Козьмы Пруткова «К толпе» хорошо вскрыто это несоответствие между претензией поэта числиться «избранником небес» и пользоваться подобострастием «толпы» и скудостью тех обещаний, которыми он подкрепляет свои претензии:

Я вечно буду петь и песней наслаждаться,
Я вечно буду пить чарующий нектар...

Эпикурейство и эротика свойственны всему эпигонскому романтизму, и позерствуют поэты не только «в одежде пышной грека» (слова Фета о Майкове), но и в других, не менее пышных одеждах.

Так, наряду с обликом эстетизированной «Эллады», путем такого же отбора стандартных локальных «красот», не связанных никаким внутренним единством, дается образ сладостной романтической Испании:

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.
(„Желание быть испанцем")

Подобно «Желанию быть испанцем», все «антологические» стихотворения Пруткова могли бы быть названы «Желание быть древним греком». Их герой, конечно, отнюдь не эллин, но российский обыватель, воображающий себя на досуге «древним пластическим греком». В стихотворении «Древней греческой старухе, если б она домогалась моей любви» это подчеркнуто самим заглавием. Древний грек не мог бы ведь назвать старуху «древней греческой»; искания старухи направлены не на соотечественника, а непосредственно на сочинителя. «Моей любви» — значит, любви Пруткова. Представление древней старухи, домогающейся любви Пруткова (слово «древней» здесь каламбурно отнесено и к «греческой» и непосредственно к «старухе»), так возмущает поэта, что он парирует обидные приставания восклицанием отнюдь не «антологического» стиля: «Отстань, беззубая!» Но это восклицание, равно как и слишком живые, вызванные обидой интонации («куда-нибудь подалей!», «тебе бы уж давно...») застывают в мерной торжественности безукоризненных «александрийцев» со свойственной им «высокой» лексикой: «безвласую главу», «коею ты мнишь», «во урне глиняной»... Глиняной урной для праха, кстати сказать, ограничивается античный антураж, если не считать сандалий,

представление о которых у «антологического» поэта, видимо, не вполне отчетливо.

И в других стихотворениях Козьмы Пруткова из-под античной тоги выглядывает фигура российского обывателя, который в поэтических мечтах «натирается елеем» на ночь: «трусь елеем вокруг поясницы» — словно это средство от старческой боли в спине. Или он хвастает беседой с философом Лизимахом, упоминающим о не существовавших в древности очках. Или, показывая свою ученость, требует себе без разбору самые разнообразные и заведомо ненужные ему античные предметы:

Дайте бочку Диогена;
Ганнибалов острый меч,
Что за славу Карфагена
Столько вый отсек от плеч!
Дайте мне ступню Психеи,
Сапфы женственный стишок,
И Аспазьины затеи,
И Венерин поясок!

Поэт притворяется, что он хорошо знает стишки «Сапфы», что «Аспазьины затеи» ему так же близки в мечте, как какие-нибудь «Настасьины затеи» в действительности.

В этом соотношении «мечты» и «действительности» — ключ к литературной позиции Козьмы Пруткова.

Козьма Прутков отозвался на всё, но в каждом отклике остался верен себе. Нет, кажется, образца, употребительного в поэзии 40-х и начала 50-х годов, обветшалого или новомодного, которого он не принял бы к подражанию, — но, подражая, он оставался самим собой. Наиболее новым из «образцов» явились стихи «в гейневском роде». Они не были переданы 40-м годам по наследству 30-ми, но только в 40-е годы появились в русской поэзии.

В наследии Козьмы Пруткова имеется целый цикл «подражаний Гейне». Это «Юнкер Шмидт» (в первой публикации называется «Из Гейне»), «Доблестные студиозусы. Как будто из Гейне», «Память прошлого. Как будто из Гейне», «На взморье. Тоже, может быть, из Гейне». Все они, кроме «Юнкера Шмидта», имеют характерную, на тогдашний взгляд, внешнюю примету «гейневского» жанра: нерифмующиеся нечетные строки. С нашей точки зрения эти стихи, может быть, и мало похожи на Гейне, но надо помнить, что Прутков смотрит на Гейне сквозь призму массовой русской поэзии 40-х годов, выдвигая в своих пародиях именно то, что опошлили подражатели Гейне.

Известно, что в 40-е годы переводилась и служила объектом подражаний не политическая сатира Гейне, а лирика «Книги песен». Гейне увлекал своим «импрессионизмом», как сказали бы позже. Опи-

сание природы, откликающейся на настроения лирического субъекта и как бы в нем находящей свой центр

(Из слез моих много родится
Роскошных и пестрых цветов,
И вздохи мои обратятся
В полуночный хор соловьев),

выбор отдельных впечатляющих деталей вместо связного описания, в связи с этим часто неопределенность внешней фабулы при тонкой рисовке настроения — вот чему подражают поэты 40-х годов.

Салтыков — будущий Щедрин — еще тогда же, в 40-е годы, в первой своей повести «Противоречия» пародировал эту лирику подражателей Гейне. «Не могу слово в слово передать вам это стихотворение, но, приблизительно, оно было в этом роде:

«Там река шумит, ветер воет и небо облаками кроет; мы сидим с тобой оба; у тебя кудри так развеваются, и полная грудь твоя поднимается, и ланиты покрыты пурпуром стыдливости... А там река шумит, ветер воет и небо облаками кроет». [1]

Впоследствии Добролюбов писал: «Сущность поэзии Гейне по понятиям тогдашних стихотворцев наших состояла в том, чтобы сказать с рифмами какую-нибудь бессвязицу о тоске, любви и ветре». [2]

Особое, якобы «гейневское» соотношение между природой и душевным состоянием с гениальною тупостью воспроизведено Козьмой Прутковым в «Юнкере Шмидте». «Гейневскую» лирическую фрагментарность, фабульную незавершенность, выбор одного случайного момента, выхваченного из цепи событий и существенного как показатель душевного состояния, мы находим в «Памяти прошлого». В стихотворении «На взморье» использован «гейневский» принцип описания отдельными впечатляющими деталями,— использован опять-таки совершенно по-прутковски:

Намедни к нему подъезжает
Чиновник на тройке лихой,
Он в теплых, высоких галошах,
На шее лорнет золотой.

Тема стихотворения — тоска огородника, но причина тоски лишь приоткрыта в одной строфе, совершенно «гейневской» в понимании русских эпигонов Гейне:

«Где дочка твоя?» — вопрошает
Чиновник, прищурясь в лорнет,
Но, дико взглянув, огородник
Махнул лишь рукою в ответ.

---

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. I. М., 1941, с. 183.

[2] Н. А. Добролюбов. Сочинения, т. II. М.—Л., 1935, с. 594.

Как видим, эпигон романтизма стремится не упустить ничего «прекрасного», слить вместе красивые образы и переживания, из каких бы источников они ни шли, — явно показывая этим, что все свои «красоты» он получил из вторых рук, что никакого отношения к его жизни и к его мировоззрению они не имеют. Для него чем дальше от жизни — тем лучше; поэтому ему недоступны реалистические традиции Пушкина и Лермонтова; поэтому же он благоговейно подражает иноземным образцам, по большей части давно уже обветшавшим на месте своего возникновения. Оторвав художественные ценности от породившей их идеологии романтизма, эпигон сплавляет их фикцией «чистой красоты», подготовляя платформу «чистого искусства». Искусство мыслится как область автономных ценностей, но, благодаря отрыву от философских источников и от реальной исторической действительности, эти ценности оказываются заведомо фиктивными. Только сумасшедший может претендовать «сделаться сосною», — но в поэзии это дозволено и рекомендовано, это поэтично, красиво. Нелепо считать несчастьем, что проснулся живым и здоровым, — но не то в поэзии, где творцу положено загробно блаженствовать в кругу персонажей античной мифологии, и т. д. Реальные чувства и отношения заслоняются толстой стеной эстетических фикций.

Преследуя эпигонов романтизма, творцы Козьмы Пруткова естественно избрали основной мишенью Бенедиктова.

Хомяков пародируется в том особом освещении, которое должны были получить старые стихи Хомякова на фоне эпигонского романтизма 40-х годов. Щербина вообще поэт очень уж однобокий; у него Прутков перенял лишь позу «жреца красоты». Но у Бенедиктова Козьма Прутков нашел, собственно говоря, все основные черты своей поэтики.

Поэзии Бенедиктова свойственны вульгарный демонизм, гиперболизированная страстность, «байроническая» поза гордого страданья, имитация «глубокомыслия», необычайно повышенное представление о величии поэта, который «в очи судьбе взирает с могуществом львиным», и о силе поэзии:

На хладных людей я вулканом дохну,
Кипящею лавой нахлыну...

Вспомним прутковское:

И бью всех и раню стихом вдохновенным,
Как древний Аттила, вождь дерзостных орд.

(„Мое вдохновение")

Более всего славился Бенедиктов головокружительной смелостью своих метафор и сравнений. Как и проза Марлинского, поэзия Бенедиктова пленяла своих поклонников бурными, необузданными, неожиданно развивающимися и парадоксально реализуемыми метафорами.

Метафоры Бенедиктова вступают с реальностью в резкое противоречие, не комичное только для того сознания, которое отделило «реальное» от «поэтического» глухой стеной и признало базой поэзии заведомую фиктивность всего утверждаемого в художественной форме.

Признайся: мучима любовью
И в ночь бессонницей томясь,
Младую голову не раз
Метала ты по изголовью?
Не зная, где ее склонить,
Ты в страстном трепете хотела
Ее от огненного тела
Совсем отбросить, отделить,
Себя от разума избавить
И только сердце лишь оставить
Пылать безумно и любить.

(Бенедиктов. „Напрасно")

Такие стихи могут казаться не комичными, а прекрасными своей смелостью людям, уверенным в том, что «жизнь» — одно дело, а «поэзия» — совершенно другое. Здесь мы встречаемся с искусством, которое отказывается от воплощения действительности и чуть ли не признает своим особым достоинством иллюзорность того, о чем оно говорит. Но это оторвавшееся от жизни искусство стремится срастись с жизнью на иной, заведомо порочной основе, служа «поэтизации», приукрашиванию жизни, наряжая ее в маскарадный костюм условной красоты.

Бенедиктов — наиболее характерный представитель этой тенденции в русской литературе 30—40-х годов. Он, так сказать, романтизирует любую житейскую ситуацию. Возьмем стихотворение «Прощание с саблей». Оно посвящено выходу поэта в отставку из военной службы. Поэт расстается с саблей и возвращается к «деве». Начинается обычная для Бенедиктова игра сближениями, при которой «сабля» и «дева» почти меняются местами: сабля — «холодная, острая дева», дева — «жаром любви калена». Сабля предупреждает поэта: «Ад женского сердца тобой не измерен»; сабля верна поэту, «а светских красавиц сомнителен жар». Поэт обещает сабле сделать из нее «кинжал боевой»:

И ловкой и пышной снабжу рукоятью,
Блестящей оправой кругом облеку
И, гордо повесив кинжал над кроватью,
На мщенье коварству его сберегу!

Красиво отделанное оружие — обычное настенное украшение комнат в то время. Бенедиктов может принимать поэтические позы при самых обыденных действиях. Он не чувствует комичности сочетания «гордо повесив кинжал над кроватью». Герой Лермонтова «гордо погибает», — герой Бенедиктова гордо украшает свою спальню (ср. у Пруткова: «Я гордо стал править веслом»).

Возможно, что именно данное стихотворение Бенедиктова отразилось в прутковском стихотворении «К друзьям после женитьбы». Прутков подчеркивает условность поэтической позы бурного ревнивца с кинжалом наготове:

О друзья! ваш страх напрасен;
У меня ль не твердый нрав?
В гневе я суров, ужасен,
Страж лихой супружних прав.

Есть для мести черным ковам
У женатого певца
Над кроватью, под альковом,
Нож, ружье и фунт свинца!

Оружие здесь также «гордо» повешено над кроватью «на мщенье коварству», но угрожает оно уже не «деве», а законной супруге. «Над кроватью» у Бенедиктова значит, конечно, — на настенном ковре, к которому прикреплялись коллекции оружия, — «над кроватью» у Пруткова значит — над двуспальным супружеским ложем, «под альковом», то есть как бы в качестве какого-то обиходного предмета. Кинжал заменен житейским ножом («вострей швейцарской бритвы»), к которому запасливо добавлены столь же неподходящее к алькову ружье и «пули меткие в мешке».

Так в одном образе объединяются Отелло и женатый обыватель.

В стихах Козьмы Пруткова замечательно имитировано простодушие, с которым поэт мешает «высокое» с обыденным и более всего вульгарен там, где более всего становится на ходули. Усиливается «парение ввысь», с одной стороны, и банальность житейской обыденщины — с другой, так что беспринципное смешение «действительности» с «мечтой» становится комичным в глазах каждого читателя.

Вот типовая романтическая ситуация: певец во время бури на море среди общего ужаса бесстрашно поет гимн разгневанной стихии:

Забыл песни неги, и песнь громовую
Настроил под твой гармонический рев!

(Бенедиктов. „Море“)

Козьма Прутков поет, стоя на носу парохода во время поездки из Петербурга в Кронштадт.

Демонстрируя свое глубокомыслие, силу духа, гордое страданье и презренье к толпе, Козьма Прутков пытается подражать Пушкину, вспоминая его

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм...

И вот что получается из его поползновений:

Гуляю ль один я по Летнему саду,
В компаньи ль с друзьями по парку хожу,
...Всё дума за думой в главе неисходно,
Одна за другою докучной чредой...

(„Мое вдохновенье")

Ситуация «Рыцаря Тогенбурга» комически конкретизирована в «Немецкой балладе» Пруткова:

Барон фон Гринвальдус
От замковых окон
Очей не отводит
И с места не сходит;
Не пьет и не ест.

Тоска романтического огородника описана так:

Польет он из лейки капусту;
Он спаржу небрежно польет;
Нарежет зеленого луку,
И после глубоко вздохнет.

Или ситуация совершенно меняется, — на место романтической подставляется вполне прозаическая, при точном сохранении интонаций. Так в стихотворении «Разочарование» пародируется стихотворение Полонского «Финский берег»:

«В эту пору над заливом
Что мелькало? Не платок ли?
И зачем, как ты вернулась,
Башмаки твои подмокли?»

(Полонский)

Говорю я ей с упреком:
«Что ты мыла: не жилет ли?
И зачем на нем не шелком,
Ниткой ты подшила петли?

(К. Прутков)

В пародии на стихотворение Щербины «Моя богиня» действие переносится в баню («Философ в бане») и т. п.

У Пруткова, как и у его образцов, метафорический смысл нередко приходит в столкновение с конкретным; но Прутков не подчер-

кивает смелого разрыва между метафорическим и конкретным планом, а, напротив, с простодушной наивностью подражателя не замечает парадоксального эффекта от сочетания «воображаемого» с «существенным»:

На носу один стою я
И стою я *как утес*

или

Мне до могилы два-три шага...
Прости, мой стих! и ты, перо!
И ты, о *писчая бумага,*
На коей сеял я добро!

или

Из *книги дней* моих я вырву *пол-страницы*
И в ваш альбом *вклею.*

Если Бенедиктов

радостно змею — надежду счастья
Носил в груди... прекрасная змея! —

то Прутков уже объявляет:

Змеей тоски моей пришлось мне поделиться;
Не целая змея теперь во мне, но — ах! —
Зато по пол-змеи в обоих шевелится.

Механическое смешение метафорического с конкретным, «поэзии» с «жизнью» порождает ту безвкусицу, которая так характерна для эпигонского романтизма 30—40-х годов.

У Пруткова в цитированном стихотворении «К друзьям после женитьбы» есть стих

У женатого певца.

Бытовое «женатый» в применении к условно-возвышенному «певец» создает чисто-прутковский комический эффект.

Прутков пишет:

Затряслись бы человеки
От глаголов уст моих.

Он усиливает комизм бенедиктовского «поцелуем припекать» («Кудри»), изменяя его в «поцелуем пропечет» («Шея»). Он говорит о корабле:

Грудью смелой в волны *прет.*
...Волнорежущую грудь
Пялит в волны....

О любви:

И он охулки не положит,
Любя тебя, на честь свою.

О смерти:

Вот час последних сил упадка
От органических причин.

Один из лучших образцов такой стилистической какофонии:

Я бы, с мужеством Ликурга,
Озираяся кругом,
Стогны все Санктпетербурга
Потрясал своим стихом.

В этих «стогнах Санктпетербурга» уже заключен весь образ директора Пробирной палатки, действительного статского советника и поэта К. П. Пруткова. Этот образ создается основными тенденциями прутковского творчества, можно сказать, с логической необходимостью.

4

Образ Козьмы Пруткова — воплощение тех тенденций, которые осмеивали его создатели в современной литературе.

Я уже указывал на то, что основное свойство вульгарного романтизма — эклектизм, неразборчивое сочетание идейно и психологически несовместимых «красот». Для демонстрации эклектизма надо было все пародии приписать одному автору, «писать от одного лица, способного во всех родах творчества», т. е. мыслящего себя отнюдь не пародистом, но лишь усердным подражателем признанных образцов.

В своем «Письме известного Козьмы Пруткова к неизвестному фельетонисту «С.-Петербургских ведомостей» (1854 г.) по поводу статьи сего последнего» Козьма Прутков заявляет:

«Ты утверждаешь, что я пишу пародии! Отнюдь! я совсем не пишу пародий! я никогда не писал пародий! Откуда ты взял, будто я пишу пародии?! я просто анализировал в уме своем большинство поэтов, имевших успех; — этот анализ привел меня к синтезису: ибо дарования, рассыпанные между другими поэтами порознь, оказались совмещенными во мне едином! ..»

Чтобы совмещать в своем творчестве явно противоречивые тенденции и не замечать этого, задуманный автор должен, очевидно, обладать незаурядным простодушием, безвкусием и казенно-почти-

тельным отношением ко всем жанрам и формам поэтического творчества, санкционированным литературной модой.

Снижая романтические идеи и темы бытовой конкретизацией, украшая быт романтическим реквизитом, эпигон и атрибуты романтического поэта переносит, как мы уже видели, на конкретное «я», — на себя самого:

Толпа, раздайся ж! прочь! довольно насмехаться!
Тебе ль познать Пруткова дар?
. . . .
Для значения иного
Я исхитил бы из тьмы
Имя славное *Пруткова,*
Имя громкое *Козьмы!*

Чтобы придавать такое значение своим комичным подражаниям, воображаемый автор должен обладать громадной дозой наивнейшего самодовольства.

Для обличения разрыва между искусством и жизнью в эпигонском романтизме надо было создать такое «авторское лицо», в котором сочеталось бы высокое «парение» с тупой обывательщиной. Романтический поэт должен быть одновременно благонамереннейшим обывателем. Козьма Прутков, по блестящей характеристике его создателей, «до того казенный, что ни мысли его, ни чувству не доступна никакая так называемая злоба дня, если на нее не обращено внимания с казенной точки зрения».[1] Ни один социальный тип в николаевское время не подходил, видимо, для двуединого образа романтика-обывателя более, чем чиновник.

Образ поэта-чиновника подсказывался создателям Козьмы Пруткова и «авторской личностью» основного поэтического «прототипа» Пруткова — Бенедиктова. Самая биография Козьмы Пруткова как бы списана с бенедиктовской. Недолгая военная служба «в одном из лучших полков», выход в отставку с немедленным устройством на гражданскую службу в Петербурге, по министерству финансов, в котором поэт служит затем всю жизнь и дослуживается до генеральского чина, — вся эта схема биографии Бенедиктова повторена биографами Козьмы Пруткова, посвятившего два стихотворения «поэту-сослуживцу, г-ну Бенедиктову».

Единство романтического поэта и благонамеренного чиновника поразительно показано в стихотворении «Мой портрет», открываю-

---

[1] См. с. 331 настоящего издания.

щем стихотворный раздел «Полного собрания сочинений». Оно начинается словами:

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг; —

и тут же в сноске дается вариант второго стиха:

На коем фрак.

Сопоставление двух вариантов раскрывает законную, с точки зрения Козьмы Пруткова, двойственность: двуединый Козьма Прутков наг в качестве безумца-поэта и одет в форменный фрак в качестве директора Пробирной палатки.

К стихам «Моего портрета»:

С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет —

напрашивается параллель из «Сродства мировых сил»:

С чела все рвут священный лавр венца,
С груди — звезду святого Станислава.

Поэт в лавровом венце, чиновник при ордене Станислава, — то и другое одновременно.

Так же одновременно у поэта «власы подъяты в беспорядке» и «в устах спокойная улыбка». В качестве возбужденного, восторженного, остро реагирующего романтика он «всегда дрожит в нервическом припадке», но в то же время, «как Байрон, гордости поэт», он таит змею в груди с холодным самообладанием. Ибо ведь и то и это — узаконено. И холодное самообладание, и нервическая дрожь предписаны установленными и незыблемыми правилами и не нуждаются, значит, в каких-то особых обоснованиях и согласованиях. Так же и власы в беспорядке — это прическа, предписанная поэту, как чиновнику предписаны «височки», а Козьма Прутков, как человек «вполне казенный», живет и действует по узаконенным образцам. Разрыва между жизнью и искусством Прутков не замечает потому, что и там и тут действует вполне одинаковым образом; с его точки зрения тут не разрыв, а совместительство:

Но музы не отверг объятий
Среди мне вверенных занятий.

Он всегда поступает согласно действующих узаконений, предписаний, форм и образцов. По министерству финансов установлены одни образцы, по ведомству поэзии, разумеется, совсем другие, — но Прутков всегда верен себе, и поэтому его служебные и поэтические занятия при всей их разнородности запечатлены одним характером. Его простодушие, благонамеренность и казенность, духовное рабство в соединении с гиперболической самоуверенностью и таким же самодовольством одинаково выразительно сказались и на деятельности «поэта» и на деятельности «гражданина». Недаром создатели Пруткова подчеркивали, что он считал себя «сановником в области мысли». «Одна из важнейших сторон его литературной личности, — писал В. М. Жемчужников, — ...заключается в самодовольстве, в самоуверенности, в решительности и смелости выводов и приговоров».[1]

Чтобы вполне оценить цельность образа поэта-чиновника Козьмы Пруткова, надо учесть, что вульгарный романтизм — это почти официозная эстетическая идеология 30—40-х годов, «времени смирного по духу и трескучего по внешности», как характеризует его Тургенев, метко назвавший официальную литературную школу николаевского времени «ложно-величавой школой». Основу этой школы Тургенев видит во взгляде, «что художеству, что поэзии предстоит быть достойными провозвестниками величия и силы» николаевской монархии.

«Одновременно с распространением этого убеждения, — пишет Тургенев, — и, быть может, вызванная им явилась целая фаланга людей, бесспорно даровитых, но на даровитости которых лежал общий отпечаток риторики, внешности, соответствующей той великой, но чисто-внешней силе, которой они служили отголоском. Люди эти явились и в поэзии, и в живописи, и в журналистике, и даже на театральной сцене.

...Что было шума и грома! Как широко разлилась тогда эта школа! Некоторые из ее деятелей сами добродушно признавали себя за гениев. Со всем тем, что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось в ней даже в минуты ее кажущегося торжества — и ни одного живого, самобытного ума она себе не покорила безвозвратно. Произведения этой школы проникнуты самоуверенностью, доходившей до самохвальства»... («Литературные и житейские воспоминания»).

В сноске Тургенев называет в качестве представителей «ложно-величавой школы» «Марлинского, Кукольника, Загоскина, Бенедик-

[1] Письмо к А. Н. Пыпину от 15 февраля 1883 г. См. с. 340.

това, Брюллова, Каратыгина и т. д.». Имена и характеристика показывают, что «ложно-величавая школа» осуществляла свои задания методами эклектического романтизма. Многое в этой характеристике прямо подходит к Козьме Пруткову.

В «Биографических сведениях» В. М. Жемчужников нашел такие слова, ярко рисующие образ Козьмы Пруткова:

«Он высказал такое самоуверенное непонимание действительности, как будто над каждым его произведением стоит ярлык: «всё человеческое мне чуждо».

«Самоуверенное непонимание действительности» нигде не выразилось так ярко, как в афоризмах Козьмы Пруткова, — наиболее известной части его наследия. Образ чиновника, который считает канцелярию верховной школой жизни и любую философскую проблему легко решает на основе своего служебного опыта, гениально обрисован афоризмами, вроде: «Только в государственной службе познаешь истину» или «Усердный в службе не может бояться незнанья: каждое новое дело он прочтет».

Основную массу «мыслей и афоризмов» составляют наивные и банальные советы читателю («Лучше скажи мало, но хорошо», «Страждущему предлагай бальзам»), простодушные констатации, претендующие на философскую глубину («Никто не обнимет необъятного», «Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, и самый близкий от чего-нибудь да отдален»), или сравнения, вся цель которых что-либо чему-либо уподобить («Гений подобен холму, возвышающемуся на равнине», «Воображение поэта, удрученного горем, подобно ноге, заключенной в новый сапог»). С обычным простодушием Козьма Прутков полагает, что, усердно занимаясь уподоблением, он основательно исполняет обязанности художника и мыслителя.

Так создается образ человека сказочной тупости, ограниченности и невежества. Предельно гротескным характером трактовки Козьма Прутков прокладывает путь щедринским штатским генералам, которые «в регистратуре родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали», — но тем не менее подавали проекты, которые как будто все восходят к прутковскому проекту «О введении единомыслия в России».

В этом проекте с поразительной силой заклеймена тяга монархической реакции к «прямой линии», к абсолютному единообразию, ее презрение к общественному мнению, мыслебоязнь. Козьма Прутков относится к мыслям, не имеющим источником начальство, не только с негодованием, но и с недоумением: он не понимает, откуда же берутся такие мысли.

Щедрин чувствовал близость своему творчеству «Проекта» Козьмы Пруткова и быстро отозвался на него. В хронике «Наша общественная жизнь» за сентябрь 1863 г. Щедрин иронически пишет о реакционном шуме, поднятом по поводу польского восстания:

«Вся Россия негодовала и горела желанием сразиться: проэкты следовали за проэктами, тосты за тостами; .. наперерыв друг перед другом предлагали проэкты о введении единомыслия, и спешили указать на вред, который от разномыслия происходить может».

Щедрин, видимо, особенно ценил афоризмы Козьмы Пруткова, как острую насмешку над казенными взглядами на жизнь, над рабской покорностью властям. «„Не пытайся понять то, что тебе понять не дано", „не забывай, что выше лба уши не растут" — вот правила, которые внушались мне с детства, и которые впоследствии в особенности укрепило во мне чтение афоризмов Кузьмы Пруткова», — пишет Щедрин в «Похвале легкомыслию».

Прутков для Щедрина не только «драгоценный сотрудник» «Современника», блестящий афорист, которому Щедрин охотно приписывает собственные изречения («Но того, что однажды уже совершилось, никак нельзя сделать несовершившимся, — это афоризм, которого не отвергнул бы даже Кузьма Прутков»; «Не обличать надо, а любить, — говаривал покойный Прутков»).[1] Прутков — это и художественный образ, входящий в галерею персонажей Щедрина. В полемике 1864 г.

---

[1] Чернышевский и Некрасов также приписывали Пруткову афоризмы. Так, Чернышевский в рецензии на „Три поры жизни" Евгении Тур (1854) пишет: „Скучно припоминать скучное", — говорит один из неизданных афоризмов Козьмы Пруткова" (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I. Спб., 1906, с. 116). Отмечу, что герои „Что делать?" развлекаются комическими импровизациями в подражание „Спору древних греческих философов об изящном". (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XI. М., 1939, с. 327.)

Некрасов пишет в «Гимне „Времени"»:

Припомни афоризм Пруткова,
Что все на свете — суета!

(„Литературное наследство", № 49—50. М., 1946, с. 339). В другом „свистковском" произведении „Финансовые соображения" Некрасов перефразирует подлинный прутковский афоризм:

Вам Прутков говорит:
„Мудрый в корень глядит".

(Там же, с. 340).

В „Современнике" вообще были приняты псевдоцитаты из Козьмы Пруткова. Так, в анонимной рецензии на анонимную книгу „Мечта и действительность" („Современник", 1854, № 3, отд. IV, с. 24) рецензент говорит, что на вопрос о роде таланта автора можно бы ответить „отрывком из новых стихов нашего друга глубокомысленного г-на Пруткова:

Дарованья ведь различны,
И таланты не одни,—
То есть, не одни и те же".

с Писаревым и его сотрудниками по «Русскому слову» Щедрин язвительно писал:

«Тому, что они разумеют под естественными науками, они обучались у Кузьмы Пруткова, который, как известно, никогда не бывал естествоиспытателем, а всегда был изрядным эстетиком и моралистом (в чем и имеет от Московского общества любителей Российской словесности диплом)». [1]

В 70—80-е годы Козьма Прутков всплывает у Щедрина — в «Дневнике провинциала в Петербурге», в «Помпадурах и помпадуршах», в «Пестрых письмах» — как типичный образ «сановника». [2]

Впрочем, Пруткова Щедрин, видимо, принимал не целиком; его, очевидно, раздражала (по крайней мере позже, в атмосфере реакции 80-х годов) стихия комической «бессмыслицы», — и в его письме к Н. А. Белоголовому от 10 ноября 1884 г., т. е. через несколько месяцев после выхода первого собрания сочинений Козьмы Пруткова, находим такой резкий отзыв о Козьме Пруткове и особенно о его творцах:

«Я вообще не симпатизирую Жемчужниковым — всей породе. Они как-то окаменели на Кузьме Пруткове, которого, в сущности, теперь и читать нельзя. На днях был у меня Алексей Жемчужников (старший из братьев), а так как в это же самое время пришел и Н. И. Соколов, с намерением меня выстукать, то Жемчужников, повидимому, обиделся и ушел. Но всё время у него на лице мелькало что-то острое. Согласитесь, что ужасно тяжело видеть шестидесятипятилетнего старика, который вместо до *свидания*, говорит: до *свишвеция*. Это уж порода такая, которая ничего не забывает и ничему не научается». [3]

Использование комического алогизма — неотъемлемое и характерное свойство творчества Козьмы Пруткова.

Фантастическая тупость Козьмы Пруткова дает широкую возможность приписывать его перу всевозможные комические нелепицы. Так, вполне мотивированно входят в состав творческого наследия Пруткова шуточные басни и эпиграммы. Правда, и в наиболее «алогическом» жанре басен Прутков потешается иногда над помещиками, чиновниками, духовенством, над славянофильским национализмом и ханжеством, — но всё же здесь, как и в пьесах Пруткова, преобладает стихия непритязательной шутки, комической бессмыслицы, каламбура, связанная с «мятлевской» традицией салонной шутки. В творческом наследии

---

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, ГИХЛ, т. VI, с. 146; т. VII, с. 410; т. V, с. 289; т. V, с. 245; т. XVI, с. 323; т. VI, с. 480.
[2] Там же, т. X, с. 412—413; т. IX, с. 186; т. XVI, с. 324.
[3] Там же, т. XX, с. 107.

Пруткова несравненно важнее другая сторона: как пародист и сатирик, Прутков перекликается с пародистами и сатириками «Современника»: Некрасовым, Панаевым, Щедриным.

Разные стихии в творчестве Пруткова отчасти связаны с разными творческими устремлениями его авторов, но они вполне сплочены и мотивированы «авторской личностью» Козьмы Пруткова.

Борьба с вульгарным романтизмом — основной мишенью Козьмы Пруткова — для передовой критики 40-х годов была связана с борьбой за реализм. Белинский на протяжении 40-х годов упорно борется с инерцией романтизма во имя полной победы реализма. В последнем своем годовом обзоре «Русская литература в 1847 г.» Белинский бьет по романтизму с энергией и азартом, показывающими, что дело идет вовсе не о мертвом враге.

Принципы реализма в 40-е годы осуществлялись почти исключительно прозой. В середине 40-х годов создается «натуральная школа», принесшая полное торжество принципам критического реализма. В поэзии принципы «натуральной школы» твердо определили только творчество Некрасова — поэта еще недостаточно заметного в ту пору. Если проза развивается под знаком все углубляющегося реализма, — поэзия в значительной мере остается еще в пределах романтического мировоззрения и стиля.

Настойчиво подчеркивая изменение удельного веса поэзии и прозы в литературе, Белинский радуется усилению прозы за счет стихов как признаку усиления реализма. В обзоре «Русская литература в 1842 г.» он ставит знак равенства между стихами и романтизмом, между прозой и реализмом. Борясь с романтизмом, Белинский за немногими исключениями игнорирует поэтов 40-х годов или жестоко издевается над ними. Он внушает взгляд на романтизм, как на направление, окончательно изжившее себя, потерявшее всякий смысл и всякую возможность творческой новизны и самостоятельности. Он ставит знак равенства между романтизмом и вульгарным романтизмом, определяя романтические стихи как «стишки к деве и луне» и т. п. Вот почему проблема вульгарного, эпигонского романтизма еще очень существенна в это время. Борясь с вульгарным романтизмом, Белинский боролся за реализм и за общественную значимость литературы. Сатирики «Современника» включались в эту борьбу.

Козьма Прутков появился в печати в 50-е годы, когда шла острая борьба за искусство, когда шли горячие споры о «чистоте» или общественной значимости искусства. Революционные демократы, вслед за Белинским, вскрывали прямую связь между пережитками романтизма и идеями «чистого искусства». Добролюбов снабжает сочинения Пруткова предисловиями вроде: «Поклонники искусства для искусства!

Рекомендуем вам драму г. Пруткова. Вы увидите, что чистая художественность еще не умерла».

В 60-е годы вульгарный романтизм спустился еще ниже, но отнюдь не умер, и пародии Пруткова и в это время не должны были ощущаться как архаические.

Один пример. В 1860 г. появилось стихотворение Всеволода Крестовского (впоследствии реакционного романиста, а в ту пору поэта школы «чистого искусства») под названием «Fandango». Можно было бы принять его за источник прутковского «Желания быть испанцем», если бы последнее не было напечатано в 1854 году. Приведу начало и конец стихотворения Вс. Крестовского.

Начало:

Чуть с аккордом двух гитар
Лихо щелкнут кастаньеты —
Для фанданго страстных пар
Бойче всех мои куплеты.
И пляшу я — вихрь огня! —
Пред окном моей сеноры,
Но сенора от меня
Гордо прочь отводит взоры...

Ср. у Пруткова:

Здесь, перед бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

Конец:

Эй, сенора! не пугай! —
Что за чванство! род твой знают, —
Но к высоким башням, знай:
Тоже лестницы бывают.

Ср. у Пруткова:

Погоди, прелестница!
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана...

Знаменательно, что слава пришла к Козьме Пруткову, когда основные объекты его пародий давно стали достоянием истории литературы, когда в могиле давно покоился и он сам (согласно «Биографическим сведениям»), и наиболее известный из его создателей, а остальные доживали свой век.

Прочная популярность Пруткова оказалась независимой от непосредственных поводов и импульсов его творений, от проблем данного десятилетия. Она основана на чем-то большем. Создатели Козьмы Пруткова, при известной разноречивости своих стремлений, интересов и настроений, оставили яркое творческое наследие, сыгравшее бесспорно прогрессивную роль в истории русского художественного слова. Конечно, в этом наследии много непритязательного балагурства, бесцельной игривости, смеха ради смеха. Но наиболее ценными своими сторонами творчество Козьмы Пруткова близко демократическому движению русской литературы. Недаром литературная биография Козьмы Пруткова так тесно связана с некрасовским «Современником». Творчество Козьмы Пруткова борется с казенной идеологией монархической «благонамеренности», с эстетством и формализмом. В произведениях Пруткова преследуется отрыв искусства от жизни, безвкусная лакировка жизни омертвевшими «красотами», подмена трескучей риторикой полноценного выражения общезначимых чувств.

Многое в творчестве Козьмы Пруткова найдет еще отклик и в наши дни. Ведь еще и до нашего времени встречаются иногда такие уродливые пережитки прошлого, как «желанье быть испанцем», стремление позировать на иноземный лад, имитировать ложное глубокомыслие... Примеры борьбы с эстетством, с преклонением перед всем иноземным, с проявлениями пошлости и гениальничанья имеют цену и для нас.

Творческое наследие Козьмы Пруткова лучшими своими сторонами связано с борьбой русской прогрессивной мысли за идейность искусства, за верность его действительности, за национальное содержание; в этом основное значение Козьмы Пруткова и для истории русской литературы, и для нашей современности.

Б. Бухштаб

ДОСУГИ
И
ПУХ И ПЕРЬЯ

— DAUNEN UND FEDERN —

«Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

«Плоды раздумья» — Козьмы Пруткова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, вот мои «Досуги»... Суди беспристрастно! — Это только частица написанного. Я пишу с детства. У меня много неконченного (d'inachevé)! Издаю, пока, отрывок. Ты спросишь: Зачем? — Отвечаю: я хочу славы. — Слава тешит человека. Слава, говорят, дым; — это неправда. Я этому не верю!

Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился; — убедился, читая других: если они поэты, так и я тоже!.. Суди, говорю, сам, да суди беспристрастно! Я ищу справедливости; — снисхожденья не надо; — я не прошу снисхожденья!..

Читатель, до свиданья! Коли эти сочинения понравятся, прочтешь и другие. Запас у меня велик, материалов много; нужен только зодчий, нужен архитектор; — я хороший архитектор!

Читатель, прощай! Смотри же, читай со вниманьем, да не поминай лихом!

Твой доброжелатель —

Козьма Прутков.

11 апреля
1853 года (annus,i).

ПИСЬМО

ИЗВЕСТНОГО КОЗЬМЫ ПРУТКОВА К НЕИЗВЕСТНОМУ ФЕЛЬЕТОНИСТУ «С-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1854 г.), ПО ПОВОДУ СТАТЬИ СЕГО ПОСЛЕДНЕГО[1]

Фельетонист, я пробежал твою статейку в № 80 «С.-Петербургских Ведомостей». — Ты в ней упоминаешь обо мне; — это ничего. Но ты в ней неосновательно хулишь меня! За это не похвалю, хотя ты, очевидно, домогаешься моей похвалы.

Ты утверждаешь, что я пишу пародии? Отнюдь! .. Я совсем не пишу пародий! Я никогда не писал пародий! Откуда ты взял, будто я пишу пародии?! Я просто анализировал в уме своем большинство поэтов, имевших успех; — этот анализ привел меня к синтезису; ибо дарования, рассыпанные между другими поэтами порознь, оказались совмещенными все во мне едином! .. Прийдя к такому сознанию, я решился писать. Решившись писать, я пожелал славы. Пожелав славы, я избрал вернейший к ней путь: *подражание* именно тем поэтам, которые уже приобрели ее в некоторой степени. — Слышишь ли? — «подражание», а не пародию! .. Откуда же ты взял, будто я пишу пародии?!

В этом направлении написан мною и «Спор древних греческих философов об изящном». Как же ты, фельетонист, уверяешь, будто для него «нет образца в современной литературе»? — Я, твердый в своем направлении как кремень, не мог бы и написать этот «Спор», если бы не видел для него «образца в современной литературе»! .. Тебе показалась устарелою *форма* этого «Спора»; — и тут не так! Форма самая обыкновенная, разговорная, драматическая, вполне

[1] Письмо это было напечатано в журнале «Современник» 1854 г.

соответствующая этому истинно-драматическому моему созданию! .. Да и где ты видел, чтобы драматические произведения были написаны не в разговорной форме?!

Затем ты, подобно другим, приписываешь, кажется, моему перу и «Гномов», и прочие «Сцены из обыденной жизни»?[1] О, это жестокая ошибка! Ты вчитайся в оглавление, вникни в мои произведения, и тогда поймешь, как дважды два четыре: чтó в «Ералаши» мое, и чтó не мое! ..

Послушай, фельетонист! — я вижу по твоему слогу, что ты еще новичок в литературе; однако ты уже успел набить себе руку; — это хорошо! Теперь тебе надо добиваться славы; — слава тешит человека! .. Слава, говорят, дым; но это неправда! Ты не верь этому, фельетонист! — Итак, во имя литературной твоей славы, прошу тебя: не называй вперед моих произведений пародиями! Иначе я тоже стану уверять, что все твои фельетоны не чтò иное, как пародии; — ибо они, как две капли воды, похожи на все прочие газетные фельетоны!

Между моими произведениями, напротив, не только нет пародий, но даже не всё подражание; а есть настоящие, неподдельные и крупные самородки! .. Вот ты так пародируешь меня и очень неудачно. Напр., ты говоришь: «пародия должна быть направлена против чего-нибудь, имеющего более или *менее* (!) серьёзный смысл; — иначе она будет пустою забавою». Да это прямо из моего афоризма: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою»! ..

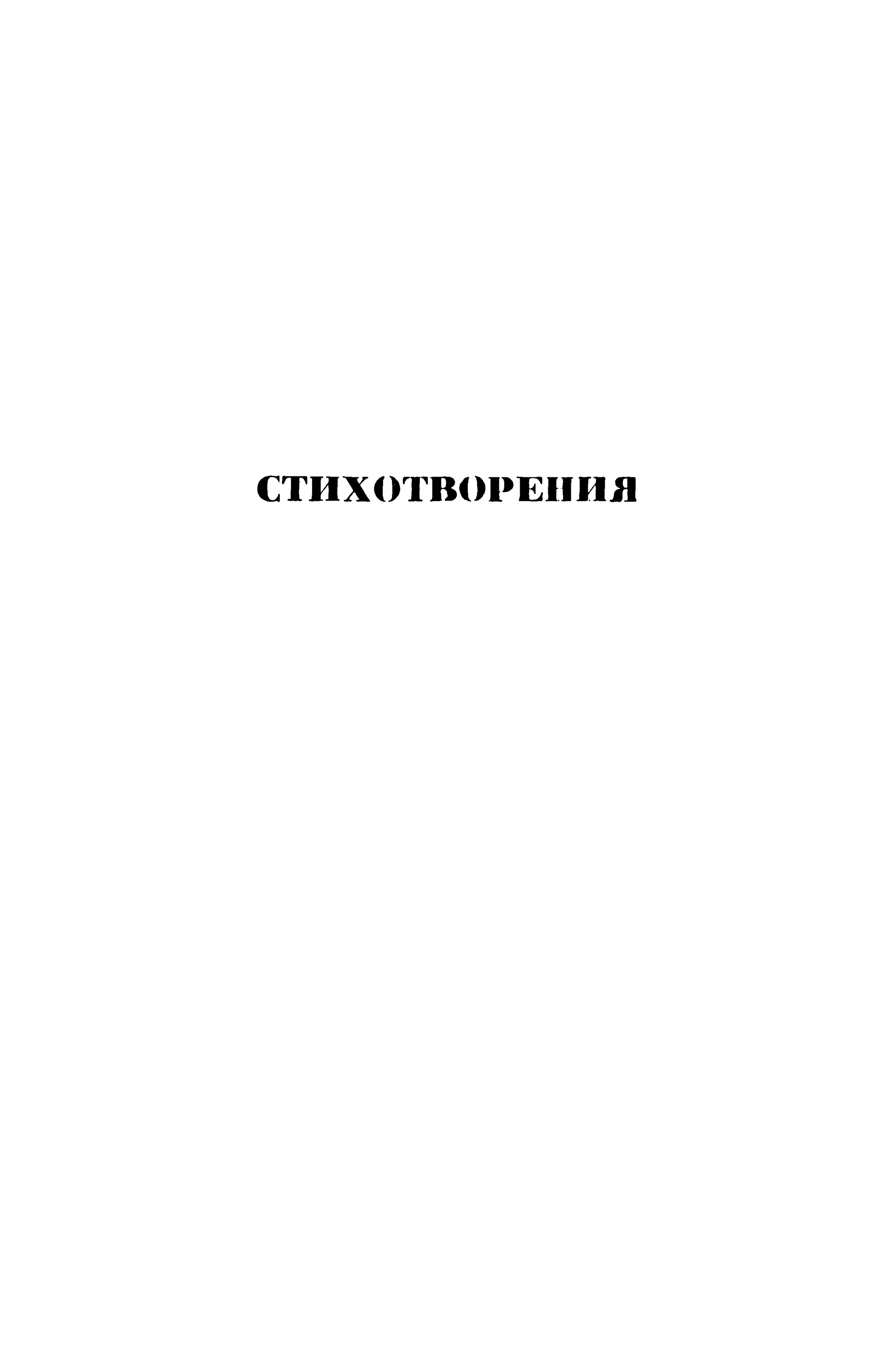
В написанном небрежно всегда будет много недосказанного, неконченного (d'inachevé).

Твой доброжелатель —

Козьма Прутков.

---

[1] Под этими заглавиями были помещены в «Современнике» чужие, т. е. не мои, хотя также очень хорошие произведения на страницах «Ералаши». Смешивать эти произведения с моими могут только люди, не имеющие никакого вкуса и ничего не понимающие! *Примечание К. Пруткова.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

МОЙ ПОРТРЕТ

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг; [1]
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке;
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке, —
Знай: это я!

Кого язвят, со злостью вечно новой,
Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет;
Кто ни пред кем спины не клонит гибкой, —
Знай: это я! . .
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!

[1] *Вариант:* «На коем фрак». *Примечание К. Пруткова.*

НЕЗАБУДКИ И ЗАПЯТКИ

БАСНЯ

Трясясь Пахомыч на запятках,
Пук незабудок вез с собой;
Мозоли натерев на пятках,
Лечил их дома камфорой.

Читатель! в басне сей откинув незабудки,
Здесь помещенные для шутки,
Ты только это заключи:
Коль будут у тебя мозоли,
То, чтоб избавиться от боли,
Ты, как Пахомыч наш, их камфорой лечи.

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Дайте силу мне Самсона;
Дайте мне Сократов ум;
Дайте легкие Клеона,
Оглашавшие фору́м;
Цицерона красноречье,
Ювеналовскую злость,
И Эзопово увечье,
И магическую трость!

Дайте бочку Диогена;
Ганнибалов острый меч,
Что́, за славу Карфагена,
Столько вый отсек от плеч!
Дайте мне ступню Психеи,
Сапфы женственной стишок,
И Аспазьины затеи,
И Венерин поясок!

Дайте череп мне Сенеки;
Дайте мне Виргильев стих; —
Затряслись бы человеки
От глаголов уст моих!

Я бы, с мужеством Ликурга,
Озираяся кругом,
Стогны все Санктпетербурга
Потрясал своим стихом.

Для значения инова,
Я исхитил бы из тьмы
Имя славное *Пруткова*,
Имя громкое *Козьмы!*

КОНДУКТОР И ТАРАНТУЛ

БАСНЯ

В горах Гишпании тяжелый экипаж,
С кондуктором, отправился в вояж.
Гишпанка, севши в нем, немедленно заснула.
А муж ее, меж тем, увидя тарантула,
Вскричал: «Кондуктор, стой!
Приди скорей! Ах, боже мой!»
На крик кондуктор поспешает
И тут же веником скотину выгоняет,
Примолвив: «Денег ты за место не платил!»
И тотчас же его пятою раздавил.

Читатель! разочти вперед свои депансы,
Чтоб даром не дерзать садиться в дилижансы,
И норови, чтобы отнюдь
Без денег не пускаться в путь;
Не то случится и с тобой, что с насекомым,
Тебе знакомым.

ПОЕЗДКА В КРОНШТАДТ

ПОСВЯЩЕНО СОСЛУЖИВЦУ МОЕМУ ПО МИНИСТЕРСТВУ ФИНАНСОВ Г. БЕНЕДИКТОВУ

Пароход летит стрелою,
Грозно мелет волны в прах
И, дымя своей трубою,
Режет след в седых волнах.

Пена клубом. Пар клокочет.
Брызги перлами летят.
У руля матрос хлопочет.
Мачты в воздухе торчат.

Вон находит туча с юга,
Всё чернее и черней...
Хоть страшна на суше вьюга,
Но в морях еще страшней!

Гром гремит, и молньи блещут...
Мачты гнутся, слышен треск...
Волны сильно в судно хлещут...
Крики, шум, и вопль, и плеск!

На носу один стою я, [1]
И стою я как утес.
Морю песни в честь пою я,
И пою я не без слез.

---

[1] Здесь, конечно, разумеется нос парохода, а не поэта; — читатель сам мог бы догадаться об этом. *Примечание К. Пруткова.*

Море с ревом ломит судно.
Волны пенятся кругом.
Но и судну плыть не трудно
С Архимедовым винтом.

Вот оно уж близко к цели.
Вижу, — дух мой объял страх! —
Ближний след наш еле-еле,
Еле видится в волнах...

А о дальнем и помину,
И помину даже нет;
Только водную равнину,
Только бури вижу след!..

Так подчас и в нашем мире:
Жил, писал поэт иной,
Звучный стих ковал на лире
И — исчез в волне мирской!..

Я мечтал. Но смолкла буря;
В бухте стал наш пароход.
Мрачно голову понуря,
Зря на суетный народ,

«Так» — подумал я — «на свете
Меркнет светлый славы путь; —
Ах, ужель я тоже в Лете
Утону когда-нибудь?!»

МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Гуляю ль один я по Летнему саду,[1]
В компанье ль с друзьями по парку хожу,
В тени ли березы плакучей присяду,
На небо ли, молча, с улыбкой гляжу, —
Всё дума за думой в главе неисходно,
Одна за другою докучной чредой,
И воле в противность и с сердцем несходно,
Теснятся, как мошки над теплой водой!
И тяжко страдая душой безутешной,
Не в силах смотреть я на свет и людей:
Мне свет представляется тьмою кромешной;
А смертный — как мрачный, лукавый злодей!

И с сердцем незлобным, и с сердцем смиренным,
Покорствуя думам, я делаюсь горд;
И бью всех и раню стихом вдохновенным,
Как древний Аттила, вождь дерзостных орд...
И кажется мне, что тогда я главою
Всех выше, всех мощью духовной сильней,
И кружится мир под моею пятòю,
И делаюсь я всё мрачней и мрачней!..
И злобы исполнясь, как грозная туча,
Стихами я вдруг над толпою прольюсь:
И горе подпавшим под стих мой могучий!
Над воплем страданья я дико смеюсь.

---

[1] Считаем нужным объяснить для русских провинциалов и для иностранцев, что здесь разумеется так называемый «Летний сад» в С.-Петербурге. *Примечание К. Пруткова.*

ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

БАСНЯ

На беговых помещик ехал дрожках.
Летела цапля; он глядел.
«Ах! почему такие ножки
И мне Зевес не дал в удел?»
А цапля тихо отвечает:
— Не знаешь ты, Зевес то знает! —

Пусть басню сию прочтет всяк строгий семьянин:
Коль ты татарином рожден, так будь татарин;
Коль мещанином, — мещанин;
А дворянином, — дворянин.
Но если ты кузнец и захотел быть барин,
То знай, глупец,
Что наконец
Не только не дадут тебе те длинны ножки,
Но даже отберут коротенькие дрожки.

ЮНКЕР ШМИДТ

Вянет лист. Проходит лето.
Иней серебрится...
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! честно́е слово,
Лето возвратится!

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Поле. Ров. На небе солнце.
А в саду, за рвом, избушка.
Солнце светит. Предо мною
Книга, хлеб и пива кружка.

Солнце светит. В клетках птички.
Воздух жаркий. Вкруг молчанье.
Вдруг проходит прямо в сени
Дочь хозяйкина, Маланья.

Я иду за нею следом.
Выхожу я также в сенцы; —
Вижу: дочка на веревке
Расстилает полотенцы.

Говорю я ей с упреком:
«Что̀ ты мыла: не жилет ли?
И зачем на нем не шелком,
Ниткой ты подшила петли?»

А Маланья, обернувшись,
Мне со смехом отвечала:
— Ну, так что̀ ж, коли не шелком?
Я при вас ведь подшивала! —

И затем пошла на кухню.
Я туда ж за ней вступаю.
Вижу: дочь готовит тесто,
Для обеда, к караваю.

Обращаюсь к ней с упреком:
«Что готовишь? не творог ли?»
— Тесто к караваю. — «Тесто?»
— Да; вы, кажется, оглохли? —

И сказавши, вышла в садик.
Я туда ж, взяв пива кружку.
Вижу: дочка в огороде
Рвет созревшую петрушку.

Говорю опять с упреком:
«Что̀ нашла ты? уж не гриб ли?»
— Всё болтаете пустое!
Вы и так, кажись, охрипли. —

Пораженный замечаньем,
Я подумал: «Ах, Маланья!
Как мы часто детски любим
Недостойное вниманья!»

ЭПИГРАММА

№ 1

— Вы любите ли сыр? — спросили раз ханжу. —
«Люблю», — он отвечал: «я вкус в нем нахожу».

ЧЕРВЯК И ПОПАДЬЯ

БАСНЯ[1]

Однажды к попадье заполз червяк за шею;
И вот его достать велит она лакею.
Слуга стал шарить попадью. . .
— Но что̀ ты делаешь?! — «Я червяка давлю».

Ах, если уж заполз к тебе червяк за шею,
Сама его дави, и не давай лакею!

---

[1] Эта басня, как и всё, впервые печатаемое в «Полн. собр. сочинений К. Пруткова», найдена в оставшихся после его смерти сафьянных портфелях, за нумерами и с печатною золоченою надписью: *«Сборник неоконченного (d'inachevé) №»*.

АКВИЛОН

В ПАМЯТЬ Г. БЕНЕДИКТОВУ

С сердцем грустным, с сердцем полным,
Дувр оставивши, в Калэ
Я по ярым, гордым волнам
Полетел на корабле.

То был плаватель могучий,
Крутобедрый гений вод,
Трехмачтовый град пловучий,
Стосаженный скороход.
Он, как конь донской породы,
Шею вытянув вперед,
Грудью сильной режет воды,
Грудью смелой в волны прёт.
И, как сын степей безгранных,
Мчится он поверх пучин,
На крылах своих пространных,
Будто влажный сарацын.
Гордо волны попирает
Моря страшный властелин,
И чуть-чуть недосягает
Неба чудный исполин.
Но вот-вот уж с громом тучи
Мчит Борей с полнощных стран.
Укроти свой бег летучий,
Вод соленых ветеран! . .
Нет! гигант грозе не внемлет;
Не страшится он врага.
Гордо голову подъемлет,
Вздулись верви и бока,

И бегун морей высокий
Волнорежущую грудь
Пялит в волны, и широкий
Прорезает в море путь.

Восшумел Борей сердитый,
Раскипелся, восстонал;
И, весь пеною облитый,
Набежал девятый вал;
Великан наш накренился,
Бортом воду зачерпнул;
Парус в море погрузился;
Богатырь наш потонул!

И страшный когда-то ристатель морей
Победную выю смиренно склоняет;
И с дикою злобой свирепый Борей
На жертву тщеславья взирает.

И мрачный, как мрачные севера ночи,
Он молвит, насупивши брови на очи:
«Всё водное — во̀дам, а смертное — смерти;
Всё влажное — влагам, а твердое — тверди!»

И, послушные веленьям,
Ветры с шумом понеслись,
Парус со̀рвали в мгновенье;
Доски с треском сорвались.
И все смертные уныли,
Сидя в страхе на досках,
И неволею поплыли,
Колыхаясь на волнах.

Я один, на мачте сидя,
Руки мощные скрестив,
Ничего кругом не видя,
Зол, спокоен, молчалив.
И хотел бы я во гневе,
Морю грозному в укор,
Стих, в моем созревший чреве,
Изрыгнуть, водам в позор!
Но они, с немой отвагой,

Мачту к берегу гоня,
Лишь презрительною влагой
Дерзко плескают в меня.

И вдруг, о спасеньи своем помышляя,
Заметив, что боле не слышен уж гром,
Без мысли, но с чувством на влагу взирая,
Я гордо стал править веслом.

ЖЕЛАНИЯ ПОЭТА

Хотел бы я тюльпаном быть;
Парить орлом по поднебесью;
Из тучи ливнем воду лить;
Иль волком выть по перелесью.

Хотел бы сделаться сосною;
Былинкой в воздухе летать;
Иль солнцем землю греть весною;
Иль в роще иволгой свистать.

Хотел бы я звездой теплиться;
Взирать с небес на дольний мир;
В потемках по небу скатиться;
Блистать как яхонт иль сапфир.

Гнездо, как пташка, вить высоко;
В саду резвиться стрекозой;
Кричать совою одиноко;
Греметь в ушах ночной грозой. . .

Как сладко было б на свободе
Свой образ часто так менять
И, век скитаясь по природе,
То утешать, то устрашать!

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

КАК БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ

Помню я тебя ребенком,
Скоро будет сорок лет;
Твой передничек измятый,
Твой затянутый корсет.

Было в нем тебе неловко;
Ты сказала мне тайком:
«Распусти корсет мне сзади;
Не могу я бегать в нем».

Весь исполненный волненья,
Я корсет твой развязал...
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял.

РАЗНИЦА ВКУСОВ

БАСНЯ[1]

Казалось бы, ну как не знать,
Иль не слыхать
Старинного присловья,
Что спор о вкусах — пустословье?
Однакож раз, в какой-то праздник,
Случилось так, что с дедом за столом,
В собрании гостей большом,
О вкусах начал спор его же внук, проказник.
Старик, разгорячась, сказал среди обеда:
«Щенок! тебе ль порочить деда?
Ты молод: всё тебе и редька, и свинина;
Глотаешь в день десяток дынь;
Тебе и горький хрен малина,
А мне и бланманже полынь!»

Читатель! в мире так устроено издавна:
Мы разнимся в судьбе,
Во вкусах и подавно;
Я это басней пояснил тебе.
С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен малина;
А мне и бланманже полынь.

---

[1] В 1-м издании (см. журнал «Современник» 1853 г.) эта басня была озаглавлена: «*Урок внучатам*», — в ознаменование действительного происшествия в семье Козьмы Пруткова.

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА

ДРЕВНЕЕ ГРЕЧЕСКОЕ

(ПОСВЯЩЕНО Г. ЩЕРБИНЕ)

Я недавно приехал в Коринф.
Вот ступени, а вот колоннада.
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада.

Целый день я на солнце сижу.
Трусь елеем вокруг поясницы.
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы.

Померанцы растут предо мной,
И на них в упоеньи гляжу я.
Дорог мне вожделенный покой.
«Красота! красота!» — всё твержу я.

А на землю лишь спустится ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем...
Всех рабов высылаю я прочь,
И опять натираюсь елеем.

* * *

РОМАНС

На мягкой кровати
Лежу я один.
В соседней палате
Кричит армянин.

Кричит он и стонет,
Красотку обняв,
И голову клонит,
Вдруг слышно: пиф-паф!..

Упала девчина
И тонет в крови...
Донской казачина
Клянется в любви...

А в небе лазурном
Трепещет луна;
И, с шнуром мишурным,
Лишь шапка видна.

В соседней палате
Замолк армянин.
На узкой кровати
Лежу я один.

ДРЕВНИЙ ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн.

Красивой хламиды тяжелые складки
Упали одна за другой...
Так в улье шумящем, вкруг раненой матки,
Снуёт озабоченный рой.

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

БАСНЯ

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растенье,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растеньем сим;
Пусть хорошенько прозябает».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растеньи вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что? хорошо ль растенье прозябает?»
— Изрядно, — тот в ответ: — прозябло
уж совсем!

Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово: «прозябает».

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Г. АПОЛЛОНУ ГРИГОРЬЕВУ, ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ ЕГО В «МОСКВИТЯНИНЕ» 1850-х ГОДОВ[1]

Толпой огромною стеснилися в мой ум
Разнообразные, удачные сюжеты,
С завязкой сложною, с анализом души
И с патетичною, загадочной развязкой.
Я думал в «мировой поэме» их развить,
В большом, посредственном иль в маленьком масштабе,
И уж составил план. И к миросозерцанью
Высокому свой ум стараясь приучить,
Без задней мысли, я к простому пониманью
Обыденных основ стремился всей душой.
Но верный новому в словесности ученью,
Другим последуя, я навсегда отверг:
И личности протест, и разочарованье,
Теперь дешевое, и модный наш дэндизм,
И без основ борьбу, страданья без исхода,
И антипатии болезненной причуды;
А чтоб не впасть в абсурд, изгнал экстравагантность...

Очистив главную творения идею
От ей несвойственных и пошлых положений,
Уж разменявшихся на мелочь в наше время,
Я отстранил и фальшь, и даже форсировку,
И долго изучал без устали, с упорством,
Свое, в изгибах разных, внутреннее «Я».
Затем, в канву избравши фабулу простую,

[1] В этом стихотворном письме К. Прутков отдает добросовестный отчет в безуспешности приложения теории литературного творчества, настойчиво проповеданной г. Аполлоном Григорьевым в «Москвитянине».

Я взгляд установил, чтоб мертвой копировкой
Явлений жизненных действительности грустной
Наносный не внести в поэму элемент.
И технике пустой не слишком предаваясь,
Я тщился разъяснить творения процесс,
И «слово новое» сказать в своем созданьи! . .

С задатком опытной практичности житейской,
С запасом творческих и правильных начал,
С избытком сил души и выстраданных чувств,
На данные свои взирая объективно,
Задумал типы я, и идеал создал;
Изгнал всё частное и индивидуальность;
И очертил свой путь, и лица обобщил;
И прямо, кажется, к предмету я отнесся;
И, поэтичнее его развить хотев,
Характеры свои зараней обусловил; —
Но разложенья вдруг нечаянный момент
Настиг мой славный план, и я вотще стараюсь
Хоть точку в сей беде исходную найти!

В АЛЬБОМ КРАСИВОЙ ЧУЖЕСТРАНКЕ

НАПИСАНО В МОСКВЕ

Вокруг тебя очарованье.
Ты бесподобна. Ты мила.
Ты силой чудной обаянья
К себе поэта привлекла.
Но он любить тебя не может:
Ты родилась в чужом краю,
И он охулки не положит,
Любя тебя, на честь свою.

СТАН И ГОЛОС

БАСНЯ

Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.
Вам это пояснить я басней рад.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надевши ваточный халат,
Присел к открытому окошку
И молча начал гладить кошку.
Вдруг голос горлицы внезапно услыхал...
«Ах, если б голосом твоим я обладал», —
Так молвил пристав: «я б у тёщи
Приятно пел в тенистой роще
И сродников своих пленял и услаждал!»
А горлица на то головкой покачала
И становому так, воркуя, отвечала:
— А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе.

ОСАДА ПАМБЫ

РОМАНСЕРО, С ИСПАНСКОГО

Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванью Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаясь.
И всё войско дона Педра,
Девять тысяч кастильянцев,
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко.
Всякий день они слабеют,
Силы тратя попустому.
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,
Закрываясь епанчею.
Настает уж год десятый.
Злые мавры торжествуют;
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек.
Их собрал дон Педро Гомец,
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим,
Без стыда и без боязни.
Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело

Перед совестью и честью:
Не нарушили ни разу
Нами данного обета, —
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»
Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев,
Все, качаяся на седлах,
В голос слабо закричали:
— Sancto Jago Compostello!
Честь и слава дону Педру,
Честь и слава Льву Кастильи! —
А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
— Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским. —
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана;
Он изрядно подшутил».

ЭПИГРАММА
№ II

Раз архитектор с птичницей спознался.
И что̀ ж? — в их детище смешались две натуры:
Сын архитектора, он строить покушался;
Потомок птичницы, он строил только — куры.

ДОБЛЕСТНЫЕ СТУДИОЗУСЫ

КАК БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ

Фриц Вагнер — студьозус из Иены,
Из Бонна — Иеро́нимус Кох,
Вошли в кабинет мой с азартом;
Вошли, не очистив сапог.

«Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней: Кох или Вагнер?» —
Спросили с бряцанием шпор.

— Друзья! вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил:
Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил. —

Ответом моим недовольны:
«Решай поскорее наш спор!» —
Они повторили с азартом
И с тем же бряцанием шпор.

Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен:
— Мне нравятся очень... *обои!* —
Сказал им и выбежал вон.

Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумьи
Студьозусы Вагнер и Кох.

ШЕЯ

МОЕМУ СОСЛУЖИВЦУ Г-НУ БЕНЕДИКТОВУ

Шея девы — наслажденье;
Шея — снег, змея, нарцис;
Шея — ввысь порой стремленье;
Шея — склон порою вниз.
Шея — лебедь, шея — пава,
Шея — нежный стебелек;
Шея — радость, гордость, слава;
Шея — мрамора кусок! . .
Кто тебя, драгая шея,
Мощной дланью обоймет?
Кто тебя, дыханьем грея,
Поцелуем пропечет?
Кто тебя, крутая выя
До косы от самых плеч
В дни июля огневые
Будет с зоркостью беречь:
Чтоб от солнца, в зной палящий,
Не покрыл тебя загар;
Чтоб поверхностью блестящей
Не пленился злой комар;
Чтоб черна от черной пыли
Ты не сделалась сама;
Чтоб тебя не иссушили
Грусть, и ветры, и зима?!

ПОМЕЩИК И ТРАВА

БАСНЯ

На родину со службы воротясь,
Помещик молодой, любя во всем успехи,
Собрал своих крестьян: «Друзья, меж нами связь —
Залог утехи;
Пойдемте же мои осматривать поля!»
И, преданность крестьян сей речью воспаля,
Пошел он с ними купно.
«Что̀ ж здесь мое?» — Да всё, — ответил голова: —
Вот тимофеева трава... —
«Мошенник!» — тот вскричал: «ты поступил преступно!
Корысть мне недоступна;
Чужого не ищу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалею;
Но эту возвратить немедля Тимофею!»

Оказия сия, по мне, уж не нова.
Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону.

НА ВЗМОРЬЕ

На взморье, у самой заставы,
Я видел большой огород.
Растет там высокая спаржа;
Капуста там скромно растет.

Там утром всегда огородник
Лениво проходит меж гряд;
На нем неопрятный передник;
Угрюм его пасмурный взгляд.

Польет он из лейки капусту;
Он спаржу небрежно польет;
Нарежет зеленого луку,
И после глубоко вздохнет.

Намедни к нему подъезжает
Чиновник на тройке лихой.
Он в теплых, высоких галошах;
На шее лорнет золотой.

«Где дочка твоя?» — вопрошает
Чиновник, прищурясь в лорнет.
Но, дико взглянув, огородник
Махнул лишь рукою в ответ.

И тройка назад поскакала,
Сметая с капусты росу...
Стоит огородник угрюмо
И пальцем копает в носу.

КАТЕРИНА

«Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?»
Цицерон.

«При звезде, большого чина,
Я отнюдь еще не стар...
Катерина! Катерина!»
— Вот несу вам самовар. —
«Настоящая картина!..»
— На стене, что ль? это где? —
«Ты картина, Катерина!»
— Да, в препорцию везде. —
«Ты девица; я мужчина...»
— Ну, так что же впереди? —
«Точно уголь, Катерина,
Что-то жжет меня в груди!»
— Чай горяч, вот и причина. —
«А зачем так горек чай?
Объясни мне, Катерина».
— Мало сахару, я чай? —
«Словно нет о нем помина!»
— А хороший рафинад. —
«Горько, горько, Катерина,
Жить тому, кто не женат!»
— Как монахи всё едино:
Холостой ли, иль вдовец! —
«Из терпенья, Катерина,
Ты выводишь наконец!!.»

НЕМЕЦКАЯ БАЛЛАДА

Барон фон-Гринвальдус,
Известный в Германьи,
В забралах и в латах,
На камне пред замком,
Пред замком Амальи,
Сидит, принахмурясь;
   Сидит и молчит.

Отвергла Амалья
Баронову руку! . .
Барон фон-Гринвальдус
От замковых окон
Очей не отводит
И с места не сходит;
   Не пьет и не ест.

Года за годами. . .
Бароны воюют,
Бароны пируют;
Барон фон-Гринвальдус,
Сей доблестный рыцарь,
Всё в той же позицьи
   На камне сидит.

ЧИНОВНИК И КУРИЦА

БАСНЯ

Чиновник толстенький, не очень молодой,
По улице, с бумагами подмышкой,
Потея и пыхтя и мучимый одышкой,
Бежал рысцой.
На встречных он глядел заботливо и странно,
Хотя не видел никого;
И колыхалася на шее у него,
Как маятник, с короной Анна.
На службу он спешил, твердя себе: «Беги,
Скорей беги! ты знаешь,
Что экзекутор наш с той и другой ноги
Твои в чулан упрячет сапоги,
Коль ты хотя немножко опоздаешь!»
Он всё бежал. Но вот
Вдруг слышит голос из ворот:
— Чиновник! окажи мне дружбу:
Скажи, куда несешься ты? — «На службу!»
— Зачем не следуешь примеру моему
Сидеть в спокойствии? признайся напоследок! —
Чиновник, курицу узревши эдак
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак:
Несусь я, точно так!
Но двигаюсь вперед; а ты несешься сидя!»

Разумный человек коль баснь сию прочтет,
То, верно, и мораль из оной извлечет.

ФИЛОСОФ В БАНЕ

С ДРЕВНЕГО ГРЕЧЕСКОГО

Полно меня, Левконоя, упругою гладить ладонью;
Полно по чреслам моим, вдоль поясницы скользить.
Ты позови Дискомета, ременно-обутого тавра:
В сладкой работе твоей быстро он сменит тебя.
Опытен тавр и силен; ему нипочем притиранья!
На спину вскочит как раз; в выю упрется пятой.
Ты же, меж тем, щекоти мне слегка безволосое темя;
Взрытый наукою лоб розами тихо укрась.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Спит залив. Эллада дремлет.
Под портик уходит мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя! нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь;
Ты смягчись, покуда ночь!
Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь...

Пусть же вихрем сабля свищет!
Мне Костаки не судья!
Прав Костаки, прав и я!
Пусть же вихрем сабля свищет;
Мне Костаки не судья!

В поле брани Разорваки
Пал за вольность, как герой.
Бог с ним! рок его такой.
Но зачем же жив Костаки,
Когда в поле Разорваки
Пал за вольность, как герой?!

Видел я вчера в заливе
Восемнадцать кораблей;
Все без мачт и без рулей...

Но султана я счастливей;
Лей вина мне, Зоя, лей!

Лей, пока Эллада дремлет,
Пока тщетно тщится мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя, нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

В АЛЬБОМ N. N.

Желанья вашего всегда покорный раб,
Из книги дней моих я вырву пол-страницы
И в ваш альбом вклею... Вы знаете, я слаб
Пред волей женщины, тем более девицы.
Вклею!.. Но вижу я, уж вас объемлет страх!
Змеей тоски моей пришлось мне поделиться;
Не целая змея теперь во мне, но — ах! —
Зато по пол-змеи в обоих шевелится.

ОСЕНЬ

С ПЕРСИДСКОГО, ИЗ ИБН-ФЕТА

Осень. Скучно. Ветер воет.
Мелкий дождь по окнам льет.
Ум тоскует; сердце ноет;
И душа чего-то ждет.

И в бездейственном покое
Нечем скуку мне отвесть...
Я не знаю: что̀ такое?
Хоть бы книжку мне прочесть!

ЗВЕЗДА И БРЮХО

БАСНЯ

На небе, вечерком, светилася звезда.
Был постный день тогда:
Быть может пятница, быть может середа.
В то время по̀ саду гуляло чье-то брюхо
И рассуждало так с собой,
Бурча и жалобно и глухо:
«Какой
Хозяин мой
Противный и несносный!
Затем, что день сегодня постный,
Не станет есть, мошенник, до звезды;
Не только есть, — куды! —
Не выпьет и ковша воды! ..
Нет, право, с ним наш брат не сладит:
Знай бродит по̀ саду, ханжа,
На мне ладони положа;
Совсем не кормит, только гладит.»

Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.
Звезда, прищурившись, глядит на край окольный;
То спрячется за колокольней,
То выглянет из-за угла,
То вспыхнет ярче, то сожмется,
Над животом исподтишка смеется...
Вдруг брюху ту звезду случилось увидать.
Ан хвать!
Она уж кубарем несется
С небес долой,
Вниз головой,

И падает, не удержав полета,
Куда ж? — в болото!
Как брюху быть? кричит: «ахти» да «ах!»
И ну ругать звезду всердцах.
Но делать нечего: другой не оказалось,
И брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось,
Хоть вечером, а натощак.

Читатель! басня эта
Нас учит не давать, без крайности, обета
Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься, для душеспасенья,
То мой совет
(Я говорю из дружбы),
Спасайся, слова нет,
Но главное: не отставай от службы!
Начальство, день и ночь пекущееся о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда, — в день постный, в день скоромный, —
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо̀ кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

ПУТНИК

БАЛЛАДА

Путник едет косогором;
Путник по полю спешит.
Он обводит тусклым взором
Степи снежной грустный вид.

— Ты к кому спешишь навстречу,
Путник гордый и немой? —
«Никому я не отвечу;
Тайна то души больной!

Уж давно я тайну эту
Хороню в груди своей,
И бесчувственному свету
Не открою тайны сей:

Ни за знатность, ни за злато,
Ни за груды серебра,
Ни под взмахами булата,
Ни средь пламени костра!»

Он сказал — и вдаль несется
Косогором, весь в снегу.
Конь испуганный трясется,
Спотыкаясь на бегу.

Путник с гневом погоняет
Карабагского коня.
Конь усталый упадает,

Седока с собой роняет
И под снегом погребает
Господина и себя.

Схороненный под сугробом,
Путник тайну скрыл с собой.
Он пребудет и за гробом
Тот же гордый и немой.

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет зàмок Памбра.
Спит Эстремадура.

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколату.

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна!

За двумя решетками
Пусть меня клянет;
Пусть шевелит чётками,
Старика зовет.

Слышу на балконе
Шорох платья, — чу! —
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница!
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!..

О синьора милая,
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальеро.

Здесь, перед бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

Но в такой позиции
Я боюся, страх,
Чтобы инквизиции
Не донес монах!

Уж недаром мерзостный,
Старый альгвазил
Мне рукою дерзостной
Давеча грозил.

Но его, для сраму, я
Маврою [1] одену;
Загоню на самую
На Сьерра-Морену!

И на этом месте,
Если вы мне рады,
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире;

---

[1] Здесь, очевидно, разумеется племенное имя: *Мавр, мавританин*, а не женщина *Мавра*. Впрочем, это объяснение даже лишнее, потому что о другом магометанском племени тоже говорят иногда в женском роде: *турка*. Ясно, что этим определяются восточные нравы. *Примечание К. Пруткова.*

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О торреадорах
И об Эскурьяле...

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет зàмок Памбра.
Спит Эстремадура.

ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ СТАРУХЕ

ЕСЛИ Б ОНА ДОМОГАЛАСЬ МОЕЙ ЛЮБВИ

ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛУ

Отстань, беззубая! .. твои противны ласки!
С морщин бесчисленных искусственные краски,
Как известь, сыплются и падают на грудь.
Припомни близкий Стикс, и страсти позабудь!
Козлиным голосом не оскорбляя слуха,
Замолкни, фурия! .. Прикрой, прикрой, старуха,
Безвласую главу, пергамент желтых плеч
И шею, коею ты мнишь меня привлечь!
Разувшись, на руки надень свои сандальи;
А ноги спрячь от нас куда-нибудь подалей!
Сожженной в порошок, тебе бы уж давно
Во урне глиняной покоиться должно.

ПАСТУХ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ

БАСНЯ

Однажды нес пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.

Читатель! он тебе не попадался?

РОДНОЕ

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА И. С. АКСАКОВУ[1]

В борьбе суровой с жизнью душной
Мне любо сердцем отдохнуть;
Смотреть, как зреет хлеб насущный,
Иль как мостят широкий путь.
Уму легко, душе отрадно,
Когда увесистый, громадный,
Блестящий искрами гранит
В куски под молотом летит...
Люблю подсесть подчас к старухам,
Смотреть на их простую ткань.
Люблю я слушать русским ухом
На сходках родственную брань.

Вот собралися: «Эй, ты, леший!
А где зипун?» — Какой зипун? —
«Куда ты прешь? знай, благо, леший!»
— Эк, чортов сын! — «Эк, старый врун!»
. . . .
. . . .
И так друг друга, с криком вящим,
Язвят в колене восходящем.

---

[1] Здесь помещается только отрывок недоконченного стихотворения, найденного в сафьянном портфеле Козьмы Пруткова, имеющем золоченую печатную надпись: *«Сборник неоконченного (d'inachevé) № 2»*.

БЛЁСТКИ ВО ТЬМЕ

Над плакучей ивой
Утренняя зорька...
А в душе тоскливо
И во рту так горько.

Дворик постоялый
На большой дороге...
А в душе усталой
Тайные тревоги.

На озимом поле
Псовая охота...
А на сердце боли
Больше отчего-то.

В синеве небесной
Пятнышка не видно...
Почему ж мне тесно?
Отчего ж мне стыдно?

Вот я снова дома;
Убрано роскошно...
А в груди истома
И как будто тошно!

Свадебные брашна,
Шутка-прибаутка...
Отчего ж мне страшно?
Почему ж мне жутко?

ПЕРЕД МОРЕМ ЖИТЕЙСКИМ[1]

Всё стою на камне, —
Дай-ка, брошусь в море...
Что́ пошлет судьба мне:
Радость или горе?

Может, озадачит...
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда — не видит.

---

[1] Напоминаем, что это стихотворение написано Козьмою Прутковым в момент отчаяния и смущения его по поводу готовившихся правительственных реформ. (См. об этом выше, в «Биографических сведениях».)

МОЙ СОН

Уж солнце зашло; пылает заря.
Небесный покров, огнями горя,
Прекрасен.
Хотелось бы ночь напролет проглядеть
На горнюю чудную звездную сеть;
Но труд мой — усталость и сон одолеть —
Напрасен!

Я силюсь не спать, но клонит ко сну.
Боюся, о музы, вдруг я засну
Сном вечным?
И кто мою лиру в наследство возьмет?
И кто мне чело вкруг венком обовьет?
И плачем поэта в гробу помянёт
Сердечным?

Ах! вот он, мой страж! милашка луна! ..
Как пышно, средь звезд, несется она,
Блистая! ..
И с верой предавшись царице ночей,
Поддался я воле усталых очей,
И видел во сне, среди светлых лучей,
Певца я.

И снилося мне, что я тот певец;
Что в тайные страсти чуждых сердец
Смотрю я,
И вижу все думы сокрытые их,
А звуки рекой из-под пальцев моих
Текут по вселенной со струн золотых,
Чаруя.

И слава моя гремит, как труба.
И песням моим внимает толпа
Со страхом.
Но вдруг я замолк, заболел, схоронен;
Землею засыпан; слезой орошен...
И в честь мне воздвигли семнадцать колонн
Над прахом.

И к Фебу предстал я, чудный певец,
И с радостью Феб надел мне венец
Лавровый.
И вкруг меня нимфы теснятся толпой;
И Зевс меня гладит всесильной рукой;
Но — ах! — я проснулся, к несчастью, живой,
Здоровый!

ПРЕДСМЕРТНОЕ

НАЙДЕНО НЕДАВНО, ПРИ РЕВИЗИИ ПРОБИРНОЙ ПАЛАТКИ, В ДЕЛАХ СЕЙ ПОСЛЕДНЕЙ

Вот час последних сил упадка
От органических причин. . .
Прости, Пробирная Палатка,
Где я снискал высокий чин,
Но музы не отверг объятий
Среди мне вверенных занятий!

Мне до могилы два-три шага. . .
Прости, мой стих! и ты, перо!
И ты, о писчая бумага,
На коей сеял я добро!
Уж я — потухшая лампадка,
Иль опрокинутая лодка!

Вот. . . все пришли. . . Друзья, бог по́мочь! . .
Стоят гишпанцы, греки вкруг. . .
Вот юнкер Шмидт. . . Принес Пахомыч
На гроб мне незабудок пук. . .
Зовет Кондуктор. . . *Ах!* . .

Необходимое объяснение

Это стихотворение, как уже указано в заглавии оного, найдено недавно, при ревизии Пробирной Палатки, в секретном деле, за время управления сею Палаткою Козьмы Пруткова. Сослуживцы и подчиненные покойного, допрошенные господином ревизором порознь, единогласно показали: что стихотворение сие написано им, вероятно, в тот самый день и даже перед самым тем мгновением, когда все чиновники Палатки были внезапно, в присутственные часы, потрясены и испуганы громким воплем «*Ах!*», раздавшимся из директор-

ского кабинета. — Они бросились в этот кабинет и усмотрели там своего директора, Козьму Петровича Пруткова, недвижимым, в кресле перед письменным столом. Они бережно вынесли его, в этом же кресле, сначала в приемный зал, а потом в его казенную квартиру, где он мирно скончался через три дня. — Господин ревизор признал эти показания достойными полного доверия, по следующим соображениям: 1) почерк найденной рукописи сего стихотворения во всем схож с тем несомненным почерком усопшего, коим он писал свои собственноручные доклады по секретным делам и многочисленные административные проекты; 2) содержание стихотворения вполне соответствует объясненному чиновниками обстоятельству и 3) две последние строфы сего стихотворения писаны весьма нетвердым, дрожащим почерком, с явным, но тщетным усилием соблюсти прямизну строк; а последнее слово: «*Ах!*» даже не написано, а как бы вычерчено, густо и быстро, в последнем порыве улетающей жизни. Вслед за этим словом имеется на бумаге большое чернильное пятно, происшедшее явно от пера, выпавшего из руки. — На основании всего вышеизложенного, господин ревизор, с разрешения министра финансов, оставил это дело без дальнейших последствий, ограничившись извлечением найденного стихотворения из секретной переписки директора Пробирной Палатки и передачею оного совершенно частно, через сослуживцев покойного Козьмы Пруткова, ближайшим его сотрудникам. Благодаря такой счастливой случайности, это предсмертное знаменательное стихотворение Козьмы Пруткова делается в настоящее время достоянием отечественной публики. — Уже в последних двух стихах 2-й строфы несомненно выказывается предсмертное замешательство мыслей и слуха покойного; а читая третью строфу, мы как бы присутствуем лично при прощании поэта с творениями его музы. Словом, в этом стихотворении отпечатлелись все подробности любопытного перехода Козьмы Пруткова в иной мир, прямо с должности директора Пробирной Палатки.

II

ЭПИГРАММА № II

Мне, в размышлении глубоком,
Сказал однажды Лизимах:
«Что зрячий зрит здоровым оком,
Слепой не видит и в очках!»

К ТОЛПЕ

Клейми, клейми, толпа, в чаду сует всечасных,
Из низкой зависти, мой громоносный стих:
Тебе не устрашить питомца муз прекрасных,
Тебе не сокрушить треножников златых!..
Озлилась ты?! так зри ж, каким огнем презренья,
Какою гордостью горит мой ярый взор,
Как смело черпаю я в море вдохновенья
Свинцовый стих тебе в позор!

Да, да! клейми меня!.. Но не бесславь восторгом
Своим бессмысленным поэта вещих слов!
Я ввек не осрамлю себя презренным торгом,
Вовеки не склонюсь пред сонмищем врагов.
Я вечно буду петь и песней наслаждаться,
Я вечно буду пить чарующий нектар.
Раздайся ж, прочь, толпа!.. довольно насмехаться!
Тебе ль познать Пруткова дар?!

Постой! скажи, за что̀ ты злобно так смеешься?
Скажи: чего давно так ждешь ты от меня?
Не льстивых ли похвал?! Нет, их ты не дождешься!
Призванью своему по гроб не изменя,
Но с правдой на устах, улыбкою дрожащих,
С змеею желчною в изношенной груди,
Тебя я наведу, в стихах, огнем палящих,
На путь с неправого пути!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КРОНШТАДТА

Еду я на пароходе, —
Пароходе винтовом;
Тихо, тихо всё в природе,
Тихо, тихо всё кругом,
И, поверхность разрезая
Темно-синей массы вод,
Мерно крыльями махая,
Быстро мчится пароход.
Солнце знойно, солнце ярко,
Море смирно, море спит,
Пар густою черной аркой
К небу чистому бежит...

На носу опять стою я,
И стою я как утес,
Песни солнцу в честь пою я,
И пою я не без слез!

С крыльев[1] влага золотая
Льется шумно, как каскад,
Брызги, в воду упадая,
Образуют водопад —
И кладут подчас далеко
Много по морю следов
И премного и премного
Струек, змеек и кругов.

Ах! не так ли в этой жизни,
В этой юдоли забот,

---

[1] Необразованному читателю родительски объясню, что крыльями называются в пароходе лопасти колеса или двигательного винта. *Примечание К. Пруткова.*

В этом море, в этой призме
Наших суетных хлопот,
Мы — питомцы вдохновенья —
Мещем в свет свой громкий стих
И кладем в одно мгновенье
След во всех сердцах людских?

Так я думал, с парохода
Быстро на берег сходя,
И пошел среди народа,
Смело в очи всем глядя.

ЭПИГРАММА
№ III

Пия душистый сок цветочка,
Пчела дает нам мед взамен;
Хотя твой лоб пустая бочка,
Но всё же ты не Диоген.

ПЯТКИ НЕКСТАТИ

БАСНЯ

У кого болит затылок,
Тот уж пяток не чеши!
Мой сосед был слишком пылок
(Жил в деревне он, в глуши):
Раз случись ему, гуляя,
Головой задеть сучок;
Он, недолго размышляя,
Осердяся на толчок,
Хвать рукой за обе пятки —
И затем в грязь носом хвать!
Многие привычки гадки,
Но скверней не отыскать
Пятки попусту чесать!

К ДРУЗЬЯМ ПОСЛЕ ЖЕНИТЬБЫ

Я женился; небо вняло
Нашим пламенным мольбам;
Сердце сердцу весть подало,
Страсть ввела нас в светлый храм.

О друзья! ваш страх напрасен;
У меня ль не твердый нрав?
В гневе я суров, ужасен,
Страж лихой супружних прав.

Есть для мести черным ковам
У женатого певца
Над кроватью, под альковом,
Нож, ружье и фунт свинца!

Нож вострей швейцарской бритвы;
Пули меткие в мешке;
А ружье на поле битвы
Я нашел в сыром песке...

Тем ружьем в былое время
По драхвам певец стрелял
И, клянусь, всегда им в темя
Всем зарядом попадал!

ОТ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА К ЧИТАТЕЛЮ В МИНУТУ ОТКРОВЕННОСТИ И РАСКАЯНЬЯ

С улыбкой тупого сомненья, профан, ты
Взираешь на лик мой и гордый мой взор;
Тебе интересней столичные франты,
Их пошлые толки, пустой разговор.

Во взгляде твоем я, как в книге, читаю,
Что суетной жизни ты верный клеврет,
Что нас ты считаешь за дерзкую стаю,
Не любишь; — но слушай, что значит поэт.

Кто с детства, владея стихом по указке,
Набил себе руку и с детских же лет
Личиной страдальца, для вящей огласки,
Решился прикрыться, — тот истый поэт!

Кто, всех презирая, весь мир проклинает,
В ком нет состраданья и жалости нет,
Кто с смехом на слезы несчастных взирает, —
Тот мощный, великий и сильный поэт! —

Кто любит сердечно былую Элладу,
Тунику, Афины, Ахарны, Милет,
Зевеса, Венеру, Юнону, Палладу, —
Тот чудный, изящный, пластичный поэт!

Чей стих благозвучен, гремуч, хоть без мысли,
Исполнен огня, водометов, ракет,
Без толку, но верно по пальцам расчислен, —
Тот также, поверь мне, великий поэт!..

Итак, не пугайся ж, встречаяся с нами,
Хотя мы суровы и дерзки на вид
И высимся гордо над вами главами; —
Но кто ж нас иначе в толпе отличит?!

В поэте ты видишь презренье и злобу;
На вид он угрюмый, больной, неуклюж;
Но ты загляни хоть любому в утробу, —
Душой он предобрый и телом предюж.

К МЕСТУ ПЕЧАТИ

М. П.

Люблю тебя, печати место,
Когда, без сургуча, без теста,
А так, как будто уголько̀м,
«М. П.» очерчено кружком!

Я не могу, живя на свете,
Забыть *покоя* и *мыслете*,
И часто я, глядя с тоской,
Твержу: *«мыслете* и *покой»!*

⟨ВОЕННЫЕ АФОРИЗМЫ ФАДДЕЯ КОЗЬМИЧА ПРУТКОВА⟩

ДЛЯ Г. Г. ШТАБ- И ОБЕР-ОФИЦЕРОВ, С ПРИМЕНЕНИЕМ К ПОНЯТИЯМ И НИЖНИХ ЧИНОВ

Примечание. Из этих, дошедших до нас случайно, размышлений Фаддея Козьмича мы видим с удивлением, как даровитый сын гениального отца усвоивал себе понятия своего века, постоянно его опережая, хотя иногда и заметна борьба между старым и новым временем, на которую обращаем внимание читателя в особых выносках, сделанных, впрочем, на рукописи не нами, а неизвестною рукою, вероятно, командира того полка, где служил ⟨покойный⟩.

1. Нет адъютанта без аксельбанта. [1]

---

2. Подавая сигналы в рог,
Будь всегда справедлив, но строг.

3. Не для какой-нибудь Анюты
Из пушек делаются салюты.

---

4. Строя солдатам новые шинели,
Не забывай, чтоб они пили и ели. [2]

---

[1] Разумеется.

[2] Здесь видна похвальная заботливость. Я всегда был того же мнения.

5. Фуражировка и ремонтерство
Требуют сноровки и прозорства.

---

6. Во всем покорствуя воле монаршей,
Не уклоняйся от контр-маршей.

---

7. Не бракуй рекрута за то, что ряб,
Не всякий в армии Глазенап. [1]

---

8. Что в конце шеренги стоит фланговый, —
Это для многих дико и ново. [2]

---

9. Насколько полковник с Акулиной знаком,
Не держи пари с полковым попом. [3]

---

10. Что рота на взводы разделяется,
В этом никто не сомневается.

---

11. Да будет целью солдатской амбиции
Точная пригонка амуниции. [4]

---

12. Хоть твои ребята полны коросты,
Все ж годятся на аван-посты.

---

13. Что нельзя командовать шопотом,
Это доказано опытом.

---

[1] Должно быть, был красавец, но я принял полк уже по его выбытьи.

[2] Разве для вновь поступающих.

[3] Обыграет наверняка, по случаю исповеди.

[4] Солдат имеет и другую амбицию: служить престол-отечеству. Странно ограничивать цель стремлений.

14. Лучшую жидовскую квартиру
Следует отводить командиру.[1]

---

15. В летнее время, под тенью акации,
Приятно мечтать о дизлокации.

---

16. Проходя город Кострому,
Заезжай справа по одному.[2]

---

17. Чтобы полковнику служба везла,
Он должен держать полкового козла.[3]

---

18. В гарнизонных стоянках довольно примеров,
Что дети похожи на г. г. офицеров.[4]

19. Курящий цыгару над камуфлетом
Рискует быть отпетым.

---

20. Во время дела сгоряча
Не стреляй в полкового врача.

---

21. Два голубя как два родные брата жили —
А есть ли у тебя с наливкою бутыли?[5]

---

22. Если ни правый, ни левый фланг
У тебя ненадежны — пишися: кранк.

---

[1] Отчего же жидовскую?
[2] Это можно отнести и к другим городам. Видна односторонность.
[3] В этом нет никакого смысла. К чему тут козел?
[4] Я сам это заметил.
[5] Довольно остро.

23. За то нас любит отец Герасим,
Что мы ему бороду фаброй красим.

---

24. Для ремонтерства и фуражировки
Трудно обойтись без сноровки.[1]

---

25. Будь расторопен — и от году до году
Полк принесет тебе боле доходу.[2]

---

26. Оттого наши командиры и лысы,
Что у них прическу объели крысы.[3]

---

27. В том каптенармусова Варвара
Винюю, что щи у нас без привара.

---

28. Часто завидую я сорокам,
Что у них служба с коротким сроком.[4]

---

29. На берегах Ижоры и Тосны
Наши гвардейцы победоносны.[5]

---

30. Что нету телесного наказания,
Это зависит от приказания.[6]

---

31. Не говори: меня бить не по чину;
Спорют погоны и выпорют спину.[7]

---

[1] Повторение. Было уже сказано в п. 5.

[2] Да, когда справочные цены высоки.

[3] Это прямо на меня. Если б он не скончался, я посадил бы его под арест.

[4] Опять нет смысла. Сороки не служат.

[5] Неприличный намек на маневры.

[6] Совершенно справедливо.

[7] Отсталое понятие. У меня в полку не бьют с тех пор, как запрещено.

А К. Толстой

32. То не может понравиться бабам,
Когда скопец командует штабом. [1]

---

33. Кто не брезгает солдатской задницей,
Тому и фланговый служит племянницей. [2]

---

34. Клапан, погончик, петличка, репей —
С этим солдат хоть не ешь и не пей. [3]

---

35. Что за беда, что ни хлеба, ни кваса, —
Пуля найдет солдатское мясо. [4]

---

36. Не говори в походе: я слаб,
Смотри, как шагает Глазенап. [5]

---

37. У бережливого командира в поход
Хоть нет сухарей, а есть доход. [6]

---

38. Хоть моя команда и слабосильна,
Зато в кармане моем обильно. [7]

---

39. Пусть умирают дураки,
Были б целы тюфяки.

---

40. Если прострелят тебя в упор,
Пой: Ширин, верин, ристофор.

---

[1] Когда же это бывает?

[2] Во-первых, плохая рифма. Во-вторых, страшный разврат, заключающий в себе идею двоякого греха. На это употребляются не фланговые, а барабанщики.

[3] Ну, это преувеличено.

[4] Видна некоторая жестокость.

[5] Опять Глазенап. В списках значится: переведен в гвардию. Жаль, что не застал, когда принял полк, я бы ставил его в пример в каждом приказе.

[6] Если б он не умер, я нарядил бы его на три лишних дежурства.

[7] Дерзость. Счастье, что умер. Не забыть сказать Герасиму, чтобы перестал поминать.

41. Марш вперед! Ура... Россия!
Лишь амбиция была б!
Брали форты не такие
Бутеноп и Глазенап!

Продолжай атаку смело,
Хоть тебе и пуля в лоб —
Посмотри, как лезут в дело
Глазенап и Бутеноп.

А отбой когда затрубят,
Не минуй румяных баб —
Посмотри, как их голубят
Бутеноп и Глазенап.

Если двигаются тихо,
Не жалей солдатских ... —
Посмотри, как порют лихо
Глазенап и Бутеноп.

Пусть тебя навылет ранят,
Марш вперед на вражий штаб —
Слышишь, там как барабанят
Бутеноп и Глазенап.

Но враги уж отступают,
В их сердца проник озноб —
Посмотри, как их пугают
Глазенап и Бутеноп.

Стой! Шабаш! Языци сдались,
Каждый стал России раб —
Посмотри, как запыхались
Бутеноп и Глазенап.

Мир подписан, все пируют,
Бал дает бригадный поп —

Посмотри, как вальсируют
Глазенап и Бутеноп. [1]

---

42. Если ты голоден и наг,
Будь тебе утехой учебный шаг.

---

43. По мне, полковник хоть провалился,
Жила б майорская Василиса. [2]

---

44. Худо, когда в дивизии
Недостает провизии. [3]

---

45. Не спрашивай: какой там редут,
А иди куда ведут.

---

46. Держи только свою дирекцию,
А тебе уж сделают вивисекцию. [4]

---

47. Матерьялисты и нигилисты
Разве годятся только в горнисты. [5]

---

48. Казначей уж как ни верти,
А всё недостает сотен пяти. [6]

---

[1] Это совсем не афоризмы, а более сбивается на солдатскую песню. Впрочем, написано в хорошем духе. Велю адъютанту передать песенникам. Но кто же Бутеноп? В последней строке фамилии перековерканы. Приказать аудитору, чтоб переправил, сохраняя рифму.

[2] Покорно благодарю.

[3] А в полку еще хуже.

[4] Должно быть, посещал университет. У нас гостила дочь инженера из Водяных Сообщений, сама потрошила лягушек. Г. г. офицеры очень хвалили.

[5] Ну, нет, сомневаюсь. На это нужны грудь и ухо.

[6] Можно пополнить раскладкою на непредвиденные расходы.

49. Если ищешь рифмы на: Европа,
То спроси у Бутенопа. [1]

---

50. Ешь себе кашу с сальцем,
А команду считай по пальцам.

---

51. Ай, фирли-фить, тюрлю-тютю.
У нашего майора задница в дегтю. [2]

---

52. Будь в отступлении проворен,
Как перед Крестовским Корш и Суворин.

---

53. Суворин и Буренин, хотя и штатские,
Но в литературе те же фурштатские. [3]

54. Не смотри, что в ранце дыра —
Иди вперед и кричи: ура!

55. То-то житье было в штабу,
Когда начальником был Коцебу. [4]

---

56. Не дерись на дуэли, если жизнь дорога,
Откажись, как Буренин, и ругай врага. [5]

---

57. Что все твои одеколоны,
Когда идешь позади колонны.

---

[1] Кстати подвернулся Бутеноп. Ну, а если бы его не было? Приказать аудитору, чтобы подыскал еще рифмы к Европа, кроме...

[2] Когда это было: я что-то не припомню.

[3] Что это за люди? Никогда про них не слыхал. Должно быть, из фурлейтов?

[4] С этим я согласен.

[5] Вишь, прохвост.

58. Отнесем, Акулина, попу фунт чаю —
Без того, говорит, не обвенчаю.

59. Охота полковому попу
Вплоть до развода ездить на пупу.

60. Сумка, лядунка, манерка, лафет —
Господин поручик, кеске-ву-фет?[1]

61. При виде исправной амуниции
Как презренны все конституции![2]

62. Не будь никогда в обращении груб —
Смотри, как себя держит Глазенап.[3]

63. Боже мой, боже мой, как я рад,
Завтра назначен церковный парад.[4]

64. Всем завтра ехать к преосвященному,
Человеку умному и почтенному.

65. Господам офицерам, подходя к руке,
Держать палец на темлячке.

66. Чтоб во время закуски господа юнкера
Не прятали осетров в кивера.

67. Наказать юнкеру Шмидту,
Чтоб быть ему чище обриту.

68. Мне с адъютантом и с маиором
Занимать владыку разговором.

---

[1] Украдено. Это любимая поговорка нашего полкового доктора.
[2] Мысль хороша, но рифма никуда не годится. Приказать аудитору исправить.
[3] Отдать аудитору.
[4] Вот это хорошо.

69. Прочим в почтительном расстоянии
Опустить взор и хранить молчание.

70. Лишь только кончится обед,
Всем грянуть залпом: Много лет.

71. Перед отъездом, подходя к руке,
Опять держать палец на темлячке. [1]

---

72. Есть ли на свете что-нибудь горше,
Как быть сотрудником при Корше? [2]

---

73. Не нам, господа, подражать Плинию,
Наше дело выравнивать линию.

74. Не нужны нам никакие фермы-модели,
Были бы сводни и бордели.

75. Для нас овцеводство и скотоводство —
Это, господа, наше производство. [3]

---

76. Наш полковник, хотя и не пьяница,
Но зато фабрится и румянится. [4]

---

77. Ах, господа! Быть беде! —
Г. полковник сидит на биде. [5]

---

[1] Да какие же это афоризмы? Это взято прямо из моего приказа, когда мы всем полком ездили поздравить владыку.

[2] В этом афоризме не вижу ничего военного. И кто опять этот Корш?

[3] Опять всё это украдено. Всё из моей речи, которую я говорил в день водосвятия.

[4] Ах он прохвост! Если я когда и употреблял румяны, то, конечно, не для лица, а ему почему знать.

[5] Неправда. Никогда в жизни не сиживал.

78. Г.г. офицеры! Шилдышивалды!
Пустимтесь вприсядку, поднявши фалды. [1]

---

79. Что̀ бы нам, господа, взять по хлысту,
Постегать прохожих на мосту. [2]

---

80. Тому удивляется вся Европа,
Какая у полковника обширная шляпа. [3]

---

81. Будемте, господа, стоять по чину,
Пока адъютант выводит «Лучину». [4]

---

82. Все у меня одеты по форме,
Зачем мне заботиться о корме? [5]

---

83. Господа, откроемте подписку,
Поднесем полковнику глиняную миску. [6]

---

84. Если продуемся, в карты играя,
Поедем на Волынь для обрусения края.

---

[1] Видно похвальное сближение с нижними чинами. Не забыть отнести к прогрессу.

[2] Шалость, могущая навлечь неприятности. Справиться, было ли исполнено.

[3] Чему удивляться? Обыкновенная, с черным султаном. Я от формы не отступаю. Насчет неправильной рифмы, отдать аудитору, чтобы приискал другую.

[4] Это когда мы ездили в Житомир на пикник.

[5] Если встретимся на том свете, посажу в нужник под арест на две недели.

[6] Отчего же глиняную? Неуместная шутка.

85. Или выпросим комиссию на Подоле
И останемся там как можно доле. [1]

86. Начнем с того обрусение,
Что каждый себе выберет имение.

87. Действуя твердо и предвзято,
Можно добраться и до маиората.

88. Хоть мы русское имя осрамим,
Зато послужим себе самим.

89. Те, кто помещиков польских душили,
Делали пробу. . . . .

90. Когда совсем уж ограбим их,
Тогда доберемся и до своих.

91. Держаться партии народной
И современно и доходно.

92. Люблю за то меньшую братию,
Что ею колю аристократию.

93. Хорошо ловить рыбу, где ток воды мутен.
Да здравствует Черкасский и Милютин! [2]

---

94. Сегодня не поеду на развод,
У меня немного болит живот.

95. Даже с трудом на ногах стою —
Принести мне бобровую струю.

96. Шум в ушах и на языке кисло,
Нижняя губа совсем отвисла.

[1] Я и сам не прочь, но, говорят, все места розданы. Следовало бы распространить и на остальные губернии.

[2] Совершенно сбился с толку. Тут нет ничего военного. Более относится к гражданской деятельности.

97. Уж не разбит ли я параличем?
Послать за полковым врачем.

98. Спереди плохо, сзади еще хуже,
Точно сижу я в холодной луже.

99. Не надо боле ни лекарства, ни корму,
Оденьте меня в парадную форму.

100. Ширин, вырин, штык молодец —
Не могу боле — приходит конец. . . [1]

---

[1] Нечего сказать, умер как солдат. Приказать слабосильной команде, чтоб похоронила его с почестями. Отменяю прежнее приказание и позволяю Герасиму поминать. Соорудить над его могилой небольшой памятник, в виде кивера, с надписью: «Был исправен». Издержки разложить на покупку муки, а также наверстать уменьшением привара к солдатским пайкам. Остаток от расходов в кассу не класть, а передать мне лично.

ЦЕРЕМОНИАЛ

ПОГРЕБЕНИЯ ТЕЛА В БОЗЕ УСОПШЕГО ПОРУЧИКА И КАВАЛЕРА ФАДДЕЯ КОЗЬМИЧА П......

СОСТАВЛЕН АУДИТОРОМ ВМЕСТЕ С ПОЛКОВЫМ АДЪЮТАНТОМ 22-ГО ФЕВРАЛЯ 1821 ГОДА, В ЖИТОМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ, БЛИЗ ГОРОДА РАДЗИВИЛЛОВА

Утверждаю. Полковник. [1]

1. Впереди идут два горниста,
Играют отчетисто и чисто.

2. Идет прапорщик Густав Бауер,
На шляпе и фалдах несет трауер.

3. По обычаю, искони заведенному,
Идет маиор, пеший по-конному.

4. Идет каптен-армус во главе капральства,
Пожирает глазами начальство.

5. Два фурлейта ведут кобылу.
Она ступает тяжело и уныло.

6. Это та самая кляча,
На которой ездил виновник плача.

7. Идет с печальным видом казначей,
Проливает слезный ручей.

8. Идут хлебопеки и квартирьеры,
Хвалят покойника манеры.

---

[1] Для себя я, разумеется, места не назначил. Как начальник, я должен быть в одно время везде и предоставляю себе разъезжать по линии и вдоль колонны.

9. Идет аудитор, надрывается,
С похвалою о нем отзывается.

10. Едет в коляске полковой врач,
Печальным лицом умножает плач.

11. На козлах сидит фершал из Севастополя,
Поет плачевно: «Не одна во́ поле. . .»

12. Идет с кастрюлею квартирмейстер,
Несет для кутьи крахмальный клейстер.

13. Идет маиорская Василиса,
Несет тарелку, полную риса.

14. Идет с блюдечком отец Герасим,
Несет изюмцу гривен на семь.

15. Идет первой роты фельдфебель,
Несет необходимую мебель.

16. Три бабы, с флером вокруг повойника,
Несут любимые блюда покойника:

17. Ножки, печенку и пупок под соусом;
Все три они вопят жалобным голосом.

18. Идут Буренин и Суворин,
Их плач о покойнике непритворен.

19. Идет, повеся голову, Корш,
Рыдает и фыркает, как морж.

20. Идут гуси, индейки и утки,
Здесь помещенные боле для шутки.

21. Идет мокрая от слез курица,
Не то смеется, не то хмурится.

22. Едет сама траурная колесница,
На балдахине поет райская птица.

23. Идет слабосильная команда с шанцевым
струментом,
За ней телега с кирпичем и цементом.

24. Меж двух прохвостов идет уездный зодчий,
Рыдает изо всей мочи.

25. Идут четыре ветеринара,
С клистирами, на случай пожара.

26. Г.г. юнкера несут регалии:
Пряжку, темляк, репеек и так далее.

27. Идут г.г. офицеры по два в ряд,
О новой вакансии говорят.

28. Идут славянофилы и нигилисты;
У тех и у других ногти не чисты:

29. Ибо, если они не сходятся в теории вероятности,
То сходятся в неопрятности,

30. И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее,
Русского безбожия и православия.

31. На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.

32. Первые утверждают, что кто умрет,
Тот весь обращается в кислород.

33. Вторые — что он входит в небесные угодия
И делается братчиком Кирилла-Мефодия.

34. И что верные вести оттудова
Получила сама графиня Блудова.

35. Для решения этого спора
Стороны приглашают аудитòра.

36. Аудитор говорит: «Рай-диди-рай!
Покойник отправился прямо в рай».

37. С этим отец Герасим соглашается
И погребение совершается...

Исполнить как сказано выше.

Полковник:

Примечание полкового адъютанта

После тройного залпа из ружей, в виде последнего салюта человеку и товарищу, г. полковник вынул из заднего кармана батистовый платок и, отерев им слезы, произнес следующую речь:

1. Г.г. штаб- и обер-офицеры,
Мы проводили товарища до последней квартиры.

2. Отдадим же долг его добродетели:
Он умом равен Аристотелю.

3. Стратегикой уподоблялся на войне
Самому Кутузову и Жомини.

4. Бескорыстием был равен Аристиду —
Но его сразила простуда.

5. Он был красою человечества,
Помянем же добром его качества.

6. Г.г. офицеры, после погребения
Прошу вас всех к себе на собрание.

7. Я поручил юнкеру фон-Бокку
Устроить нечто вроде пикника.

8. Это будет и закуска и вместе обед —
Итак, левое плечо вперед.

9. Заплатить придется очень мало,
Не более пяти рублей с рыла.

10. Разойдемся не прежде, как ввечеру —
Да здравствует Россия — Ура!!

Примечание отца Герасима: Видяй сломицу в оке ближнего, не зрит в своем ниже бруса. Строг и свиреп бысти к рифмам ближнего твоего, сам же, аки свинья непотребная, рифмы негод-

ные и уху зело вредящие сплел еси. Иди в огонь вечный, анафема!

Примечание рукою полковника. Посадить Герасима под арест за эту отметку. Изготовить от моего имени отношение ко владыке, что Герасим искажает текст, называя «сучец» — сломицею. Это всё равно, что если б я отворот назвал погонами.

Доклад полкового адъютанта. Так как отец Герасим есть некоторым образом духовное лицо, находящееся в прямой зависимости от Консистории и Св. Синода, то не будет ли отчасти неловко подвергнуть его мере административной посаждением его под арест, установленный более для проступков по военной части.

Отметка полковника. А мне что за дело. Все-таки посадить после пикника.

Примечание полкового адъютанта. Узнав о намерении полковника, отец Герасим изготовил донос графу Аракчееву, в котором объяснял, что полковник два года не был на исповеди. О том же изготовил он донос и к архипастырю Фотию и прочел на пикнике полковнику отпуски. Однако, когда подали горячее, не отказался пить за здоровье полковника, причем полковник выпил и за его здоровье. Это повторялось несколько раз, и после бланманже и суфле-вертю, когда г. г. офицеры танцовали вприсядку, полковник и отец Герасим обнялись и со слезами на глазах сделали три тура мазурки, а дело предали забвению. При этом был отдан приказ, чтобы г.г. офицеры и юнкера, а равно и нижние чины не смели исповедываться у посторонних иереев, а только у отца Герасима, под опасением для г.г. офицеров трехнедельного ареста, для г.г. юнкеров дежурств при помойной яме, а для нижних чинов телесного наказания.

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

Поэтъ Кузьма Прутковъ съ сыномъ.

— Сынъ мой, удивляйся, но не подражай!

(Карикатура Н. А. Степанова)

I

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

1

Обручальное кольцо есть первое звено в цепи супружеской жизни.

2

Жизнь нашу можно удобно сравнивать со своенравною рекою, на поверхности которой плавает челн, иногда укачиваемый тихоструйною волною, нередко же задержанный в своем движении мелью и разбиваемый о подводный камень. — Нужно ли упоминать, что сей утлый челн, на рынке скоропреходящего времени, есть не кто иной, как сам человек?

3

Никто не обнимет необъятного.

4

Нет столь великой вещи, которую не превзошла бы величиною еще бо́льшая. Нет вещи столь малой, в которую не вместилась бы еще меньшая.

5

Смотри в корень!

6

Лучше скажи мало, но хорошо.

7

Наука изощряет ум; ученье вострит память.

8

Что̀ скажут о тебе другие, коли ты сам о себе ничего сказать не можешь?

9

Самопожертвование есть цель для пули каждого стрелка.

10

Память человека есть лист белой бумаги: иногда напишется хорошо, а иногда дурно.

11

Слабеющая память подобна потухающему светильнику.

12

Слабеющую память можно также сравнивать с увядающею незабудкою.

13

Слабеющие глаза всегда уподоблю старому потускневшему зеркалу, даже надтреснутому.

14

Воображение поэта, удрученного горем, подобно ноге, заключенной в новый сапог.

15

Влюбленный в одну особу страстно — терпит другую токмо по расчету.

16

Если хочешь быть красивым, поступи в гусары.

17

Человек, не будучи одеян благодетельною природою, получил свыше дар портного искусства.

18

Не будь портных, — скажи: как различил бы ты служебные ведомства?

19

Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?

20

Что́ есть лучшего? — Сравнив прошедшее, свести его с настоящим.

21

Полезнее пройти путь жизни, чем всю вселенную.

22

Если у тебя есть фонтан, заткни его; — дай отдохнуть и фонтану.

23

Женатый повеса воробью подобен.

24

Усердный врач подобен пеликану.

25

Эгоист подобен давно сидящему в колодце.

26

Гений подобен холму, возвышающемуся на равнине.

27

Умные речи подобны строкам, напечатанным курсивом.

28

Начало ясного дня смело уподоблю рождению невинного младенца: быть может, первый не обойдется без дождя, а жизнь второго без слез.

29

Если бы тени предметов зависели не от величины сих последних, а имели бы свой произвольный рост, то, может быть, вскоре не осталось бы на всем земном шаре ни одного светлого места.

30

Стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу.

31

Бердыш в руках воина то же, что меткое слово в руках писателя.

32

Магнитная стрелка, непреодолимо влекомая к северу, подобна мужу, который блюдет законы.

33

Первый шаг младенца есть первый шаг к его смерти.

34

Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовиться.

35

В доме без жильцов — известных насекомых не обрящешь.

36

Ничего не доводи до крайности: человек, желающий трапезовать слишком поздно, рискует трапезовать на другой день поутру.

37

Пища столь же необходима для здоровья, сколь необходимо приличное обращение человеку образованному.

38

«Зачем, — говорит эгоист, — стану я работать для потомства, когда оно ровно ничего для меня не сделало?» — Несправедлив ты, безумец! Потомство сделало для тебя уже то, что ты, сближая прошедшее с настоящим и будущим, можешь по произволу считать себя младенцем, юношей и старцем.

39

Вытапливай воск, но сохраняй мед.

40

Пояснительные выражения объясняют темные мысли.

41

Не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу.

42

Бди!

43

Камергер редко наслаждается природою.

44

Никто не обнимет необъятного.

45

Три дела, однажды начавши, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу; б) беседовать с возвратившимся из похода другом и в) чесать, где чешется.

46

Прежде чем познакомишься с человеком, узнай: приятно ли его знакомство другим?

47

Здоровье без силы то же, что твердость без упругости.

48

Все говорят, что здоровье дороже всего; но никто этого не соблюдает.

49

Достаток распутного равняется короткому одеялу: когда натянешь его к носу, обнажатся ноги.

50

Не растравляй раны ближнего; страждущему предлагай бальзам. Копая другому яму, сам в нее попадешь.

51

Если у тебя спрошено будет: что̀ полезнее, солнце или месяц? — ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло; а месяц — ночью.

52

Но с другой стороны: солнце лучше тем, что светит и греет; а месяц только светит, и то лишь в лунную ночь!

53

Самолюбие и славолюбие суть лучшие удостоверения бессмертия души человеческой.

54

Душа индейца, верящего в метемпсихозию, похожа на червячка в коконе.

55

Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?

56

Принимаясь за дело, соберись с духом.

57

Перо, пишущее для денег, смело уподоблю шарманке в руках скитающегося иностранца.

58

Щелкни кобылу в нос, она махнет хвостом.

59

Не робей перед врагом: лютейший враг человека — он сам.

60

И терпентин на что-нибудь полезен!

61

Всякий необходимо причиняет пользу, употребленный на своем месте. Напротив того: упражнения лучшего танцмейстера в химии — неуместны; советы опытного астронома в танцах — глупы.

62

Часами измеряется время, а временем жизнь человеческая. Но чем, скажи, измеришь ты глубину Восточного океана?

63

Говорят, что труд убивает время; но сие последнее, нисколько от этого не уменьшаяся, продолжает служить человечеству и всей вселенной постоянно в одинаковой полноте и непрерывности.

64

На дне каждого сердца есть осадок.

65

Под сладкими выражениями таятся мысли коварные: так, от курящего табак нередко пахнет духами.

66

Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий.

67

Никто не обнимет необъятного!

68

Болтун подобен маятнику: того и другой надо остановить.

69

Два человека одинаковой комплекции дрались бы недолго, если бы сила одного превозмогла силу другого.

70

Не всё стриги, что̀ растет.

71

Ногти и волосы даны человеку для того, чтобы доставить ему постоянное, но легкое занятие.

72

Иной певец подчас хрипнет.

73

Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза.

74

Единожды солгавши, кто тебе поверит?

75

Жизнь — альбом. Человек — карандаш. Дела — ландшафт. Время — гумиэластик: и отскакивает, и стирает.

76

Продолжать смеяться легче, чем окончить смех.

77

Смотри вдаль, увидишь даль; смотри в небо, увидишь небо; — взглянув в маленькое зеркальце, увидишь только себя.

78

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

79

Чем скорее проедешь, тем скорее приедешь.

80

Если хочешь быть счастливым, будь им.

81

Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения.

82

Усердный в службе не должен бояться своего незнанья; ибо каждое новое дело он прочтет.

83

Петух пробуждается рано; но злодей еще раньше.

84

Усердие всё превозмогает!

85

Что̀ имеем не храним; потерявши, плачем.

86

И устрица имеет врагов!

87

Возобновленная рана много хуже противу новой.

88

В глубине всякой груди есть своя змея.

89

Только в государственной службе познаёшь истину.

90

Иного прогуливающегося старца смело уподоблю песочным часам.

91

Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны.

92

Чрезмерный богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, сосущей с аппетитом собственную грудь у колыбели голодающего дитяти.

93

Магнит показывает на север и на юг; — от человека зависит избрать хороший или дурной путь жизни.

94

На чужие ноги лосины не натягивай.

95

Человек раздвоен снизу, а не сверху, — для того, что две опоры надежнее одной.

96

Человек ведет переписку со всем земным шаром, а через печать сносится даже с отдаленным потомством.

97

Глупейший человек был тот, который изобрел кисточки для украшения и золотые гвоздики на мебели.

98

Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе.

99

Чувствительный человек подобен сосульке: — пригрей его, он растает.

100

Многие чиновники стальному перу подобны.

101

Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння.

102

В здании человеческого счастья дружба возводит стены, а любовь образует купол.

103

Взирая на высоких людей и на высокие предметы, не излишне придерживать картуз свой за козырек.

104

Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно обнять необъятное!

105

Земной шар, обращающийся в беспредельном пространстве, служит пьедесталом для всего, на нем обретающегося.

106

Если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол», — не верь глазам своим.

107

Муравьиные яйца более породившей их твари; так и слава даровитого человека далеко продолжительнее собственной его жизни.

108

Всякая вещь есть форма проявления беспредельного разнообразия.

109

Во всех частях земного шара имеются свои, даже иногда очень любопытные, другие части.

110

Глядя на мир, нельзя не удивляться!

111

Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален.

112

Философ легко торжествует над будущею и минувшею скорбями, но он же легко побеждается настоящею.

113

Небо, усеянное звездами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала.

114

Доблий муж подобен мавзолею.

115

Вакса чернит с пользою, а злой человек — с удовольствием.

116

Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных средств.

117

Из всех плодов наилучшие приносит хорошее воспитание.

118

Любовь, поддерживаясь, подобно огню, непрестанным движением, исчезает купно с надеждою и страхом.

119

Рассчитано, что петербуржец, проживающий на солнопёке, выигрывает двадцать процентов здоровья.

120

Человеку даны две руки на тот конец, дабы он, принимая левою, раздавал правою.

121

Иногда достаточно обругать человека, чтобы не быть им обманутым!

122

В сепаратном договоре не ищи спасения.

123

Ревнивый муж подобен турку.

124

Почти всякий человек подобен сосуду с кранами, наполненному живительною влагою производящих сил.

125

Умная женщина подобна Семирамиде.

126

Любой фат подобен трясогузке.

127

Вестовщик решету подобен.

128

Девицы вообще подобны шашкам: не всякой удается, но всякой желается попасть в дамки.

129

Всегда держись начеку!

130

Спокойствие многих было бы надежнее, если бы дозволено было относить все неприятности на казенный счет.

131

Не ходи по косогору, — сапоги стопчешь!

132

Советую каждому, даже не в особенно сырую и ветреную погоду, закладывать уши хлопчатою бумагою или морским канатом.

133

Кто мешает тебе выдумать порох непромокаемый?

134

Снег считают саваном омертвевшей природы; но он же служит первопутьем для жизненных припасов. Так разгадайте же природу!

135

Барометр в земледельческом хозяйстве может быть с большою выгодою заменен усердною прислугою, страдающею нарочитыми ревматизмами.

136

Собака, сидящая на сене, вредна. Курица, сидящая на яйцах, полезна. От сидячей жизни тучнеют: так, всякий меняло жирен.

137

Неправое богатство подобно кресс-салату, — оно растет на каждом войлоке.

138

Всякая человеческая голова подобна желудку: одна переваривает входящую в оную пищу, а другая от нее засоряется.

139

Вещи бывают великими и малыми не токмо по воле судьбы и обстоятельств, но также по понятиям каждого.

140

И саго, употребленное не в меру, может причинить вред.

141

Взирая на солнце, прищурь глаза свои, и ты смело разглядишь в нем пятна.

142

Время подобно искусному управителю, непрестанно производящему новые таланты, взамен исчезнувших.

143

Талантами измеряются успехи цивилизации, и они же представляют верстовые столбы истории, служа телеграммами от предков и современников к потомству.

144

И при железных дорогах лучше сохранять двуколку.

145

Покорность охлаждает гнев и дает размер взаимным чувствам.

146

Если бы всё прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобрать: где причины и где последствия?

147

Счастье подобно шару, который подкатывается: сегодня под одного, завтра под другого, послезавтра под третьего,

потом под четвертого, пятого и т. д., соответственно числу и очереди счастливых людей.

148

Иные настойчиво утверждают, что жизнь каждого записана в книге Бытия.

149

Не совсем понимаю: почему многие называют судьбу индейкою, а не какою-либо другою, более на судьбу похожею, птицею?

150

Козыряй!

151

Лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту.

152

Издание некоторых газет, журналов и даже книг может приносить выгоду.

153

Никогда не теряй из виду, что гораздо легче многих не удовлетворить, чем удовольствовать.

154

Хорошего правителя справедливо уподобляют кучеру.

155

Добрая сигара подобна земному шару: она вертится для удовольствия человека.

156

Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; — иначе такое бросание будет пустою забавою.

157

Благочестие, ханжество, суеверие — три разницы.

158

Степенность есть надежная пружина в механизме общежития.

159

У многих катанье на коньках производит одышку и трясение.

160

Опять скажу: никто не обнимет необъятного!

II

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

1

Добродетель служит сама себе наградой; человек превосходит добродетель, когда служит и не получает награды.

2

Вред или польза действия обусловливается совокупностью обстоятельств.

3

Не будь цветов, все ходили бы в одноцветных одеяниях!

4

Ветер есть дыхание природы.

5

На беспристрастном безмене истории кисть Рафаэля имеет одинакий вес с мечом Александра Македонского.

6

Не покупай каштанов, но бери их на пробу.

7

Смерть и солнце не могут пристально взирать друг на друга.

8

Сократ справедливо называет бегущего воина трусом.

9

Весьма остроумно замечает Фейербах, что взоры беспутного сапожника следят за штопором, а не за шилом, от чего и происходят мозоли.

10

Друзья мои! идите твердыми шагами по стезе, ведущей в храм согласия, а встречаемые на пути препоны преодолевайте с мужественною кротостью льва.

11

Стремись уплатить свой долг, и ты достигнешь двоякой цели, ибо тем самым его исполнишь.

12

Правда не вышла бы из колодезя, если бы сырость не испортила ее зеркала.

13

Глупец гадает; напротив того, мудрец проходит жизнь как огород, наперед зная, что кой-где выдернется ему репа, а кой-где и редька.

14

Век живи — век учись! и ты, наконец, достигнешь того, что, подобно мудрецу, будешь иметь право сказать, что ничего не знаешь.

15

Сребролюбцы! сколь ничтожны ваши стяжания, коли все ваши сокровища не стоят одного листка из лаврового венка поэта!

16

Огорошенный судьбою, ты всё ж не отчаивайся!

17

Дознано, что земля, своим разнообразием и великостью нас поражающая, показалась бы в солнце находящемуся смотрителю только как гладкий и ничтожный шарик.

18

Соразмеряй добро, ибо как тебе ведать, куда оно проникнет? Лучи весеннего солнца, предназначенные токмо для согревания земляной поверхности, нежданно проникают и к месту, где лежат сапфиры!

19

Человек довольствует вожделения свои на обоих краях земного круга!

20

Не уступай малодушно всеобщим желаниям, если они противны твоим собственным; но лучше, хваля оные притворно и нарочно оттягивая время, норови надуть своих противников.

21

Чиновник умирает, и ордена его остаются на лице земли.

22

Прихоти производят разнородные действия во нраве, как лекарства в теле.

23

Поздравляя радующегося о полученном ранге, разумный человек поздравляет его не столько с рангом, сколько с тем, что получивший ранг толико оному радуется.

24

Не всякий генерал от природы полный.

25

Отнюдь не принимай почетных гостей в разорванном халате!

26

Не завидуй богатству: французский мудрец однажды остроумно заметил, что *сетующий* господин в позлащенном портшезе нередко носим *веселыми* носильщиками.

27

Бывает, что усердие превозмогает и рассудок.

28

Никто, по Сенекину сказанию, не может оказать добродетели в другом случае, как в несчастии.

29

Перочинный ножичек в руках искусного хирурга далеко лучше иного преострого ланцета.

30

Незрелый ананас, для человека справедливого, всегда хуже зрелой смородины.

31

Одного яйца два раза не высидишь!

32

Пробка шампанского, с шумом взлетевшая и столь же мгновенно ниспадающая, — вот изрядная картина любви.

33

Начиная свое поприще, не теряй, о юноша! драгоценного времени!

34

Стоящие часы не всегда испорчены, а иногда они только остановлены; и добрый прохожий не преминет в стенных покачнуть маятник, а карманные завести.

35

Ничто существующее исчезнуть не может, — так учит философия; и потому несовместно с Вечною Правдой доносить о пропавших без вести!

36

И самый последний нищий, при других условиях, способен быть первым богачом.

37

Не поступай в монахи, если не надеешься выполнить обязанности свои добросовестно.

38

Лжет непростительно, кто уверяет, будто всё на свете справедливо! Так, изобретший употребление сандарака может быть вполне убежден, что имя его останется неизвестно потомству!

39

Даже летом, отправляясь в вояж, бери с собой что-либо теплое, ибо можешь ли ты знать, что́ случится в атмосфере?

40

Некоторые образцом непостоянства выставляют мужчину, другие женщину; но всякий умный и наблюдательный

петербуржец никогда не согласится ни с теми, ни с другими; ибо всего переменчивее петербургская атмосфера!

41

Иногда слова, напечатанные курсивом, много несправедливее тех, которые напечатаны прямым шрифтом.

42

Укрываться от дождя под дырявым зонтиком столь же безрассудно и глупо, как чистить зубы наждаком, или сандараком.

43

Пустая бочка Диогена имеет также свой вес в истории человеческой.

44

Гони любовь хоть в дверь, она влетит в окно.

45

У всякого портного свой взгляд на искусство!

46

Не всякому офицеру мундир к лицу.

47

Одна природа неизменна, но и та имеет свои: весну, лето, зиму и осень; как же хочешь ты придать неизменность формам тела человеческого?!

48

Трудись, как муравей, если хочешь быть уподоблен пчеле.

49

Что есть хитрость? — Хитрость есть оружие слабого и ум слепого.

50

Мудрость, подобно черепаховому супу, не всякому доступна.

51

Знай, читатель, что мудрость уменьшает жалобы, а не страдания!

52

Военные люди защищают отечество.

53

Светский человек бьет на остроумие и, забывая ум, умерщвляет чувства.

54

Имея в виду какое-либо предприятие, помысли, точно ли оно тебе удастся.

55

Коеффициент счастия в обратном содержании к достоинству.

56

Люди не перестали бы жить вместе, хотя бы разошлись в разные стороны.

57

Легче держать вожжи, чем бразды правления.

58

Неискусного вождя, желающего уподобиться Аттиле, смело назову «нагайкой» провидения.

59

Дружба согревает душу, платье — тело, а солнце и печка — воздух.

60

Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот.

61

И мудрый Вольтер сомневался в ядовитости кофе!

62

Питомец рангов нередко портится.

63

Люби ближнего, но не давайся ему в обман!

64

Настоящее есть следствие прошедшего, а потому непрестанно обращай взор свой на зады, чем сбережешь себя от знатных ошибок.

65

Степенность равно прилична юноше и убеленному сединами старцу.

66

Не печалуйся в скорбях, — уныние само наводит скорби.

67

Исполнение предприятия приятно щекочет самолюбие.

68

Не всякая щекотка доставляет удовольствие!

69

Не прибегай к щекотке, желая развеселить знакомую, — иная назовет тебя за это невежей.

70

Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой.

71

Не во всякой игре тузы выигрывают!

72

Детям, у коих прорезываются зубы, смело присоветую фиалковый корень!

73

Купи прежде картину, а после рамку!

74

Благополучие, несчастие, бедность, богатство, радость, печаль, убожество, довольство суть различные явления одной гисторической драмы, в которой человеки репетируют роли свои в назидание миру.

75

Чужой нос другим соблазн.

76

Благочестие и суеверие — две разницы!

77

Начинай от низшего степени, чтобы дойти до высшего; другими словами: не чеши затылок, а чеши пятки.

78

Человек! возведи взор свой от земли к небу, — какой, удивления достойный, является там порядок!

79

От малых причин бывают весьма важные последствия; — так, отгрызение заусенца причинило моему знакомому рак.

80

Англичанин не любит мяса, которое не вполсыро.

81

Ценность всего условна: зубочистка в бисерном чехле, подаренная тебе в сувенир, несравненно дороже двух рублей с полтиной.

82

Почти всякое морщинистое лицо смело уподоблю груше, вынутой из компота.

83

Без надобности носимый набрюшник — вреден.

84

Двое несчастных, находящихся в дружбе, подобны двум слабым деревцам, которые, одно на другое опершись, легче могут противиться бурям и всяким неистовым ветрам.

85

Моменты свидания и разлуки суть для многих самые великие моменты в жизни.

86

Если хочешь быть покоен, не принимай горя и неприятностей на свой счет, но всегда относи их на казенный.

87

Не всякий капитан — исправник!

88

И в самых пустых головах любовь нередко преострые выдумки рождает.

89

Разум показывает человеку не токмо внешний вид, красоту и доброту каждого предмета, но и снабдевает его действительным оного употреблением.

90

И египтяне были в свое время справедливы и человеколюбивы!

91

Есть ли на свете человек, который мог бы обнять необъятное?

92

Отыщи всему начало, и ты многое поймешь!

93

Новые сапоги всегда жмут.

94

Если бы вся вселенная обратилась в одно государство, то как не установить повсюду одинаковых законов?

95

Пруссия должна быть королевством.

96

Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников!

97

Когда народы между собой дерутся, это называется войною.

98

Полиция в жизни каждого государства есть.

99

У человека для того поставлена голова вверху, чтобы он не ходил вверх ногами.

100

Прусак есть один из наиболее назойливых насекомых.

101

Верующий не боится напастей, но при невзгоде судьбы не отчаивается.

102

В спертом воздухе при всем старании не отдышишься.

ПРОЕКТ:
О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОМЫСЛИЯ В РОССИИ

(Этот черновой проект, написанный Козьмою Прутковым в 1859 г., был напечатан в журнале «Современник» лишь по смерти К. Пруткова, в 1863 г., кн. IV. В подлиннике, вверху его, находится надпись: *«Подать в один из торжественных дней, на усмотрение».)*

Приступ: Наставить публику. Занеслась. — Молодость; науки; незрелость! .. Вздор! .. Убеждения. Неуважение мнения старших. Безначалие. — «Собственное» мнение! . . . Да разве может быть *собственное* мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется? На чем основано? — Если бы писатели знали что-либо, их призвали бы к службе. Кто не служит, значит: недостоин; стало быть и слушать его нечего. — С этой стороны еще никто не колебал авторитета наших писателей; — я первый. (Напереть на то, что я — *первый*. Это может помочь карьере. Далее развить то же, но в других выражениях, сильнее и подробнее).

Трактат: Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия во мнениях. «Аще царство на ся разделится» и пр. — Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться; но, чтоб удовлетворить это желание, надо иметь материал для мнения. Где ж этот материал? — Единственным материалом может быть только мнение начальства. Иначе нет ручательства, что мнение безошибочно. Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда. . . Гм! нет! Это неправда! . . Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства. Оно нередко достигает результата рядом косвенных мер, которые могут, повидимому, противоречить одна другой, будто бы не иметь связи между

собою. Но это лишь кажется! Они всегда взаимно соединены секретными шолнерами единой государственной идеи, единого государственного плана; и план этот поразил бы ум своею громадностью и своими последствиями! Он открывается в неотвратимых результатах истории! — Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история? Как ему обсуждать правительственные мероприятия, не владея ключом их взаимной связи? — «Не по частям водочерпательницы, но по совокупности ее частей суди об ее достоинствах». Это я сказал еще в 1842 г. и доселе верю в справедливость этого замечания. Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения; разные виды с одной стороны и усмотрения с другой?! Никогда не понять ему их, если само правительство не даст ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно. Вот почему иные люди, даже вполне благонамеренные, сбиваются иногда злонамеренными толкованиями; — у них нет сведений: какое мнение справедливо? Они не знают: какого мнения надо держаться? *Не могу пройти молчанием...* (Какое славное выражение! Надо чаще употреблять его; оно как бы доказывает обдуманность и даже что-то вроде великодушия). — Не могу пройти молчанием, что многие признаны злонамеренными единственно потому, что им не было известно: какое мнение угодно высшему начальству? Положение этих людей невыразимо тягостное, даже, смело скажу: невыносимое!

Заключение: На основании всего вышеизложенного и принимая во внимание: с одной стороны, необходимость, особенно в нашем пространном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства; с другой же стороны, невозможность достижения сей цели без дарования подданным надежного руководства к составлению мнений; — *не скрою* (опять отличное выражение! Непременно буду его употреблять почаще) — не скрою, что целесообразнейшим для сего средством было бы учреждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан достаточным, полицейским и административным, содействием властей, был бы для общественного мнения необходимою

и надежною звездою, маяком, вехою. Пагубная наклонность человеческого разума обсуждать всё происходящее на земном круге была бы обуздана и направлена к исключительному служению указанным целям и видам. Установилось бы одно *господствующее* мнение по всем событиям и вопросам. Можно бы даже противодействовать развивающейся наклонности возбуждать *«вопросы»* по делам общественной и государственной жизни, ибо к чему они ведут? Истинный патриот должен быть враг всех так называемых *«вопросов!»*

С учреждением такого руководительного правительственного издания даже злонамеренные люди, если б они дерзнули быть иногда несогласными с указанным «господствующим» мнением, естественно будут остерегаться противоречить оному, дабы не подпасть подозрению и наказанию. Можно даже ручаться, что каждый, желая спокойствия своим детям и родственникам, будет и им внушать уважение к «господствующему» мнению, и, таким образом, благодетельные последствия предлагаемой меры отразятся не только на современниках, но даже на самом отдаленном потомстве.

Зная сердце человеческое и коренные свойства русской народности, могу с полным основанием поручиться за справедливость всех моих выводов. Но самым важным условием успеха будет выбор редактора для такого правительственного органа. Редактором должен быть человек, достойный во всех отношениях, известный своим усердием и своею преданностью, пользующийся славою литератора, несмотря на свое нахождение на правительственной службе; и готовый, для пользы правительства, пренебречь общественным мнением и уважением, вследствие твердого убеждения в их полнейшей несостоятельности. Конечно, подобный человек заслуживал бы достаточное денежное вознаграждение и награды чинами и орденскими отличиями. Не смею предлагать себя для такой должности по свойственной мне скромности. Но я готов жертвовать собою, до последнего издыхания, для бескорыстной службы нашему общему престол-отечеству, если только это будет согласно с предначертаниями высшего начальства. Долговременная и беспорочная служба моя по министерству финансов, в Пробирной Палатке, дала бы мне, между прочим, возможность благоприятно разъяснить и разные финансовые вопросы,

согласно с видами правительства. Разъяснения же эти бывают часто почти необходимы, ввиду стеснительного положения финансов нашего дорогого отечества.

Повергая сей недостойный труд мой на снисходительное усмотрение высшего начальства, дерзаю льстить себя надеждою, что он не поставится мне в вину, служа несомненным выражением усердного желания преданного человека: принести посильную услугу столь высоко уважаемой им благонамеренности.

Козьма Прутков
Начальник Пробирной Палатки, действительный статский советник и разных орденов кавалер.

1859 года (annus, i).

Примечание. В числе разных заметок на полях этого проекта находятся следующие, которые Козьма Прутков, вероятно, желал развить в особых проектах: 1) «Велеть всем редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, дозволяя себе только их повторение и развитие» и 2) «Вменить в обязанность всем начальникам отдельных частей управления: неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное учреждение списки всех лиц, служащих под их ведомством, с обозначением противу каждого: какие получает журналы и газеты? И неполучающих официального органа, как не сочувствующих благодетельным указаниям начальства, отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины, и не удостоивать ни наград, ни командировок».

Вообще в портфелях покойного Козьмы Пруткова, на которых отпечатано золотыми буквами: «Сборник неконченного (d'inachevé)», содержится весьма много любопытных документов, относящихся к его литературной и государственной деятельности. Может быть, из них еще будет что-либо извлечено для печати.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК МОЕГО ДЕДА

„Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза".

„Плоды раздумья" — *Козьмы Пруткова.*

ПРЕДИСЛОВИЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Читатель, ты меня понял, узнал, оценил; — спасибо! Докажу, что весь мой род занимался литературою. Вот тебе извлечение из записок моего деда. Затем издам записки отца. А потом, пожалуй, и мои собственные!

Записки деда писаны скорописью прошлого столетия, in folio, без помарок. — Значит: это не черновые! Спрашивается: где же сии последние? — Неизвестно! .. Предлагаю свои соображения.

Дед мой жил в деревне; отец мой прожил там же два года сряду; — значит: они там! А может быть, у соседних помещиков? А может быть, у дворовых людей? — Значит: их читают! Значит: они занимательны! Отсюда: доказательство замечательной образованности моего деда, его ума, его тонкого вкуса, его наблюдательности. — Это факты; это несомненно! Факты являются из сближений. Сближения обусловливают выводы.

Почерк рукописи различный; — значит: она писана не одним человеком. — Почерк «Приступа» совершенно сходен с подписью деда; отсюда: тождественность лица, писавшего «Приступ», с личностью моего деда!

Дед мой родился в 1720 году, а кончил записки в 1780 г.; — значит: они начаты в 1764 г. В записках его видна сила чувств, свежесть впечатлений; — значит: при деревенском воздухе, он мог прожить до 70 лет. Стало быть, он умер в 1790 году!

В портфеле деда много весьма замечательного, но, к сожалению, неконченного (d'inachevé). Когда заблагорассудится, издам всё.

Прощай, читатель. Вникни в издаваемое!

Твой доброжелатель —

Козьма Прутков.

11-го марта
1854 года (annus, i).

ГИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ФЕДОТА КУЗЬМИЧА ПРУТКОВА (ДЕДА)

I

ПРИСТУП СТАРИКА

Уподобляяся, под вечер жизни моей, оному древних римлян Цынцынатусу, в гнетомые старостью года свои утешаюсь я, в деревенской тихости, кроткими наслаждениями и изобретенными удовольствиями; и достохвально в воспоминаниях упражняяся, тебе, сынишке моему, Петрушке, ради душевныя пользы и научения, жизненного прохождения моего описание и многие исторические, из наук и светских разговоров почерпнутые, сведения после гроба моего оставить положил. А ты оное мое писание в необходимое употребление малому мальчишке, Кузьке, неизбежно передай. Чем сильняе прежнего наклонность мою заслужите.

Лета от Р. Х. 1780, июня 22-го дня, сей приступ, к прежде сочиненным мемориям памяти своей, написал и составил: *Отставной Премьер-майор и Кавалер Федот Кузьмичев сын П р у т к о в.*

1

СООТВЕТСТВЕННОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ОДНОГО КУХАРЯ

Как у одного кухаря, в услужении у Гишпанского советника состоящего, спрашивано было: *сколько детей имеет?*— То сей, опытный в своем деле искусник, дал следующий, сообразный своему рукомеслу, ответ: *«Так, государь мой, у меня их осемь персон»*. — Чему тот, нарочито богатый Гишпанец, не мало смеялся, закрывшись епанчою, и, пришед домой, не замедлил рассказать о сем встретившей его своей супруге.

2

МИЛОРДОВЫ ПРАВИЛА

Некий милорд находил нарочитое удовольствие в яствах. То однажды, на фрыштике в пятьдесять кувертов, при бытности многих отменно важных особ, так выразил: *«Государи мои! родительница моя кушала долго, а родитель мой кушал много; поколику и я придерживаюсь обоих сих правил»*.

3

ЧТО К ЧЕМУ ПРИВЕШАНО

Некоторая очень красивая девушка, в королевском присутствии, у кавалера де-Монбасона хладнокровно спрашивала: *«Государь мой, что̀ к чему привешано: хвост к собаке, или собака к хвосту?»* — То сей, проворный в отповедях кавалер, нисколько не смятенным, а напротив того постоянным голосом ответствовал: *«Как, сударыня, приключится; ибо всякую собаку никому за хвост, как и за шею, приподнять невозбранно»*. — Которая отповедь тому королю отменное удовольствие причинивши, оный кавалер не без награды за нее остался.

4

ЛУЧШЕ ПОБОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОМЕНЬШЕ

Некий Австрийский интендант, не замедлив после Утрехтского мира задать пир пятерым своим соратникам, предварительно наказал майордому своему подать на стол пять килек, по числу ожидаемых. А как один из гостей, более противу прочих проворства имеющий, распорядился на свою долю, заместо одной, двумя кильками, то интендант, усмотрев, что чрез сие храбрейший из соратников, Бремзенбург-фон-Экштадт, определенной ему порции вовсе лишился, воскликнул: *«Государи мои! кто две кильки взял?»*

5

ВПОРУ ПРИЧИНЕННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Как некогда славный и во многих с Туркою баталиях отличившийся генерал-аншеф X., премногими от Государыни регалиями и другими милостями наделенный, во Французском однако диалекте нарочито несведущ оказывался. То сие незнание свое отнюдь перед модными того времени госпожами объявить не желая, навсегда секретно, перед каждым из дому своего выездом, по нескольку французских речений затверживал; и оные, на малой бумажке русскими литерами исписавши, таковую за обшлаг мундирного кафтана своего запихивал, норовя по ней, между русского разговора, громчае противу прочего выговорить. Сия генеральская выдумка, хотя превострою ему казалася, однако от Государыниной любимицы, весьма знатной и пригожей девки, не могла укрыться; и оная девица, сим позабавить свою благодетельницу положив, таковой умысел свой в тот же день, на бывшем куртаге, в действо произвела. Для сего, когда Государыня с генералом X. о делах говорить удостоили, знатная фрейлина сия, сзаду к нему подступивши, незаметно для него ту бумажку из-под обшлага выхватила, и по ней, переделанным на генеральский обычай голосом, смело выкрикнула: *«Рьень моень кё. — Ву зет ля ренъ дю баль. — Ни плю, ни моень. — Не плезанте жаме авек ле фам, дон лимажинасион ансесаман траваль. — Сепандан ле терань командс а девенир де плюз-ен-плюз юмид!»* — Таковая сей пригожей девки выходка немалый смех всему собранию причинивши, великая Государыня сама премного и даже долго после сего смеялися; а подконец оную знатную девицу за храброго генерал-аншефа X., с превеликою пышностью, замуж выдали.

6

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО В ТАКОМ СЛУЧАЕ

Некогда маршал де-Бассомпьер, задумав угостить в будущий четверток ближайших сродников своих, кухарь сего вельможи пришел от того в немалую мыслей расстройку, униженно господину докладывая, что у них всего один бык имеется. — *«Изрядно»*, — возразил маршал: — *«а сколько*

у того быка частей?» — *Осемь,* — ответствовал сей. — *«Отнюдь!»* — перехватил маршал: *«одиннадцать у быка! а для сего и можно оный на одиннадцать блюд изготовить!»* — Так, многие знания во всяком звании пригодиться могут.

7

ДВА КАМИЗОЛА

Интендант лангедокский, господин де-Графиньи, прогуливаясь в один летний день в двух черных камизолах, повстречался в сем удивления достойном наряде с дюком де-Ноалем. Сей вопросил: *Господин интендант! возможно ли? два камизола в столь знойный день?* — На что̀, с тоном печали, ответствовал: *«Господин дюк! Злосчастие преследует меня: вчера скончался дед мой, а сегодня испустила дух моя бабка! Для чего и надел я сугубый траур».*

8

ОТВЕТ ОДНОГО ИТАЛИЙСКОГО СТАРЦА

Две молодые Италийские благородные девки в зелени на прекрасной долине сидевши, помимо их проходил седой, но непомерно прыткий старик. То они, с усмешкою, вопросили: *Отчего такое завидное, не по летам сложение имеет?* — Ответствовал: *«Потому, съиздетства употребляю масло внутрь, а мед снаружи».*

9

НЕУМЕСТНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ, КРЕПКО НАКАЗАННОЕ

Как некий, добивающийся форстмейстерского звания Шваб Андреас Гольце, ненароком к возлюбленной своей, девице изрядного поведения, вошед и оную увидев за обеденным столом сидящую и свой аппетит внутренностию жареной бекасины в то время удовлетворяющую, так приветствовал: *«О Амалия! если б я был бекасиною, то,*

уповаю, всю тарелку вашу своими внутренностями чрез край переполнил бы!» — На что случившийся при том Амальин родитель, главный лесничий магдебургских лесов, Карл-Фридрих Венцельроде, незапно с места вскочив, учал того Гольце медным шомполом по темени барабанить и, изрядно оное размягчив, напоследок высказал: *«Тысячу зарядов тебе в поясницу, негодный молодой человек! Я полагал доселе, что ты с честными намерениями к дочери моей прибегаешь!»*

10

ДОКУДОВА РАЗНОСТЬ

Господин де-Волтер, однажды в беседе со многими той страны министрами находясь, отменно остроумно высказал: *«Разность промеж людей доходит временем до высочайшего градуса; отчего иные столь великие, что для покрытия головы своей сами до оной на цыпочки подниматься должны; а другие для того же к голове своей сами на колена опускаться принуждены обретаются».*

11

ТИХО И ГРОМКО

Господин виконт де-Брассард, с отменною ласкою принятый в доме одного богатого ветерана, в известном сражении левой ноги лишившегося, усердно приволакивался за молодою его супругою, незаметно, по-военному, подпуская ей амура. То однажды, изготовив в мыслях две для нее речи, из коих одну: «пойдем на антресоли» — сказать тихо, а другую: «я еду на свою мызу» — громко; толико от внезапу разлиявшегося по членам его любовного пламени замешался, что, при многих тут бывших, произнес оные в обратном порядке; а именно: *тихо* и пригнувшись к ее уху: *«Я еду на свою мызу»;* а за сим *громко* и целуя ее в руку: *«Пойдем на антресоли!»* — За что быв выпровожден из того дому с изрядно накостылеванным затылком, никогда уже в оный назад не возвращался.

12

СЛИШКОМ ПОМНИТЬ ОПАСНОСТЬ

Генерал Монтекукули, в известную войну от неприятеля с торопливостью отступая и незапно в реку Ин пистолет свой уронивши, некий австрийский путник, пять лет спустя с пригожею девкою вдоль сей реки гуляя, так возразил: *«Пожалуйте, сударыня, сей реки весьма поберегитесь; ибо в оной заряжоный пистолет обретается»*. —На что̀ сия нарочито разумная девица не упустила засмеяться, да и он того же учинить не оставил.

13

ИЗЛИШНЕ СДЕРЖАННОЕ СЛОВО

Единожды аббат де-Сугерий с Иваном-Яковом де-Руссо гуляя, незапно так сказал: *«Обожди, друг, маленько у сей колонны; ибо я, на краткий миг нужду имея, тотчас к тебе возвратиться не замедлю»*. — Сей искусный в своем деле философ, многим в жизни своей наукам обучаясь, непременно следовал Солоновым, Ликурговым и Платоновым законам, а особливо Димоландской секты [1]; для чего не упустил господина аббата целые три дня с упрямством дожидать, а напоследок, сказывают, и вовсе от голода на указанном месте умре.

14

К КОМУ ПРИДЕТ НЕСЧАСТИЕ

Некоторый градодержатель, имея для услуг своей персоне двух благонадежных, прозвищами: *Архип* и *Осип*, некогда определил им пойти пешо̀ю эштафетой к любимой сего чиновника госпоже, не поблизости от того места проживающей. То сии градодержателевы холопы, застигнуты будучи в пути прежестоким ненастьем, изрядную простуду получили, от косй: Архип *осѝп*, а Осип *охрѝп*.

---

[1] Читай книгу «О суете наук», гл. 63.

15

НЕДОГАДЛИВЫЙ УПРЯМЕЦ

Всем ведомый англицкий вельможа Кучерстон, заказав опытному каретнику небольшую двуколку, для весенних прогулок с некоторыми англицкими девушками, по обычаю той страны ледями называемыми; сей каретник не преминул оную к нему во двор представить. Вельможа, удобность сработанной двуколки наперед изведать положив, легкомысленно в оную вскочил, отчего она, ничем в оглоблях придержана не будучи, в тот же миг и от тяжести совсем назад опрокинулась, изрядно лорда Кучерстона затылком о землю ударив. Однако, сим кратким опытом отнюдь не довольный, предприняял он таковой сызнова проделать; и для сего трикратно снова затылком о землю ударился. А как и после того, при каждом гостей посещении, пытаясь объяснить им оное свое злоключение, он попрежнему в ту двуколку вскакивал и с нею о землю хлопался, то напоследок, острый пред тем разум имев, мозгу своего, от повторенных ударов, конечно лишился.

16

НЕ ВСЕГДА СЛИШКОМ СИЛЬНО

Холостой и притом видный из себя инженер, в окрестностях Инспрука работы свои производящий, повадился навещать некоего магистера разных наук, в ближайшем оттуда местечке проживающего. Сей, быв неуклонно занят всякими вычислениями, свою бездетную, но здоровьем отличную, супругу не токмо в благородные собрания, ниже на многолюдные прогулки не важивал, да и в дому своем поединком отменно редко развлекал. Инженер, всё сие по скорости заприметив, положил обнаружить пред магистершею, ни мало не мешкая, привлекательные свои преспективы, дабы на чужой домашней неустройке храм собственного благополучия возвести. Наиудобнейшим для сего временем признал магистеровы трапезы; ибо ученый сей, разных стран академиями одобряемый, главнейшее после фолиантов удовольствие в том полагал, что подолгу за трапезами просиживал, приветливо разделивая со случившимся посетителем тарелку доброй похлебки и всякого иного

яства. Посему, за первою же трапезою супротив хозяйки присев, затеял, когда сладкого блюда вкушали, носком своей обуви таковой же хозяйкин прикрыть, и оный постепенно надавливать, доколе дозволено будет. Притиснутая нога, сверх чаяния, не токмо выдернута не была, но хозяйка не без замысла лестным голосом выразила: *что, де, не столько вкушаемое печение приятно, колико приправа, оное сопровождающая.* С этим и магистер согласиться не замедлил, разумея предложенную к печению фруктовую примочку, многими «подливкою» называемую. После того, однажды, когда магистерша к трапезе красивее обычного обрядилась, инженер, возбуждаемый видом ее поверх стола телосложения, на сей раз едва розовою дымкою прикрываемого, почал свои ножные упражнения выделывать с возрастающим сердца воспалением и силы умножением, повышая оные постепенно даже до самого колена. И дабы притом затмить от гостеприимного хозяина правильный повод своего волнения, стал расписывать оживленными красками, как через всю Инспрукскую долину превеликую насыпь наваливает и оную для прочности искусно утрамбовывает. Под конец же с толикою нетерпеливостию хозяйкино колено натиснул, что она, взорами незапно поблекши и лицом исказившись, к задку стула своего откинулась и громко, чужим голосом, воскликнула: *«Увы мне! чашка на боку!»* Магистер вотще придумывал: о какой посудине супруга его заскорбела? А виновный продерзец, заботясь укрыть правду от несумнящегося супруга, почал торопливо передвигивать миску, дотоле у края стола стоявшую, к самой середине оного. И неведомо, сколь долго протянулось бы такое плачевное оставление страдалицы без супружнего пособия, ежели бы сама, дух свой на время восприявши, не указала перстом сперва на поврежденный член, а потом и на укрывающегося бесстыдника и не высказала с особым изражением: *«Сей есть виновник моего злоключения! Он, с горячкою расписывая про насыпь чрез долину, не оставлял без толку напирать в мое левое колено, пока верхушку оного совсем своротил! От этого часу не токмо не за благородного кавалера его почитаю, но даже за наиувальнейшего мужика землекопа!»* — Такими выговоренными словами всю правду мужу вскрыла. Магистер, зная в корпусе своем не довольно силы, дабы дородную супругу подобрать, а притом и виновника до нее не допущая, вы-

сунясь из окна, выкрикнул с площади двух крепких носильщиков, которым наказал бережно хозяйку, с отвороченным коленом, в опочивальню перенести и там на двуспальное ложе поместить. — Так: здоровая некогда госпожа сия проявилась болящею под занавесками, за коими допрежде хотя не часто амуры резвилися, но и бледноликая печаль не ютилася! — Оставив страдалицу на ложе, вошел магистер, с обоими носильщиками, вспять в столовую горницу, где провинившийся, не без великого страха, дожидал висящего над ним своего приговора; и так ему, с глубокою горечью, высказал: *«Ведайте, государь мой, что хотя вы и опытный в своем деле инженер, но госпожа магистерша не есть земельная насыпь и никогда оною не бывала!»* — И, повернув от него, выплатил обоим носильщикам заслужоные ефимки, и в опочивальню к болящей возвратился. А продерзкий тот сластолюбец, столь нечаянно от заслужоной и преизрядной потасовки избегший, за лучшее счел поскорее к дому убраться; и завсегда потом, о приключившемся вспоминая, так в мыслях своих выводил: *«Ежели и вправду сия подстольная любовная грамота остроумную при себе удобность имеет; ибо любимому предмету изъясняет, а от нелюбимых утаевает; однако и оную, даже в самых поспешных и чувствительных случаях, отнюдь до крайнего изображения допущать не должно»*.

17

НИКТО НЕОБЪЯТНОГО ОБНЯТЬ НЕ МОЖЕТ

Однажды, когда ночь покрыла небеса невидимою своею епанчою, знаменитый французский философ Декарт, у ступенек домашней лестницы своей сидевший и на мрачный горизонт с превеликим вниманием смотрящий, — некий прохожий подступил к нему с вопросом: *Скажи, мудрец, сколько звезд на сем небе?* — *«Мерзавец!»* — ответствовал сей: *«никто необъятного обнять не может!»* — Сии, с превеликим огнем произнесенные, слова возымели на прохожего желаемое действие.

II

1

НЕ ВСЕГДА С ТОЧНОСТЬЮ ПОНИМАТЬ ДОЛЖНО

Весьма достаточный мануфактуроправитель, неподалеку от нью-йоркского города проживающий, навсегда с раннего утра рабочих своих подымая, только с темною ночью домой их отпускал; то, однажды, когда ночная мрачность совсем исчезла и благодетельная денница, являя утреннюю зарю светлеющим лицом своим, взирая на вселенную, правою рукою усыпала землю розами и орошала, наподобие жемчуга, из глаз своих зеленую траву росою, — сей трудящий рукодельник, многих из наемников своих тотчас пробудив, на смятенный запрос оных степенно ответствовал: *Государи мои! поднимая вас прежде солнца и отпуская опосля луны, уповаю, конечно: следовать похвальному изречению: «ученье свет, а неученье тьма».*

2

ЗЛОУМЫШЛЕННО ПРИЛОЖЕННАЯ ПОСЛОВИЦА

Как у некоего педагога несоразмерно короткая кровать имелась, на восток поставленная и ширмою от света загороженная; то один школьник, во время сна сего пестуна своего, неуместно над оным подшутил, осторожно повалив наставничью ширму. Когда же учитель, ранее от солнечных лучей проснувшийся, запальчиво с короткой кровати своей вопросил: *Зачем мне светло?* сей молодой проказник, ни мало не смешавшись, но с надеждою ответствовал: *Не вы ли сами, государь мой, с превеликою настойчивостью вперяли мне во всем придерживаться пословицы:* **коротко и ясно!**

3

НАКЛОННОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕРЕДКО В ОШИБКИ ВВЕСТИ МОЖЕТ

Некий, весьма умный, XIV-го века ученый справедливо тогдашнему германскому императору заметил: «*Отыскивая противоречия, нередко на мнимые наткнуться можно и в превеликие от того и смеху достойные ошибки войти: не явное ли в том, ваше величество, покажется малоумному противоречие, что люди в* теплую *погоду обычно в* холодное *платье облачаются, а в* холодную, *насупротив того, завсегда* теплое *одевают? Или, коликому сраму подверг бы себя тот, который громко и в большом собрании простодушно удивляться вздумал бы, что одержимый* водяною *болезнью старец почасту* жажды *своей утолить не может?*» — Сии, с достоинством произнесенные, ученого слова произвели на присутствующих должное действие, и ученому тому, до самой смерти его, всегда особливое внимание оказывали.

4

ОТМЕННАЯ МИНИСТРУ ОТПОВЕДЬ

Как некоторый германский государственных дел министр, великий промежду товарищей своих вес имеющий и с ними почасту в советах препирающийся, неосторожно, а паче того, с непригодною для министерского своего сана пылкостию, в приватный, с некиим незнатного чина юношей, спор вошел; то желая он свое, о пользе рабства, мнение напоследок гисторическими указаниями закрепить, тако с особою запальчивостью воскликнул: «*Воззри, о юноша, на сии, великостью ужасающие и разум поражающие пирамиды! Колико стоят они тысящелетий? а мог ли бы кто таковые не через невольнический труд с успехом учредить?*» Тому министрову рассуждению ни мало не удивляясь, но напротив того, оное с поспешностью подхватив, сей, похвалы достойный, юноша степенно и с улыбкою ответствовал: «*Так, государь мой! Но для того, уповаю, и сохранило Провидение сии египтянские громадные пирамиды, дабы всякий, разума не лишенный, путник, с негодованием на оные взирая, неизбежно так помыслил: то превеликое есть докавательство, колико бесплодно завсегда*

невольнический труд прилагаем бывает!» Сия, остроумно и смело составленная, того юноши отповедь, немалый сему министру стыд причинивши, оный, однако, и после того, сказывают, прежнему своему мнению верен остался.

5

И ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ ИНОГДА НЕДОГАДЛИВЫ БЫВАЛИ

Всему свету известный герцог де-Роган однажды, превеликую во всем организме расстройку от простуды ощутив, спешно французского врача, Густава-де-ла-Шарбонера, звать приказал и от него пригодное для себя врачевание истребовал. Сей, искусный в своей науке, де-ла-Шарбонер не замедлил господину де-Рогану особые капли прописать, которые по двадцати в воде принимать велел; а на завтра к сему больному с должною осторожностью вошед и оного, в холодной ванне сидящего и спокойно прописанные капли ложечкой пьющего, увидев, искусный тот врач не мало сему изумился и с ужасом к герцогу воскликнул: *«Что̀ вы делаете, государь мой?»* — Таковому докторскому вопросу вельми удивляясь и с негодованием герцог де-Роган из ванны ему ответствовал: *«Не вы ли сами, господин де-ла-Шарбонер, вчера, при герцогине, супруге моей, с превеликою настойчивостью многажды наказывали мне: капли сии по двадцати* в воде *принимать? Что̀ с самого отхода вашего по сей час непреклонно исполняя, напоследок совсем излечиться через сие несомненно надеюсь!»* — Так и великие люди иногда тоже недогадливыми бывали!

6

УЧЕНЫЙ НА ОХОТЕ

Сказывают, однажды Лефебюр-де-ла-Фурси, французский знаменитый ученый, к исследованию мафематических истин непрестанно свой ум прилагавший, нежданно тамошним королем, с прочими той страны почетными особами, на охоту приглашен был, и из богатого королевского арсенала добрый мушкет для сего получивши, наровне с другими королю в охоте сопутствовать согласился. Но когда уже оная королевская охота, изрядно утомившись, обратно путь свой к дому направила, то, проезжая мимо славного и

широкого каштана, на берегу реки стоящего и в зеркале вод ее, влеве от него бегущих, длинные ветви свои живописно отражающего, — добрый сей король знаменитого того мафематика узрел, у подножия каштана на земле седящего и тщательно, с превеликим прилежанием, на ладони дробь перебирающего, а мушкет и прочие охотничьи доспехи подалеку от него в стороне лежащие, и крайне сему удивляясь, громко его вопросил: «*Чтò вы делаете, господин Лефебюр-де-ла-Фурси?*» На королевский запрос, ни мало не смешавшись, но с видимым отчаянием, ученый тот ответствовал: «*Вот уже два часа, государь мой, как тщетно силюсь я привести сию дробь к одному знаменателю!*» — Возвратясь домой, король не упустил передать таковой ученого ответ молодым принцессам, дочерям своим, много в тот вечер смеявшимся оному, купно с их приближенными, а в доказательство, однако, сколь ученость должна быть всеми почтенна, тогда же господину Лефебюру-де-ла-Фурси из королевской своей вивлиофики особую книгу подарил, под заглавием: «*Перевод из нравоучительных рассуждений барона Гольбаха*», в нарочито богатом переплете и на пергаменте отпечатанную.

7

ИСКУСНЫЙ В ОТПОВЕДЯХ КАЗНОХРАНИТЕЛЬ

Славный по своей находчивости сановник, за казною надзирать приставленный и в оной от прежних лет оскудение заметив, особое, однако, к выпуску ассигнационных билетов старание приложил и тем, сказывают, по бывшей в то время войне, немалую похвалу себе от тоя земли государя приобрел, непрестанно его обогащением казны удивляя. То однажды, получив от любимого полководца своего извещение, что в войске великая нужда в мелких деньгах имеется, той земли государь, при многих, у ступень трона его бывших придворных, гневно сановника того вопросил: «*Известны ли вы, господин мой финанс-министр! великую войска наши нужду в мелких деньгах ощущают?*» На что сей, с тоном отчаяния, ответствовал: «*Единая тому вина есть, государь, что никак довольно отпечатывать не успеваем!*» — Сии, с покорностью произнесенные, слова на прежнюю милость гнев государев, конечно, обратили.

8

И МАЛЫЕ В АСТРОНОМИИ ПОЗНАНИЯ БОЛЬШУЮ ЦАРЕДВОРЦАМ УСЛУГУ ОКАЗАТЬ МОГУТ

Индийский царь Вардигес, покорными слугами своими окруженный, единожды до самого заката солнечного, со смехом, неловкостью плясавшего перед ним медведя потешался и напоследок так воскликнул: *«Половину сокровищей, о верноподданные! тому, кто первее прочих сказать может: почто сие четвероногое непрестанно морду свою к небесам обращает, будто там что знакомое, а паче приятное, себе находит?»* — *«Доподлинно»*, — ответствовал царю, ни мало не медля, степенный царедворец, — *«оно там, уповаю, двух своих подруг, большую и малую, обрести успело»;* — причем на двух в небе «медведиц» указать государю не замедлил. Ответу сему весьма доволен оставшись, царь тотчас, в веселом расположении, в покой свой вошел и обещание свое в тот же день исполнить не оставил.

9

ДВА ДРУЖНЫЕ ГЕНЕРАЛА

Прусский генерал Страдман, с превеликим приятелем его, Прусским же генералом Гонорингом, купно всегда пребывая и о различных сея природы явлениях непрестанно и взаимно друг с другом совещаясь, оные, по силе разума своего, каждый перед другим разрешали; то однажды, на конях и в ночное время из загородного лагеря выехав и на полную, в небе блещащую, ночную владычицу — луну с упорством взирая, храбрый тот генерал Страдман товарища своего генерала Гоноринга напоследок вопросил: *«Думаете ли, ваше превосходительство, что на ночном сем светиле взаправду люди пребывают?»*—*«Думаю, ваше превосходительство»*, — ответствовал сей. — *«Согласен»*, — возразил генерал Страдман, — *«когда луна полная; но как же, ваше превосходительство, когда луна неполная бывает?»* — *«Уповаю, ваше превосходительство»*, — перехватил генерал Гоноринг, — *«что тогда люди там на тесных квартирах помещаются»*. — С сими генерала Гоноринга

словами нежданно они ко градским вратам приблизились, и в оные въехать положив, отнюдь, однако, таковой своей из лагеря отлучки перед начальством явить не желая, оба дружные сии генералы, по долгом между собою совещании в заставе фамилии свои взаимно переменить определили, чего и самым делом учинить не оставили. Для того решение сие, по привычке, без рассуждения в действо производя, искренние сии приятели, при въезде в город, генерал Гоноринг генералом Страдманом, а генерал Страдман генералом Гонорингом назвались и таковою неудачливою хитростью непозволенную поступку свою перед начальством выдали, за чтó накрепко оба арестованы будучи, навсегда потом и по гроб жизни начальнической той прозорливости меж собой удивлялись.

10

ВИДНО, ЧТО И В ДРЕВНОСТИ НЕМАЛУЮ К ПИСАНИЮ СКЛОННОСТЬ ИМЕЛИ И В ПЛУТОВАТОСТИ ПОЧАСТУ УПРАЖНЯЛИСЬ

Некогда великий Александр, ирой Македонский, осведомясь, что жители лампсакийские от него изменнически отстали и персской стороны держаться зачали, толико ожесточен стал сею их поступкою, что всех до одного истребить пригрозил и с немалым для того войском к мятежным лампсакийцам неотложно выступил. То однажды, в сем походе пребывая и на пути в одном из славных дворцов своих замешкав, царь сей македонский, от небреженья здоровья своего, нарочитый насморк себе приобрел, и по предписанию знатного, при нем бывшего, сиракузского врача, Менекратом именуемого, единожды сальную свечу от гофмейстера своего спросил, дабы оною нос свой от той неотвязной болезни накрепко вымазать. То лукавые дворца его смотрители и после отъезда Александрова через долгое время каждодневно по сальной свечи в расход вписывали, немалую от того для себя прибыль имея, и для порядка законно по делу сему осóбую тетрадь завели, таковой на оной заголовок искусно надписав: «Дело об отпуске сальных свеч для смазывания августейшего носа». Однако премудрый ирой Македонский, нисколько на то не

взирая, а напротив того, опосля про таковую хитрость их узнав, примерному наказанию оных изменщиков публично подверг, и для страха всю ту гисторию на мраморной в наилучшем из дворцов своих доске крупными литерами изобразить повелел, нимало имен тех прежних любимцев своих скрывать не желая.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

«Плоды раздумья» — Козьмы Пруткова

I

ФАНТАЗИЯ

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ. СОЧ. Y и Z

Была исполнена на императорском Александринском театре, 8 января 1851 г.

МОЕ ПОСМЕРТНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ К КОМЕДИИ «ФАНТАЗИЯ»[1]

Этот экземпляр моей первой комедии «Фантазия» оставляю в том портфеле, на котором оттиснута золоченая надпись: «Сборник неконченного (d'inachevé) № 1».

Причисляю ее к неконченному (inachevé) только потому, что она еще не была напечатана.

Поручаю издать ее после моей смерти. Возлагаю это на добрых моих друзей, пробудивших во мне дремавшие дарования.

Им же поручаю напечатать впереди комедии это объяснение и, приложенный здесь в копии, заглавный лист театрального экземпляра комедии.

Я сам списал этот лист с точностию, со всеми пометками театральных чиновников. — Этими пометками пересказывается вкратце почти вся история комедии. Я люблю краткость. Ею легче ошеломить, привлечь. Жалею, что не соблюл ее в своей «Фантазии». Но мне вовсе не хотелось тратить время на этот первый мой литературный шаг. Впрочем, он и без того вышел достаточно разительным. Его не поняли, не одобрили; но это ничего!

Вот тебе, читатель, описание театральной рукописи: она в четвертушку обыкновенного писчего листа бумаги; сшита тетрадью; писана разгонисто, но четко; в тексте есть цен-

---

[1] Это посмертное объяснение, вместе с комедиею «Фантазия», печатается с рукописи, найденной в том портфеле Козьмы Пруткова, о коем он упоминает в начале сего объяснения.

зорские помарки и переделки; они все указаны мною в экземпляре для печати; на заглавном листе, кроме надписи: *«Фантазия, комедия в одном действии»*, имеются следующие пометы театральных чиновников:

а) вверху слева: *«Д. И. Т. 23 декабря 1850 г. № 1039»;* это должно значить: «Дирекция Императорских Театров» и день и № внесения комедии в дирекцию;

б) вверху справа: *«К бенефису Максимова 1, назначенному 8 января 1851 г.»;*

в) посредине, над заглавием: *«1103»;* — это, вероятно, входящий нумер репертуара;

г) под заглавием: *«от г. г. Жемчужникова (А. М.) и Толстого (графа)»*. — Этим удостоверяется, что я представил комедию «Фантазия» чрез г.г. Алексея Михайловича Жемчужникова и графа Алексея Константиновича Толстого;

д) под предыдущею надписью: *«Одобряется для представления. С.-Петербург, 29 декабря 1850 г. Дейст. ст. советник Гедерштерн»;*

е) вверху, вдоль корешка тетради, в три строки: *«по Высочайшему повелению сего 9 января 1851 г. представление сей пиесы на театрах воспрещено. Кол. Асс. Семенов»*.

Ты видишь, читатель: моя комедия «Фантазия», внесенная в театральную дирекцию 23-го декабря 1850 г., т. е. накануне рождественского сочельника, была разрешена к представлению перед кануном Нового года (29 декабря) и уже исполнена императорскими актерами чрез день от праздника крещения (8-го января 1851 г.), а затем тотчас же воспрещена к повторению на сцене! .. В действительности, воспрещение последовало еще быстрее: кол. асесс. Семенов обозначил день *формального* воспрещения; но оно было объявлено словесно *8-го января,* во время самого исполнения пьесы, даже ранее ее окончания, при выходе императора Николая Павловича из ложи и театра. А выход этот последовал в то время, когда актер Толченов 1-й, исполнявший роль Миловидова, энергично восклицал: «Говорю вам, подберите фалды! он зол до чрезвычайности!» (см. в 10-м явлении комедии).

Итак, публике дозволено было видеть эту комедию только *один раз!* А разве достаточно одного раза для оценки произведения, выходящего из рядовых? Сразу понимаются только явления обыкновенные, посредственность, пошлость. Едва ли кто оценил бы Гомера, Шекспира, Бет-

говена, Пушкина, если бы произведения их было воспрещено прослушать более одного раза! — Но я не ропщу... Я только передаю факты.

Притом, успех всякого сценического произведения много зависит от игры актеров; а как исполнялась моя «Фантазия»?! Она была поставлена на сцену наскоро, среди праздников и разных бенефисных хлопот. Из всех актеров, в ней участвовавших, один Толченов 1-й исполнил свою роль сполна добросовестно и старательно. Даже знаменитый Мартынов отнесся серьезно только к последнему своему монологу, в роли Кутилы-Завалдайского. Все прочие играли так, будто боялись за себя или за автора: без веселости, робко, вяло, недружно. Желал бы я видеть: что̀ сталось бы с любым произведением Шекспира или Кукольника, если б оно было исполнено так плохо, как моя «Фантазия»?! . Но, порицая актеров, я отнюдь не оправдываю публики. Она была обязана раскусить... Между тем, она вела себя легкомысленно, как толпа, хотя состояла наполовину из людей высшего общества. — Едва государь, с явным неудовольствием, изволил удалиться из ложи ранее конца пьесы, как публика стала шуметь, кричать, шикать, свистать... Этого прежде не дозволялось! — За это прежде наказывали!

Беспорядочное поведение публики подало повод думать, будто комедия была прервана, недоиграна; будто все актеры, кроме Мартынова, удалились со сцены поневоле, не докончив своих ролей; будто г. Мартынов, оставшись на сцене один, поступил так по собственной воле и *импровизовал* (!) тот заключительный монолог, в котором осуждается автор пьесы и который, по свидетельству даже врагов моих: «вызвал единодушные рукоплескания»! Всё это неправда. Я не мог возражать своевременно, потому что боялся дурных последствий по моей службе. В действительности было так: публика, сама того не зная, дослушала пьесу до конца; актеры доиграли свои роли до последнего слова; пред монологом Мартынова они оставили сцену все разом, потому что так им предписано в моей комедии; г. Мартынов остался на сцене один и произнес монолог, потому что так он обязан был сделать, исполняя роль Кутилы-Завалдайского. Следовательно: публика, думая рукоплескать Мартынову как импровизатору и в осуждение автора, в действительности рукоплескала Мартынову как актеру, а мне — как автору!

Так сама судьба восстановила нарушенную справедливость; — благодарю ее за это!

Не скрою (да и зачем скрывать?), что тогдашние театральные рецензенты отнеслись к этому событию поверхностно и недоброжелательно. Вот выписки из двух тогдашних журналов, с сохранением их курсивов. Эти курсивы отнюдь нельзя уподобить «умным изречениям», вопреки моему афоризму в «Плодах раздумья».

а) *Выписка из журн. «Современник» (1851 г. кн. II, Смесь, стр. 271):* «По крайней мере в бенефис г-жи Самойловой [1] не было ничего слишком плохого, чему недавний пример был в бенефис Максимова; пример очень замечательный в театральных летописях [2] тем, что одной пьесы *не доиграли,* [3] вследствие *резко* выраженного неодобрения публики. Это случилось с пьесою «Фантазия».

б) *Выписка из журн. «Пантеон» (1851 г., кн. I):* «Вероятно, со времени существования театра, никому еще в голову не приходило *фантазии* [4] подобной той, какую г. г. Y и Z [5] сочинили для русской сцены... [6] Публика, потеряв терпение, не дала актерам окончить эту *комедию* и ошикала ее, прежде опущения занавеса. [7] Г. Мартынов, оставшийся один на сцене, попросил из кресел афишу, [8] чтоб узнать, как он говорил: [9] «кому в голову могла притти фантазия сочи-

---

[1] Это говорится о бенефисе Самойловой 2-й, который предшествовал бенефису Максимова 1-го.

[2] Сколько мне известно, таких «летописей» вовсе не существует; — разве какие-нибудь тайные, вредные?

[3] Из моего объяснения видно, что это неправда.

[4] Тут сочинитель статьи, очевидно, полагал сострить, хотя бы с помощью курсива!

[5] Я назвал на афише автора пьесы иностранными литерами: «Y и Z», потому что не желал выдать себя, опасаясь последствий по службе.

[6] Что же дурного, что никто еще не сочинял подобной фантазии? — В этом и достоинство!

[7] *Во 1-х:* из курсива слова «комедия» видно, что сочинителю досадно: зачем этот титул присвоен моей пьесе? — ему хотелось бы (как и дирекция желала), чтобы пьеса моя была названа: «шутка-водевиль»! *Во 2-х:* из моего объяснения уже известно, что комедия была доиграна до последнего слова.

[8] Г. Мартынов потребовал афишу не «из кресел», а от контрабаса, из оркестра, как ему было предписано в его роли (см. подлинную комедию).

[9] Вовсе не *«он»* говорил, а *я* предписал ему сказать это в роли Кутилы-Завалдайского!

нить такую глупую пьесу?» — Слова его были осыпаны единодушными рукоплесканиями.[1] После такого решительного приговора публики нам остается только занести в нашу Летопись один факт:[2] что оригинальная *Фантазия* удостоилась на нашей сцене *такого падения*, с которым может только сравниться падение пьесы *«Ремонтеры»*, данной 12 лет назад и составившей эпоху в преданиях Александринского театра».[3]

Только в одном из московских изданий было выказано беспристрастие и доброжелательство к моей комедии; — не помню в котором: в «Москвитянине», или в «Московских Ведомостях»? Всякий может узнать это сам, пересмотрев все русские журналы и газеты за 1851 год. Помню, что я мысленно приписывал ту статью г-ну Аполлону Григорьеву, тогдашнему критику в «Москвитянине». Помню также, что в этой статье сообщалось глубокомысленное, но патриотическое заключение, именно: рецензент, хотя не присутствовал в театре и следовательно не знал содержания моей комедии, — отгадал по определению действующих лиц в афише, что «это произведение составляет резкую сатиру на современные нравы». Спасибо ему за такую проницательность! Думаю, впрочем, что ему много помогло быстрое воспрещение повторения пьесы на сцене. — С того времени я очень полюбил г. Аполлона Григорьева, даже начал изучать его теорию литературного творчества, по статьям его в «Москвитянине», и старался применять ее к своим созданиям; а когда я натыкался на трудности, то обращался прямо к нему за советом печатно, в стихах (пример этому см. выше в стихотворении: «Безвыходное положение»).

---

[1] Тут явно злонамеренное перетолкование рукоплесканий публики. Хотя публика — толпа, но заступаюсь за нее, по привычке к правде: публика рукоплескала не одной этой фразе, а *всему* монологу, с начала до конца.

[2] Опять «летопись», да еще с крупной буквы! А я убежден, что ее вовсе не существует.

[3] Мне неизвестна комедия «Ремонтеры», и потому не могу судить: уместно ли это сравнение? Что же касается замечания, что представление моей «Фантазии» составит «эпоху в преданиях Александринского театра», то хотя я не понимаю, какая «эпоха» может быть в «преданиях», однако не скрою (да и зачем скрывать?), что именно это вполне соответствовало бы моим надеждам и желаниям!

Вот все данные для суда над моей комедией «Фантазия». — Читатель! помни, что я всегда требовал от тебя справедливости и уважения. Если б эта комедия издавалась не после моей смерти, то я сказал бы тебе: до свидания... Впрочем, и ты умрешь когда-либо, и мы свидимся. Так будь же осторожен! Я с уверенностию говорю тебе: *до свидания!*

Твой доброжелатель —

Козьма Прутков.

11-го августа
1860 года (annus, i).

№ 1202. 1192

Фантазія

Шутка-водевиль въ одномъ

дѣйствіи —

Одобряется для представленія.

С. Петербургъ 29 Декабря 1850.

Заглавный лист театрального экземпляра.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аграфена Панкратьевна Чупурлина, богатая, но самолюбивая старуха . . . . *Г-жа Громова*

Лизавета Платоновна, ее воспитанница *Г-жа Левкеева*

Адам Карлович Либенталь, молодой немец[1] не без резвости . . . . *Г. Марковецкий*

Фемистокл Мильтиадович Разорваки, человек отчасти лукавый и вероломный . . . *Г. Каратыгин 2*

Князь[2] **Касьян Родионович Батог-Батыев**, человек, торгующий мылом . . . . *Г. Прусаков*

Мартын Мартынович Кутило-Завалдайский, человек приличный . . . . *Г. Мартынов*

Георгий Александрович Беспардонный, человек застенчивый . . . . *Г. Смирнов 2*

Фирс Евгеньевич Миловидов, человек прямой . . . . *Г. Толченов 1*

Акулина, нянька . . . . *Г-жа ****

Фантазия, моська.
Пудель.
Собачка, малого размера.
Собака, датская.
Моська, похожая на Фантазию.
Незнакомый бульдог.
} Без речей[3]

Кучера, повара, ключницы и казачки.

---

[1] Слово «немец» было заменено в афише словом: «человек».

[2] Титул «князь» был исключен цензором в перечне действующих лиц и повсюду в тексте.

[3] Эти действующие лица «без речей» не были одобрены цензором в перечне действующих лиц на афише.

Примечания К. Пруткова.

Действие происходит на даче Чупурлиной. — Сад. Направо от зрителей домик, с крыльцом. Посреди сада (в глубине) беседка, очень узенькая, в виде будки, обвитая плющом. На беседке флаг с надписью: *Что наша жизнь?* Перед беседкой цветник и очень маленький фонтан.

ЯВЛЕНИЕ I

По поднятии занавеса: Разорваки, князь Батог-Батыев, Миловидов, Кутило-Завалдайский, Беспардонный и Либенталь ходят молча, взад и вперед, по разным направлениям. Они в сюртуках, или во фраках. — Довольно продолжительное молчание.

Кутило-Завалдайский

(вдруг останавливается и обращается к прочим)

Тс! тс! тс! ..

Все

(остановившись)

Что такое?! что такое?!

Кутило-Завалдайский

Ах, тише! тише! .. Молчите! .. Стойте на одном месте! .. *(Прислушивается.)* Слышите? .. Часы бьют!

Все подходят к Кутило-Завалдайскому, кроме Беспардонного, который стоит задумчиво, вдали от прочих.

Разорваки

(смотрит на свои часы)

Семь часов.

Кутило-Завалдайский

(тоже смотрит на свои часы)

Должно быть, семь: у меня половина третьего. Такой странный корпус у них, — никак не могу сладить.

Все

(кроме Либенталя, смотря на часы)

Семь часов.

Либенталь

Я не взял с собою часов, ибо *(в сторону)* счастливые часов не наблюдают!

Разорваки

Давно желанный и многожданный час! .. Вот мы все здесь собрались; но кто же из нас, здесь присутствующих женихов, кто получит руку Лизаветы Платоновны? — Вот вопрос!

Все

(задумавшись)

Вот вопрос!

Беспардонный

(в сторону)

Лизавета Платоновна, Лизавета Платоновна! .. Кому ты достанешься? Ах!

Разорваки

Пока еще не пришла старушка, в руке которой наша невеста, мы. . .

Кутило-Завалдайский

Мы тщательно осмотрим друг друга: всё ли прилично и всё ли на своем месте? Женихи ведь должны. . . Господин Миловидов! *(указывает на его жилет)* у вас несколько нижних пуговиц не застегнуто.

Миловидов

(не застегивая)

Я знаю.

Разорваки

Господа! я предлагаю, пока старушка еще не пришла, сочинить ей приятный комплимент, в форме красивого куп-

лета, и спеть, как обыкновенно в водевиле каком-нибудь поют на сцене актеры и актрисы.

Все

Пожалуй... пожалуй... сочиним! сочиним!

Разорваки

Для этого сядем по местам. Садитесь все по местам!

Разорваки садится на скамейку; Беспардонный — на другую; князь Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский — на траву; Миловидов уходит в беседку; Либенталь вынимает из кармана бумажник и карандаш и взлезает на дерево.

Либенталь

Здесь поближе к небесам.

Разорваки

Уселись? Начнем... *(Подумав.)* — «Вот куплеты»... — Господа, рифму!

Либенталь

(с дерева)

Разогреты!

Миловидов

(из беседки)

Почему же разогреты!?

Либенталь

Неподдельными нашими чувствами разогреты!

Разорваки

Я лучше вас всех понимаю поэзию: я человек южный, из Нежина.

Кн. Батог-Батыев

Я из Казани.

Разорваки

Не перебивать!.. Слушайте: «Вот куплеты — Мы поэты, — В вашу честь, — Написали вместе»...

Миловидов

«Написали вместе — В этом лесе».

Разорваки

Это не рифма!

Кутило-Завалдайский

Это сад.

Миловидов

Ну — «В этом саде!»

Разорваки

Не перебивать! .. «Написали вместе. — На своем всяк месте, — Нас здесь шесть». — Вот это так! .. Далее: «Мы вас знаем»... Ах! идет! .. Аграфена Панкратьевна идет! .. Ну, нечего делать! .. Так, как есть, каждый на своем месте, давайте петь. Я начинаю!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Чупурлина с Лизаветой.

Чупурлина с Лизаветой сходят с крыльца в сад. Чупурлина ведет на ленточке моську. Женихи сидят на местах и поют на голос: «Frère Jacques». Разорваки начинает.

Все

(поют)

Вот куплеты
Мы поэты,
В вашу честь, *(bis)*
Написали вместе,
На своем всяк месте.
Здесь нас шесть!
Нас здесь шесть!

Аграфена Панкратьевна и Лизавета Платоновна смотрят с удивлением во все стороны.

Разорваки

Господа, второй куплет экспромтом; — каждый давай свою рифму. — Я начинаю!

Поют, каждый отдельно, по одному стиху, в следующем порядке:

Разорваки

Мы вас знаем —

Кутило-Завалдайский

Ублажаем —

Кн. Батог-Батыев
Услаждаем —

Миловидов
Занимаем —

Беспардонный
Сохраняем —

Либенталь
Забавляем!

Разорваки
Довольно... довольно!..

Все
(хором)
Всякий час!
Всякий час!..

Разорваки
(продолжая петь один)
Вы на нас взгляните!

Миловидов
(тоже)
И нас обнимите!

Все
(хором)
А мы вас!
А мы вас!

При последнем стихе все идут к Аграфене Панкратьевне с распростертыми объятиями.

Чупурлина
Благодарю вас, благодарю вас!

Либенталь
(бежит вперед других)
Милостивая государыня, почтенная Аграфена Панкратьевна! лестная для меня маменька!

Кн. Батог-Батыев

Почтеннейшая Аграфена Панкратьевна!

Кутило-Завалдайский

Благодетельница!

Разорваки

Такая благодетельница, что просто— ух! .. целовал бы, да и только!

Кутило-Завалдайский

(в сторону)

Какие у этого грека всё сильные выражения; — совсем не умеет себя удерживать.

Беспардонный подходит, отворяет рот, но от внутреннего волнения не может сказать ничего.

Миловидов

(перебивая выразительные знаки Беспардонного)

Ну, что же, матушка! .. надумались? — Вот мы все налицо. Кто же из нас лучше? — говорите! .. Да ну же, говорите!

Чупурлина

Тише, мой батюшка, тише! Вишь какой вострый, как приступает! .. Моя Лизанька не какая-нибудь такая, чтоб я ее вот так взяла, да и отдала первому встречному! Я своей Лизанькой дорожу! *(Гладит моську.)* Она мне лучше дочери... Я не отдам ее какому-нибудь фанфарону! *(Окидывает Миловидова глазами, с ног до головы).* Небось ты, батюшка, всё на балах разные антраша выкидывал, да какие-нибудь труфели жевал под сахаром; а теперь — спустил денежки, да и востришь зубы на Лизанькино приданое? Нет, батюшка, тпрру! ! . Пусть-ка прежде каждый из вас скажет: какие у него есть средства, чтобы составить ее счастье? *(Гладит моську.)* — А без этого не видать вам Лизаньки, как своей поясницы.

Миловидов

(в сторону)

Вишь, баба! Вишь, какая баба!

Либенталь

(к моське)

Усиньки, усиньки, тю, тю, тю...

Миловидов

(к Чупурлиной)

Средства будут!

Чупурлина

Какие, мой батюшка?

Миловидов

А приданое-то? Как получу его, так будут и средства! И чем больше приданое, тем больше средства!

Чупурлина

Ну вот, я так и знала. Фанфарон, просто фанфарон; что его слушать! *(К Кутиле-Завалдайскому.)* Ну, а ты, батюшка?

Либенталь

(к Чупурлиной)

Маменька, позвольте: кажется, моська заступила за ленточку левою ножкой? клянусь вам!

Чупурлина

Спасибо, батюшка... *(Снова обращается к Кутиле-Завалдайскому)*. Ну, а ты, Мартын Мартынович?

Кутило-Завалдайский

Сударыня, позвольте вас уверить, что, вступив в брак с Лизаветой Платоновной, я всегда буду соблюдать пристойность...

Чупурлина

Нет, я не о том... Какие у тебя надежды? Есть ли у тебя фабрика?

Кутило-Завалдайский

Нет-с, фабрики не имею.

Чупурлина

Ну, так как же?

Кутило-Завалдайский

У меня, сударыня, более нравственный капитал! Вы на это не смотрите, что мое такое имя: Кутило-Завалдайский. Иной подумает и бог знает что; а я совсем не то! Это мой батюшка был такой и вот дядя есть еще; а я нет! Я человек целомудренный и стыдливый. [1] Меня даже хотели сделать брантмейстером. [2]

Чупурлина

Фу ты, фанфарон! право, фанфарон! Фанфарон, фанфарон, да и только!.. *(Обращается к кн. Батог-Батыеву).* Авось, ты, батюшка, посолиднее. Посмотрим, чем ты составишь счастье Лизаньки?

Кн. Батог-Батыев

Большею частью мылом! *(Вынимает из кармана куски мыла.)* У меня здесь для всех. *(Раздает).* Вам, сударыня, для рук; а этим господам бритвенное. *(К Миловидову.)* Вам, кроме бритвенного, особенный кусок — для рук.

Миловидов

(принимает с благодарностью, но смотрит на свои руки пристально)

Благодарю!

Чупурлина

Благодарствуйте, князь *(Обращается к Разорваки).* Ну, тебя, Фемистокл Мильтиадович, я не спрашиваю. Ведь ты не в самом же деле вздумал жениться на Лизаньке? Где тебе!

Разорваки

Нет-с, я не шучу. Серьезно прошу руки Лизаветы Платоновны. Я происхождения восточного, человек южный; у меня есть страсти.

Чупурлина

Неужто?.. Но какие же у тебя средства?

Разорваки

Сударыня, Аграфена Панкратьевна! я человек южный, положительный. У меня нет несбыточных мечтаний. Мои

---

[1] Здесь цензор вычеркнул слово: «целомудренный» и написал «нравственный».

[2] Эти слова: «Меня даже хотели сделать брантмейстером» вычеркнуты цензором.

Примечания К. Пруткова.

средства ближе к действительности... Я полагаю: занять капитал... в 300 тысяч рублей серебром... и сделать одно из двух: или пустить в рост, или... основать мозольную лечебницу... на большой ноге!

Чупурлина

Мозольную лечебницу?

Разорваки

На большой ноге!

Чупурлина

Что́ ж это? На какие ж это деньги?.. Нешто на Лизанькино приданое?

Разорваки

Я сказал: занять капитал, в 300 тысяч рублей серебром!

Чупурлина

Да у кого же занять, батюшка?

Разорваки

Подумайте: 300 тысяч рублей серебром! Это миллион на ассигнации!

Чупурлина

Да кто тебе их даст? Ведь это, выходит, ты говоришь пустяки?

Разорваки

Миллион 50 тысяч на ассигнации!

Чупурлина

Пустяки, пустяки; и слышать не хочу! — Г-н Беспардонный, вы что̀?

Беспардонный

(встрепенувшись)

Сударыня... извините... я надеюсь не щадя живота своего... не щадя живота своего [1] ... для Лизаветы Платоновны... до последней капли крови!..

---

[1] Цензор изменил: вместо славянского «живота своего», поставил «жизни своей». Однако ведь о «животе» говорят не только в молитвах, но даже тогда, когда «кладут его на алтарь отечества». Почему же неприлично говорить о нем в театре? *Примечание К. Пруткова.*

Либенталь

(перебивая)

Маменька, послушайте, — лучшее средство есть: трудолюбие, почтение к старшим и бережливость! Почтение к старшим, трудолюбие... *(Нагибается к моське).*

Чупурлина

Что ты, батюшка, на ней увидел?

Либенталь

Маменька, ушко завернулось у Фантазии.

Чупурлина

(полугромко)

В этом молодом человеке есть прок.

Либенталь

(продолжает ласкать моську)

Усиньки, тю, тю, тю, фить, фить, фить!..

Чупурлина

(попрежнему)

Он хорошо изъясняется.

Либенталь

(к моське)

Фить, фить, фить, тю, тю, тю!..

Чупурлина

(Либенталю)

Спасибо тебе за то, что ты такой внимательный.

Миловидов

Ну, что̀ же, матушка; довольно наговорились про всякий вздор!.. Пора, братец, сказать: кто из нас лучше?

Чупурлина

Тише, тише, мой батюшка!.. Вишь как опять приступает! Так и видно, что целый век играл на гитаре.

Кутило-Завалдайский

(с ужасом)

Миловидов действует неприлично.

Миловидов

Да пора же кончить!

Разорваки

Миллион 50 тысяч на ассигнации!

Чупурлина

Да, нечего говорить: всех-то вас толковее Адам Карлыч.

Разорваки

(берет Чупурлину в сторону)

Сударыня, принимая в вас живейшее участие, я должен вам сказать, что однажды Адам Карлыч на Крестовском... *(Шепчет ей на ухо)*.

Чупурлина

Как? Возможно ли?! Какие гадости!.. Адам Карлыч, Адам Карлыч! поди-ка сюда!.. Правда, что ты, однажды, на Крестовском... *(Шепчет ему на ухо)*.

Либенталь

(с ужасом)

Помилуйте, маменька; никогда на свете!..

Чупурлина

Ну, то-то; я так и думала!.. Видишь, Фемистокл Мильтиадович, это был не Адам Карлыч. Это кто-нибудь другой.

Разорваки

(ей)

Действительно: это, кажется, был Миловидов.

Чупурлина

(к Либенталю)

Ну, Адам Карлыч, коли ты понравишься Лизаньке, то бери ее, и дело с концом. Поди, объяснись с ней. Она здесь где-то, в саду. — Прощайте, родимые. Спасибо вам за честь. *(Особо к кн. Батог-Батыеву.)* Прощайте, князь; благодарствуйте за мыло.

Женихи уходят. Чупурлина останавливает Разорваки.

Чупурлина

Ты, батюшка, погоди немного. Я не совсем поняла, что ты мне сказал насчет мозольной фабрики?

Разорваки

Мозольной лечебницы!

Чупурлина

Да, бишь, лечебницы! .. Как же это ты полагаешь?

Разорваки

Очень просто! .. Во-первых, я занимаю капитал в 300 тысяч рублей серебром... *(Уходят, разговаривая.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Либенталь, потом Лизавета.

Либенталь скачет несколько времени молча на одной ноге

Либенталь

Ах, вот она!... вот она! .. идет и несет цветы! .. Начну!

Лизавета Платоновна проходит с цветами, не замечая Либенталя.

Либенталь

Лизавета Платоновна! .. Я говорю: Лизавета Платоновна!

Лизавета Платоновна

Ах, здравствуйте, Адам Карлыч.

Либенталь

Лизавета Платоновна, где вы покупаете ваши косметики?

Лизавета Платоновна

Какие это?

Либенталь

Под этим словом я разумею: духи, помаду, мыло, о-де-ла-ван и бергамотовое масло.

Лизавета Платоновна

В гостином дворе, выключая казанское мыло, которое, с некоторых пор, поставляет мне большею частью князь Батог-Батыев. Но зачем вы это спрашиваете?

Либенталь

(подойдя к ней близко)

Затем, что от вас гораздо приятнее пахнет, нежели от этих самых цветов! *(В сторону.)* Она засмеялась! .. *(Ей.)* Лизавета Платоновна! я сейчас объяснил дражайшей Аграфене Панкратьевне цель моей жизни и средства моего существования... Я обнажил перед ней — клянусь вам! — всю душу мою и все изгибы моего, чувствительного и стремящегося к известному предмету, сердца... Я ей сказал о себе, и упомянул о вас... Она выгнала всех вон... а мне приказала итти к вам... Я иду... вы сами идете! .. Без сомнения, несравненная Лизавета Платоновна, я не смею даже думать об этом; но Аграфена Панкратьевна мне приказала...

Лизавета Платоновна

Но что̀ же такое, Адам Карлыч?

Либенталь

О! я обязан исполнить приказание этой преклонной особы! И потому, собравшись с духом, говорю *(падает на колени)*: Лизавета Платоновна! реши, душка, судьбу мою, или восхитительным ответом, или ударом! .. *(Поет, не вставая с колен, на голос: «d'un pensiero», из «Сомнамбулы».)*

Елизавета, мой друг!
Сладкий и странный недуг
Переполняет мой дух!
О тебе всё твердит
И к тебе всё манит!
Е...

Лакей

(вбегая)

М-с! .. м-с! .. Фантазия! .. Фантазия! .. Барышня, не видали барыниной моськи?

Лизавета Платоновна

Не видала.

Либенталь

(вставая с колен)

И я не видал.

Лакей

(уходя)

Фантазия!.. Фантазия!.. *(Уходит.)*

Либенталь

Я продолжаю. *(Становится снова на колени и поет.)*

Елизавета, мой друг!
Ну, порази же мой слух,
Будто нечаянно, вдруг,
Словом приятным — супруг!

Лизавета Платоновна

(тоже поет, продолжая мотив)

Ах, нет, нет...

Горничная

(вбегая)

Фантазия!.. Фантазия!.. Барышня, барыниной моськи не видали?

Лизавета Платоновна

Не видала.

Либенталь

(вставая с колен)

И я не видал.

Горничная

(уходя)

Фантазия!.. Фантазия!.. *(Уходит.)*

Либенталь

Вы, кажется, начали отнекиваться, Лизавета Платоновна?

Лизавета Платоновна

Да, я хотела сказать вам.

(поет)

Ах, нет, нет!.. я боюсь,
Ни за что не решусь!..
Я от страха трясусь!..

Либенталь
(поет в сторону)

Ах, какой она трус!

Лизавета Платоновна

Я боюсь, *(bis)*
Я страшусь, *(bis)*
Не решусь! *(ter)*

Либенталь
(поет в сторону)

Ах, какой она трус!

Лизавета Платоновна

Я боюсь,
Я страшусь!..

Оба вместе

Она трус! *(ter)*
Не решусь! *(ter)*

Либенталь
(опять падая на колени, начинает петь)

Е...

Акулина
(вбегая)

Хвантазия!.. Хвантазия!.. Барышня, ведь у барыни моська пропала! Вы не видали?

Лизавета Платоновна

Нет, не видала.

Либенталь
(вставая с колен)

И я не видал.

Акулина

Что ты будешь делать?! Барыня изволит плакать, изволит сердиться, из себя выходит; изволит орать во всю глотку:[1] «Дайте мне мою моську! где моя Хванта-

---

[1] Цензор вычеркнул «глотку» и написал «горло». *Примечание К. Пруткова.*

зия!» *(Уходя, кричит:)* Хвантазия!.. А, Хвантазия! *(Уходит.)*

Либенталь

(опять становясь на колени)

Я продолжаю *(поет)*.

Елизавета, мой друг!
Твой неприличный испуг
Напоминает старух!
Между тем как любовь
Всё волнует мне кровь!
Е...

Повар

(вбегает в колпаке, с засученными рукавами, с кастрюлей в одной руке и с пуком репы в другой)

Конефузия!.. Конефузия!.. Барышня, Конефузия не с вами?

Либенталь

(вставая с колен)

Ах, пошел вон!.. Прервал на решительном месте!

Повар

Да чем же я виноват, что меня послали собаку искать?

Лизавета Платоновна

Я не видала.

Либенталь

И я не видал.

Повар

(уходя)

Конефузия!.. Конефузия!.. *(Уходит.)*

Либенталь

(поет, стоя)

Елизавета, мой друг!
Ну, порази же мой слух,
Будто нечаянно, вдруг,
Словом приятным —

Лизавета Платоновна

(робко)

Супруг!

Либенталь
(падает на колени)

Небесная Лизавета! *(Целует ее руку.)* Эфирное созданье!..

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и вся дворня, а затем Чупурлина.

Лакеи, горничные, казачок, Акулина, повар и кучер
(вбегают с разных сторон, крича)

Фантазия!.. Конефузия!.. Хвантазия!..

Лизавета Платоновна и Либенталь, не замечая никого, смотрят друг другу в глаза с любовью и нежностью. — Через несколько времени вбегает Чупурлина и кричит громче всех.

Чупурлина

Фантазия!.. Фантазия!.. Не нашли?!. Дайте мне мою собачку, собачонку, собачоночку!.. *(Наталкивается на повара.)* Собака!.. Не видишь, куда бежишь? Да что это вы все толчетесь на одном месте? а?! В разные стороны бегите! и непременно отыщите мне мою собачку!

Вся прислуга
(расходясь во все стороны, кричит в один голос)

Фантазия!.. Фантазия!..

ЯВЛЕНИЕ V

Чупурлина, Лизавета и Либенталь

Лизавета Платоновна и Либенталь
(подходят с обеих сторон к Чупурлиной и робко говорят вместе)

Маменька!.. маменька!..

Чупурлина

Что вам надобно?! Чего вы хотите от меня?!

Либенталь

Оне согласны.

Лизавета Платоновна
(Чупурлиной)

Если вы согласны, я согласна.

Чупурлина

Как?! Все люди ищут мою собаку и, как угорелые кошки, бегают по разным направлениям; а вы?! . Что вы здесь делали?! . *(К Лизавете Платоновне.)* Вот твоя благодарность ко мне за все мои попечения! .. Негодная! .. Выбрала время говорить мне про разные гадости, [1] когда я не в духе, когда я плачу, терзаюсь... *(Плачет.)* Боже мой, до чего я дожила! .. На старости лет не иметь и Фантазии! .. Какое горестное, какое ужасное положение! .. *(Обращается к ним обоим.)* Вон! ..

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и прочие женихи

Беспардонный, Миловидов, князь Батог-Батыев, Кутило-Завалдайский и Разорваки вбегают поспешно.

Беспардонный
(с беспокойством)

С кем случилось?!

Кутило-Завалдайский

Кого постигло?

Кн. Батог-Батыев

Отчего этот шум?

Миловидов

С чего такая возня?!

Разорваки

Какое бедствие?

Чупурлина

Вам что нужно?! Зачем пришли?! Что вы здесь забыли?!

Беспардонный

Мы слышали крик.

---

[1] Цензор заменил слово «гадости» словом «глупости». *Примечание К. Пруткова.*

Кн. Батог-Батыев

Беготню!

Миловидов

Визготню!

Разорваки

Суетню!

Кутило-Завалдайский

Темные рассуждения о фантазии.

Чупурлина

Это моя собака — Фантазия, и вовсе не темная, а светло-желтая! .. Она пропала, она убежала, ее похитили!

Либенталь

Аграфена Панкратьевна, да я сию же минуту брошусь искать вашу Фантазию! Могу вас уверить! .. Я употреблю все мои силы, характер и способности, чтоб отыскать вашу моську! Клянусь вам! .. *(Обращается к Лизавете Платоновне.)* До свиданья, Лизавета Платоновна. *(Убегает.)*

Чупурлина

(кричит ему вслед)

И знай же наперед, Адам ты этакой! что пока не сыщешь Фантазии, не получишь ее руки! .. *(Обращается ко всем женихам.)* Кто принесет мне мою Фантазию, тот, в награду, получит и приданое, и Лизавету! Слышите? Я в своем слове тверда. *(К Лизавете Платоновне.)* Пошла вперед! .. Да ну же, поворачивайся! *(Уходят обе в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ VII[1]

Все женихи, кроме Либенталя

Кн. Батог-Батыев

Какое страшное событие!

Миловидов

Просто чорт знает что!

---

[1] Это явление здесь немного сокращено противу рукописи. *Примечание К. Пруткова.*

Разорваки

Неслыханные обстоятельства!

Беспардонный

(сам с собою)

Как иногда судьба! .. Кто знает?.. Может быть, теперь именно мне? .. Лизавета Платоновна! .. Боже, если б это было возможно!

Миловидов

Что ж думать? Пойдем искать моську.

Кн. Батог-Батыев

Искать моську... Легко сказать! а где ее найти? Разве объявить в полиции? Ну, да бог знает найдут ли?

Кутило-Завалдайский

(в сторону)

Он сомневается в полиции!

Разорваки

А если и найдет какой-нибудь городовой, то Аграфена Панкратьевна тут же за него и выдаст воспитанницу!

Все

(с испугом)

Нет, нет! .. нельзя объявлять! ..

Разорваки

(сам с собою)

Счастливая мысль!

Кн. Батог-Батыев

(тоже)

Ура, придумал!

Беспардонный

(тоже)

Кажется, как будто придумал!

Миловидов

(тоже)

Обдумал!

Кутило-Завалдайский

(в сторону)

Что бы могли придумать такие развратники?! Заранее краснею! *(Старается подслушивать).*

Разорваки

(сам с собою)

Положим, моська не найдется... Я для Аграфены Панкратьевны достану другую собаку, гораздо лучше. Мне известен один пудель... Человек служащий... То есть, господин этого пуделя служащий человек, чиновник серьезный,[1] мой искренний друг; он на все согласится... Я ему обрею... На что ему? Он пустяками не занимается; с подчиненными такой строгий...[2] Оставлю только два бакенбарда, в виде полумесяцев...

Кутило-Завалдайский

(в сторону)

Вот оно, вот оно!.. Заслуженному чиновнику, может быть отцу семейства: «оставлю только два бакенбарда»!

Кн. Батог-Батыев

(сам с собою вполголоса)

У моей старой тетки, девицы Непрочной,[3] есть собачонка не больше этой; называется Утешительный... Его бы взять как-нибудь, да и принести Аграфене Панкратьевне!

Кутило-Завалдайский

(в сторону)

Это, выходит, он хочет обокрасть свою родную тетку?

Беспардонный

(сам с собою вполголоса)

Если не найду Фантазии, я думаю можно... Я видел одну моську: чрезвычайно похожа на Фантазию!.. Просили очень дорого; но у меня есть порядочная бритвенница, и еще есть портрет одного знаменитого незнакомца: очень

---

[1] Цензор вычеркнул слова: «чиновник серьезный».
[2] Цензор вычеркнул слова: «с подчиненными такой строгий».
[3] Вычеркнув слова: «У моей старой тетки, девицы Непрочной», цензор написал: «У моей тетки, старой девицы».

Примечания К. Пруткова.

похож. . . [1] Все это, все это. . . продам. . . для Лизаветы Платоновны! . .

Миловидов

(сам с собою)

Я не стану таскаться по улицам за всякой дрянью! . . Пойду, поймаю что попадется, да и принесу старухе.

Кутило-Завалдайский

(сам с собою)

Почему бы и мне не попробовать? В этом нет ничего предосудительного.

Разорваки

(отводит Миловидова особо)

Знаете что? Чем вам понапрасну искать, так лучше. . . *(Шепчет ему на ухо).*

Миловидов

Оно бы не дурно! Я даже знаю одну няньку, от которой можно достать. . . Только боюсь, заметят!

Разорваки

Никто не заметит, решительно никто не заметит! Я готов присягнуть. . . К тому же я вас поддержу. Уж положитесь на меня.

Миловидов

Благодарю. Можно попробовать. Только поддержите!

Разорваки

Уж положитесь на меня! *(Подходят к остальным).*

Все

(поют хором, на голос: «citto, citto, piano, piano», а потом каждый поет свою партию)

Тише, тише, осторожно
Мы отселе побредем.
Если что̀ найти возможно,
Всеконечно мы найдем!

---

[1] Слова: «очень похож» — цензор вычеркнул. *Примечание К. Пруткова.*

Разорваки

(в сторону)

Совершенно я обрею
Эти пуделю места.

Кутило-Завалдайский

(тоже)

Я заранее краснею:
Будет всюду нагота!

Кн. Батог-Батыев

(в сторону)

К тетке сбегаю нарочно,[1]
Буду тетку целовать;
Лишь бы только от Непрочной[2]
Утешительного взять!

Кутило-Завалдайский

(тоже)

Я попробую: авось-ка
Ей понравится моя?

Беспардонный

(тоже)

Небо! дай, чтобы та моська
Походила на ея!

Миловидов

(к Разорваки)

Опасаюсь я немного,
Чтобы, с помощью огня,
Не заметили подлога?

Разорваки

(Миловидову)

Положитесь на меня!

---

[1] Цензор вычеркнул слово «нарочно» и написал «скорей».

[2] Цензор вычеркнул слова «от Непрочной» и написал сначала «у ней», а потом «поверней».

Примечания К. Пруткова.

Все

(хором, уходя со сцены и постепенно удаляясь)

Тише, тише, осторожно
Мы отселе побредем.
Если что̀ найти возможно,
Всеконечно мы найдем!
Всеконечно мы найдем!

МАЛЕНЬКИЙ АНТРАКТ

Сцена несколько времени пуста. — Набегают тучи. Темнеет. Гроза. Дождь, ветер, молния и гром. — Оркестр играет ту же симфонию, как и в «Севильском цырюльнике» в подобном же случае. — Через сцену пробегает моська. Несколько секунд спустя пробегает незнакомый бульдог, тщательно обнюхивая ее следы. — Буря утихает. Полумрак продолжается.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входят один за другим: Разорваки, Беспардонный, кн. Батог-Батыев, Миловидов, Кутило-Завалдайский. — Они завернуты в плащи, с надвинутыми на глаза шляпами, и не видят друг друга.

Разорваки

(таинственно)

Здесь кто-то есть!

Беспардонный

(тоже)

Кто здесь?

Миловидов

(тоже)

Я!..

Кн. Батог-Батыев

(тоже)

Они здесь!

Кутило-Завалдайский

(тоже)

Мы здесь!

Беспардонный

(тоже)

С моськой?

Миловидов

(тоже)

Без моськи!

Кн. Батог-Батыев

(таинственно)

Без моськи!

Разорваки

(тоже)

Без моськи!

Беспардонный

(в сторону)

Благодарю тебя, природа: они без мосек!

Кутило-Завалдайский

(тоже)

Они без мосек!

Миловидов

(громко)

Господа! чего секретничать?! Моськи не нашли, так уж, верно, что-нибудь другое принесли?

Все

(таинственно, поочередно)

Принес! . Принес! . . Принес! . . Принес! . .

Разорваки

(ко всем)

Покажем при Аграфене Панкратьевне.

Беспардонный

Меня беспокоит одна мысль. . . Вот это какая мысль! . . Как бы это выразить точнее? Мы все. . . без Фантазии; ну, а если Адам Карлыч. . . с Фантазией?

Кн. Батог-Батыев

Да, оно немножко страшно. Он человек бойкий; пожалуй, найдет!

Кутило-Завалдайский

Да, он человек вот какой! *(Свистит.)*

Миловидов

Дрянь, а всё-таки страшно.

Разорваки

Ничуть не страшно. Главное — не унывать. Чем он страшнее нас? Вы думаете, потому что он вот этак вертит, так уж и бог знает что́? Вздор, вздор! он такой же человек, как и мы. Я его давно знаю. Могу совершенно описать его характер; — слушайте. *(Поет.)*

Либенталь не спесив,
Аккуратен, учтив,
Точен;
Но охотник солгать,
Да и любит болтать
Очень.

Хор

(повторяет)

Очень!

Разорваки

Он молчать не привык,
И свой держит язык
Слабо!
Скоро так говорит,
Как на рынке пищит
Баба!

Хор

(повторяет)

Баба!

Разорваки

Судит он, в простоте,
О своей красоте
Гордо!
И вполне убежден,
Что пред ним Аполлон
Морда!

Хор

(повторяет)

Морда!

Разорваки

Он искусен во всем,
И ему нипочём
Полька;
А до дела дойдет,
Лишь коленки согнет, —
Только!

Хор

(повторяст)

Только!

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и вся дворня, входящая с разных сторон, с фонарями. — Сцена освещается от огня этих фонарей.

Дворня

(каждый спрашивает другого)

Нашел Фантазию? Нашел Хвантазию? Где Конефузия? Не нашел Фантазии! Хвантазии не видал! Конефузии нет!

Увидя женихов, вся дворня отходит на задний план сцены, где останавливается и остается там все время, освещая сцену фонарями.

Разорваки

(к остальным женихам)

Слышите, господа? Фантазии не нашли! Стало быть, мы можем надеяться, — победа за нами!

Все женихи

Победа! победа! Моськи не нашли!..

(Поют хором, на голос: «La trompette guerrière»)

Триумф, триумф, триумф, триумф!..
Гоп, гоп, гоп, ай, люли!..
Собаки, собаки, собаки не нашли!
Собаки, собаки, собаки не нашли!
Не нашли!
Не нашли!
Не нашли, не нашли, не нашли, не нашли!..
Ай, люли!

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Чупурлина с Лизаветой, выбегающие из крыльца дома

Чупурлина

Что это? что это?! Нашли Фантазию? Где она? где она?

Миловидов

Не нашли моськи.

Чупурлина

Ах, варвары!

Разорваки

Кое-что принес получше моськи.

Чупурлина

Лучше Фантазии? Варвары!

Кн. Батог-Батыев

Будет гораздо приятнее.

Чупурлина

Какую-нибудь дрянь?

Кн. Батог-Батыев

(в сторону)

Она не знает, что говорит, и легкомысленно порочит Утешительного.

Беспардонный

Право, будет почти так же хорошо.

Миловидов

Будет почище!

Чупурлина

(к Разорваки)

Покажи, батюшка, что у тебя?

Разорваки

(скидывая с себя шинель, показывает пуделя)

Вот что!

Чупурлина

Что это, батюшка?! скорее на барана похоже! .. Ну видано ли, слыхано ли, чтобы этакое могло стоить Фантазии?! Фу! Право, сказала бы неприличное слово, да в пятницу [1] как-то совестно! .. А как его зовут, батюшка?

Разорваки

Космополит, сударыня!

Чупурлина

Чем палит?

Разорваки

Ничем; просто: Космополит.

Чупурлина

А штуки делает?

Разорваки

Делает разные штуки: хотите, сударыня, он вам вскочит на шею и стащит с вас чепчик?

Чупурлина

Нет, не хочу... Вот выдумал что! На какую пакость вышколил своего... Как, бишь, его?

Разорваки

Космополит, сударыня!

Чупурлина

Своего... пуделя! *(Обращается к кн. Батог-Батыеву)* Ну, а у тебя что?

Кн. Батог-Батыев

(скидывая с себя шинель, показывает весьма маленькую собачонку)

А у меня — вот что! Известный Утешительный, принадлежащий родной моей тетушке, девице Непрочной. [2]

Чупурлина

Постой, батюшка: дай очки одеть... Экой мелкий! .. Как зовут?

---

[1] Цензор вычеркнул слово: «в пятницу».

[2] Слова: «девице Непрочной» вычеркнуты цензором.

Примечания К. Пруткова.

Кн. Батог-Батыев

Утешительный.

Чупурлина[1]

А какой породы?

Кн. Батог-Батыев

Мужеской, сударыня.

Чупурлина

Штуки делает?

Кн. Батог-Батыев

Бывает-с... большею частию на креслах.[2]

Чупурлина

Немножко маловат. Вот хоть бы настолько был побольше... *(Обращается к Кутиле-Завалдайскому.)* Ну, а у тебя что?

Кутило-Завалдайский

(скидывая с себя шинель, показывает датскую собаку с намордником)

Самая чистейшая моська!

Чупурлина

Что это за урод?!. Да как ты смел с этим приступать ко мне?! Разве бывают этакие моськи?

Кутило-Завалдайский

Сударыня, смею вас уверить, что это самая наичистейшая моська. Вам, может быть, странно, что она такая большая? Но на это я вам доложу, что между моськами бывают большие и маленькие, как между людьми... Вот, например, князь Батог-Батыев мал, а г-н Миловидов и г-н Разорваки велики; между тем они все трое люди! Так точно и моськи!

---

[1] Этого вопроса Чупурлиной и ответа на него кн. Батог-Батыева не оказывается в театральной рукописи.

[2] Слов: «большею частию на креслах» недостает в театральной рукописи.

Примечания К. Пруткова.

Чупурлина

Дичь, дичь! Ты говоришь дичь, батюшка! Князь и Миловидов совсем другое! .. А как зовут твою уродину?

Кутило-Завалдайский

Фифи, сударыня.

Чупурлина

Штуки делает?

Кутило-Завалдайский

В пять минут съедает десять фунтов говядины, давит волков, снимает шляпы и поливает цветы. [1]

Чупурлина

Дичь, дичь! .. На что мне этакая собака? У меня есть садовник. [2] *(Обращается к Миловидову)* Ну, а ты, батюшка?

Миловидов

(скидывая с себя шинель, показывает большую игрушечную собаку, в шерсти, с механикой)

Вот мое! Смотрите только издали!

Все

Что это?! что это?!

Чупурлина

Что это?! Никак игрушка?

Миловидов

Подберите фалды! .. Смотрите издали! ..

Чупурлина

Что ты, с ума сошел?

Миловидов

Говорю вам: подберите фалды! .. Он зол до чрезвычайности!

Чупурлина

Фуй, какие гадости! [3] Фуй! .. Игрушка! ..

---

[1] Цензор вычеркнул слова: «поливает цветы».
[2] Слова: «у меня есть садовник» тоже вычеркнуты цензором.
[3] Цензор вычеркнул слово «гадости», написал: «глупости».

Примечания К. Пруткова.

Миловидов

Нет, не игрушка, а моська! .. И имя не игрушечье, а собачье: называется Венер!

Чупурлина

Ах ты бесстыдник! [1] Да как у тебя язык поворотился говорить этакое! [2]

Миловидов

Что? Небось, на попятный двор! Как получила моську, так Лизаветы жаль стало?! Нет, брат, атанде! — Вот тебе Фантазия, давай Лизавету! *(Потихоньку к Разорваки)* Да ну же, поддерживайте!

Разорваки

(громко)

Игрушка! просто игрушка!

Все

(кроме Миловидова)

Просто игрушка! .. Какая Фантазия! .. Какая Фантазия! .. Просто игрушка!

Миловидов

Ну, положим, игрушка! Эка беда?.. Разве я какой взяточник, чтоб на живых собак деньги тратить?! . *(Отводит Разорваки в сторону.)* А ведь это подло: вы же присоветовали!

Чупурлина

Прочь, прочь! .. *(К Беспардонному)* Ну, батюшка, вы что?

Беспардонный

(молча, из-под шинели показывает ей моську)

Чупурлина

Ах, боже мой! .. Да это уж не она ли?! Она! .. Она! .. Фантазия!

Беспардонный

Нет, не она... но... *(С чувством подавая ей моську)* Аграфена Панкратьевна! ..

---

[1] Слова: «Ах ты бесстыдник» — вычеркнуты цензором.

[2] Вместо слова «этакое», цензор написал: «этакой вздор».

Примечания К. Пруткова

Чупурлина

Не она?! Врешь!.. Да как же она похожа на нее!.. две капли воды, моя Фантазия!.. Благодетель мой, ты согласен мне отдать ее?

Беспардонный

(дрожа)

С у... с у... с удовольствием! *(Отдает ей моську.)*

Чупурлина

Родной ты мой!.. *(Целует моську и плачет).* Так вот же, возьми: вот тебе Лизанька моя!

Беспардонный

(задыхаясь от радости)

Что... что... что... что я слышу?

Чупурлина

Ты, верно, дружок, на ухо туг? *(Кричит ему в ухо.)* Говорю: ты подарил мне собаку, а я дарю тебе Лизаньку, с приданым!

Беспардонный

Аграфена... Лизавета... Агра... Агравета!.. Лизафена!

Лизавета Платоновна

Маменька!.. Вы шутите?

Чупурлина

Я шучу?.. с чего ты это взяла?! Что ты ослепла, что ли?! Али в рассудке помешалась?!. Ты видишь это или нет? *(Показывает ей моську.)* Взявши собаку, мой первый и священный долг [1] — отдать тебя.

Лизавета Платоновна

Маменька, это безрассудно!..

Чупурлина

Ты еще ругаешься?!

---

[1] Цензор вычеркнул слово: «священный». *Примечание К. Пруткова.*

Лизавета Платоновна
(становясь перед нею на колени)

Маменька! ..

Беспардонный
(подходит к Лизавете Платоновне и тоже становится возле нее на колени)

Лизавета Платоновна! ..

Чупурлина
(к Лизавете Платоновне)

Оставь меня! *(Указывает ей на Беспардонного).* Слушай, что он тебе говорит.

Лизавета Платоновна — Беспардонный
(говорят друг другу одновременно, стоя на коленях)

Лизавета Платоновна	Беспардонный
Послушайте! .. Все зависит от вас; откажитесь от меня! .. Вы человек благородный! .. Я вас знаю! .. Откажитесь от меня! .. Умоляю, заклинаю вас!	Послушайте! .. Все зависит от вас; не отказывайтесь от меня! .. Вы добры, как ангел! .. Я вас знаю! .. Не отказывайтесь от меня! .. Умоляю, заклинаю вас!

Чупурлина

Ну, перестань, Лизанька! Ты и меня растрогала... Я сама плачу!

Становится сзади их на колени и плачет. Все прочие тоже преклоняют колени и вынимают носовые платки.

Чупурлина
(благословляя Лизаньку и Беспардонного)

Будьте счастливы... благословляю вас! .. *(Обращается к моське).* Мосинька моя! .. Мосинька!

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Либенталь

Либенталь
(за сценой кричит, приближаясь)

Нашел! Нашел! Нашел!

Все, оставаясь на коленях, перестают плакать и слушают внимательно.

Либенталь

(вбегает, держа моську обеими руками)

Нашел! .. Нашел! .. *(Падает, споткнувшись, встает, плюет на то место, где упал, и затем выбегает на авансцену, показывая всем моську.)* Нашел! .. Нашел! ..

Общее изумление. Разорваки, Миловидов, Князь Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский встают и подходят к Либенталю с любопытством.

Либенталь

Аграфена Панкратьевна! .. моська! .. Лизавета Платоновна! .. моська!

Чупурлина

Ах! *(Бросает моську Беспардонного и падает в обморок.)*

Лизавета Платоновна

Ах! *(Падает в обморок возле Чупурлиной, но в другую сторону.)*

Беспардонный, испуганный, неподвижный, остается на коленях Либенталь кладет Фантазию в объятия Чупурлиной; а сам бросается к Лизавете Платоновне, дабы привести ее в чувство.

Разорваки

(к остальным)

Старуху-то и бросили совсем.

Кутило-Завалдайский

(показывая на людей, стоящих с фонарями)

Они все заняты... Человеколюбие требует, чтоб мы оказали ей помощь.

Разорваки, Миловидов, кн. Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский подходят к фонтану, черпают воду в шляпы и фуражки и выливают ее на Чупурлину.

Чупурлина

(приподымаясь, но еще не вставая на ноги)

Кто это? .. Зачем я здесь? .. Отчего я мокра?! . Что со мною хотели сделать?! .[1] *(Увидя моську в своих руках.)* Собачка моя! моська моя! .. Это не обман?!

---

[1] Цензор вычеркнул слова: «Что со мною хотели сделать?» *Примечание К. Пруткова.*

Либенталь

Нет, это Фантазия.

Чупурлина

Кто же принес?

Либенталь

Это я, маменька!

Чупурлина

(вставая)

Ты прав, Адам! — Я твоя мать... а ты мой отец и благодетель! *(Показывает на Лизавету.)* Вот твоя жена!.. Дай бог, чтоб у вас были сыновья и дочери. Вставай, Лизанька; да ну же, вставай!.. Господа, помочите и ее! Что она так долго кобенится! [1]

Кутило-Завалдайский

(в сторону)

Я говорил, что эта старуха не по летам жестокого характера!

Миловидов, Разорваки, кн. Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский черпают опять из фонтана воду и подходят с нею к Лизавете Платоновне, чтобы вылить на нее.

Либенталь

Не надо!.. не надо!.. Она опомнилась! она очнулась!

Лизавета Платоновна встает; Либенталь ее поддерживает.

Миловидов, князь Батог-Батыев, Разорваки и Кутило-Завалдайский выливают из своих шляп и фуражек воду на Беспардонного, который все это время стоял на коленях. Беспардонный вскакивает.

Чупурлина

(Беспардонному)

Ну, батюшка, твоя собачка только похожа на мою; а эта моя, настоящая Фантазия! Прощай! Ты более не нужен ни мне, ни Лизе! Пошел вон!.. *(Обращается к Лизе и Либенталю.)* А вас, милые дети, я благословляю. Будьте счастливы и благополучны; размножайтесь и любите как себя взаимно, так и своих будущих многочисленных детей, — точно так же, как я люблю свою Фантазию. *(Целует*

---

[1] Цензор вычеркнул слово «кобенится» и вместо него написал «церемонится». *Примечание К. Пруткова.*

моську.) Теперь пойдем домой. *(Уходит с Либенталем и Лизой.)*

Разорваки, Миловидов, Беспардонный, кн. Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский следуют за ними, гуськом.

Чупурлина

(оборачивается)

А вам что нужно?

Разорваки

(ей)

Не кричите!

Чупурлина

Стыдись, старик.

Миловидов

Старуха, не школьничай!

Кутило-Завалдайский

Поправьте чепец!

Кн. Батог-Батыев

Не получишь более [1] мыла от меня ни вот столько! [2]

Беспардонный

Бог с вами!

Чупурлина

(обращаясь к прислуге, стоящей с фонарями)

Эй, пошлите за полицией! .. Жандармов приведите сюда, побольше и посильнее! [3]

Прислуга поспешно уходит.

Разорваки

Мы сами не намерены здесь оставаться.

Миловидов

Я только не хочу рук марать.

---

[1] Здесь цензор прибавил слова: «в подарок».

[2] А тут цензор вычеркнул слова: «ни вот столько».

[3] Слова: «Жандармов приведите сюда, побольше и посильнее» — цензор вычеркнул.

Примечания К. Пруткова.

Кн. Батог-Батыев

И старое-то мыло назад отыму!

Кутило-Завалдайский

Прикройте шею!

Беспардонный

Бог с вами, вы изменили мне!

Разорваки

(к прочим женихам)

Провожая эту старуху, споемте ей, господа, куплеты, подобные тем, которыми давеча ее встречали, да только в обратном смысле.

Все

(кроме Беспардонного, поют хором, на тот же голос, как вначале. Разорваки начинает)

Аграфена!
Нам измена
Не страшна; *(bis)*
Хоть и пред тобою
Не черней душою
Сатана!
Сатана!

Разорваки

Мы вас знаем!

Кутило-Завалдайский

Обижаем!

Кн. Батог-Батыев

Презираем!

Миловидов

И пугаем!

Кутило-Завалдайский

И ругаем!

Все

(кроме Беспардонного, хором)

Каждый час!
Каждый час!

Разорваки

Вы на нас кричите,
И всех нас браните;

Все

(кроме Беспардонного, хором)

А мы вас!
А мы вас!

При последних словах Чупурлина, Лиза и Либенталь входят в дом, а Разорваки, Миловидов, Кутило-Завалдайский и кн. Батог-Батыев оканчивают куплеты без них, плюют вслед Чупурлиной и сами уходят, как и Беспардонный, в противоположную сторону; но Кутило-Завалдайский остается, осторожно отойдя на задний план.

ЯВЛЕНИЕ XII

Кутило-Завалдайский

(осматривается и, видя, что никого уже нет на сцене, подходит к рампе и обращается в оркестр)

Господин контр-бас!.. Пст!.. пст!.. Господин контр-бас!.. одолжите афишку! — *(Принимает афишку, поданную ему из оркестра.)* Весьма любопытно видеть: кто автор этой пьесы? *(Смотрит в афишку.)* Нет! .. имени не выставлено! .. Это значит осторожность! Это значит совесть не чиста... А должен быть человек самый безнравственный! .. Я, право, не понимаю даже: как дирекция могла допустить такую пьесу? [1] Это очевидная пасквиль!.. [2] Я, по крайней мере, тем доволен, что, с своей стороны, не позволил себе никакой неприличности, несмотря на все старания автора! Уж чего мне суфлер ни подсказывал! .. То есть, если б я хоть раз повторил громко, что̀ он мне говорил, все бы из театра вышли вон! Но я, на зло ему, говорил всё противное. Он мне шепчет одно, а я говорю другое. И прочие актеры тоже совсем другое говорили; от этого и пьеса вышла немного лучше. А то нельзя было б играть! Такой, право, нехороший сюжет! .. Уж будто нельзя было выбрать другого? [3] Например: что

---

[1] Цензор вычеркнул слова: «как дирекция могла допустить» и написал: «как можно было выбрать».

[2] Слова: «Это очевидная пасквиль» — вычеркнуты цензором.

[3] Вместо слов: «выбрать другого» цензор написал: «придумать что-либо получше».

Примечания К. Пруткова.

вот там один молодой человек любит одну девицу... их родители соглашаются на брак; и в то время, как молодые идут по коридору, из чулана выходит тень прабабушки и мимоходом их благословляет! — Или вот что намедни случилось, после венгерской войны:[1] что один офицер, будучи обручен с одною девицей, отправился с отрядом одного очень хорошего генерала и был ранен пулею в нос; потом пуля заросла; и, когда кончилась война, он возвратился в Вышний Волочек[2] и обвенчался со своей невестой... Только уже ночью, когда они остались вдвоем, он, по известному обычаю, хотел подойти к ручке жены своей... неожиданно чихнул... пуля вылетела у него из носу и убила жену наповал!.. Вот это называется сюжет!.. Оно и нравственно, и назидательно; и есть драматический эффект!

Занавес начинает опускаться.

Или там еще: что один золотопромышленник, будучи чрезвычайно строптивого характера... *(Занавес опустился; Кутило-Завалдайский, не замечая, остался впереди)*... поехал в Новый год с поздравленьем вместо того, чтобы к одному, к другому...

Оркестр прерывает слова Кутилы-Завалдайского. Он конфузится, заметив, что занавес опущен; раскланивается с публикою и уходит.

---

[1] Слова: «после венгерской войны» — цензор вычеркнул.

[2] Название города: «Вышний Волочек» — вычеркнуто цензором.

Примечания К. Пруткова.

БЛОНДЫ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОСЛОВИЦА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Князь.
Княгиня.
Барон.

Действие происходит в Петербурге, в салоне княгини.

Театр представляет чрезвычайно богатую комнату, оклеенную голубыми штофами, с чрезвычайно красивыми золотыми разводами; на задней стене висят фамильные портреты, обделанные в деревянные, ярко позолоченные рамки; по обеим сторонам их, на полках орехового дерева, размещены различные статуэтки; а посреди, над портретами, большая японская ваза. На авансцене, с правой стороны, огромный мягкий диван; перед ним мягкий ковер и круглый стол из красного дерева; а по бокам его три мягкие кресла; стол покрыт богатой салфеткой; на ней вышитый поддонник, с большой солнечной лампой, два серебряные большие колокольчика, кучи газет и кипсеков. С левой стороны, немного в углублении, небольшой столик, накрытый на три персоны; на нем серебряное дежене, много хрусталя и вообще разные прихоти этого рода. Остальная часть сцены загромождена чрезвычайно богатою мебелью, разбросанною в артистическом беспорядке. На спинках везде анти-макасары. В комнате очень много зажженных свеч. При поднятии занавеса сцена пуста.

ЯВЛЕНИЕ I

Княгиня, чрезвычайно богато одетая, выходит из правой, боковой двери, держа в одной руке чашку шоколата, в другой — большую гравюру.

Княгиня

(к двери, из коей вышла)

Очень, очень мило! ... *(К публике.)* Прошу покорно, скоро уже двенадцать часов, а его нет, и, верно, опять

приедет, не исполнив моей комиссии. Хорошо! будете раскаиваться, мой милый Serge! *(На лице ее написано волнение; она судорожно мешает шоколат, садится и продолжает после небольшого молчания.)* Впрочем, на что я жалуюсь? Это общая участь всех нас: пока мы в девицах, за нами ухаживают, нам обещают многое; а потом... *(Смотрится в зеркало.)* Неужто я уже подурнела? О нет! за мной же очень многие волочатся. И право, если мой Serge будет продолжать так вести себя, то... prenez garde!.. *(Опять обращается к той двери, из которой вышла, и грозит пальцем руки, в которой держит гравюру.)* Боже мой, что ж это он не едет?..

Раздается звонок на лестнице: князь, не замечаемый княгиней, поспешно вбегает в среднюю дверь; останавливается на короткое время, приложив мизинец к губам, потихоньку кладет шляпу на стул, снимает перчатки и, потирая руки, подкрадывается на цыпочках к княгине. Он лет тридцати пяти, с длинными волосами, взбитыми на висках в пукли; с очень большими, но коротко подстриженными бакенбардами и с лорнетом в глазу; на нем черный фрак, черный галстук, белый атласный жилет, с серебряным шитьем, лаковые сапоги и желтые перчатки.

ЯВЛЕНИЕ II

Князь, подкравшись сзади к княгине, вдруг закрывает ей глаза руками.

Княгиня

Ах!.. Ах!..

Князь

(иронически)

Давно ли, ваше сиятельство, начали вы пугаться моего появления?

Княгиня

(с неудовольствием, передергивая плечами)

Ах, как это мило!.. Я, право, не понимаю, откуда вы берете такие странные привычки? Где эти образцы?!

Князь

(обиженный)

Опять с упреком! Неужели, mon ange, ты думаешь, что я делаю это нарочно? Нельзя же мне переменить себя!

Княгиня

А очень бы не мешало! Взгляните, на что вы похожи? Ну скажите на милость, где вы могли видеть, чтобы человек хорошего тона, скажу — человек порядочный, так невежливо обращался с дамой?

Князь
(обиженный)

Не помню, удавалось ли мне это видеть; но я в этом не нахожу ничего предосудительного.

Княгиня
(всердцах)

Послушай, князь, ты меня выводишь из терпения! Я вижу, тебе приятно сердить меня!

Князь

Напротив, мне так кажется, что это вам доставляет большое удовольствие!

Княгиня
(поспешно выпивая остаток шоколата)

Положим, так; я не хочу противоречить, потому что это завлекло бы нас слишком далеко. Переменим материю: скажите, где вы были?

Князь
(рассеянно)

Я?

Княгиня
(всматриваясь в него)

Да, вы.

Князь

В гостях, у одной знакомой.

Княгиня
(с упреком)

Кокетник! .. Ну, а что мои блонды?

В это время барон, вошедший без доклада, прячется за портьеру, из-за которой по временам выглядывает в продолжение разговора.

ЯВЛЕНИЕ III

Князь

(с замешательством)

Блонды? да! я... я... *(В сторону.)* Что ей сказать? Ведь деньги я проиграл в клубе!..

Княгиня

(смотря на него со вниманием)

Князь! я вижу, вы в волненьи?

Князь

Отнюдь! Это вам показалось... Я просто устал. Я даже очень устал. Я даже чувствую, как ноги мои решительно начинают мне изменять.

Княгиня

(с проницательностью)

Князь, вы меня обманываете, и очень неискусно. Взгляните на меня: не знаю почему, но мне кажется, что мои догадки справедливы!..

Князь

(переменяя тон)

Vous me soupçonnez, madame?

Княгиня

Oui, monsieur!

Князь

(складывая руки на груди и медленно подходя к княгине)

Нельзя ли указать мне этот повод? Мне кажется, чтобы подозревать кого-нибудь и в чем-нибудь, надо иметь достаточные резоны? Вы меня оскорбляете, княгиня, и я требую объяснения ваших резонов!..

(Княгиня молчит, рассматривая гравюру.)

Княгиня, я жду!

Княгиня

(с притворной рассеянностию)

Как хорошо нынче гравируют в Англии.

Князь

(подходя еще ближе, со скрещенными руками на груди)

Княгиня, подозрением своим вы разбудили в груди моей змею, давным-давно уснувшую! Я стражду, я мучусь, я требую объяснения!

Княгиня

(попрежнему)

Как мило вышли складки на герцогинином платье!

Князь

(пораженный)

Она не слушает меня! Она, кажется, решительно не думает обо мне, будто меня и вовсе нет в этой горнице? .. Хорошо, отплачу ей тем же! .. *(Садится за стол и начинает ужинать.)* Какие прекрасные котлеты!

Княгиня

(вслушиваясь и недоверчиво обводя зрителей глазами — к публике)

Что они говорят?

Князь

Княгиня, вы что-то сказали?

Княгиня

Да! Меня удивляет ваше поведение. Наговорив мне кучу дерзостей, вы, противу всяких правил, позволили себе сесть за ужин одни, не дожидаясь меня!

Князь

(продолжая есть)

Но рассудите сами, кто кого затронул? Вы первая оскорбили меня подозрением.

Княгиня

Положим, так. Но я не садилась одна ужинать, а имела, кажется, более на это права.

Князь

(вставая)

Это почему?

Княгиня

Прежде всего: я женщина. Потом, как видно, блонды опять не куплены? А наконец, вы забыли тон человека хорошего общества: вы позволили себе невежливо говорить со мною, — что совершенно не годится.

Князь

Нельзя ли без нравоучений! К тому же, я, право, не знаю: о каких вы говорите блондах?

Княгиня

Пожалуйста, оставьте ваши шутки; они теперь совсем не к месту!

Князь

Я вовсе не шучу, а говорю, что̀ чувствую. Повторяю вам: я решительно не знаю, о каких вы говорите блондах?

Княгиня

(в справедливом негодовании)

Как! вы отрекаетесь от своего обещания? Нет, это уже слишком! Это уже просто ни на что не похоже!

Князь

Мудрено отрекаться от того, чего никогда не обещал.

Княгиня

Это уже неблагородно! Это даже гадко!.. Значит, у вас нет правил?

Князь

(обиженный)

Princesse!

Княгиня

Prince!

Князь

Вы, кажется, начинаете браниться?

Княгиня

Я не бранюсь, а говорю печальную истину.

Князь

Послушайте, княгиня! я давно заметил, что вам приятно делать мне неудовольствия... Ну да, я действитель-

но обещал купить вам блонды... и даже очень хорошие блонды, отличные блонды; но не куплю теперь, ни за что не куплю! О, противу меня трудно итти!

Княгиня
(вне себя)

Купите! купите! купите! непременно купите!..

Князь

Ну, вот увидим! Не вы ли меня заставите?

Княгиня
(с достоинством)

Никто, как я!

Князь
(в запальчивости)

Так не куплю же!!

Княгиня
(разрывая всердцах гравюру)

Купите!

Князь

Нет, не куплю!

Княгиня
(со слезами досады)

Нет, купите, купите!..

В это время барон, стоявший за портьерой, роняет стул, на котором лежала шляпа князя, и поспешно убегает. Шляпа подкатывается к ногам княгини. Князь и княгиня, в испуге, оборачиваются.

ЯВЛЕНИЕ IV

Княгиня хочет оттолкнуть шляпу.

Князь
(бросается к ней)

Оставьте мою шляпу! Это моя шляпа!

Подымает шляпу всердцах и бросает ее на стол, накрытый для ужина.

Княгиня

(после небольшого молчания)

Отчего упало это сафьянное стуло?

Князь

А я почему знаю?! *(Подходит к столу, на котором накрыт ужин.)* Я вижу только, что эта глупая шляпа испортила прекрасное фрикасе. *(Рассматривает кушанья.)* Какой чудный фасоль!..

Княгиня

(недоверчиво, к публике)

Что они говорят?

Князь

(быстро оборачиваясь к ней)

А, теперь уже не обманете! Я сам слышал, как вы что-то сказали!

Княгиня

Ну да! Я не последую вашему примеру, не стану отпираться от своих слов! Я действительно говорила, только не с вами.

Князь

(обиженный)

Сударыня, вы забыли, что я вам муж. Вы забыли, что если я захочу, то буду знать, о чем вы сейчас говорили!

Княгиня

(с отчаянием)

Боже, какое тиранство! Нет, это не муж, это кровожадный леопард!.. Пользуетесь правом сильного; это очень, очень мило! Не знаю только, кого изберете вы своею жертвой? ибо что принадлежит до меня, то я завтра же оставляю дом этот, и мы с вами больше не увидимся!

Князь

Ваши угрозы не испугают меня. Я нисколько не опечалюсь вашим отъездом. Счастливого пути, уезжайте.

Княгиня

И непременно уеду!

Князь

Да, вы уже раз сказали это.

Княгиня

(сдерживая слезы)

Боже мой, как я несчастна с этим извергом!.. Ах!.. *(Падает в обморок.)*

Князь

(вполголоса, суетясь возле жены)

Что с ней?!. Жена!.. Агнеса!.. Не надо ли воды?.. о-де-лавану?.. содовых порошков?.. Милочка!.. Что я теперь стану делать?! *(Прыскает в нее водой.)*

Княгиня

(очнувшись)

Где я?.. что со мною было?.. Не гуляла ли я в саду?.. *(Поспешно прикалывает распахнувшийся платок на груди.)* Ах! не видал ли меня кто-нибудь таким манером?..

ЯВЛЕНИЕ V

Входит барон, держа подмышкой картон умеренной величины. Барон лет сорока; одет просто, но со вкусом. Князь и княгиня оборачиваются. Барон жмет, улыбаясь, руку князя и целует в лоб княгиню.

Барон

(на ухо княгине)

Я привез тебе презент и желал бы, чтобы он пришелся по вкусу.

Княгиня

(радостно)

Чтó это?

Барон

(насмешливо)

Куропатки!..

Княгиня

(нетерпеливо)

Point de bêtise!..

Барон

(с ласковой усмешкой, подавая ей картон)

Point d'Alançon.

Княгиня

(взволнованная)

Дайте, дайте поскорее! *(Торопливо разбирает кружева.)*

Князь

(обидевшись)

Прошу вас, барон, вперед не делать таких подарков!

Барон

Ну, полноте, князь; это уже, право, нехорошо! Вы видите, как Агнеса обрадовалась.

Княгиня

Да, я очень рада! *(Целует барона.)* Merci, дяденька!

Барон

Ну вот так бы вам меж собою поцеловаться; оно и было бы лучше! А то ссоритесь, ссоритесь, право, и бог знает из-за чего! Я уж давеча слушал вас, слушал, да и надоело!

Княгиня

Как, дяденька? так, стало, вы были здесь?

Барон

(самодовольно)

Был!

Князь

(указывая на шляпу)

Так это вы уронили мою шляпу?

Барон

(попрежнему)

Я!

Княгиня

А сафьянное стуло — вы?

Барон

(с достоинством)

Опять я!.. Я был здесь, за портьерой. Всё слышал, всё видел, и нахожу, что вы оба не правы. Ты, Агнеса, не права потому, что слишком раздражительна и вспыльчива; а ты, Serge, виноват кругом...

Княгиня

(прерывая его)

Так, милый дяденька! это он во всем виноват. Первое дело...

Барон

(останавливая ее повелительным знаком руки)

Агнеса, твоя речь впереди. *(Князю.)* Первое дело, ты копал жене яму, иначе — вводил ее во гнев; что́ очень нехорошо! Второе дело: ты, разговаривая с женою, забыл тон человека хорошего общества; что́ еще хуже!.. Слушая вас из-за портьеры, я решился примирить вас и наставить. И потому, в то самое время, как уронил это сафьянное стуло и эту пуховую шляпу, я скорей отправился в магазин за блондами, для успокоения Агнесы... *(Княгиня хочет его поцеловать; он ее удерживает).* А потом заехал домой за журналом «Москвитянин», дабы прочесть тебе, Serge, как должны муж и жена высшего общества взаимно трактовать друг друга. Слушайте со вниманием! *(Вынимает из заднего кармана 22 № «Москвитянина» 1852 года и читает в отделе Критики, на стр. 39, следующее:)* «Что касается до хорошего тону, который, как всем известно, господствует в высшем свете, то... кажется, все с нами согласятся, что главным отличительным признаком хорошего тона почитается *учтивость*... Посмотрите, например, как они (т. е. люди хорошего тону) *обращаются с дамами.*» — Как же тебе не стыдно?! Видишь: даже журналист, и тот понимает, что̀ должно соблюдать!.. Смотрите же: старайтесь, друзья мои, жить в мире и согласии; будьте благоразумны, кротки и учтивы!.. Примиритесь теперь и дайте мне слово вперед не ссориться.

Княгиня

(потупившись)

Я согласна.

Князь

(с замешательством)

Я тоже.

Некоторое время они смотрят друг на друга в нерешительности. Барон подает им знак рукою: они бросаются друг другу в объятия.

Князь

Агнеса! ..

Княгиня

Serge! ..

Они целуются.

Барон

(утирая слезы)

Даже и у меня слеза пробилась! .. Право, смотря на вас, и мне самому приходит на мысль обзавестись подругой жизни. И пора бы! а то еще вчера я опять запломбировал себе зуб чистым золотом.

Княгиня

Дяденька, а вот и ужин готов! Я думаю, иные блюда уже и простыли?

Барон

Любезные мои, лучше пусть остынут эти блюда, чем сердца ваши!

Князь и Княгиня

(бросаются ему на шею)

Merci, mon oncle! .. *(Целуют его.)*

Княгиня

(сажая барона за стол)

Дружочек, дяденька, садитесь!

Все садятся и ужинают.

Князь

(после довольно продолжительного молчания)

Агнеса! Завтра я куплю тебе новую гравюру.

Занавес падает.

СПОР ДРЕВНИХ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ ОБ ИЗЯЩНОМ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ИЗ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, В СТИХАХ

Действие происходит в окрестностях древних Афин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Клефистон, Стиф — древние греческие философы.

Сцена представляет восхитительное местоположение в окрестностях древних Афин, украшенное всеми изумительными дарами древней, благодатной греческой природы; то есть: анемонами, змеями, ползающими по цистернам, медяницами, сосущими померанцы, акамфами, платановыми темнопрохладными наметами, раскидистыми пальмами, летающими щурами, зеленеющим мелисом и мастикой. — Вдали виден Акрополь, поражающий гармонией своих линий. — На первом плане, у каждой стороны сцены, стоит по курящемуся жертвеннику, на золоченом треножнике. — Сцена пуста. — Немного погодя из глубины сцены выходят с противоположных сторон два философа: Клефистон и Стиф. Оба в белых хламидах, с гордою осанкою и с пластическими телодвижениями. Медленно переставляя ноги, так что одна всегда остается далеко позади другой, они сближаются постепенно к середине сцены, приостанавливаются, указывают друг другу на жертвенник своей стороны и направляют к тому жертвеннику свои тихие шаги. Дойдя до жертвенников, они останавливаются, возлагают одну руку на жертвенник и начинают:

Клефистон

Да, я люблю среди лавров и роз
Смуглых сатиров затеи.

Стиф

Да, я люблю и Лесбòс, и Парос.

Клефистон

Да, я люблю Пропилеи.

Стиф

Да, я люблю, чтоб певец Демодок
В душу вдыхал мне свой пламень.

Клефистон

Фивского мрамора белый кусок!

Стиф

Тирский увесистый камень!

Клефистон

Туники складки!

Стиф

Хламиды извив!

Клефистон

Пляску в движении мерном.

Стиф

Сук, наклоненный под бременем слив.

Клефистон

Чашу с душистым фалерном!

Стиф

Любо смотреть мне на группу борцов,
Так охвативших друг друга!

(Показывает руками.)

Клефистон

Взмахи могучих люблю кулаков!

Стиф

Мышцы, надутые туго!

Клефистон

Ногу — *настолько* подвинуть вперед!

(Оба, смотря друг на друга, выдвигают: один левую, другой правую ногу).

Стиф

Руку — вот *этак* закинуть!

Оба, смотря друг на друга, закидывают дугообразно: один левую, другой правую руку.

Клефистон

Телу изящный придать поворот...

Оба пластически откидываются: один влево, другой вправо.

Стиф

Ногу — назад отодвинуть!

Оба поспешно отодвигают выдвинутую ногу.

Клефистон

Часто лежу я под сенью дерев.

Оба принимают прежнее спокойное положение, опустив опять одну руку на жертвенник.

Стиф

Внемлю кузнечиков крикам.

Клефистон

Нравится мне на стене барельеф.

Стиф

Я всё брожу под портиком!

Клефистон

Думы рождает во мне кипарис.

Стиф

Плачу под звук тетрахордин.

Клефистон

Страстно люблю архитрав и карниз.

Стиф

Я же — дорический орден.

Клефистон

(разгорячась)

Барсову кожу я гладить люблю!

Стиф

(с самодовольством)

Нюхать янтарные токи!

Клефистон

(со злобой)

Ем виноград!

Стиф

(с гордостью)

Я ж охотно треплю
Отрока полные щеки.

Клефистон

(самоуверенно)

Свесть не могу очарованных глаз
С формы изящной котурна.

Стиф

(со спокойным торжеством и с сознанием своего достоинства)

После прогулок моих утомясь,
Я опираюсь на урну.

(Изящно изгибаясь всем станом, опирается локтем правой руки на кулак левой, будто на урну, выказывая таким образом пластическую выпуклость одного бедра и одной лядвеи.)

Клефистон бросает на Стифа завистливый взгляд. — Постояв так немного, они оба оборачиваются от своего жертвенника к противоположному заднему углу сцены и, злобно взглядывая друг на друга, направляются туда столь же медленно, как выходили на сцену. — С уходом их сцена остается пуста. По цистернам ползают змеи, а медяницы продолжают сосать померанцы. Акрополь все еще виден вдали.

Занавес падает.

ЧЕРЕПОСЛОВ, СИРЕЧЬ ФРЕНОЛОГ

ОПЕРЕТТА В ТРЕХ КАРТИНАХ

Выдержки из творений моего отца

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТВОРЕНИЮ МОЕГО ОТЦА

„ЧЕРЕПОСЛОВ, СИРЕЧЬ ФРЕНОЛОГ". ОПЕРЕТТА

(Было напечатано в журн. „Современник" 1860 г.)

Здравствуй, читатель! Я знаю, ты рад опять увидеть меня в печати; — это хорошо. Это показывает твой вкус. Хвалю тебя! — Ты помнишь, — разумеется, помнишь! — мое обещание, в «Современнике» 1854 г., в апрельской книжке, познакомить тебя с творениями моего отца и доказать, что весь мой род занимался литературою? — Радуйся: я исполняю свое обещание!

У меня много превосходных сочинений отца; но между ними довольно неконченного (d'inachevé); если хочешь, издам всё; но пока довольно с тебя одной оперетты.

Есть у меня еще комедия «Амбиция», которую отец написал в молодости. Державин и Херасков одобряли ее; но Сумароков составил на нее следующую эпиграмму:

Ликуй, парнасский бог! — Прутков уж нынь пиит!
Для росских зрелищей «Амбицию» чертит! ..
Хотел он, знать, своей комедией робятской
Пред светом образец явить амбицьи хватской!
Но Аполлон за то, собрав *прутков* длинняе,
Его с Парнасса вон! — чтоб был он поскромняе!

Не скрываю (да и зачем скрывать ?!) этой эпиграммы, порожденной явною завистью. Ты согласишься с этим, когда сам прочтешь «Амбицию». [1]

Представляю на твой суд оперетту: «Черепослов, сиречь Френолог», которая написана отцом уже в старости. — Шишков, Дмитриев, Хмельницкий достойно оценили ее; а ты обрати внимание на несвойственные старику: веселость, живость, остроту и соль этой оперетты. Убежден, что по слогу и даже форме она много опередила век!.. Умный Дмитриев написал к отцу следующую надпись:

Под снежной сединой в нем музы веселятся,
И старости — увы! — печальные года
Столь нежно, дружно в нем с веселостью роднятся,
Что — ах! — кабы так было завсегда!

Несмотря на такую оценку нашего поэта-критика, я не решался печатать «Френолога». Но недавние лестные отзывы их превосходительств, моих начальников, ободрили меня. — Читатель, если будешь доволен, благодари их! — До свиданья!

Твой доброжелатель —

Козьма Прутков.

11-го апреля
1856 г. (annus, i)

---

[1] К сожалению, эта комедия не найдена в бумагах покойного Козьмы Пруткова.

ЧЕРЕПОСЛОВ, СИРЕЧЬ ФРЕНОЛОГ

ОПЕРЕТТА В ТРЕХ КАРТИНАХ

Сочинения Петра Федотыча Пруткова (отца).

Картина I: Череп жениха.
Картина II: Пытка.
Каотина III: Суженый.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Шишкенгольм, френолог. Старик бодрый, но плешивый; с шишковатым черепом.

Мина Христиановна, жена Шишкенгольма. Седая, но дряхлая.

Лиза, дочь Шишкенгольмов. Полная, с волнистыми светлыми волосами и с сдобным голосом.

Иванов, фельдшер. В услужении у Шишкенгольмов и надзиратель над его учениками.

Фриц Густав	немцы 16-ти лет, обучающиеся у Шишкенгольма. Они в куртках, коротких штанах, без галстухов, с отложными воротничками рубашек.

Касимов, отставной гусар. В венгерке, лысый, без парика. Вихорин, гражданский чиновник. Лицо бритое; лысый, в парике.	Женихи Лизы.

Иеронимус-Амалия фон Курцгалоп, гидропат. Лет 46-ти; худой, длинный; лицо морщинистое; волосы жидкие, вылезшие: оттого лоб его высокий.

Действие происходит в С.-Петербурге.

КАРТИНА I. — ЧЕРЕП ЖЕНИХА

Сцена представляет учебный кабинет Шишкенгольма. Задняя стена в полках с книгами; в середине ее дверь; над дверью огромный бюст Галля, с подписью его имени золочеными крупными немецкими буквами. — Шишкенгольм сидит в старом вольтеровском кресле, посреди сцены, рассматривая человеческий череп, исчерченный по науке Галля. — Мина Христиановна, вправо от него, вяжет чулок. — Лиза, влево от него, сидит у стола, на котором книги, бумаги и гипсовая модель человеческого черепа, на подставке. Она перелистывает книги, всматривается в разные части этого черепа и пишет. — Иванов у задней стены, позади стола, при котором занимаются Фриц и Густав; он стоит, скрестив руки на груди, опершись спиною на полки с книгами. — Фриц и Густав сидят у противоположных концов этого стола, твердя из книг уроки, полушопотом. — Продолжительная тишина, нарушаемая только полушопотом Фрица и Густава и перелистыванием книг Лизою. — Иванов задремал, поскользнулся и едва удержался на ногах, опершись обеими руками, позади себя, на полки с книгами; от этого несколько толстых фолиантов падают на пол, с шумом. — Все пугаются, вздрагивают и оборачиваются к Иванову.

Иванов

(тоже испугавшийся)

Раз! .. Ведь надо же случиться! *(Подымает книги и расставляет их по местам.)*

Шишкенгольм

(Подняв очки на лоб и оборотившись к Иванову)

Dummer Mensch, скот! .. Тàк ты руководствуешь моих питомцев?! . Я тебя выгоню!

Опять все принимаются за занятия. — Устанавливается прежняя тишина. Но с Ивановым повторяется то же несчастие, хотя он не дремал, а только оперся на полки с книгами. Снова несколько книг падают с шумом. — Шишкенгольм, Мина Христиановна и Лиза вскакивают в испуге. Фриц и Густав фыркают. Иванов раздражен своим несчастьем.

Иванов

(с негодованьем)

Тьфу, и во второй! .. *(Дерет за вихры Фрица и Густава.)*

Лиза

(сдобным голосом, презрительно)

Русский мужик!

Шишкенгольм, Мина Христиановна и Лиза

(поют хором, обратившись к Иванову)

Спокойствие занятий
Ты дважды прерывал! ..
Прими же тьмы проклятий,
Чтоб чорт тебя побрал!
Geh weg! .. И, в память Галля,
К нам больше ни ногой! ..
Hinaus, pack' dich подале!
Наймется к нам другой.

Отворачиваются от него в негодовании и обращаются друг к другу, подавая повелительный знак Фрицу и Густаву.

Расправу кончив с дерзким,
Приступим вновь к трудам...

Принимаются снова за свои занятия.

Иванов

(грозясь злобно на Шишкенгольма)

Обиженный сим мерзким,
Ужо̀ я вам задам!

(Уходит, захлопнув дверь.)

Все уселись заниматься. Тишина. — Вдруг раздается торопливый стук в дверь.

Касимов и Вихорин

(за дверью)

Дома почтеннейший профессор Шишкенгольм и милое его семейство?

Все

(с отчаяньем, подбегая к авансцене, поют хором)

О Галль, мудрец великий,
Спаси ты нас! ..
Услышь ты наши клики
Хоть в этот раз.
За что́ судьбы гоненье?
Несчастный рок! ..
Ведь этак все ученье
Пойдет не в прок.
Лишь вздумаешь заняться,
А тут, гляди,

Уж в дверь к тебе стучатся;
Учись, поди!

Вихорин и Касимов
(входят и, остановившись в дверях, поют)

Что слышим? Лизин голос!

Хор
(мрачно)

Судьбины гнет
Мышленья срезал колос.

Касимов и Вихорин
(в восторге фальшивят)

Она поет!..

Все оборачиваются к ним. Они робеют.

Фальшиво?.. Извините!..
Мы второпях!..

Хор
(строго)

Зачем вы здесь, скажите,
А не в сенях?!.

Касимов и Вихорин
(прозою и перебивая друг друга)

Мы... мы... мы опять... хотели просить руки вашей дочери...

Шишкенгольм и Мина Христиановна
(гневно)

Руки?!

Лиза
(жеманясь и сдобным голосом)

Папаша, они ко мне.

Шишкенгольм
(делает строгий знак Лизе указательным перстом правой руки, качая оный неторопливо вправо и влево, как маятник; а затем обращается к Касимову и Вихорину)

Молодые люди!.. я вам уже несколько раз отказал... Я вам уже несколько раз говорил: что вы *не* любите Лизу; говорил я вам это?

Касимов

Но ведь и я сказывал вам, что люблю! .. *(Старается заслонить Вихорина, который тоже хочет говорить.)*

Шишкенгольм

(качая вправо и влево указательным перстом правой руки, прямо противу своего носа, говорит медленно и важно)

Тс! .. Молчать! — Я уже много раз доказал вам: что вы оба *не* любите Лизу; — доказал я вам это?! Ни слова более! .. Мне кажется, профессор френологии может всегда безошибочно узнать: кто способен и кто не способен любить женщину? .. Вы *не* способны любить женщину; и потому вы *не* любите мою Лизу! Слышите? Я наблюдал ваш череп; я знаю.

Касимов

Но мне ли не знать, господин Шишкенгольм, что вы ошибаетесь?

Вихорин

(пробиваясь из-за Касимова, который старается его заслонить, и, наконец, перебегая впереди Шишкенгольма на другую его сторону)

Клянусь... клянусь... вы ошибаетесь! ..

Шишкенгольм

(гордо и строго)

Я ошибаюсь?! *(Ощупывает одновременно, обеими руками, их затылки.)* Ни за что! .. *(Уходит, большими шагами, в правую боковую дверь. Фриц и Густав за ним.)*

Мина Христиановна

(к Касимову и Вихорину)

Вы слышали? Ступайте же вон!

Касимов и Вихорин

(становясь по обе стороны ее)

Мина Христиановна, матушка! .. клянусь, он ошибается!

Мина Христиановна

(гордо и строго)

Он ошибается?! *(Ощупывает одновременно, обеими руками, их затылки.)* — Ни за что! .. *(Уходит большими шагами в ту же боковую дверь.)*

Молчание. — Лиза, Касимов и Вихорин стоят печальные. Касимов начинает робко, нерешительно приближаться к Лизе.

Вихорин

(прикладывает палец ко лбу, ободряется и говорит в сторону)

Придумал!.. Я в парике... *(Радостно приподымает немного свой парик за виски.)* Подобью парик шишками из ваты, да побольше!.. Браво! Побегу поскорее!.. До свиданья, Лизавета Ивановна! *(Уходит большими шагами в среднюю дверь.)*

Касимов

(печально, со слезами в голосе)

Лизавета Ивановна, послушайте!.. *(Поет.)*

Природа, видно, подшутила,
Когда меня произвела:
Она любовь в меня вложила,
Любви же шишек не дала!
Что́ делать? право, я не знаю!
Уговорите-ка отца!..
Готов я в ад, лишуся раю,
Отказ же сгубит молодца.

(Падает перед Лизою на колени, рыдая)

Лиза

(с достоинством)

Отец мой всё по шишкам мерит;
Людям свою цену дает.
Он вашей страсти не поверит,
Коль шишек страсти не найдет.
К тому ж, по Галля наставленьям,
Вас изучала я сама...

(Ощупывает его голову)

Судя по ямкам, возвышеньям,
У вас нет сердца, нет ума;
К искусствам нет у вас влеченья;
Едва ль способность есть к любви...
Нет памяти у вас, терпенья,
И жару вовсе нет в крови...
Такого мужа не хочу я!

(Отталкивает его и сама отступает с отвращением.)

О нет!.. Уйдите от меня!

Касимов

(встает с колен и поет сквозь слезы)

Увы! .. Любви огонь почуя,
Я мнил: когда дождуся дня,
Чтоб тесно с вами породниться?
И что́ же? — вдруг я узнаю,
Что страсть без шишек не годится! ..
О, как не клясть судьбу свою!

(Рыдает и продолжает петь)

Как зло природа подшутила,
Когда меня произвела:
Она мне в грудь любовь вложила,
Любви же шишек не дала!

(Рыдая, уходит большими шагами в среднюю дверь, держа платок у глаз.)

Лиза

(задумчиво, сдобным голосом и печально)

Несчастный! .. Но что́ же делать? .. А, может быть, он и в самом деле?! .. Нет! .. *(со вздохом)* я сама пробовала! .. А впрочем... Пойду, спрошу папашу... *(Уходит большими шагами в правую дверь, крича:)* Папаша! папаша!

Декорация переменяется.

КАРТИНА II. — ПЫТКА

Сцена представляет комнату Касимова. Задняя стена без дверей. Посреди ее стойка красного дерева, с двумя трубками, из коих у одной чубук с бисерным вверху чехлом. Над стойкой висят: гусарская сабля и лядунка. По левую сторону стойки, вдоль стены, кровать, с байковым одеялом; а у кровати ковер на стене. По правую сторону стойки комод; а над ним висит портрет Касимова масляными красками, в гусарском мундире. В правой стене дверь. У авансцены, к правой стороне, ломберный стол, по сторонам которого стул и три ставчика. На левой стене небольшое зеркало, под которым стол, с бритвенным прибором, фаброй для усов, щеткой и гребнем; а между этим столом и кроватью стул, с висящею на нем венгеркою, и ставчик с умывальным прибором. — При поднятии занавеса Касимов сидит на стуле перед зеркалом, в халате, с накинутым на плечи полотенцем. Иванов оканчивает брить его голову.

Касимов

(наклоняет голову к зеркалу и проводит по ней рукою)

И было-то ничего, а теперь совсем гладко; точно колено не туда пристроено!

Иванов вытирает его голову и снимает полотенце с его плеч. Касимов встает, с совсем обритой головой, и начинает ходить вдоль рампы, нередко проводя руками по своему черепу и ощупывая его со всех сторон. — Иванов прибирает бритвенный прибор.

Касимов

(ощупывая свой череп)

Ну, чего им тут еще нужно? Кажися, всё тут есть!.. Однако, коли захотели больше, так и дадим по-ихнему. Теперь уж, как там ни верти, а отдадут за меня Лизу! Иванов, ты говоришь, что Вихорин заказал тебе парик с шишками?.. Ну что ж?! Пускай себе надевает; я всё-таки возьму свое. Моя выдумка получше! Да, коли придется, так я и парик-то с него стащу... Пусть видят!.. Хе, хе, хе!.. Знай наших! не гражданским чета!.. *(Ходит, потирая руки.)*

Иванов

(ставит стул посреди сцены и придвигает к нему ставчик с умывальным тазом, в котором губка; а возле таза молоток)

Извольте, ваше благородие, садиться; пора!

Касимов

(останавливается в нерешимости)

Ой ли? А знаешь, Иванов, как-то бо́язно становится, ей богу! *(Опускает голову задумываясь и вновь проводит по ней рукою.)* Ну, была-не-была!.. Валяй, Иванов! *(С решительностью идет к стулу и садится на него.)*

Иванов становится позади Касимова, подняв молоток над его головой.

Касимов

(поет)

Судьба обидела гусара;
Но вот уж млат над ним висит,
И, с каждым отзывом удара,
Талант с небес к нему слетит...
Мужайся, воин, и терпи!
Палач, свой первый дар влепи.

Иванов

(ударяя молотком по голове Касимова, тотчас же примачивает губкою и поет)

Вот... шишка славы.

Касимов

(сморщиваясь, тоже поет)

Величавый
Волдырь на маковку взлетел...
Да! не легка ты, шишка славы!..
Недаром мало славных дел.

Иванов

(ударяя вновь и примачивая, поет)

Сюда вот память надо вбить.

Касимов

(передергиваясь)

Ну, точно... память!.. Нету спора!
Ее вовек мне не забыть.

Иванов

(попрежнему)

Музыка здесь!

Касимов

(тоже)

Как бы в два хора
Я оглушен!.. Я понял, други,
И фис, и дис, и всякий прах!..
Ну, право, от подобной фуги
Век целый прозвенит в ушах.

Иванов

(попрежнему)

Познаньям место и ученью.

Касимов

(съеживаясь, поет сквозь слезы)

Ой, ой!.. Ученость налегла!..
Коли судить по оглавленью,
Она уж больно тяжела.

Иванов

(попрежнему)

Ума здесь орган, убеждений.

Касимов

(всхлипывая)

У-ух! .. я убежден насквозь...
О боже! столько потрясений
Сразят хоть бы кого, небось!

Иванов

(попрежнему)

Тут... сила духа.

Касимов

(едва усидев)

Тише, больно! ..
Как сильно захватило дух! ..
Иванов, милый! ну, довольно!
Ей-ей, не выдержу, мой друг.

Иванов

(попрежнему)

Чувствительность!

Касимов

Туда ж, в подмогу! ..

(плачет)

Страдальцы, понимаю вас! ..
Я тронут так, что ну, ей богу,
Расплачусь, как дитя, сейчас.

Иванов

(попрежнему)

Вот... живопись.

Касимов

Э — эк, вскочила! ..
И тень и свет я понял вдруг...
В глазах как будто зарябило,
И словно радуги вокруг.

Иванов

(попрежнему)

А вот... терпенье.

Касимов

Опоздало! ..
Ох, рок мне строит всё на смех.
Терпенье надо бы сначала,
А не в конец, не позже всех.

Иванов

(бьет с особою силою, примачивая)

Теперь — любовь!

Касимов

(вскакивая)

У-ах! .. умру я! ..

(Падает снова на стул, в изнеможении)

От маковки... до самых пят...
Я... ощущаю... страсть такую,
Что ночь переживу навряд!

Иванов

(вытирает свой молоток и убирает ставчик с тазом на прежнее место)

Довольно с вас.

Касимов

(тяжело вздыхая)

Конец мучений...

(Постепенно отдыхивается, встает и подходит к рампе, ощупывая осторожно свою голову)

Что хватишь, то талант в руке...
Как я умен... я просто гений,
В каком-то чудном шишаке!
Теперь я счастлив... Марш к Лизетте!
Она любить меня должна...
Лишь укажу на шишки эти,
И мигом Лиза влюблена.

(Сует фельдшеру деньги, сбрасывает халат, надевает галстух, венгерку, ермолку, фуражку и идет к двери.)

Иванов

(почтительно кланяясь)

Счастья желаем вашему благородию. При случае, пристройте снова к Шишкиным; не забудьте, ваше благородье!

Касимов

(самоуверенно)

Не забуду, братец, не забуду; пристроим, братец, сегодня же пристроим.

Касимов уходит. Иванов за ним.

Декорация переменяется.

КАРТИНА III. — СУЖЕНЫЙ

Комната первой картины. — Шишкенгольм, Мина Христиановна, Лиза, Фриц, Густав почти выбегают из правой двери, преследуемые Касимовым и Вихориным. В это же время Иванов входит робко в среднюю дверь и остается неподалеку от нее, у задней стены. Мина Христиановна, запыхавшись, падает в вольтеровское кресло.

Шишкенгольм

Нет, это дерзко! .. Вон! вон! *(Указывает Касимову и Вихорину на средние двери.)* Не хочу таких шишек! .. Вон!

Касимов и Вихорин пристают с просьбами и объяснениями к Лизе. Она старается уйти от них. Касимов, удерживая ее, невольно делает с нею вроде тура галопа по комнате.

Шишкенгольм

(вне себя)

О, уж это слишком! *(Бросается к ним, вырывает от Касимова Лизу и поет)*

Что́ задрал так кверху нос ты?
Как ты смеешь танцовать?!
Нет, поверь: не так мы просты,
Чтоб какие-то наросты
Стали шишками считать!

В это время Лизу, едва освобожденную от Касимова, подхватывает Вихорин и тоже, удерживая ее, невольно пробегает с нею вроде тура галопа по комнате.

Шишкенгольм

(бросается к ним, освобождает Лизу от Вихорина и поет)

Невпопад и ты проворен!..
Не смотри, что я старик!
Если будешь ты, Вихорин,
Так невежлив и упорен,
Я как раз стащу парик!

Лиза

(усталая, падает в кресло, отмахиваясь платком, и говорит слабым голосом)

Господи, какие бесстыдники!

Касимов и Вихорин

(поют, обращаясь к Шишкенгольму)

Ну, не верьте нашим шишкам!
Но уважьте в нас года!..
Нам ведь по сороку слишком;
Угрожать нам, как мальчишкам,
Не позволим никогда.

Шишкенгольм

(тоже поет)

В разговорах мало толку;
Вас сумею выгнать я!

(Идет к ним.)

Касимов и Вихорин

(отступая от него, поют)

Обругать вас стоит колко.

Шишкенгольм

(настигнув их, сдергивает и выбрасывает в окно: с Касимова ермолку а с Вихорина парик, продолжая петь)

С вас — парик!.. а с вас — ермолку!..
Подымайте их.

Касимов и Вихорин

(подбегая к окну и посмотрев за окно с любопытством, оканчивают мотив)

Свинья!

Оба, поспешно выходя, сталкиваются в дверях с Курцгалопом, который, переступая через порог задом, делает разные знаки четырем отставным солдатам, вносящим на сцену купальный шкаф.

Курцгалоп

(обернувшись на Касимова и Вихорина, пугается)

Тьфу!.. черти плешивые!.. чуть с ног не сбили!.. *(Обращается к солдатам.)* Сюда вот, сюда, ставьте сюда, так.

Шишкенгольм и прочие

(с удивлением)

Это что? Кто это?

Шишкенгольм

(к Курцгалопу, сердитый)

Что́ это вы принесли сюда?

Курцгалоп

Не твое дело.

Шишкенгольм

Как не мое дело?! как не мое дело?!.

Курцгалоп

(не слушая его, поет)[1]

Я только что купался...
Совсем продрог!
Но славно пробежался:
Не слышу ног!

Шишкенгольм

(обращается к Курцгалопу, в прозе)

Да позвольте же узнать наконец...

Курцгалоп

(не слушая его, продолжает петь)

Vivat водолеченью,
Живи народ!

[1] Читатель, я пробовал петь эти куплеты на голос: «Un jour maître corbeau»; — выходит отлично. Испытай. *Примечание Козьмы Пруткова.*

А всё плоды ученья!
Mein Gott, mein Gott!

Шишкенгольм
(опять прерывает его, прозою)
Да кто же вы такой?!

Курцгалоп
(отвечает, продолжая петь)
Еронимус-Амалья
Фон-Курцгалоп;
Давно без обливанья
Сошел бы в гроб.

Лиза
(отцу, жеманясь, сдобным голосом)
Папаша, какой веселый мужчина!

Шишкенгольм
(останавливает ее строгим знаком и обращается к Курцгалопу)
Но скажите наконец: зачем вы пришли сюда?!

Курцгалоп
(не слушая его, обращается к солдатам)
Поставили шкап? Всё там приладили? Ну хорошо; ступайте.

Лиза
(матери, сдобным голосом)
Ах, мамаша, какой славный мужчина!

Курцгалоп
(обращаясь ко всем)
Доложите полковнику Кавырину, что шкап принесен...

Шишкенгольм
(рассерженный)
Милостивый государь! полковник Кавырин живет не здесь, а внизу!

Курцгалоп
(пораженный)
Как?! А здесь кто живет?

Шишкенгольм

(с достоинством)

Здесь живет профессор-френолог Иоганн фон-Шишкенгольм.

Курцгалоп

(восторженно)

О боже, какая случайность! .. Herr Шишкенгольм, знаменитый френолог!

Лиза

(отцу, сдобным голосом)

Папаша, какой умный мужчина!

Курцгалоп

Честь имею рекомендоваться: фон-Курцгалоп, известный гидропат.

Все

(радостно)

О боже, какое счастье! .. Herr Курцгалоп, знаменитый гидропат!

Знакомятся.

Шишкенгольм

(с лукавой улыбкой)

Herr Курцгалоп! вы умный и хитрый молодой человек! .. вы умный и хитрый! .. Ведь вы нарочно зашли к нам? понимаю! .. *(Сильно встряхивает его руку.)* Благодарю вас за ошибку! .. Друг Мина, благодари за ошибку! Лиза, благодари за ошибку!

Мина Христиановна приседает Курцгалопу.

Лиза

(своим сдобным голосом и прижимаясь к отцу)

Ах, папаша, какой красивый мужчина! *(Приседает глубоко Курцгалопу.)*

Курцгалоп

(говорит в сторону, почтительно кланяясь Лизе)

Какой у нее сдобный, жирный голос!

Оба страстно и долго смотрят друг другу в глаза.

Курцгалоп

Я несказанно рад... но... право, вовсе нечаянно! .. Полковник Кавырин...

Ш и ш к е н г о л ь м

(перебивает его, хитро подсмеиваясь)

О, полковник Кавырин... всё полковник Кавырин!.. О, хитрый... хитрый молодой человек! *(Берет за руку Лизу и приближает ее к Курцгалопу.)* Лиза, успокой его; займи разговором; ты видишь конфуз молодого человека... Herr Курцгалоп, еще раз рекомендую: дочь моя.

К у р ц г а л о п нежно целует руку Лизы.

Л и з а

(жеманно, поет своим голосом)

Теперь нашли вы к нам дорогу?

К у р ц г а л о п

(кокетничая, тоже поет)

Нашел... быть может, невпопад?

Ш и ш к е н г о л ь м

(прислушивавшийся к ним, тоже поет)

Пришли вы кстати к френологу;
Он гидропату очень рад.

Л и з а

(в сторону)

Как мне понравился, ей богу,
Сей бодрый, крепкий гидропат!

К у р ц г а л о п

(Лизе, продолжая петь)

Вы обливаетесь водою?

Л и з а

(поет жеманно)

Я?.. да!.. я моюсь по утрам.

К у р ц г а л о п

(продолжая петь)

Холодной? теплою? какою?

Л и з а

(тоже)

Холодной, с теплой пополам.

Курцгалоп

(в сторону, продолжая петь)

Мила! ..

(Помолчав, продолжает нерешительно)

А что, спросить я смею,
Вы обливаете?

Лиза

(поет с простодушною откровенностью)

Скажу:
Я обливаю руки, шею...

Курцгалоп

(прерывает ее радостно и решительно, оканчивая мотив)

Руки я вашей попрошу!

Шишкенгольм и Мина Христиановна

(все время следившие с наслаждением за их разговором, подбегают к Курцгалопу и ощупывают его затылок.)

О счастье! .. Мы согласны! .. Благословляем вас! *(Благословляют их, оба одновременно.)* Шампанского скорей!

Курцгалоп

А мне воды.

Шишкенгольм

Ну, так и всем воды, только в бокалах. Оно и подешевле.

Иванов бросается в средние двери.

Шишкенгольм и Мина Христиановна

(к Курцгалопу)

Подите же сюда, наш сын! Дайте обнять вас...

Курцгалоп подбегает к ним с почтительною нежностью. Они начинают целовать его, передавая из рук в руки. Лиза смотрит на них с завистью.

Иванов

(входит с подносом в руках, на котором графин с водою и бокалы. Он обносит всех, начиная с Шишкенгольма, и обращается к Шишкенгольму)

Уж простите, барин, и меня, на радости.

Шишкенгольм

(к Лизе и Куригалопу)

Дети! простить его?

Лиза

(хладнокровно, своим голосом)

Простите, папаша.

Шишкенгольм

(Иванову, важно)

Русский! .. благодари ее!

Иванов целует руку Лизы. Все подымают бокалы с водою и поют.

Хор

За здравье френологии,
Мудрейшей из наук! ..
Хоть ей не верят многие,
Но, знать, их разум туг.
Она руководителем
Должна служить, ей-ей,
При выборе родителям
Мужьев для дочерей!
Ура черепословию,
Ура науке сей;
До капли нашей кровию
Пожертвуем мы ей!

Лиза сымает свой шейный платок.

Шишкенгольм

(к ней, тревожно)

Что́ это ты, Лиза?

Лиза

(хладнокровно)

В шкап, папаша; купаться.

Все

(к ней торопливо)

Подожди, Лиза, бесстыдница! .. Дай спустить занавес!

Занавес опускается. Из-за него раздаются крики, сдобным голосом: «А! А-ах! Ах!», — происходящие, вероятно, от слишком холодной воды.

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА,
ИЛИ:
ПРИЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМ?

ЕСТЕСТВЕННО-РАЗГОВОРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ[1]

ПРОЛОГ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Известный писатель.
Иван Семенович.
Камердинер Ивана Семеновича.

Сцена представляет открытое место, с холмом посередине. Солнце восходит из-за холма.

Известный писатель

(входит в картузе, в альмавиве, с распущенным зонтиком, с толстою книгою подмышкой. Подойдя к авансцене, он собирает зонтик)

С восходом этого дневного светила настает торжественный для меня и для моего товарища день! Я и товарищ мой намерены дать сегодня *новый род драматического представления.*

Драматическими представлениями условились называть представления, которые бывают на театрах, а именно: в С.-Петербурге — на Большом, неосновательно называе-

[1] Из объяснения к этому драматическому произведению, напечатанного в журн. «Современник» 1863 г. № IV (в отделе «Свисток»), видно, что от этого произведения Козьмы Пруткова уцелел только отрывок, найденный в портфеле покойного, обозначенном печатною золоченою надписью: «*Сборник неконченного (d'inachevé) № 1*». — В «Прологе» к этому произведению, под именем «*известного писателя*», Козьма Прутков, судя по некоторым признакам, изобразил самого себя.

мом «Каменным»; на Александринском, Михайловском и в цирке; а в Москве — на Большом и Малом.

Представления подразделяются на многие отрасли, как то: на комедии, трагедии, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы.

Мой товарищ и я посвятили всю жизнь нашу и все наши зрелые лета на изобретение нового рода драматического представления. Мы, с товарищем, решились назвать его, после долгих соображений, скажу: страданий! — «естественно-разговорным представленьем». — Произведение наше называется: «Опрометчивый Турка, или: приятно ли быть внуком?» *(Восходит на холм.)*

Дай бог, чтоб это произведение было принято с тою же чистотою и откровенностью, с какими мы предлагаем его зрителям! Пора нам, русским, ознаменовать перевалившийся за другую половину девятнадцатый век *новым словом* в нашей литературе! Это, столь ожидаемое всеми, *«новое слово»* будет высказано сегодня мною, с товарищем! .. Нужно ли повторять, что мы посвятили ему всю нашу жизнь и наши зрелые лета?! .. Кроме того, я отказался для него от выгодной партии с дочерью купца Громова, уступив ее другому моему товарищу.

Итак, пусть начинают пьесу! .. Дай бог, говорю я, чтоб она принята была с тою же душевною чистотою и с сердечною откровенностью, с какими мой товарищ и я предлагаем ее нашим зрителям! *(Сходит с холма, распускает над собою зонтик и удаляется со сцены.)*

Иван Семеныч

(в одном из наших гражданских мундиров, стоявший все это время спрятавшись, выходит на авансцену со скрипкою в руках, оглядываясь по сторонам)

Дочь купца Громова за мною... У меня много детей, не считая рожденных от первого брака и нечаянно. Но это в сторону! — Автор ушел. Предлагаемая пьеса начинается. Надо играть увертюру. Вот ноты в этом веке написанного романса: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...» *(Бросает ноты перед собой на землю и готовится играть на скрипке. Камердинер подносит ему что-то на блюдечке.)* Не надо; я всегда без этого!

Камердинер уходит. — Иван Семеныч играет, но ничего не слышно. — Через несколько времени занавес опускается.

ЕСТЕСТВЕННО-РАЗГОВОРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА, ИЛИ: ПРИЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМ?

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Миловидов.
Князь Батог-Батыев.
Кутило-Завалдайский.
Либенталь.
Г-жа Разорваки, вдова.
Иван Семеныч.

Действие происходит в С.-Петербурге, в гостиной г-жи Разорваки. — Она разливает чай. Все сидят.

Миловидов

(говорит мягким басом, плавно, важно, авторитетно)

Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует! .. Всё, что́ было у него приятного, исчезло вместе с ним!

Кутило-Завалдайский

(со вздохом)

Сколько у него было душ и десятин пахотной земли?

Миловидов

Главное его имение — село Курохвостово, не помню: Астраханской или Архангельской губернии? Душ, по последней ревизии, числилось 500; по крайней мере, так выразился, говоря со мною, заседатель гражданской палаты Фирдин, Иван Петрович.

Кн. Батог-Батыев

(с подвязанною щекою; говорит шепелявя и с присвистом)

Фирдин? .. Какой Фирдин? Не тот ли, который ранен был на дуэли ротмистром Кавтырёвым?

Либенталь

(говорит торопливо, большею частью самолюбиво-раздражительно)

Нет, не Кавтырёвым! Кавтырёв мне свояк. С ним, действительно, был случай; но он на дуэли не убит, а просто упал с лошади, гоняя ее на корде, вокруг павильона на даче Мятлева. При этом еще он вывихнул безыменный палец, на котором носил чугунный перстень, с гербом фамилии Чапыжниковых.

Кутило-Завалдайский

Я не люблю чугунных перстней, но предпочитаю с сердоликом или с дымчатым топазом.

Кн. Батог-Батыев

Позвольте, вы ошибаетесь! .. Сердолик и топаз, в особенности дымчатый, как вы весьма справедливо сказали,— два совершенно различные именованья! .. И их не надо смешивать с малахитом, столь искусно выделываемым его превосходительством Демидовым; так, что даже могу сказать перед целым миром и своею совестью: он получил за это диплом из собственных рук парламента, с английской печатью.

Г-жа Разорваки

(говорит громко, решительно, голосом сдобным)

Насчет Демидова! .. Правда ли, что он завещал всё свое богатство Ламартину? *(Молчание.)*

Миловидов

(совершенно тем же голосом и тоном, как вначале)

Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует! .. Всё, что́ было у него приятного, исчезло вместе с ним! .. Был у него, смело могу сказать, один только недостаток: он был твердо убежден, что, при природном даровании, можно играть на скрипке без канифоли. Я вам расскажу постигнувший его случай. — В день своих именин, — как теперь помню: 21-го октября, — он приглашает власти... Был какой-то час. Шум. Входят. Собираются. Садятся на диваны... Чай выпит... Все ожидают... «Подай мне ящик!» — говорит Иван Семеныч. Ящик принесен. Иван Семеныч вынимает скрипку, засучивает рукава и отворачивает правый борт своего виц-мундира. Виц-губернатор одобрительно ожидает. Преданный Ивану Семенычу камердинер подносит, на блюдечке, канифоль. — «Не надо!» — говорит он: — «я всегда без канифоли.» Развертывает всем известные какие-то ноты; взмахивает смычком... Все притаили взволнованное дыхание. Самонадеянный покойник ударяет по струнам, — ничего! .. Ударяет в другой раз,— ничего! .. В третий раз, — решительно ничего! . Четвертый удар — увы! — был нанесен его карьере, несмотря на то, что он был женат на дочери купца первой гильдии, Гро-

мова! .. Обиженный губернатор встает и, подняв руку к плафону, говорит: «Мне вас не нужно», — говорит, — «я не люблю упрямых подчиненных; вы вообразили теперь, что можете играть без канифоли; весьма возможно, что захотите писать бумаги без чернил! Я этаких бумаг читать не умею и, тем более, подписывать не стану; видит бог, не стану!» *(Молчание.)*

Кутило-Завалдайский

Говорят, что цены на хлеб в Тамбовской губернии значительно возвысились? *(Молчание.)*

Г-жа Разорваки

(громко и сдобно)

Насчет Тамбова! .. Сколько верст от Москвы до Рязани и обратно?

Либенталь

(скороговоркою)

В один конец могу сказать, даже не справившись с календарем, но обратно не знаю.

Все отворачиваются в одну сторону и фыркают, издавая носом насмешливый звук.

Либенталь *(обиженный)*. Могу вас уверить! .. Ведь от Рождества до Пасхи столько-то дней, а от Пасхи до Рождества столько-то, но не столько, сколько от Рождества до Пасхи. Следовательно...

Все отворачиваются в другую сторону, насмешливо фыркая носом. — Молчание.

Миловидов

(тем же тоном)

Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует! .. Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним! ..

Кн. Батог-Батыев

(шепелявя с присвистом)

Я знал его! .. Мы странствовали с ним в горах Востока, и тоску изгнанья делили дружно. Чтó за страна Восток! .. Вообразите: направо — гора, налево — гора,

впереди — гора; а сзади, как вы сами можете себе представить, синеет гнилой Запад! .. Наконец, вы с отвращеньем въезжаете на самую высокую гору... на какую-нибудь остроконечную Сумбеку; так, что вашей кобыле и стоять на этом мшистом шпице невозможно; разве только, подпертая горою под самую подпругу, она может вертеться на этой горе, как на своей оси, болтая, в то же время, четырьмя своими ногами! И тогда, вертяся вместе с нею, вы замечаете, что приехали в самую восточную страну: ибо и впереди восток, и с боков восток; а запад? .. вы может, думаете, что он всё-таки виден, как точка какая-нибудь, едва движущаяся вдали?

Г-жа Разорваки

(громко, сдобно и ударяя кулаком по столу)

Конечно!

Кн. Батог-Батыев

Неправда! И сзади восток! .. Короче: везде и повсюду один нескончаемый восток!

Г-жа Разорваки

(попрежнему)

Насчет востока! .. Я вам расскажу мой сон.

Все

(бросаясь целовать ее руки)

Расскажите, расскажите!

Г-жа Разорваки

(протяжным, повествовательным тоном, сохраняя свой громкий и сдобный голос)

Видела я, что в самой середине...

Миловидов

(останавливает ее почтительно-доброжелательным движением руки)

Питая к вам, с некоторых пор, должное уважение, я вас прошу... именем всех ваших гостей... об этом сне умолчать.

Все

Почему же? почему же? *(Наперерыв целуют ее руки.)*

Миловидов

(перебивает их важно, плавно, немного подняв тон)

Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует! .. Всё, что было у него приятного, исчезло вместе с ним! .. Вам известно, что он жил безбедно, но хотел казаться человеком более богатым, чем был в самой вещи...

Г-жа Разорваки

(громко, с удивлением)

Разве у него было бархатное стуло?!

Миловидов

Нет... он не любил бархата. И даже на самом животе он носил треугольник из фланели, в виде какого-нибудь синапизма.

Кн. Батог-Батыев

У меня там тоже есть синапизм. А кроме того, люблю носить на правой руке фонтенель, на левой гишпанскую мушку, в ушах канат, во рту креозот, а на затылке заволоку.

Все

(кроме Миловидова, к нему)

Покажите, покажите!

Кн. Батог-Батыев

Весьма охотно; но только после чаю.

Миловидов

(снова возвышая тон)

Всё, что́ у него было приятного, исчезло вместе с ним! .. Когда Иван Семеныч задавал обеды и приглашал власти, то любил угостить тончайшим образом. Лежавшие в супе коренья изображали все ордена, украшавшие гру́ди присутствующих лиц... Вокруг пирожков, вместо обыкновенной какой-нибудь петрушки, посыпались жареные цветочные и фамильные чаи! Пирожки были с кисточками, а иногда с плюмажами! .. Косточки в котлетах были из слоновой кости и завернуты в папильотки, на которых каждый мог прочесть свойственный его чину, нраву, жизни и летам — комплимент! .. В жареную курицу вечно вты-

кался павлиный хвост. Спаржа всегда вздевалась на проволоку; а горошек нанизывался на шелковинку. Вареная рыба подавалась в розовой воде! Пирожное разносилось всем в конвертах, запечатанных казенною печатью, какого кто ведомства! Шейки бутылок повязаны были орденскими ленточками и украшались знаками беспорочной службы; а шампанское подавалось обернутое в заграничный фуляр! .. Варенье, не знаю почему, не подавалось... По окончании обеда, преданный Ивану Семенычу камердинер обрызгивал всех о-де-лаваном! .. — Вот как жил он! И что́ же? Канифоль, канифоль погубила его и свела в могилу! Его уже нет, и всё, что́ было у него приятного, исчезло вместе с ним! ..

Внезапно отворяются двери из передней и входит Иван Семеныч, с торжествующим лицом и приятною улыбкою.

Все

(в испуге)

Ах! .. Иван Семеныч! .. Иван Семеныч! ..

Иван Семеныч

(улыбаясь и шаркая на все стороны)

Не дивитеся, друзья,
Что как раз,
Между вас,
На пиру веселом я
Проявляюся!

(Обращается строго к Миловидову и г-же Разорваки)

Ошибаешься, Данила! ..
Разо́рваки соврала! ..
Канифоль меня сгубила,
Но в могилу не свела!

Все

(радостно вскакивают с мест и обступают Ивана Семеныча)

Иван Семеныч! .. Как?! . Вы живы?! .

Иван Семеныч

(торжественно)

Жив, жив, говорю вам! .. Скажу более! *(Обращается к г-же Разорваки:)* У вас есть внук турецкого происхожде-

ния! .. Я сейчас расскажу вам, каким образом сделано мною это важное открытие.

Все

(нетерпеливо)

Расскажите, Иван Семеныч! .. Расскажите! ..

Садятся вокруг стола. — Иван Семеныч ставит свой стул возле г-жи Разорваки, которая видимо обеспокоена ожидаемым открытием. — Все, с любопытством, вытянули головы по направлению к Ивану Семенычу. — Иван Семеныч откашливается. — Молчание.

. . . .
. . . .

Здесь, к сожалению, рукопись прерывается, и едва ли можно предполагать, чтоб это, в высшей степени замечательное, произведение Козьмы Пруткова было доведено им до конца.

СРОДСТВО МИРОВЫХ СИЛ

МИСТЕРИЯ В ОДИННАДЦАТИ ЯВЛЕНИЯХ

Найдена в портфеле с золоченою надписью: «Сборник неконченного (d'inachevé) № 3». — См. об этой мистерии в «Биографических сведениях».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ В МИСТЕРИИ:

Ровная долина.
Великий поэт.
Высокий дуб.
Звезда орденская.
Звезда небесная.
Дупло.
Сова.
Кочка.
Ком земли.
Веревка.
Полное собрание творений Великого Поэта.
Северный Аквилон.
Высочайшая и длиннейшая ветвь.
Южный ураган.
Полевая мышь.
Ночные часы.
Ночная тишина.
Солнце за горизонтом.
Солнце на небесах.
Загробный мир мельком.
Альмавива.
Малый } жолуди.
Крупный } жолуди.
Общее собрание мировых сил.

Полночь. Небо покрыто тучами. Полное безветрие. — Ровная долина, среди которой стоит Высокий дуб. — Тишина. — Долина спит.

ЯВЛЕНИЕ I

Чрез несколько времени чуткая Долина внезапно пробуждается.

Долина

(очнувшись, в тревожном раздражении)

Есть бестолковица...
Сон уж не тот!
Что́-то готовится...
Кто-то идет!

ЯВЛЕНИЕ II

Появляется П о э т, закутанный в альмавиву и в картузе. Сзади, из-под полы альмавивы, тащится по траве конец веревки.

П о э т

(напевает тихим, взволнованным голосом)

«Среди долины ровныя»...

(Прерывает пение)

Так няня
В деревне песню эту мне певала,
Когда я был еще ребенком малым...

(Напевает)

«На гладкой высоте»...

(Прерывает пение)

И, между тем,
Она, под звуки песни заунывной,
По вечерам из теста мне лепила,
Так хорошо, коровок и лошадок!

(Напевает)

«Стоит, растет высокий дуб»...

(Прерывает пение)

О няня!
Когда б могла ты видеть и понять,
Зачем теперь любимый твой питомец
Подходит, поступью тяжелой, к дубу,
Тобой воспетому, — ты б содрогнулась
В своем гробу... близ церкви... на погосте!..
Как тот, и этот дуб высок; как тот,
И сей стоит среди долины ровной!..

(Напевает)

«Среди долины ровныя»...

(Прерывает пение)

Но прочь
Ненужные о детстве вспоминанья!
Я жизни путь прошел, и час настал
Мне перейти хоть к грустному, быть может,
Но к верному, бесспорно, результату.

(Подходит к дубу и снимает с себя картуз)

Привет тебе, громадное растенье!
Ты было птичьих гнезд досель приютом, —
Дай мне приют! Я также песнопевец!

(Надевает картуз)

Меня людей преследует вражда;
Толкает в гроб завистливая злоба!
Да! есть покой, но лишь под крышей гроба;
А более нигде и никогда!
О, тяжелы вы, почести и слава;
Нещадны к вам соотчичей сердца!
С чела все рвут священный лавр венца,
С груди́ — звезду святого Станислава!
К тому ж я духа новизны страшусь...
Всеобщий бред... Всё лезет вон из нормы! .
Пусть без меня придут: потоп и трус,
Огонь и глад, и прочие реформы!..
Итак, сановник, с жизнью ты простись!
Итак, поэт, парить привыкший ввысь,
Взлети туда навек; скорей, не мешкай!

Распахивает альмавиву и, бросив взор на свою орденскую звезду, ударяет себя в грудь рукою. В это время небо несколько прояснилось, и одна звезда освещает сверху всю фигуру поэта.

Как понимать?.. С участьем иль с насмешкой
Свою сестру земную из-за туч
Ты озарил, звезды небесной луч?

Небо опять заволакивает тучами. Поэт кивает ему головою, с выражением горького упрека.

ЯВЛЕНИЕ III

Поэт решительною походкою приближается к самому дубу. Он обходит вокруг его и вдруг останавливается в испуге перед дуплом.

Поэт

Кто ты?.. Ответь!.. Зачем следишь за мною
Так пристально фосфорными глазами?..

Из дупла появляется сова и улетает бесшумно. Она садится на кочку, шагах в пятидесяти, и повертывает голову назад, по направлению к дубу и к поэту. Глаза ее светятся издали.

Поэт

(махая на сову полами своей широкой альмавивы)

Пш! .. Пш! ..

(Сова остается неподвижною)

Прочь, прочь, непрошенный свидетель
Того, что совершить я думал тайно!

Подымает ком земли и бросает им в сову. Ком падает у самой кочки; но сова остается на своем месте неподвижно, подобно изваянию со светящимися глазами.

Коль уж сову согнать нельзя мне с места,
Коль ей глаза нельзя мне погасить, —
Так пусть при ней порвется жизни нить;
И пусть сей зоркий спутник черной ночи,
Когда другим не видится ни зги,
Мне выклюет померкнувшие очи
И, творчеству уж чуждые, мозги!

ЯВЛЕНИЕ IV

Поэт вынимает из-под альмавивы веревку и пытается закинуть ее конец за одну из ветвей дуба с северной стороны; но веревка, далеко не хватая ни до одной ветви, падает обратно на землю.

Поэт

Великий ум, при росте тела малом,
Послужит мне надежным пьедесталом. . .

Вынимает из-подмышки «Полное собрание своих творений»; кладет их на землю, становится на эту объемистую книгу и вновь забрасывает веревку, которая, на этот раз, чуть-чуть не зацепилась за ближайшую ветвь.

ЯВЛЕНИЕ V

Тогда внезапно начинает дуть с необычайною силою Северный аквилон.

Северный аквилон

И благ и могуч я:
Вверх вздерну все сучья!

Все ветви с северной стороны поднялись, действительно, очень высоко. Но при этом происходит непредвиденное Северным аквилоном обстоятельство. Поэт сызнова закидывает веревку. Наперекор благим намерениям Северного аквилона, но благодаря, однако, его же содействию, длинная веревка взвивается также очень высоко и... зацепляется за высочайшую и длиннейшую ветвь дуба. — Поэт, напрягши все свои силы, притягивает эту ветвь к себе, быстро прикрепляет к ней конец веревки, надевает на шею заранее уже изготовленную петлю, пускает ветвь и взлетает с нею на большую высоту. — Сова, оставаясь всем телом неподвижною на кочке, только подымает голову и смотрит на висящего своими, еще ярче светящимися, глазами. — Северный аквилон, между тем, поспешно перебирает одну за другою ветви дуба с северной стороны.

Северный аквилон

(скрывая смущение под гневом)

Все до единой
Вверх поднялись!..
Он сам причиной,
Что там повис!

Дует обратно к себе на север и исчезает. — Затишье.

ЯВЛЕНИЕ VI

Вдруг Южный ураган еще с большею силой налетает внезапно на дуб с противоположной стороны.

Южный ураган

Я — тайна большáя:
Храню, разрушая.

Дуб дрожит, мечется, стонет.

Дуб

Стоял сто лет...
Пришла кончина!
Спасенья нет...
Прощай, долина!

Наклоняется и рушится с грохотом на долину, выворотив вокруг себя землю и обнажив свои могучие, вековые корни. Поэт также свалился, вместе с дубом, на землю, но в сторону от ствола и ветвей. Петля на его шее ослабевает и мало-помалу начинает расширяться. — Одна из ветвей дуба придавила полевую мышь, пробегавшую в минуту его падения. — Сова, испуганная шумом, поднялась с кочки и улетела, утопая в темноте.

Южный ураган

Нет силе меры! ..
Нет вечных уз! ..
В мои пещеры
Обратно мчусь.

Дует обратно на юг и исчезает. — Опять затишье.

ЯВЛЕНИЕ VII

Долина погружена в безмолвную тоску. — Ни один лист поверженного дуба не шевелится. — Поэт лежит неподвижно, рядом с полевою мышью. — Ночные часы проходят медленно.

Ночные часы

Дойдут часы все, без изъятья,
До лона вечности. Но днем
Бегут, при свете, наши братья;
Впотьмах мы медленно бредем.

Воцаряется полная Ночная тишина, наводящая на раздумье и на вопросы.

Ночная тишина

Всяк вопрошает;
Но я молчу.
Никто не знает,
Чего хочу!

ЯВЛЕНИЕ VIII

После долгой ночи небосклон начинает, наконец, алеть на востоке.

Солнце за горизонтом

Свет земле вóчью:
Вывожу зорю́.
Чтó свершилось ночью —
Вскоре озарю.

ЯВЛЕНИЕ IX

С о л н ц е взошло. Наступило ясное утро, но Д о л и н а кажется грустною.

С о л н ц е н а н е б е с а х

Грех я озираю,
Песнопевца грех;
Но, взглянув, прощаю
И его и всех.

ЯВЛЕНИЕ X

Под живительными лучами милосердного Солнца П о э т приходит в себя. Он оглядывается и, еще лежа, вспоминает о том, что произошло. Потом освобождает шею от петли и тихо приподымается.

П о э т

(сидя)

Я жив! .. И снова вижу землю... Землю! ..
Но в эту ночь успел я заглянуть
Туда: *«в тот мир, откуда к нам никто
Еще не возвращался»*, — как сказал
Шекспир Вильям, собрат мой даровитый!
Но, быв уж там, оттуда я вернулся.

(Встает на ноги)

О, что́ я видел, люди! ! Что́ я видел ! ! ..
На воздухе! .. с вершины дуба! .. в петле! ..
О, что́ я видел там! ! . Что́ видел мельком! !
Когда-нибудь я в гимнах вдохновенных
Попробую о том поведать миру...

(Задумывается)

Однако же... ведь я уже висел...
И вот — стою! и жив, и невредим!
Как этому не подивиться диву?!

(Осматривается, ощупывает себя и замечает, что его альмавива, зацепившись за сук, разорвалась)

Лишь починить придется альмавиву.

Стоит в раздумьи, и взор его падает на убитую дубом полевую мышь.

А мышь — «оттуда не вернется»!

(Нагибается к мыши и кричит ей)

Встань! ..
Не можешь? .. Ха, ха, ха! .. Затем, что дрянь!
Коль не убил бы дуб, сова бы съела!
А где ж сова?

(Смотрит сперва на кочку, потом заглядывает в дупло)

Здесь нет уж... Улетела...
Хоть и живет, да лишена дупла,
Где, может быть, полсотни лет жила.
На их судьбу взираю хладнокровно.
Вот дуба жаль, среди долины ровной!
Зато их тьма в дубовом есть лесу.

(После некоторого молчания подымает с земли два жолудя: сперва маленький, а потом крупный)

Два жолудя на память унесу:
И о твоей кончине, дуб почтенный,
И о моем спасеньи для вселенной!

(Кладет оба жолудя в карман, берет книгу своих творений подмышку и уходит)

ЯВЛЕНИЕ XI

Хор общего собрания мировых сил поет над местом ночной катастрофы.

Иной — живи и здравствуй;
Другой, напротив, сгинь! ..
Над всей земною паствой
Мы пастыри; аминь!

II

ЛЮБОВЬ И СИЛИН

ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

(Сюжет заимствован из обыденной жизни)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Силин — предводитель дворянства.
Любовь — его наперсница и крепостная девка.
Ванюша — воспитанник в младшем классе гимназии, сирота, известный в городе под названием *Финик*.
Керстен — мелкопоместный дворянин и ложный друг Силина.
Продавец детских игрушек.
Генеральша Кислозвездова — немая, но сладострастная вдова.
Сильва-дон-Алонзо-Мерзавец — заезжий гишпанец.
Ослабелла — гишпанка, находящаяся у него под опекою.
Невидимый голос из оврага.

Действие происходит в губернском городе, близ катакомб.

ДЕЙСТВИЕ I

Театр представляет палисадник под окнами кабинета Силина. Вдали горы. В цветнике по преимуществу подсолнечники, но есть и другие цветущие тычинки. Очень много мух. Силин ест лапшу. Любовь, возле него стоя, отгоняет веткой мух; она декольте. Молчание продолжается довольно долго. Окончив еду, Силин отдает остаток лапши наперснице, которая, приняв с должною благодарностию, молча всё уносит. Силин начинает ходить по извилистым дорожкам цветника, повторяя по нескольку раз вслух следующие слова:

Силин

Гом — человек. Гам — душа. Сериз — вишня. Пати-сериз — пирожное. *(Он останавливается, утирается платком от усталости и после некоторого молчания говорит):* Таким образом, изучив французский язык, несомненно на следующих выборах я еще более оправдаю доверие ко мне г.г. дворян. Действительно, в наш век эгоистический, как

справедливо сказал Альгемейн Цейтунг, полковник артиллерийского полка, без образования далеко не ступишь. Лишь только кто завидит невежду, подымает крик и гам. *(Вспомнив.)* Гам — душа. *(Продолжая вспоминать затверженные им слова.)* Патисериз — пирожное. *(Ходит в задумчивости, останавливается против подсолнечника, с коего снимает божию коровку, потом, воодушевясь, говорит очень громко).* Да, ко мне должна быть всеобщая любовь!

Любовь

(входя)

Признаюсь, можно вам к чести приписать такие слова.

Силин

(в недоумении)

Что такое?

Любовь

(выражая неудовольствие)

Я только ваша, а не всеобщая.

Силин

(гневно)

Необразованная! не о тебе речь; иди в свою горницу и там, перебирая коклюшки, успокойся на досуге. *(В то время, когда она поворачивается с целию уйти, Силин кладет ей за шею божию коровку и снова начинает ходить, повторяя:)* Гом — человек; гам — душа. *(Он останавливается, услыхав звуки труб. К калитке подъезжает верхом Дон-Мерзавец, имея позади себя на том же седле Ослабеллу.)* Но кто это? Кто это?

Дон-Мерзавец

Мы! иностранцы, неопытные путешественники! Давно уже, при выезде из нашей родной Гишпании, мы потеряли компас и потому нечаянно заехали на север. Кроме того, разбойники украли у нас катафалк, и с тех пор мы вотще стараемся укрыться от палящих лучей солнца, от которых очень загорели. Оно нас припекает и, кажется безошибочно заставляет предполагать, что оно то же самое, что и в нашей родной Гишпании. *(Слезая с лошади.)*

Великодушный домохозяин! мы утомились от дороги. У обоих нас пересохло горло от жажды и щемит под ложечкой от голода. Не откажи нам в гостеприимстве.

Ослабелла

В питие и пище.

Дон-Мерзавец

Прикажи поскорее дать нам саго, и дозволь отдохнуть на твоей вилле.

Силин

(растроганный, но с удивлением подает ему вилу, подняв оную с травы)

Извольте, но на кресле, полагаю, вам будет спокойнее. Впрочем, не стесняйтесь и делайте, как знаете, по обычаю вашей страны. Мой дом к вашим услугам. Сию минуту прикажу приготовить вам саго и ватрушки.

Ослабелла

(слезая с лошади)

Значит, мы скоро будем есть, Мерзавец?

Силин

(обидясь)

Что? что такое?

Дон-Мерзавец

Не сердитесь, почтенный незнакомец, она, то есть Ослабелла...

Силин

Я знать ничего не хочу! Хоть бы она и совсем раскисла, а всё-таки ругать русского дворянина не смеет.

Дон-Мерзавец

Это имя ее такое Ослабелла, а мое — Дон-Мерзавец. Мы оба родом из Гишпании, и в доказательство того, перекусив немного, я немедленно закурю сигару.

На сцене темнеет; заметно приближается ночь.

Ослабелла

Мой опекун совершенно прав; я Ослабелла не только с дороги, но и с рождения; более же всего я проголодалась.

Силин

(в большом волнении)

Боже мой! как хороша сия чужестранка, несмотря на странность ее имени и на некоторую мужественность ее загорелого лица. *(С уверенностью в справедливости своего мнения, обращаясь к Ослабелле.)* Готов прозакладывать миллион ефимков, что подобного вашему нет ни одного лица между предводительствуемыми мною дворянами. Однако я совсем и забыл про саго. Эй! кто-нибудь!

Любовь

(входя)

Вы звали?

Силин

(глядя на Ослабеллу)

Гам — душа!

Ослабелла

(глядя на него)

Как страстно смотрит на меня этот человек.

Силин

Гом — человек. Боже всемогущий! что за глаза у нее! Это не глаза, а самые крупные шпанские вишни. *(Вспомнив.)* Сериз — вишня.

Любовь

(дергая его за руку)

Евдоким Петрович! вы звали меня.

Силин

(не слушая ее)

Патисериз — пирожное.

Ослабелла

Однакож позвольте и нам в свою очередь узнать имена ваши; ибо, согласитесь сами, странно пользоваться гостеприимством и есть саго, принадлежащее людям, имена коих нам неизвестны.

Силин

(с жаром)

Что в имени тебе моем?

Дон-Мерзавец

Оно правда, что имя звук пустой, но всё же нам необходимо, чтобы знать, кого благодарить за саго.

Силин

Это мне следует принести благодарность вам!

Ослабелла и Дон-Мерзавец

(вместе)

Не нам, не нам, а имени твоему!

Силин

(тронутый)

Чужестранцы! ваши слова расшевелили в моей груди самые заветные патриотические чувства. Да будет над вами благословение свыше! *(Утирая слезы)*. Имеем честь рекомендоваться: Любовь и Силин.

Он кланяется, она по дамскому обычаю приседает. В это время на заднем плане появляется генеральша Кислозвездова с фонарем в руке; дойдя до средины сцены, она останавливается и сладострастно смотрит на Дона-Мерзавца, делая ему разные знаки. Не понимая сих знаков, все удивляются, оставаясь на своих местах. Знаки же эти в сущности означают: «пойдем в беседку».

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ II

Та же декорация. Ночь. Ослабелла спит на балконе, высунув чрез перила ногу немного выше щиколки. На скамейке под балконом лежит Силин и смотрит на ее ногу.

Силин

О, обворожительная гишпанка, рожденная на берегу какого-нибудь Гвадалквивира! ты с ума свела несчастного смертного предводителя. Что за ножка! что за щиколка!

Господи! для чего я предводителем здесь, а не там, где в каждом доме чугунные перила и где с каждым движением женщины слышны звуки кастаньетов! *(Дон-Мерзавец поспешно пробегает через сцену.)* Кто там? а, это ее спутник. Странно, однако, что путешествие верхом не утомило его. Который раз я его вижу так поспешающим. *(После некоторого молчания.)* Справедливо сказано в какой-то книжке, что любовь делает человека поэтом. Попробую я сочинить песню в честь обольстительной гишпанки. Жаль, что нет гитары! впрочем, всё равно, принесу из кухни гармонику. *(Идет и сталкивается с Доном-Мерзавцем.)* А, вы не спите?

Дон-Мерзавец

Проклятые насекомые не дают мне покоя, и я беспрерывно выбегаю, чтобы на свободе отдохнуть немного.

Силин

А я, скажу вам откровенно, был очень удивлен, ибо знал достоверно, что саго было приготовлено на красном вине.

Сцена внезапно освещается от фонаря, с которым генеральша Кислозвездова показывается вдали. В продолжение следующего разговора она то появляется, то исчезает.

Дон-Мерзавец

Скажите пожалуйста, кто это? Всякий раз, как я выбегаю из дому, она, проходя невдалеке от меня, сладострастно смотрит и делает какие-то знаки. Смотрите, — вот опять. . . и еще. . . и еще. . .

Силин

Не тревожьтесь. Это всем известная генеральша Кислозвездова, вдова, здешняя помещица и дворянка.

Дон-Мерзавец

(видимо интересуясь)

Ах, расскажите пожалуйста, расскажите!

Силин

С моим удовольствием, и могу вас уверить, что вся дрянь, какая есть у меня на душе, будет сейчас на языке.

Дон-Мерзавец

(ударяя себя в грудь)

Здесь сохраню признательность к вам за ваше участие к заблудшему иностранцу!

Силин

Вот в чем дело: вы жестоко ошибетесь, если подумаете, что генеральша Кислозвездова не умеет говорить от природы; напротив, она со смертью мужа своего лишилась употребления языка.

Дон-Мерзавец

Признаюсь, я никак этого не полагал.

Силин

Всевозможные медицинские пособия оказались тщетными и только истощали вдовий кошелек. Видя ее немощь, пекущееся о нас начальство сделало представление об увеличении пансиона удрученной вдове. Странная, однако, судьба постигла это представление... Высшие власти, усмотрев, с одной стороны, что вдова немая, а с другой — ходатайство об увеличении ее пансиона, ответило на представление: «поелику мудрено следить за направлением, которое может давать своим воспитанницам немая вдова заслуженного генерала Кислозвездова, то, во избежание, чтобы преподаваемые ею, движением собственных рук, советы не могли быть перетолкованы воспитанницами ее в ущерб нравственности и интересам правительства, сие последнее не только не находит возможным увеличить размеры ее *пансиона*, но даже следует немедленно закрыть прежде имевшуюся школу»; эту бумагу, яко предписание начальства, я выучил наизусть. Так вот почему она осталась без пансиона. Впрочем, у нее еще есть небольшое состояние, почему она и не утратила помещичьих прав и обыкновенно на выборах отдает мне свой шар.

Дон-Мерзавец

Она мне сейчас показывала.

Силин

Кого?

Дон-Мерзавец

Шар.

Силин

Кроме того, сведения, мною почерпнутые от старого повара Сидора, известного во всей губернии и принадлежащего генеральше Кислозвездовой...

Дон-Мерзавец

Извините, что я перебью вас. Скажите, пожалуйста, неужели нельзя ее вылечить?

Силин

Говорят, будто можно. Здешний дворянин Керстен, посвятивший себя магии и с необыкновенною пользою читающий «Ключ к таинствам натуры» Экартсгаузена, объявил третьего дня на бале у губернатора, что исцеление Кислозвездовой не только возможно, но рано или поздно неминуемо совершится.

Дон-Мерзавец

Лучше поздно, чем никогда.

Силин

Поверите ли, что лишь только Керстен сказал, как все, не выключая самого губернатора, конечно из человеколюбия к дворянке, завыли в один голос: скажите, скажите нам, дворянам одной с ней губернии! Хладнокровный Керстен, нимало не смутясь, продолжал кратко, но знаменательно: «любовь, одна любовь может все поправить». Вам покажется странно, но верьте истинному богу, что с того самого вечера Керстен пропал, и только в бритвенном ящике найден небольшой кусочек пергамена, на коем корявым почерком было начертано: «В день исцеления немой вдовы генерала Кислозвездова откроется, кому принадлежит *Финик*».

Дон-Мерзавец

Финик? какой финик?

Силин

Я забыл вам сказать, что на другое утро после пропажи Керстена полицийместер при утреннем рапорте донес губернатору, что в младшем классе гимназии был усмотрен, никем дотоле невиданный, воспитанник *Ванюша*, и что на спрос об нем начальства все единогласно отозва-

лись, будто это всем известный *Финик*. Так с тех пор он и слывет во всем городе под этим названием.

Дон-Мерзавец

Несказанно обязан вам и благодарен за добрые советы, равно как и за сообщение столь интересных вещей. Но извините, пожалуйста... я сию минуту возвращусь. *(Поспешно убегает.)*

Силин

Куда это вы? куда? Не слышит. Убежал. Воспользуюсь его отсутствием и сбегаю за гармоникой. *(Уходит.)*

Сцена остается некоторое время пуста. Общее молчание нарушается легким храпением Ослабеллы. Она впросонках дергает ногой и чмокает. Над нею проносится летучая мышь. Вдали появляется генеральша Кислозвездова с фонарем.

Силин

Прекрасно! Я дорогою сочинил песенку в честь моей гишпанки. Начнем.

При самом начале пения и звуков гармоники Ослабелла просыпается, встает и слушает Силина с нежной любовию. Он поет.

Глаза
Имеет и коза,
Но ей лишь для того, чтоб травку отыскать,
А ваши глазки — чтоб пленять.
Глаза найдут свою дорогу,
Ей-богу!

Ослабелла

(нежно)

Благодарю тебя, русский! благодарю! спой другой куплет!

Силин

Сейчас.

(Поет)

За человечество
И за отечество...

Пение прерывается шумом за кулисами. Силин и Ослабелла смотрят по направлению шума. Через несколько времени Кислозвездова пробегает чрез сцену, держа на своем плече, как какое-нибудь бревно, Дона-Мерзавца. Он машет руками и ногами. Вскоре Кислозвездова показывается с ношею в горах.

Силин

Завтра же на выборах я предложу г.г. дворянам исключить из своей среды эту немую, но сладострастную генеральшу.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ III

Декорация все та же, с тою только небольшою разницею, что вместо ночи утро и роса, и что розмарин, коего в первых двух действиях не было, распустился. Птицы стрекочут. С другой стороны пчела, восчувствовав туч нахождение и приближение бури, возвращается в свой улей с шумом.

Силин

(входит в мундире)

Воображаю, как все на выборах удивятся, когда узнают, что я женюсь на Ослабелле! Французский язык я уж выучил хорошо, а с помощью будущей супруги моей буду знать и гишпанский. Я уверен, что опять меня и на это трехлетие выберут в предводители и вот почему. Говорят, будто иностранцы много что-то начали писать о нашем любезном отечестве; кто же другой в состоянии будет переводить дворянам все, что об них печатается? Разумеется, я и никто более! Или опять, случится заехать сюда какому-нибудь именитому иноплеменному путешественнику, кто будет показывать ему богоугодные заведения и другие примечательности города? *(Самодовольно.)* И тут я! Словом, нигде без меня не обойдутся. *(После некоторого молчания.)* Жаль только, что в эти выборы у меня одним шаром меньше. Впрочем, что за беда! Генеральша Кислозвездова пропала, да кроме того я уже предложил исключить ее из нашей среды.

Керстен

(входит также в мундире)

Доброго утра!

Силин

(удивленный)

Как? Это ты, Керстен? Откуда и давно ли? Ты молчишь? Ты, кажется, в волнении.

Керстен

(желая скрыть свою радость, в сторону)

Погоди, голубчик, будешь и ты в волнении. *(Притворно.)* Силин! Евдоким Петрович! Мне поручено сообщить тебе, что ты более не предводитель!

Силин

Неправда, этого быть не может! Для чего же я выучился по-французски?

Керстен

Это уже твое дело, а предводителем избран...

Силин

(в волнении)

Кто?

Голос из оврага

Не печалуйся! Сильва-Дон-Алонзо-Мерзавец, муж генеральши Кислозвездовой, — вот кто предводитель.

Сильный удар грома. Туча, о которой сказано выше, действительно приближается.

Силин

(в испуге)

Ты слышал? Чей это голос?

Керстен

Не знаю; это, кажется, из оврага. Впрочем, вот тебе адрес от дворян, прочти его.

Еще удар грома и сильный дождь. Керстен распускает свой зонтик, под которым укрывается вместе с Силиным.

Силин

(читает)

«Евдоким Петрович! последние дни трехлетнего служения вашего омрачились проступками, препятствующими вам быть выбранным предводителем, несмотря на оказанные вами неимоверные успехи во французском языке. Генеральша Кислозвездова, которой, по воле неба, возвращен дар слова, по случаю вступления ее в брак с Доном-

Мерзавцем, принявшим русское подданство и признанным дворянином нашей губернии, обвиняет вас в следующих несогласных с вашим званием четырех пунктах. 1-е: Вы оставались хладнокровным зрителем ее бедственного положения и не поняли, что слово *пенсион* означает *пенсию*, а не школу. 2-е: В похищении ею, генеральшею, Дона-Мерзавца вы видели увлечение страсти, тогда как положительно знали предсказание Керстена, что лишь любовь может исцелить ее от немоты. 3-е: Предложением об исключении из дворянского сословия сей генеральши вы явно показали пренебрежение к высокому чину, дарованному ее покойному мужу высочайшею властию, и 4-е: Оказанное вами предпочтение перед дворянками нашей губернии заезжей гишпанке Ослабелле и желание вступить с нею в брак не только оскорбляет все наше благородное сословие, но явно доказывает намерение ваше изменить отечеству, посредством передачи ей плана нашего города».

При последних словах он роняет бумагу и остается в задумчивости. Дождь перестает. Керстен свертывает свой зонтик. Слышна приближающаяся музыка. Генеральша Кислозвездова входит под руку с Доном-Мерзавцем; сзади Ослабелла, Ванюша, Любовь и Продавец детских игрушек.

Кислозвездова

Благодарю вас, господа, благодарю! Душа моя полна чувств; не знаю, кому их передать; наконец окончились мои страдания, и я снова говорю. От радости я не могу притти в себя, ниже поверить этому счастию. Ущипните меня, ради бога, чтобы я видела, что все это не во сне. *(Все поспешно к ней подбегают и щиплют ее; она громко кричит.)* Ах! довольно! верю, верю! *(Плачет.)* Да, господа, вам трудно понять то, что я испытала! В течение пяти лет не быть в состоянии сказать слова, даже попросить тарелку супа. О, это ужасно! *(Громко рыдает.)*

Керстен

Итак, пророчество мое сбылось: она заговорила!

Силин

Сбылось, но не совсем. На пергамене, найденном в вашем бритвенном ящике, было написано, что в день исцеления генеральши Кислозвездовой откроется, кому принадлежит Финик!

Все

Да, да! это правда!

Гром и по временам молния.

Керстен

(торжественно выступает вперед и поет)

Под диктовку иностранки
Я в альбом стихи писал,
Но, услышав звук шарманки,
Вдруг к окошку подбежал!

Все

(поют хором, обращаясь друг к другу с любопытством)

Он к окошку подбежал!

Керстен

Инструмент вертела немка,
Пела дочь. Я дал пятак;
В благодарность иноземка
Проплясала вальс-казак.

Все

(хором, весело)

Проплясала вальс-казак!

Керстен

Опершися на коленку,
Я у форточки стоял
И молоденькую немку
Взором страсти пожирал.

Все

(хором, лукаво)

Взором страсти пожирал!

Керстен

Между тем, и в то же время,
Весть по городу прошла,
Что от раны прямо в темя
Генерала смерть взяла.

Все

(хором, печально)

Генерала смерть взяла!

Керстен

Кислозвездов на дуэли
С קологривым был убит,
Кислозвездова в постели
Онемелая лежит.

Все

(хором, показывая на губы и печально качая головою)

Онемелая лежит!

Керстен

Докторам больниц и клиник
Не дается немота, —
Вдруг средь нас явился Финик,
Гимназист и сирота.

Все

(с любопытством)

Гимназист и сирота!

Керстен

Но клянусь, что это платье
Я не скину прежде, чем,
Без малейшего изъятья,
Тайну вам открою всем.

Все

(настоятельно)

Тайну нам открой ты всем!

Керстен

Этот Финик есть обломок
Рода древнего дворян,
Губернатора потомок
Православных киевлян.

Все

(бросая вверх шапки)

Православных киевлян.

Все

(пораженные)

Возможно ли? и мы ничего этого не знали!

Поочередно душат Финика в своих объятьях и покупают ему игрушки. Любовь стходит в сторону и почесывается. Дон-Мерзавец подходит к ней. Они шепчутся. Силин сначала указывает на них Ослабелле, а потом и другим. В то время, когда Дон-Мерзавец трогает шею наперсницы, Кислозвездова неистово вскрикивает.

Кислозвездова

Ах, какие гадости!

Дон-Мерзавец

(с испугом оборачивается)

Чтó случилось?

Кислозвездова

(злобно на него указывая)

И он еще спрашивает? Мерзавец.

Дон-Мерзавец

Я ничего не понимаю, скажите, в чем дело?

Силин

Милостивый государь, как вы смели трогать за шею мою крепостную девку?

Дон-Мерзавец

Поверьте, что это было сделано не с дурным намерением.

Все

(приступая к нему)

И вы это можете доказать?

Дон-Мерзавец

Всегда! Ее что-то беспокоило, я принял участие и предложил свои услуги.

Все

Продолжайте, продолжайте! это очень любопытно.

Дон-Мерзавец

Я вытащил у нее из-за шеи божию коровку.

Силин

(в сторону)

Два дня тому назад я положил ее туда.

Все

Покажите ее! покажите!

Дон-Мерзавец

Я даже считаю это священною обязанностию, чтобы вывести вас из заблуждения. Подойдите поближе.

Все обступают и внимательно смотрят на его кулак. Дон-Мерзавец мало-помалу его открывает. Божия коровка расправляет свои крылышки и... улетает. Все следят за ней глазами и от удивления довольно долго остаются в этом положении. Вдруг слышен звон колокола и Голос из оврага: «на колени!» Все падают на колени, кроме Продавца детских игрушек, который позади всей группы остается неподвижен на ногах, с достоинством держа на голове лоток с игрушками.

Занавес опускается.

Владимир Жемчужников

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

I

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КОЗЬМЕ ПРУТКОВЕ

Источники: 1) *Личные сведения.* — 2) *Сочинения Козьмы Пруткова.*[1] — 3) *«Некролог Козьмы Петровича Пруткова»,* в журн. «Современник» 1863 г., кн. IV, за подписью К. И. Шерстобитова.[2] — 4) *«Корреспонденция»* г. Алексея Жемчужникова, в газ. «С.-Петербургские Ведомости» 1874 г., № 37, по поводу изданной г. Гербелем «Христоматии для всех». — 5) Статьи: *«Защита памяти Козьмы Пруткова»,* в газ. «Новое Время» 1877 г., № 892, и 1881 г., № 2026, за подписью: «Непременный член Козьмы Пруткова». — 6) *Письмо к ре-*

---

[1] Сочинения Козьмы Пруткова сначала печатались исключительно в журнале «Современник» 1851, 1853—54 и 1860—64 годов (в 1851 году там помещены только три его басни, без подписи, в «Заметках Нового Поэта»). Впоследствии, в первых 1860-х годах, несколько (преимущественно слабейших) его произведений было напечатано в журн. «Искра»; а в 1861 г. была помещена в журн. «Развлечение», № 18, комедия его «Любовь и Силин». Затем в 1881 г. напечатана в первый раз, в газ. «Новое Время», № 2026, басня: «Звезда и Брюхо». — *Вот все издания, в которых были напечатаны сочинения Козьмы Пруткова.*

В настоящее «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова» *вошло все, что было им когда-либо напечатано, кроме следующего:* а) стихотворений: Возвращение из Кронштадта; К друзьям после женитьбы; К толпе; Эпиграмма о Диогене; тоже о Лизимахе, и басня «Пятки некстати»; б) нескольких афоризмов; в) нескольких «выдержек из записок деда»; г) комедии «Любовь и Силин»; и д) проекта: «о введении единомыслия в России». Из числа этих, не вошедших в настоящее издание, произведений К. Пруткова, стихотворения, афоризмы и рассказы деда исключены им самим из подготовлявшегося собрания его сочинений, по их слабости; ком. «Любовь и Силин» исключена им потому, что была напечатана без его ведома, ранее окончательной ее отделки; а проект «о единомыслии» исключен издателями потому, что составляет служебное, а не литературное произведение К. Пруткова. — Но кроме напечатанных прежде сочинений Козьмы Пруткова, в настоящее издание вошло не мало таких, которые еще не были в печати.

[2] В «С.-Петербургских Ведомостях» 1876 г. были напечатаны вымышленные сведения о Козьме Пруткове, неправильно подписанные тоже фамилиею К. И. Шерстобитова.

дактору журнала «Век» от г. Владимира Жемчужникова, в газетах: «Голос» 1883 г., № 40, и «Новое Время» 1883 г., № 2496.— 7) Статья: *«Происхождение псевдонима Козьмы Пруткова»* г. А. Жемчужникова, помещенная в «Новостях» 1883 г., № 20.

Козьма Петрович Прутков провел всю свою жизнь, кроме годов детства и раннего отрочества, в государственной службе: сначала по военному ведомству, а потом по гражданскому. Он родился 11-го апреля 1803 г.; скончался 13-го января 1863 г.

В «Некрологе» и в других статьях о нем было обращено внимание на следующие два факта: во-первых, что он помечал все свои печатные прозаические статьи 11-м числом апреля, или иного месяца; и во-вторых, что он писал свое имя: *Козьма*, а не *Кузьма*. Оба эти факта верны; но первый из них истолковывался ошибочно. Полагали, будто он, помечая свои произведения 11-м числом, желал ознаменовывать каждый раз день своего рождения; на самом же деле он ознаменовывал такою пометою не день рождения, а свое замечательное сновидение, вероятно только случайно совпавшее с днем его рождения и имевшее влияние на всю его жизнь. Содержание этого сновидения рассказано далее, со слов самого Козьмы Пруткова. Что́ же касается способа писания им своего имени, то в действительности он писался даже не «Козьма», но *Косьма*, как знаменитые его соименники: *Косьма и Дамиан, Косьма Минин, Косьма Медичи* и немногие подобные.

В 1820 г. он вступил в военную службу, только для мундира, и пробыл в этой службе всего два года с небольшим, в гусарах. В это время и привиделся ему вышеупомянутый сон. Именно: в ночь с 10-го на 11 апреля 1823 г., возвратясь поздно домой с товарищеской попойки и едва прилегши на койку, он увидел перед собой голого бригадного генерала, в эполетах, который, подняв его с койки за руку и не дав ему одеться, повлек его, молча, по каким-то длинным и темным коридорам, на вершину высокой и остроконечной горы, и там стал вынимать перед ним, из древнего склепа, разные драгоценные материи, показывая их ему, одну за другою, и даже прикидывая некоторые из них к его продрогшему телу. Прутков ожидал с недоумением и страхом развязки этого непонятного события, но вдруг, от прикосновения к нему самой дорогой из этих материй, он ощутил во всем теле

сильный электрический удар, от которого проснулся весь в испарине. — Неизвестно, какое значение придавал Козьма Петрович Прутков этому видению. Но, часто рассказывая о нем впоследствии, он всегда приходил в большое волнение и заканчивал свой рассказ громким возгласом: «В то же утро, едва проснувшись, я решил оставить полк и подал в отставку; а когда вышла отставка, я тотчас определился на службу по министерству финансов, в Пробирную Палатку, где и останусь навсегда!» — Действительно, вступив в Пробирную Палатку в 1823 г., он оставался в ней до смерти, т. е. до 13-го января 1863 года. — Начальство отличало и награждало его. Здесь, в этой Палатке, он удостоился получить все гражданские чины, до действительного статского советника включительно, и наивысшую должность: директора Пробирной Палатки, а потом — и орден св. Станислава 1-й степени, который всегда прельщал его, как это видно из басни «З в е з д а и Б р ю х о».

Вообще он был очень доволен своею службою. Только в период подготовления реформ прошлого царствования он как бы растерялся. Сначала ему казалось, что из-под него уходит почва, и он стал роптать, повсюду крича о рановременности всяких реформ и о том, что он «враг всех, так называемых, вопросов!» — Однако потом, когда неизбежность реформ сделалась несомненною, он сам старался отличиться преобразовательными проектами и сильно негодовал, когда эти проекты его браковали, по их очевидной несостоятельности. Он объяснял это завистью, неуважением опыта и заслуг, и стал впадать в уныние, даже приходил в отчаяние. В один из моментов такого мрачного отчаяния он написал мистерию: «С р о д с т в о м и р о в ы х с и л», впервые печатаемую в настоящем издании и вполне верно передающую тогдашнее болезненное состояние его духа. [1] Вскоре, однако, он успокоился, почувствовав вокруг себя прежнюю атмосферу, а под собою прежнюю почву. Он снова стал писать проекты, но уже стеснительного направления, и они принимались с одобрением. Это дало ему основание возвратиться к прежнему самодовольству и ожидать значительного повышения по службе. Внезапный нервный удар, постигший его в директорском кабинете Пробирной Палатки, при самом

---

[1] В таком же состоянии духа он написал стихотворение: «П е р е д м о р е м ж и т е й с к и м», тоже впервые печатаемое в настоящем издании.

отправлении службы, положил предел этим надеждам, прекратив его славные дни. — В настоящем издании помещено в первый раз его «П р е д с м е р т н о е» стихотворение, недавно найденное в секретном деле Пробирной Палатки.

Но как бы ни были велики его служебные успехи и достоинства, они одни не доставили бы ему даже сотой доли той славы, какую он приобрел литературною своею деятельностью. Между тем, он пробыл в государственной службе (считая гусарство) более 40 лет, а на литературном поприще действовал гласно только пять лет (в 1853—54 и в 1860-х годах).

До 1850 г., именно до случайного своего знакомства с небольшим кружком молодых людей, состоявшим из нескольких братьев Жемчужниковых и двоюродного их брата, графа Алексея Константиновича Толстого, — Козьма Петрович Прутков и не думал никогда ни о литературной, ни о какой-либо другой публичной деятельности. Он понимал себя только усердным чиновником Пробирной Палатки, и далее служебных успехов не мечтал ни о чем. В 1850 г. граф А. К. Толстой и Алексей Михайлович Жемчужников, не предвидя серьезных последствий от своей затеи, вздумали уверить его, что видят в нем замечательные дарования драматического творчества. Он, поверив им, написал под их руководством комедию: «Ф а н т а з и я», которая была исполнена на сцене с.-петербургского Александринского театра, в высочайшем присутствии, 8-го января 1851 г., в бенефис тогдашнего любимца публики, г. Максимова 1-го. В тот же вечер, однако, она была изъята из театрального репертуара, по особому повелению; — это можно объяснить только своеобразностью сюжета и дурною игрою актеров. Она впервые печатается лишь теперь.

Эта первая неудача не охладила начинавшего писателя ни к его новым приятелям, ни к литературному поприщу. Он, очевидно, стал уже верить в свои литературные дарования. Притом, упомянутый Алексей Жемчужников и брат его Александр ободрили его, склонив заняться сочинением басен. Он тотчас же возревновал славе И. А. Крылова, тем более, что И. А. Крылов тоже состоял в государственной службе и тоже был кавалером ордена св. Станислава 1-й степени. В таком настроении, он написал три басни: «Н е з а б у д к и и з а п я т к и», «К о н д у к т о р и т а р а н т у л» и «Ц а п л я и б е г о в ы е д р о ж к и»; — они были напе-

чатаны в журн. «Современник» (1851 г., кн. XI, в «Заметках Нового Поэта») и очень понравились публике. Известный литератор Дружинин поместил о них весьма сочувственную статью, кажется в журнале «Библиотека для чтения».

Делая эти первые шаги в литературе, Козьма Петрович Прутков не думал, однако, предаться ей. Он только подчинялся уговариваниям своих новых знакомых. Ему было приятно убеждаться в своих новых дарованиях, но он боялся и не желал прослыть литератором; поэтому он скрывал свое имя перед публикою. Первое свое произведение, комедию «Фантазия», он выдал на афише за сочинение каких-то «Y и Z»; а свои первые три басни, названные выше, он дал в печать без всякого имени. Так было до 1852 г.; но в этом году совершился в его личности коренной переворот, под влиянием трех лиц из упомянутого кружка: графа А. К. Толстого, Алексея Жемчужникова и Владимира Жемчужникова. Эти три лица завладели им, взяли его под свою опеку и развили в нем те типические качества, которые сделали его известным под именем Козьмы Пруткова. Он стал самоуверен, самодоволен, резок; он начал обращаться к публике «как власть имеющий»; и в этом своем новом и окончательном образе он беседовал с публикою в течение пяти лет, в два приема, именно: в 1853—54 годах, помещая свои произведения в журн. «Современник», в отделе «Ералаш», под общим заглавием: «Досуги Козьмы Пруткова»; и в 1860—64 годах, печатаясь в том же журнале в отделе «Свисток», под общим заглавием: «Пух и Перья (Daunen und Federn)». Кроме того, в течение второго появления его перед публикою, некоторые его произведения (см. об этом в первой выноске настоящего очерка) были напечатаны в журн. «Искра» и одно в журн. «Развлечение» 1861 г., № 18. — Промежуточные шесть лет, между двумя появлениями Козьмы Пруткова в печати, были для него теми годами томительного смущения и отчаяния, о коих упомянуто выше.

В оба свои кратковременные явления в печати Козьма Прутков оказался поразительно разнообразным, именно: и стихотворцем, и баснописцем, и историком (см. его «Выдержки из записок деда»), и философом (см. его «Плоды раздумья»), и драматическим писателем.

А после его смерти обнаружилось, что в это же время он успевал писать правительственные проекты, как смелый и решительный администратор (см. его проект: «О введении единомыслия в России», напечатанный, без этого заглавия, при его некрологе, в «Современнике» 1863 г., кн. IV). И во всех родах этой разносторонней деятельности он был одинаково резок, решителен, самоуверен. В этом отношении он был сыном своего времени, отличавшегося самоуверенностью и неуважением препятствий. То было, как известно, время знаменитого учения: «усердие всё превозмогает». Едва ли даже не Козьма Прутков первый формулировал это учение в означенной фразе, когда был еще в мелких чинах? По крайней мере, оно находится в его «Плодах раздумья», под № 84. Верный этому учению и возбужденный своими опекунами, Козьма Прутков не усомнился в том, что ему достаточно только приложить усердие, чтобы завладеть всеми знаниями и дарованиями.— Спрашивается, однако: 1) чему же обязан Козьма Прутков тем, что, при таких невысоких его качествах, он столь быстро приобрел и доселе сохраняет за собою славу и сочувствие публики? и 2) чем руководились его опекуны, развив в нем эти качества?

Для разрешения этих важных вопросов необходимо вникнуть в сущность дела, «посмотреть в корень», по выражению Козьмы Пруткова; и тогда личность Козьмы Пруткова окажется столь же драматичною и загадочною, как личность Гамлета. Они обе не могут обойтись без комментариев, и обе внушают сочувствие к себе, хотя по различным причинам. Козьма Прутков был, очевидно, жертвою трех упомянутых лиц, сделавшихся произвольно его опекунами или клевретами. Они поступили с ним как «ложные друзья», выставляемые в трагедиях и драмах. Они, под личиною дружбы, развили в нем такие качества, которые желали осмеять публично. Под их влиянием, он перенял от других людей, имевших успех: смелость, самодовольство, самоуверенность, даже наглость, и стал считать каждую свою мысль, каждое свое писание и изречение — истиною, достойною оглашения. Он вдруг счел себя сановником в области мысли и стал самодовольно выставлять свою ограниченность и свое невежество, которые иначе остались бы неизвестными вне стен Пробирной Палатки. Из этого видно, впрочем, что его опекуны, или «ложные друзья», не *придали* ему никаких но-

вых дурных качеств: они только ободрили его, и тем самым они вызвали наружу такие его свойства, которые таились до случая. Ободренный своими клевретами, он уже сам стал требовать, чтобы его слушали; а когда его стали слушать, он выказал такое самоуверенное непонимание действительности, как будто над каждым его словом и произведением стоит ярлык: «всё человеческое мне *чуждо*».

Самоуверенность, самодовольство и умственная ограниченность Козьмы Пруткова выразились особенно ярко в его «Плодах раздумья», т. е. в его «Мыслях и афоризмах». — Обыкновенно, форму афоризмов употребляют для передачи выводов житейской мудрости; но Козьма Прутков воспользовался ею иначе. Он, в большей части своих афоризмов, или говорит с важностью «казенные» пошлости, или вламывается с усилием в открытые двери, или высказывает такие «мысли», которые не только не имеют соотношения с его временем и страною, но как бы находятся вне всякого времени и какой бы ни было местности. При этом, в его афоризмах часто слышится не совет, не наставление, — а команда. Его знаменитое *«Бди!»* напоминает военную команду: *«пли!»* Да и вообще Козьма Прутков высказывался так самодовольно, смело и настойчиво, что заставил уверовать в свою мудрость. По пословице: «смелость города берет», Козьма Прутков смелостью завоевал себе литературную славу. Будучи умственно ограниченным, он давал советы мудрости; не будучи поэтом, он писал стихи и драматические сочинения; полагая быть историком, он рассказывал анекдоты; не имея ни образования, ни хотя бы малейшего понимания потребностей отечества, он сочинял для него проекты управления. — «Усердие всё превозмогает!»...

Упомянутые трое опекунов Козьмы Пруткова заботливо развили в нем такие качества, при которых он оказывался вполне ненужным для своей страны; и, рядом с этим, они безжалостно обобрали у него все такие, которые могли бы сделать его хотя немного полезным. Присутствие первых и отсутствие вторых равно комичны; а как при этом в Козьме Пруткове сохранилось глубокое, прирожденное добродушие, делающее его невинным во всех выходках, то он оказался забавным и симпатичным. — В этом и состоит драматичность его положения. Поэтому-то он и может быть справедливо назван жертвою своих опекунов: он бессознательно и против своего желания забавлял, служа их целям. Не будь

этих опекунов, он едва ли решился бы, пока состоял только в должности директора Пробирной Палатки, так откровенно, самоуверенно и самодовольно разоблачиться перед публикою.

Но справедливо ли укорять опекунов Козьмы Пруткова за то, что они выставили его с забавной стороны? — Ведь только через это они доставили ему славу и симпатию публики; а Козьма Прутков любил славу. Он даже печатно отвергал справедливость мнения, будто «слава — дым». Он печатно сознавался: что «хочет славы», что «слава тешит человека». — Опекуны его угадали, что он никогда не поймет комичности своей славы и будет ребячески наслаждаться ею. И он, действительно, наслаждался своею славою с увлечением, до самой своей смерти, всегда веря в необыкновенные и разнообразные свои дарования. Он был горд собою и счастлив: более этого не дали бы ему самые благонамеренные опекуны.

Слава Козьмы Пруткова установилась так быстро, что в первый же год своей гласной литературной деятельности (в 1853 г.) он уже занялся приготовлением отдельного издания своих сочинений, с портретом. Для этого были тогда же приглашены им т р о е художников, которые нарисовали и перерисовали на камень его портрет, отпечатали в том же 1853 году, в литографии Тюлина, в значительном количестве экземпляров.[1] Тогдашняя цензура почему-то не разрешила выпуска этого портрета; вследствие этого не состоялось и всё издание. В следующем году оказалось, что все отпечатанные экземпляры портрета, кроме пяти, удержанных издателями тотчас по отпечатании, пропали, вместе с камнем, при перемене помещения литографии Тюлина;[2] — вот почему при настоящем издании приложена фотогиалотипная копия, в уменьшенном формате, с одного из уцелевших экземпляров того портрета, а не подлинные оттиски.

---

[1] Художники эти — тогдашние ученики академии художеств, занимавшиеся и жившие вместе: *Лев Михайлович Жемчужников, Александр Егорович Бейдеман* и *Лев Феликсович Лагорио*. Подлинный их рисунок сохранился до сих пор у Л. М. Жемчужникова. — Упоминаемая здесь литография Тюлина находилась в Спб. на Васильевском Острову, по 5-ой линии, против академии художеств.

[2] Так было объявлено г. Тюлиным В. М. Жемчужникову в 1854 г., в новом помещении литографии. Впоследствии некоторые лица приобретали эти пропавшие экземпляры покупкой на Апраксином дворе.

Дорожа памятью о Козьме Пруткове, нельзя не указать и тех подробностей его наружности и одежды, коих передачу в портрете он вменял художникам в особую заслугу; именно: искусно подвитые и всклоченные, каштановые с проседью волоса; две бородавочки: одна вверху правой стороны лба, а другая вверху левой скулы; кусочек черного английского пластыря на шее, под правою скулой, на месте постоянных его бритвенных порезов; длинные, острые концы рубашечного воротника, торчащие из-под цветного платка, повязанного на шее широкою и длинною петлею; плащ-альмавива, с черным бархатным воротником, живописно закинутый одним концом за плечо; кисть левой руки, плотно обтянутая белою замшевою перчаткою особого покроя, выставленная из-под альмавивы, с дорогими перстнями поверх перчатки (эти перстни были ему пожалованы при разных случаях).

Когда портрет Козьмы Пруткова был уже нарисован на камне, он потребовал, чтобы внизу была прибавлена лира, от которой исходят вверх лучи. Художники удовлетворили это его желание, насколько было возможно в оконченном уже портрете; но в уменьшенной копии с портрета, приложенной к настоящему изданию, эти поэтические лучи, к сожалению, едва заметны.

Козьма Прутков никогда не оставлял намерения издать отдельно свои сочинения. В 1860 г. он даже заявил печатно (в журн. «Современник», в выноске к стихотворению: «Разочарование») о предстоящем выходе их в свет; но обстоятельства мешали исполнению этого его намерения до сих пор. Теперь оно осуществляется, между прочим, и для охранения типа и литературных прав Козьмы Пруткова, принадлежащих исключительно литературным его образователям, поименованным в настоящем очерке.

Ввиду являвшихся в печати ошибочных указаний на участие в деятельности Козьмы Пруткова разных других лиц, — представляется нелишним повторить здесь имена единственных его образователей и дополнить сведения о сотрудничестве им:

Во-первых: литературную личность Козьмы Пруткова создали и разработали три лица, именно: граф Алексей Константинович Толстой, Алексей Михайлович Жемчужников и Владимир Михайлович Жемчужников.

Во-вторых: сотрудничество в этом деле было оказано двумя лицами, в определенном здесь размере, именно: 1) Александром Михайловичем Жемчужниковым, принимавшим весьма значительное участие в сочинении не только трех басен: «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул» и «Цапля и беговые дрожки», но также комедии «Блонды» и недоделанной комедии «Любовь и Силин» (см. о ней в начальной выноске); и 2) Петром Павловичем Ершовым, известным сочинителем сказки «Конек-горбунок», которым было доставлено несколько куплетов, помещенных во вторую картину оперетты: «Черепослов, сиречь Френолог». [1]

И *в-третьих:* засим, никто — ни из редакторов и сотрудников журнала «Современник», ни из всех прочих русских писателей — не имел в авторстве Козьмы Пруткова ни малейшего участия.

13 января 1884 г.

[1] П. П. Ершов лично передал эти куплеты В. М. Жемчужникову в Тобольске, в 1854 г., заявив желание: «Пусть ими воспользуется Козьма Прутков, потому что сам я уже ничего не пишу». — Кстати заметить: в биографии П. П. Ершова, напечатанной г. Ярославцевым в 1872 г., на с. 49 помещен отрывок из письма Ершова *от 5 марта 1837 г.*, в котором он упоминает о «куплетцах» для водевиля «Черепослов», написанного приятелем его «Ч-жовым». — Не эти ли «куплетцы» и были в 1854 г. переданы П. П. Ершовым? При них было и заглавие: «Черепослов».

II

КРАТКИЙ НЕКРОЛОГ И ДВА ПОСМЕРТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Ужасное горе постигло семейство, друзей и ближних Кузьмы Петровича Пруткова, но еще ужаснее это горе — для нашей отечественной литературы. . . . . Да, его не стало! Его уже нет, моего миленького дяди! Уже не существует более этого доброго родственника, этого великого мыслителя и даровитейшего из поэтов; этого полезного государственного деятеля, всегда справедливого, но строгого относительно своих подчиненных! . . . Драгоценнейший мой дядюшка, Кузьма Петрович Прутков, всегда ревностно занимался службой, отдавая ей большую часть своих способностей и своего времени; только часы досуга посвящал он науке и музам, делясь потом с публикой плодами этих трудов невинных. Начальство ценило его ревность и награждало его по заслугам: начав службу, в 1816 году, юнкером в одном из лучших гусарских полков, Кузьма Петрович Прутков умер, в чине действительного статского советника, со старшинством пятнадцати лет и четырех с половиною месяцев, после двадцатилетнего (с 1841 года) безукоризненного управления пробирной палаткой! Подчиненные любили, но боялись его. И долго еще, вероятно, сохранится в памяти чиновников пробирной палатки величественная, но строгая наружность покойного: его высокое, склоненное назад чело, опушенное снизу густыми рыжеватыми бровями, а сверху осененное поэтически всклоченными, шантретовыми с проседью волосами; его мутный, несколько прищуренный и презрительный взгляд; его изжелта-каштановый цвет лица и рук; его змеиная саркастическая улыбка, всегда выказывавшая целый ряд, правда, почерневших и поредевших от табаку и времени, но всё-таки больших и крепких зубов; наконец —

его вечно откинутая назад голова и нежно любимая им альмавива..... Нет, такой человек не может скоро изгладиться из памяти знавших его!

Кузьма Петрович Прутков, на 25-м году жизни, соединил судьбу свою с судьбою любезной моей тетушки Антониды Платоновны, урожденной Проклеветантовой. Неутешная вдова оплакивает своего мужа, от которого имела множество детей, кроме находящихся в настоящее время в живых четырех дочек и шести сыновей. Дочки ее, любезные моему сердцу племянницы, отличаются все приятной наружностью и высоким образованием, наследованным от покойного отца; они уже в зрелых летах и — смело скажу — могут составить несомненное счастье четырех молодых людей, которым посчастливится соединить свою судьбу с их судьбою! Шесть сыновей покойного обещают твердо итти по следам своего отца, и я молю небо о даровании им необходимых для этого сил и терпенья! ..

Кузьма Петрович, любезный и несравненный мой дядинька, скончался после долгих страданий, на руках нежно любившей его супруги, среди рыданья детей его, родственников и многих ближних, благоговейно теснившихся вокруг страдальческого его ложа... Он умер с полным сознанием полезной и славной своей жизни, поручив мне передать публике, что *«умирает спокойно, будучи уверен в благодарности и справедливом суде потомства; а современников просит утешиться, но почтить, однако, его память сердечной слезою»*... Мир праху твоему, великий человек и верный сын своего отечества! Оно не забудет твоих услуг, и нет сомнения, что недалеко то время, когда исполнится пророческий твой стих:

И слава моя гремит, как труба,
И песням моим внимает толпа
Со страхом...
Но вдруг я замолк, заболел, схоронен,
Землею засыпан, слезой орошен, —
И в честь мне воздвигли *семнадцать* колонн
Над прахом! ..

(„Соврем." 1852 г.)

Всеми уважаемый мой дядюшка умер на 60-м году своей жизни, в полном развитии своего замечательного таланта и своих сил, 13-го сего января в два и три четверти часа по-

полудни... Славный художник ** поразительно верно передал замечательную его наружность на портрете, который предназначен для украшения *полного собрания сочинений* покойного. Я уверен, что по отпечатании этого собрания оно будет раскуплено нарасхват образованною частью публики; — иначе, впрочем, и быть не может!

В портфелях покойного дядиньки найдено много неизданных его сочинений, не только стихов, философских изречений и продолжения исторического труда, столь известного публике под заглавием «Выдержки из записок моего деда», но также и драматических произведений. В особом портфеле, носящем золотую печатную надпись: «Сборник неконченного (d'inachevé)», находится множество весьма замечательных отрывков и эскизов покойного, дающих полную возможность судить о неимоверной разносторонности его дарования и о необъятных сведениях этого, столь рано утраченного нами, поэта и мыслителя! Из этих-то последних отрывков я извлекаю пока один и возлагаю его на алтарь отечества, как ароматический цветок, в память драгоценного моего дядюшки... Надеюсь и вполне уверен, что из груди каждого патриота вырвется невольный крик удивления при чтении этого отрывка и что не одной слезой благодарности и сожаления почтится память покойного!.. Вот этот отрывок:

<*Далее следует «Опрометчивый турка, или Приятно ли быть внуком?» Ред.*>

Здесь рукопись прерывается... К сожалению, смерть не допустила Кузьму Петровича Пруткова вполне развить и довести до конца это, в высшей степени замечательное, произведение, вплетающее новую роскошную ветвь в лавровый венок моего бессмертного дядюшки!..

Произведение это помечено так: «11-го декабря 1860 года (annus'i)». Исполняя духовное завещание покойного, я поставляю священным для себя долгом объяснить, для сведения будущих библиографов, что Кузьма Петрович Прутков родился 11-го апреля 1801 года, недалеко от Сольвычегодска, в дер. Тентелевой; поэтому большая часть его сочинений, как, вероятно, заметили сами читатели, носит пометку 11-го числа какого-либо месяца. Твердо веря, подобно прочим великим людям, *в свою звезду*, достопочтеннейший мой дядинька никогда не заканчивал своих рукописей в другое число, как в 11-е. Исключения из этого весьма редки, и покойный не хотел даже признавать их.

Искреннейший племянник Кузьмы Петровича Пруткова и любимейший родственник его:

Калистрат Иванович Шерстобитов.

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Для вящей характеристики Кузьмы Петровича Пруткова, как государственного человека и верного сына отечества, я привожу здесь еще один отрывок из портфеля покойного, наполненного множеством неоконченных произведений (d'inachevé). Это — *проект*, не вполне отделанный, на котором сделана пометка: *«подать в один из торжественных дней на усмотрение»*. Проект этот был написан в 1859 году, но был ли он подан и принят, мне не может быть известно, по весьма малому моему чину.

Отставной поручик *Воскобойников.*

<Далее следует «Проект». Ред.>

Примечание. На полях этого замечательного проекта, доказывающего светлый взгляд, государственный ум и беспредельную преданность покойного Кузьмы Петровича Пруткова нашему общему престол-отечеству, — сохранились драгоценные заметки, которые даровитый писатель и слуга намеревался развить при окончательной отделке своего предположения. Так, сбоку трактата о невозможности правильно судить правительственные мероприятия без наставнического указания верховного начальства находится следующая заметка: «Подобно сему, неопытный ребенок, будучи временно оставлен без руководителя и увлекаемый между тем прохладной тенью близлежащего леса, опрометчиво устремляется в оный от дому, не рассудив — о несчастный! — что у него недостанет ни ума, ни соображения для отыскания обратной дороги. *NB.* Развить это прекрасное сравнение, особенно остановившись на трогательной картине, изображающей плачущих родителей, отчаянье провинившегося пестуна и раскаянье самого ребенка, страдающего в лесу от голода и холода». Из других замечаний почтеннейшего Кузьмы Петровича видно, между прочим, что он, исчисляя доход редакции с проектированного им оффициального издания и предполагая пустить оное по дешевой цене, вместе с тем признавал необходимым: «1) с одной

Алексей Жемчужников

стороны сделать подписку на сие издание обязательною для всех присутственных мест; 2) с другой стороны — велеть всем издателям и редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из оффициального органа, дозволяя себе только повторение и развитие их; 3) сверх того, наложить на них денежные штрафы в пользу редакции оффициального органа за все те мнения, кои окажутся противоречащими мнениям, признаваемым господствующими; и 4) вместе с тем, вменить всем начальникам отдельных частей управления в обязанность неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное место списки всех, служащих под их ведомством лиц, с обозначением: кто из них какие получает журналы и газеты, и неполучающих оффициального органа, как не сочувствующих благодетельным видам правительства, отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины и не удостоивать ни наград, ни командировок»..... — «Таким образом, — заключает достоуважаемый Кузьма Петрович Прутков, — правительство избегнет опасности ошибочно помещать свое доверие».

Надеюсь, что редакция не откажется поместить этот верный исторический документ, в назидание потомства....

Искренно преданный и нежно любимый племянник покойного

Тимофей Шерстобитов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Я знаю, читатель, что тебе хочется знать, почему я так долго молчал? Мне понятно твое любопытство! Прислушай и вникни: я буду говорить с тобой, как отец с сыном.

В обществе заговорили о каких-то новых потребностях, о каких-то новых *вопросах*... Я — враг всех так называемых вопросов! Я негодовал в душе — и готовился!.. я готовился поразить современное общество ударом; но г.г. Григорий Бланк, Николай Безобразов и пр. предупредили меня... Хвала им, — они спасли меня от посрамленья!

Наученный их опытом, я решился итти за обществом. Сознаюсь, читатель: я даже повторял чужие слова против убежденья!.. Так прошло более трех лет. Время показало мне, что я боялся напрасно. Общество наше оклеветано: оно изменилось только по наружности... Мудрый смотрит в корень: я посмотрел в корень... Там всё попрежнему: там много неоконченного (d'inachevé)!.. Это успокоило меня. Я благословил судьбу и вновь взялся за лиру!... Читатель, ты понял меня! До свидания!

Твой доброжелатель
Кузьма Прутков

24 октября 1859 г. (annus,i)

* * *

Читатель! Прочти о сих записках в предисловии, напечатанном мною в былые годы в «Ералаши» «Современника». И теперь я печатаю только «выдержки». Я уже сто раз предупреждал тебя, что материалов от деда осталась бездна, но в них много неполного, неоконченного (d'inachevé).

Твой доброжелатель
Кузьма Прутков

11 мая 1860 года (annus,i)

АЗБУКА ДЛЯ ДЕТЕЙ КОСЬМЫ ПРУТКОВА

(ИМ САМИМ СОСТАВЛЕННАЯ)

А. Антон козу ведет.
Б. Больная Юлия.
В. Ведерная продажа.
Г. Губернатор.
Д. Дюнкирхен город.
Е. Елагин остров.
Ж. Житейское море.
З. Запоздалый путник.
И. Инженер-поручик.
К. Капитан-Исправник.
Л. Лимонный сок.
М. Марфа посадница.
Н. Нейтралитет.
О. Окружной Начальник.
П. Пелагея Экономка.
Р. Рисовальщик искусный.
С. Совокупное сожитие.
Т. Татарин, продающий мыло или халаты.
У. Учитель танцования и логики.
Ф. Фарфоровая чашка.
Х. Храбрый Штабс-Капитан.
Ц. Целое яблоко.
Ч. Чиновник особых поручений.
Ш. Шерстяной чулок.
Щ. Щебещущая птица.
Ѣ. Ѣздок.
Э. Эдуард аптекарь.
Ю. Юпитер.
Я. Янтарная трубка.
Ѳ. Ѳома торгаш.
Ъ, Ы. Ь, V.

ПРОСТУДА

Увидя Юлию на скате
Крутой горы,
Поспешно я сошел с кровати,
И с той поры
Насморк ужасный ощущаю
И лом в костях,
Не только дома я чихаю,
Но и в гостях.
Я, ревматизмом наделенный,
Хоть стал уж стар,
Но снять не смею дерзновенно
Папье-файяр.

* * *

Я встал однажды рано утром,
Сидел впросонках у окна;
Река играла перламутром,
Была мне мельница видна,
И мне казалось, что колеса
Напрасно мельнице даны,
Что ей, стоящей возле плёса,
Приличней были бы штаны.
Вошел отшельник. Велегласно
И неожиданно он рек:
«О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь человек!»
Он говорил, я прослезился,
Стал утешать меня старик...
Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротник.

* * *

Сестру задев случайно шпорой,
Ma sœur, я тихо ей сказал:
Твой шаг неровный и нескорый
Меня не раз уже смущал.
Воспользуюсь я сим моментом
И сообщу тебе, ma sœur,
Что я украшен инструментом,
Который звонок и остер.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА В ДЕРЕВНЕ

(Село Хвостокурово)

28 июля. Очень жарко. В тени должно быть много градусов...

На горе под березкой лежу,
На березку я молча гляжу,
Но при виде плакучей березки
На глазах навернулися слезки.

А меж тем всё молчанье вокруг,
Лишь порою мне слышится вдруг,
Да и то очень близко, на ёлке,
Как трещат иль свистят перепелки.

Вплоть до вечера там я лежал,
Трескотне той иль свисту внимал,
И девятого лишь в половине
Я без чаю заснул в мезонине.

29 июля. Жар попрежнему. . .

Желтеет лист на деревах,
Несутся тучи в небесах,
Но нет дождя, и жар палит.
Всё, что растет, то и горит.
Потеет пахарь на гумне,
И за снопами в стороне
У бабы от дневных работ
Повсюду также виден пот.

Но вот уж меркнет солнца луч,
Выходит месяц из-за туч
И освещает на пути
Все звезды млечного пути.
Царит повсюду тишина,
По небу катится луна,
Но свет и от других светил
Вдруг небосклон весь осветил...

Страдая болию зубной,
В пальто, с подвязанной щекой,
На небо яркое гляжу,
За каждой звездочкой слежу.
Я стал их все перебирать,

Названья оных вспоминать,
А время шло своей чредой,
И у амбара часовой
Ежеминутно, что есть сил,
Давно уж в доску колотил.
Простясь с природою, больной,
Пошел я медленно домой,
И лег в девятом половине
Опять без чаю в мезонине.

1 августа. Опять в тени должно быть много градусов. . .

ПРИ ПОДНЯТИИ ГВОЗДЯ БЛИЗ КАРЕТНОГО САРАЯ

Гвоздик, гвоздик из металла,
Кем на свет сооружен?
Чья рука тебя сковала,
Для чего ты заострен?
И где будешь? Полагаю,
Ты не можешь дать ответ;
За тебя я размышляю,
Занимательный предмет!
На стене ль простой избушки
Мы увидимся с тобой,
Где рука слепой старушки
Вдруг повесит ковшик свой?
Иль в покоях господина
На тебе висеть с шнурком
Будет яркая картина,
Иль кисетец с табаком?
Или шляпа плац-майора,
Иль зазубренный палаш,
Окровавленная шпора,
И ковровый сак-вояж?
Эскулапа ли квартира
Вечный даст тебе приют?
Для висенья виц-мундира
Молотком тебя вобьют?
Может быть, для барометра
Вдруг тебя назначит он,
А потом для термометра,
Иль с рецептами картон
На тебя повесит он?
Или ляпис-инферналис,

Иль с ланцетами суму? —
Вообще, чтоб не валялись
Вещи нужные ему.
Иль подбитый под ботфортой,
Будешь ты чертить паркет,
Где первейшего всё сорта,
Где на всем печать комфорта,
Где посланника портрет?
Иль, напротив, полотенце
Будешь ты собой держать,
Да кафтанчик ополченца,
Отъезжающего в рать?
Потребить гвоздочек знает
Всяк на собственный свой вкус,
Но пока о том мечтает,

(беру и смотрю.)

Эту шляпку ожидает
В мезонине мой картуз.

(Поспешно ухожу наверх.)

С ТОГО СВЕТА

Г. Редактор!

Уволенный в отставку с чином генерал-майора, я желал чем-либо занять свободное время, которого у меня было слишком много; и вот я принялся внимательно читать газеты, не ограничиваясь, как бывало прежде, чтением лишь о производствах и наградах.

Заинтересовавшись наиболее статьями о спиритизме, я возымел мысль собственным опытом исследовать явления, о которых читал и которые, сознаюсь, уму простому моему казались очень бестолковыми.

Я приступил к делу с полным недоверием, но каково же было мое изумление, когда, после нескольких неудачных опытов, обнаружилось, что я сам медиум! Не найду слов, чтоб изобразить вам, милостивый государь, радость, меня охватившую от одной мысли, что отныне мне, как медиуму, возможно беседовать с умными и великими людьми загробного мира.

Не будучи горазд в науках, но всегда пытаясь объяснить необъяснимое, я уже давно пришел к тому убеждению, что душа человека умершего несомненно пребывает в местности, куда особенно он стремился при жизни. На этом основании я пробовал вопрошать покойника Дибича, — находится ли он и в настоящее время за Балканами? Не

получая ответа на этот и многие другие вопросы, с которыми я обращался к разным сановным покойникам, я начинал конфузиться, приходить в отчаяние и даже задумывал бросить занятие спиритизмом; как вдруг внезапно раздавшийся стук под столом, за которым я сидел, заставил меня вздрогнуть, а затем и окончательно растеряться, когда над ушами моими чей-то голос очень ясно и отчетливо произнес: «Не жалуйся!».

Первое впечатление страха вскоре заменилось полным удовольствием, ибо мне открылось, что дух, со мною беседующий, принадлежит поэту, глубокому мыслителю и государственному человеку, покойному действительному статскому советнику Козьме Петровичу Пруткову. С этого момента моим любимым занятием сделалось писать под диктант этого почтенного литератора.

Но так как, по воле знаменитого покойника, я не вправе держать в секрете то, что от него слышу, то предлагаю вам, милостивый государь, через посредство уважаемой газеты вашей, знакомить публику со всем, что уже слышал и что впредь доведется мне услышать от покойного К. П. Пруткова.

Примите уверение в совершенном почтении вашего покорного слуги.

N. N.

Генерал-майор в отставке и кавалер.

I

Здравствуй, читатель! После долгого промежутка времени я опять говорю с тобою. Ты, конечно, рад моему появлению. Хвалю. Но, конечно, ты немало и удивлен, потому что помнишь, что в 1865 г. (annus,i) в одной из книжек «Современника» (ныне упраздненного), было помещено известие о моей смерти.

Да, я, действительно, умер; скажу более, мундир, в котором меня похоронили, уже истлел; но, тем не менее, я вот-таки снова беседую с тобою. Благодари за это друга моего N. N.

Ты, верно, уже догадался, что N. N. медиум? Хорошо. Вот именно через него-то я и могу говорить с тобою.

Мне давно хотелось поведать тебе о возможности для живущих сноситься с умершими, но не мог этого сделать ранее, потому что не было подходящего медиума.

Нельзя же было мне, умершему в чине действительного статского советника, являться по вызову медиумов, не имеющих чина, например Юма, Бредифа и комп<ании>. Что бы подумали бывшие мои подчиненные, чиновники пробирной палатки, если б дух мой, вызванный

кем-либо из помянутых чужестранцев, стал бы под столом играть на гармонике или хватать присутствующих за коленки? Нет, я за гробом остался тем же гордящимся дворянином и чиновником!

Из сказанного, я думаю, ты уже догадался, что избранный мною медиум — человек вполне солидный, и ежели я скрываю его под литерами N. N., то не потому, чтоб он принадлежал к разряду разночинцев, а потому, что хотел избавить моего медиума, почтенного и опытом умудренного генерала, от зубоскальства современных либералов.

Вступая снова с тобою в беседу, через посредство моего медиума, считаю нужным сообщить тебе следующее: ты ведь читал, и, вероятно, не один раз, некролог обо мне, а следовательно помнишь, что я был женат на девице Проклеветантовой. Один из ее родственников, губернский секретарь Илиодор Проклеветантов, служил под моим начальством в пробирной палатке.

Я всегда был начальник строгий, но справедливый, и в особенности не любил потакать вольнодумцам. Так случилось и с Проклеветантовым, которого, не взирая на родство, я уволил по 3-му пункту, и, разумеется, нажил в нем себе врага.

Этот знаменитый родственник не только делал мне неприятности при жизни, но и умерев не оставляет меня в покое. Так, еще недавно, например, он хвалился между некоторыми сановными покойниками, что осрамит меня, рассказав через какого-либо медиума о том, что я являлся на сеансах Юма и под столом играл на гармонике!.. Сообщением сим Проклеветантов рассчитывает унизить меня, подорвать мою репутацию; но пусть лучше, ближе ознакомившись с делом, ты сам решишь, читатель: заслуживает ли порицания мой поступок?

Да, однажды, действительно, по вызову Юма, я, в одном из его сеансов, не только под столом играл на гармонике, но и бросал колокольчик и даже хватал чужие коленки. Но, во-первых, это было в Париже, во дворце Наполеона, где ни одного из бывших моих подчиненных чиновников пробирной палатки не было, а, во-вторых, я это делал, желая отомстить Наполеону за сына моего Парфена, убитого под Севастополем!

После сего сеанса, вступив в непосредственные сношения с самим Наполеоном, я внушил ему мысль начать войну с Пруссиею! Я руководил его в Седане! Унизил ли я этим звание, которое носил? Отнюдь. Теперь, зная дело, как оно было, от степени твоей благонамеренности зависит верить сплетням Проклеветантова.

Но довольно об этом. Есть многое, более интересное, о чем хочу поговорить с тобою. Ты ведь помнишь, что я не любил праздности? Я и теперь не сижу, сложа руки, и постоянно думаю о благе и преуспеянии нашего отечества.

В бывшем соредакторе «Московских ведомостей», Леонтьеве, недавно сюда переселившемся, я нашел себе большое утешение. Мы часто беседуем друг с другом, и еще не было случая, чтоб взгляды наши в чем-либо расходились. И это не мудрено: мы оба классики. Правда, моя любовь к классицизму всегда выражалась почти только словом annus,i, выставляемым на моих произведениях; но разве этого мало? Ведь в то время классицизм не был в таком почете, как теперь...

Примечание медиума. (Всем известное строго-консервативное направление незабвенного К. П. Пруткова, его беспримерная нравственность и чистота даже сокровеннейших помыслов, конечно, не могут быть заподозреваемы; но, тем не менее, я должен был, по личным моим соображениям, выпустить кое-что из предлагаемого рассказа, усмотрев, что долголетнее пребывание покойника в качестве духа приучило его к некоторому свободомыслию, против которого он сам так горячо ратовал при жизни. Да простят же мне читатели, если, вследствие сделанных мною пропусков, продолжение сей беседы вышло несколько неясно).

— В защиту вышеизложенного есть тонкий, косвенный намек в известных моих афоризмах: «Что скажут о тебе другие, если сам о себе ты ничего сказать не можешь?» или «Поощрение так же необходимо художнику, как необходим канифоль для смычка виртуоза».

Но, руководствуясь этими двумя мудрыми советами, основанными на практике жизни, помни и третье, очень умное, хоть и коротенькое, изречение — «бди».

Это, повидимому очень коротенькое, слово имеет значение весьма глубокое. Сознательно или инстинктивно, но всякая тварь понимает смысл сего, слишком, быть может, коротенького слова. Быстролетная ласточка и сладострастный воробей укрываются под крышею здания правды. Налим, спокойно играющий в реке, мгновенно прячется в нору, заметив приближение дьякона, навострившегося ловить эту рыбу руками. Двуутробка забирает своих детенышей и устремляется на верхушку дерева, услыхав треск сучьев под ногами кровожадного леопарда. Матрос, у которого во время сильного шторма унесло в море его фуражку с ленточками, не бросается в волны спасать эту казенную вещь, потому что заметил уже хищную акулу, разинувшую свой гадкий рот с острыми зубами, чтоб проглотить и самого матроса и другие казенные вещи, на нем находящиеся.

Но природа, охраняющая каждого от грозящей ему опасности, не без умысла, как надо полагать, допустила возможность зверю и человеку забывать это коротенькое слово: «бди». Дознано, что ежели бы это слово никогда и никем не забывалось, то вскоре на всем земном шаре не отыскалось бы достаточно свободного места.

II

Мне мудрено, любезный друг N. N., отвечать на все предлагаемые тобою вопросы. Ты слишком многого от меня требуешь. Довольствуйся теми моими сообщениями о загробной жизни, которые я вправе передать тебе, и не пытайся проникать в глубь, долженствующую оставаться тайною для живущего. Возьми же карандаш и против каждого сделанного тобою вопроса записывай то, что буду говорить.

Вопрос. Какое впечатление испытывает умерший в первые дни своего появления на том свете?

Ответ. Очень странное, хотя и различное для каждого. Оно находится в прямой зависимости от нашего образа жизни на земле и усвоенных нами привычек.

Расскажу лично о себе. Когда, после долгих болезненных страданий, дух мой освободился от тела, я почувствовал необыкновенную легкость, и первое время не мог дать себе ясного отчета о том, что со мною происходит.

На пути полета моего в беспредельное пространство мне довелось повстречаться с некоторыми прежде меня умершими начальниками, и первою при этом у меня мыслью было застегнуть свой виц-мундир и поправить орденский знак на шее. Ощупывая и не находя ни ордена, ни гербовых пуговиц, я невольно оторопел. Мое смущение увеличилось более, когда, осмотревшись, я заметил, что вовсе не имею никакой на себе одежды.

В ту же минуту в памяти моей воскресла давным-давно виденная мною картинка, изображающая Адама и Еву после падения; оба они, устыдясь своей наготы, прячутся за дерево. Мне стало жутко от сознания, что и я много согрешил в жизни, и что мундир мой, ордена и даже чин действительного статского советника уже не прикроют собою моей греховности! Я с беспокойством стал озираться вокруг себя, стараясь отыскать хотя бы маленькое облачко, за которое мог бы укрыться; но ничего не находил!

Взор мой, тоскливо блуждая, остановился на земле, где не без труда отыскал болотистую местность Петербурга, а на одной из его улиц заметил погребальное шествие. Это были собственные мои похороны! Внимательно всматриваясь в сопровождавших печальную колесницу, везшую мои бренные останки, я был неприятно поражен равнодушным выражением лиц у многих из моих подчиненных. В особенности же меня глубоко огорчила неуместная веселость моего секретаря Люсилина, егозившего около назначенного на мое место статского советника Венцельхозена.

Такая видимая неблагодарность в тех, кого более других я возвышал и награждал, вызвала на глазах моих слезы. Я уже чувствовал, как они, катясь по обеим щекам, соединились в одну крупную каплю на кончике моего носа, и хотел было утереться носовым платком, но остановился. Я понял, что это обман чувств. Я ведь дух, следовательно ни слез, ни капли на носу, ни даже самого носа быть у меня не могло. Подобный обман чувств повторялся со мною неоднократно, пока я не привык, наконец, к новому своему положению.

Под массою новых впечатлений, я в первый день и не заметил, что ничего не ел, не был в присутствии и не занимался литературою; но на второй и последующие дни невозможность удовлетворить все эти привычки сильно меня озадачила. Наибольшую же неловкость я ощущал, вспоминая, что завтра именины моего начальника и благодетеля и что я уже не приду к нему с обычным поздравлением.

Затем мне пришла мысль сообщить моей вдове о необходимости отслужить в этот день (как то бывало при мне) молебствие о здравии моего начальника и его семьи и продолжать расходоваться на эти молебствия до тех пор, пока она не получит официального уведомления о назначении ей единовременного пособия и пенсии за службу мою. Дело уладилось, однако, само собою; вдова моя, как умная женщина, исполнила сама все, без стороннего наставления.

Вопрос. Как правильнее сказать: желудовый кофей или желудковый кофей?

Ответ. На такие глупые вопросы не отвечаю.

Вопрос. Имел ли Наполеон III предчувствие, что скоро умрет?

Ответ. Всякий может отвечать только за себя, а потому спроси его, если уж так интересуешься этим. К тому же ты и сам можешь смекнуть, что, будучи его руководителем в последней войне, мне неловко встречаться с ним, а тем более вступать в разговоры.

Вопросы: 1) Какую форму или, лучше сказать, какой внешний вид получает душа умершего?

2) В чем состоит времяпровождение умерших?

3) Могут ли умершие открыть нам, живущим, то, что нас ожидает в жизни?

4) Виновен ли Овсянников в поджоге кокоревской мельницы?

5) Действительно ли виновна игуменья Митрофания?

Все эти пять вопросов остались без ответа.

III

Тот, кто думает, будто явившийся по призыву медиума дух может отвечать на все предлагаемые ему вопросы, забывает, что и дух подчинен известным законам, нарушить которые он не вправе.

Неосновательны и те, которые полагают, что показываемые различными медиумами руки каких-то умерших китайских и индейских девиц действительно принадлежат сим девицам, а не шарлатанам-медиумам. Разве может дух иметь какие-либо члены человеческого тела? Вспомни мой рассказ о том, как, желая утереть слезы и каплю на своем носу, я не нашел у себя ни слез, ни капли, ни даже носа.

Если допустить, что дух может иметь руки, то почему же не предположить, что ветер движется посредством ног? И то и другое одинаково нелепо.

Как люди разделяются на дурных и хороших, так точно и духи бывают хорошие и дурные. А потому будь осмотрителен в своих сношениях с духами и избегай между ними неблагонамеренных. К последним принадлежит, между прочим, Илиодор Проклеветантов, о котором мною уже выше было сказано.

Не всякий дух является на призыв медиума. Являются и отвечают только те из нас, которые слишком были привязаны ко всему земному, а потому и за гробом не перестают интересоваться всем, что у вас делается. К этой категории принадлежу и я, с моим неудовлетворенным честолюбием и жаждою славы.

Будучи обильно одарен природою талантом литературным, мне хотелось еще стяжать славу государственного человека. Поэтому я много тратил времени на составление проектов, которым, однако, невзирая на их серьезное государственное значение, пришлось остаться в моем портфеле без дальнейшего движения, частью потому, что всегда кто-либо успевал ранее меня представить свой проект, частью же потому, что многое в них было не окончено (inachevé).

Неизвестность этих моих, не вполне оконченных, проектов, а также и многих литературных трудов, доселе не дает мне покоя. Долго ли буду я таким образом мучиться — не знаю; но думаю, что дух мой не успокоится, доколе не передаст всего, что приобрел я бессонными ночами, долголетним опытом и практикою жизни. Может быть, это мне удастся, а может быть, и нет.

Как часто человек, в высокомерном сознании своего ума и превосходства над другими тварями, замышляя что-либо, заранее уже решает, что результаты его предположений будут именно те, а не другие. Но разве всегда его ожидания сбываются? Отнюдь. Нередко получаются результаты самые неожиданные и даже совершенно противоположные.

Чего бы, казалось, естественнее встретить у лошади хотя бы попытку на сопротивление, когда ты делаешь ей неприятность по носу,

но кто же станет оспаривать справедливость известного моего афоризма: «Щелкни кобылу в нос, она махнет хвостом»?

Поэтому и я не могу предвидеть теперь, перестану ли и тогда интересоваться тем, что делается у вас, на земле, когда имя мое будет греметь даже между дикими племенами Африки и Америки, особенно ирокезцами, которых я всегда издали и платонически любил за их звучное прозвание.

IV

В первых беседах, напечатанных моим медиумом в № 84-м «Спб. Ведомостей», вкрались ошибки. Сожалею, но не огорчаюсь, так как помню, что делать ошибки свойственно каждому.

Не огорчаюсь и тем, что мой медиум вовсе исключил некоторые места из моих рассуждений. Но не скрываю от тебя, читатель, что меня сердит сделанная им глупая оговорка, будто бы те места им выпущены вследствие усмотренного в них *свободомыслия!*

Клевета! Свободомыслие в суждениях человека, благонамеренности которого завидовал даже сам покойный Б. М. Федоров!

Очевидно, заблуждение моего медиума происходит от излишней осторожности. А излишество, как тебе известно, благоразумно допускать только в одном случае — при восхвалении начальства.

В оставшемся после меня портфеле с надписью «Сборник неоконченного (d'inachevé)» есть, между прочим, небольшой набросок, озаглавленный: «О том, какое надлежит давать направление благонамеренному подчиненному, дабы стремления его подвергать критике деяния своего начальства были бы в пользу сего последнего».

Основная мысль этого наброска заключается в том, что младший склонен обсуждать поступки старшего и что результаты такого обсуждения не всегда могут быть для последнего благоприятны.

Предполагать, будто какие-либо мероприятия способны уничтожить в человеке его склонность к критике, так же нелепо, как пытаться объять необъятное. Следовательно, остается одно:

Право обсуждения действий старшего ограничить предоставлением подчиненному возможности выражать свои чувства благодарственными адресами, поднесением звания почетного мирового судьи или почетного гражданина, устроением обедов, встреч, проводов и тому подобных чествований.

Отсюда проистекает двоякое удобство: во-первых, начальник, ведая о таковом праве подчиненных, поощряет добровольно высказываемые ими чувства и в то же время может судить о степени благонамеренности каждого. С другой стороны, польщено и самолюбие младших, сознающих за собою право разбирать действия старшего.

Кроме этого, сочинение адресов, изощряя воображение подчиненных, немало способствует к усовершенствованию их слога.

Я поделился этими мыслями с одним из губернаторов и впоследствии получил от него благодарность, так что, применив их в своем управлении, он вскоре сделался почетным гражданином девяти подвластных ему городов, а слог его чиновников стал образцовым. Суди сам по следующему адресу, поданному ими начальнику по случаю Нового года:

«Ваше превосходительство, отец, сияющий в небесной добродетели!

В новом годе, у всех и каждого, новые надежды и ожидания, новые затеи, предприятия, всё новое. Неужели ж должны быть новые мысли и чувствования? Новый год не есть новый мир, новое время; первый не возрождался, последнее невозвратимо. Следовательно: новый год есть только продолжение существования того же мира, новая категория жизни, новая эра воспоминаний всем важнейшим событиям!

Когда же приличнее, как не теперь, возобновить нам сладкую память о благодетеле своем, поселившемся на вечные времена в сердцах наших?

Итак, приветствуем вас, превосходительный сановник и почетный гражданин, в этом новом летосчислении, новым единодушным желанием нашим быть столько счастливым в полном значении этого мифа, сколько возможно человеку наслаждаться на земле в своей сфере; столько же быть любиму всеми милыми вашему сердцу, сколько мы вас любим, уважаем и чествуем!

Ваше благоденствие есть для нас милость божия, ваше спокойствие — наша радость, ваша память о нас — высшая земная награда!

Живите же, доблестный муж, Мафусаилов век для блага потомства. Мужайтесь новыми силами патриота для блага народа. А нам остается молить Сердцеведца о ниспослании вам сторицею всех этих благ со всею фамильною церковью вашею на многие лета!

Эти чистосердечные оттенки чувств посвящают вашему превосходительству благодарные подчиненные».

К сожалению, насколько мне известно, еще никто из сановников не воспользовался вполне советами, изложенными мною в вышеупомянутом наброске. А между тем, строгое применение этих советов на практике немало бы способствовало и к улучшению нравственности подчиненных. Следовательно, устранилась бы возможность повторения

печальных происшествий, вроде описываемого мною ниже, случившегося в одном близком мне семействе.

Глафира спотыкнулась
На отчий несесер,
С испугом обернулась:
Пред нею офицер.
Глафира зрит улана,
Улан Глафиру зрит,
Вдруг — слышат — из чулана
Тень деда говорит:
«Воинственный потомок,
Храбрейший из людей,
Смелей, не будь же робок
С Глафирою моей.
Глафира! Из чулана
Приказываю я:
Люби сего улана,
Возьми его в мужья».
Схватив Глафиры руки,
Спросил ее улан:
«Чьи это, Глаша, штуки?
Кем занят сей чулан?»
Глафира от испугу
Бледнеет и дрожит,
И ближе жмется к другу,
И другу говорит:
«Не помню я наверное
Минуло сколько лет,
Нас горе беспримерное
Постигло — умер дед.
При жизни он в чулане
Все время проводил
И только лишь для бани
Оттуда выходил».
С смущением внимает
Глафире офицер
И знаком приглашает
Итти на бельведер.
«Куда, Глафира, лезешь?» —
Незримый дед кричит.
«Куда? Кажись, ты бредишь? —

Глафира говорит, —
Ведь сам велел из гроба,
Чтоб мы вступили в брак?» —
«Ну да, зачем же оба
Стремитесь на чердак?
Идите в церковь, прежде
Свершится пусть обряд,
И, в праздничной одежде
Вернувшися назад,
Быть всюду, коли любо,
Вы можете вдвоем».
Улан же молвил грубо:
«Нет, в церковь не пойдем,
Обычай басурманский
Везде теперь введен,
Меж нами брак гражданский
Быть может заключен».
Мгновенно и стремительно
Открылся весь чулан,
И в грудь толчок внушительный
Почувствовал улан
Чуть-чуть он не свалился
По лестнице крутой
И что есть сил пустился
Стремглав бежать домой.
Сидит Глафира ночи,
Сидит Глафира дни,
Рыдает, что есть мочи,
Но в бельведер ни-ни!

Примечание. С некоторого времени в «Петербургской газете» кто-то помещает свои сочинения под именем К. Прутков младший.

Напоминаю тебе, читатель, что всех Прутковых, подвизавшихся на литературном поприще, было трое: мой дед, отец и я. Из моих же многочисленных потомков никто, к сожалению, не наследовал литературного таланта. Следовательно, я, по-настоящему, и должен бы именоваться «младшим». А потому, во избежание недоразумений, объявляю, что ничего не имею общего с автором статей, помещаемых в «Петербургской газете»; он не только не родственник мне, но даже и не однофамилец.

К. П. Прутков.

С подлинным верно: медиум *N. N.*

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ К. П. ПРУТКОВА

Взято из портфеля с надписью: «Сборник неоконченного (d'inachevé)».

Всем добропорядочным и благонамеренным подданным известно, что знаменитый мой дядюшка Козьма Петрович Прутков (имя его пишется «Козьма», как «Козьма Минин») давно уже, к общему сожалению, скончался, но, как истый сын отечества, хотя и не участвовавший в редакции журнала и газеты этого имени, он и по смерти не переставал любовно следить за всеми событиями в нашем дорогом отечестве и, как известно тебе, читатель, начал недавно делиться с некоторыми высокопоставленными особами своими замечаниями, сведениями и предположениями.

Из числа таковых лиц он особенно любит своего медиума, Павла Петровича N. N., доблестного и уже почтенного летами духовидца. Но при всем уважении моем к этому духовидцу, считаю нужным, в видах священной справедливости, предупредить тебя, благонамеренный читатель, что хотя он и зовется по отчеству с моим покойным дядюшкою — «Петровичем», но ни ему, ни мне вовсе не родня, не дядя и даже не однофамилец.

Все эти серьёзные причины нисколько, однако, не препятствуют тому взаимному дружескому благорасположению, которое существовало и существует между покойным Козьмою Петровичем и еще живым Павлом Петровичем. Между обоими (коли можно так для краткости выразиться) «Петровичами» есть много сходства и столько же разницы. Разумный читатель поймет, что здесь идет речь не о наружности. Сия последняя (употребляю это слово, конечно, не в дурном смысле) была у покойного Козьмы Петровича столь необыкновенна, что ее невозможно было не заметить даже среди многочисленного общества. Вот что, между прочим, в кратком некрологе о приснопамятном покойнике («Современник» 1865 года) было мною сказано: «Наружность покойного была величественная, но строгая; высокое, склоненное назад, чело, опушенное снизу густыми рыжеватыми бровями, а сверху осененное поэтически всклоченными, шантретовыми с проседью волосами; изжелта-каштановый цвет лица и рук; змеиная саркастическая улыбка, всегда выказывавшая целый ряд, правда, почерневших и поредевших от табаку и времени, но всё-таки больших и крепких зубов, наконец вечно откинутая назад голова»...

Совершенно противоположное этому представляет наружность Павла Петровича. Он менее чем среднего роста, вздернутый кверху красный, маленький нос напоминает сердоликовую запонку; на голове

и лице волос почти вовсе нет, зато рот наполнен зубами работы Вагенгейма или Валенштейна.

Козьма и Павел Петровичи, как уже выше сказано, хотя никогда не были между собою родственниками, но оба родились 11-го апреля 1801 года близ Сольвычегодска, в дер. Тентелевой; причем обнаружилось, что мать Павла Петровича, бывшая незадолго перед этим немецкою девицею Штокфишь, в то время уже состояла в законном браке с отставным поручиком Петром Никифоровичем N. N., другом отца знаменитого К. П. Пруткова.

Родитель незабвенного Козьмы Петровича, по тогдашнему времени, считался между своими соседями человеком богатым.

Напротив того, родитель Павла Петровича почти ничего не имел; а потому и неудивительно, что по смерти супруги своей он с радостию принял предложение своего приятеля переселиться к нему в дом. Таким образом, «с детства лет», как выражается почтенный Павел Петрович, судьба связала его с будущим известным писателем, единственным сыном своих достойнейших родителей, К. П. Прутковым! Но пусть далее сам знаменитый дядюшка мой рассказывает о себе.

В бумагах покойного, хранящихся в портфеле с надписью: «Сборник неоконченного (d'inachevé)», в особой тетрадке, озаглавленной «Материалы для моей биографии», написано:

«В 1801 году, 11-го апреля, в 11 часов вечера, в просторном деревянном с мезонином доме владельца дер. Тентелевой, что близ Сольвычегодска, впервые раздался крик здорового новорожденного младенца мужеского пола; крик этот принадлежал мне, а дом — моим дорогим родителям.

Часа три спустя, подобный же крик раздался на другом конце того же помещичьего дома, в комнате, так называемой, «боскетной»; этот второй крик хотя и принадлежал тоже младенцу мужеского пола, но не мне,[1] а сыну бывшей немецкой девицы Штокфишь, незадолго перед сим вышедшей замуж за Петра Никифоровича, временно гостившего в доме моих родителей.

Крестины обоих новорожденных совершались в один день, в одной купели, и одни и те же лица были нашими восприемниками, а именно: сольвычегодский откупщик Сысой Терентьевич Селиверстов и жена почтмейстера Капитолина Дмитриевна Грай-Жеребец.

Ровно пять лет спустя, в день моего рождения, когда собрались к завтраку, послышался колокольчик, и на дворе показался тарантас, в котором, по серой камлотовой шинели, все узнали Петра Никифоровича. Это, действительно, он приехал с сыном своим Павлушею.

[1] Я закричал раньше.

Приезд их к нам давно уже ожидался, и по этому случаю чуть ли не по нескольку раз в день доводилось мне слышать от всех домашних, что скоро приедет Павлуша, которого я должен любить потому, что мы с ним родились почти в одно время, крещены в одной купели и что у обоих нас одни и те же крестные отец и мать. Вся эта подготовка мало принесла пользы; первое время оба мы дичились и только исподлобья осматривали друг друга. С этого дня Павлуша остался у нас жить, и до 20-тилетнего возраста я с ним не разлучался. Когда обоим нам исполнилось 10 лет, нас засадили за азбуку. Первым нашим учителем был добрейший отец Иоанн Пролептов, наш приходский священник. Он же впоследствии обучал нас и другим предметам. Теперь, на склоне жизни, часто я люблю вспоминать время моего детства и с любовью просматриваю случайно уцелевшую, вместе с моими учебными тетрадками, записную книжку почтенного пресвитера, с его собственноручными отметками о наших успехах. Вот одна из страниц этой книжки:

Название предметов	*Козьма.*	*Павел.*	*Поведение*
Закон божий	Успешно.	Внимательно	В течение недели оба питомца вели себя преизрядно. Козьма, как более шустрый, хочет всегда первенствовать. Дружелюбны, богобоязливы и к старшим почтительны.
Объяснение литургии	От души.	Смиренно-мудренно.	
Арифметика	Сильно-живо-хорошо.	Быстро-правильно.	
Чистописание	Удовлетворительно.	Кругло-приятно.	
Упражнение на счетах	Смело-отчетливо.	Сметливо.	
Священная история .	Разумно-понятно.	Занимательно.	
Русская словесность .	Назидательно-препохвально.	Усердно-добропорядочно.	

Такие отметки приводили родителей моих в неописанную радость и укрепляли в них убеждение, что из меня выйдет нечто необыкновенное. Предчувствие их не обмануло. Рано развернувшиеся во мне литературные силы подстрекали меня к занятиям и избавляли от пагубных увлечений юности. Мне было едва 17 лет, когда портфель, в котором я прятал свои юношеские произведения, был переполнен.

Там была проза и стихи. Когда-нибудь я ознакомлю тебя, читатель, с этими сочинениями, а теперь прочти написанную мною в то время басню. Заметив однажды в саду дремавшего на скамье отца Иоанна, я написал на этот случай предлагаемую басню:

Однажды с посохом и книгою в руке,
Отец Иван плелся нарочито к реке,

Зачем к реке? затем, чтоб паки
Взглянуть, как ползают в ней раки.
Отца Ивана нрав такой.
Вот, рассуждая сам с собой,
Рейсфедером он в книге той
Чертил различные, хотя зело не метки,
Заметки.
Уставши, сев на берегу реки,
Уснул, а из руки,
Сначала книга, гумиластик,
А там и посох, всё на дно.
Как вдруг наверх всплывает головастик,
И с жадностью схватив в мгновение одно
Как посох, так равно
И гумиластик,
Ну, словом, всё, что пастырь упустил,
Такую речь к нему он обратил:
— Иерей! не надевать бы рясы,
Коль хочешь, батюшка, ты в праздности сидеть,
Иль в празднословии точить балясы!
Ты денно, нощно должен бдеть,
Тех наставлять, об тех радеть,
Кто догматов не знает веры,
А не сидеть
И не глазеть,
И не храпеть,
Как пономарь, не зная меры.

Да идет басня сия в Москву, Рязань и Питер,
И пусть
Ее твердит почаще наизусть
Богобоязливый пресвитер,

Живо вспоминается мне печальное последствие этой юношеской шалости. Приближался день имянин моего родителя, и вот отцу Иоанну пришло в голову заставить меня и Павлушу разучить к этому дню стихи для поздравления дорогого имянинника. Стихи, им выбранные, хотя были весьма нескладны, но зато высокопарны. Оба мы знатно вызубрили эти вирши и в торжественный день проговорили их без запинки перед виновником праздника. Родитель был в восторге, он целовал нас, целовал отца Иоанна. В течение дня нас неоднократно

заставляли то показать эти стихи, написанные на большом листе почтовой бумаги, то продекламировать их тому или другому гостю. Сели за стол. Всё ликовало, шумело, говорило, и, казалось, неприятности ожидать неоткуда. Надобно же было на беду мою случиться так, что за обедом пришлось мне сесть возле соседа нашего Анисима Федотыча Пузыренко, которому вздумалось меня дразнить, что сам я ничего сочинить не умею и что дошедшие до него слухи о моей способности к сочинительству несправедливы; я горячился и отвечал ему довольно строптиво, а когда он потребовал доказательств, я не замедлил отдать ему находившуюся у меня в кармане бумажку, на которой была написана моя басня «Священник и гумиластик». Бумажка пошла по рукам. Кто, прочтя, хвалил, а кто, просмотрев, молча передавал другому. Отец Иоанн, прочитав и сделав сбоку надпись карандашом: «Бойко, но дерзновенно», передал своему соседу. Наконец бумажка очутилась в руках моего родителя. Увидав надпись пресвитера, он нахмурил брови, и, недолго думая, громко сказал: «Козьма! прийди ко мне». Я повиновался, предчувствуя, однако, что-то недоброе. Так и случилось, — от кресла, на котором сидел мой родитель, я в слезах поспешно ушел на мезонин, в свою комнату, с изрядно накостылеванным затылком. . . . .

Происшествие это имело влияние на дальнейшую судьбу мою и моего товарища. Было признано, что оба мы слишком избаловались, а потому довольно нас пичкать науками, а лучше бы обоих определить на службу и познакомить с военною дисциплиною. Таким образом, мы поступили юнкерами, я в *** армейский гусарский полк, а Павлуша в один из пехотных армейских полков. С этого момента мы пошли различною дорогою. Женившись на 25-м году жизни, я некоторое время был в отставке и занимался хозяйством в доставшемся мне по наследству от родителя имении близ Сольвычегодска. Впоследствии поступил снова на службу, но уже по гражданскому ведомству. При этом, никогда не оставляя занятий литературных, имею утешение наслаждаться справедливо заслуженною славою поэта и человека государственного. Напротив того, товарищ моего детства, Павел Петрович, до высших чинов скромно продолжал свою службу всё в том же полку и к литературе склонности никакой не оказывал. Впрочем, нет: следующее его литературное произведение получило известность в полку. Озабочиваясь, чтоб определенный солдатам провиант доходил до них в полном количестве, Павел Петрович издал приказ, в котором рекомендовал г.г. офицерам иметь наблюдение за правильным пищеварением солдат.

Со вступлением на гражданскую службу я переселился в С.-Петербург, который вряд ли когда-либо соглашусь покинуть, потому что

служащему только тут и можно сделать себе карьеру, коли нет особой протекции. На протекцию я никогда не рассчитывал. Мой ум и несомненные дарования, подкрепляемые беспредельною благонамеренностью, составляли мою протекцию.

В особенности же это последнее качество очень ценилось одним влиятельным лицом, давно уже принявшим меня под свое покровительство и сильно содействовавшим, чтобы открывшаяся тогда вакансия начальника пробирной палатки досталась мне, а не кому-либо другому. Получив это место, я приехал благодарить моего покровителя, и вот те незабвенные слова, которые были им высказаны в ответ на изъявление мною благодарности: «Служи, как до сих пор служил, и далеко пойдешь. Фаддей Булгарин и Борис Федоров также люди благонамеренные, но в них нет твоих административных способностей, да и наружность-то их непредставительна, а тебя за одну твою фигуру стоит сделать губернатором». Таковое мнение о моих служебных способностях заставило меня усиленнее работать по этой части. Различные проекты, предположения, мысли, клонящиеся исключительно на пользу отечества, вскоре наполнили мой портфель.

Таким образом, под опытным руководством влиятельного лица, совершенствовались мои административные способности, а ряд представленных мною на его усмотрение различных проектов и предположений поселил, как в нем, так и во многих других, мнение о замечательных моих дарованиях как человека государственного.

Не скрою, что такие лестные обо мне отзывы настолько вскружили мне голову, что даже, в известной степени, имели влияние на небрежность отделки представляемых мною проектов. Вот причина, почему эта отрасль моих трудов носит на себе печать неоконченного (d'inachevé). Некоторые проекты отличались особенною краткостью, и даже большею, чем это обыкновенно принято, дабы не утомлять внимания старшего. Быть может, именно это-то обстоятельство и было причиною, что на мои проекты не обращалось должного внимания. Но это не моя вина. Я давал мысль, а развить и обработать ее была обязанность второстепенных деятелей.

Я не ограничивался одними проектами *о сокращении переписки,* но постоянно касался различных нужд и потребностей нашего государства. При этом я заметил, что те проекты выходили у меня полнее и лучше, которым я сам сочувствовал всею душою. Укажу для примера на те два, которые, в свое время, наиболее обратили на себя внимание: 1) «о необходимости установить в государстве одно общее мнение», и 2) «о том, какое надлежит давать направление благонамеренному подчиненному, дабы стремления его подвергать критике деяния своего начальства были в пользу сего последнего».

Оба эти проекта, сколько мне известно, официально и вполне приняты не были, но, встретив большое к себе сочувствие во многих начальниках, в частности, не без успеха, были многократно применяемы на практике.

Я долго не верил в возможность осуществления крестьянской реформы. Разделяя по этому предмету справедливые взгляды г. Бланка и других, я, конечно, не сочувствовал реформе, а всё-таки, когда убедился в ее неизбежности, явился с своим проектом, хотя и сознавал неприменимость и непрактичность предлагавшихся мною мер.

Бóльшую часть времени я, однако, всегда уделял на занятие литературою. Ни служба в пробирной палатке, ни составление проектов, открывавших мне широкий путь к почестям и повышениям, ничто не уменьшало во мне страсти к поэзии. Я писал много, но ничего не печатал. Я довольствовался тем, что рукописные мои произведения с восторгом читались многочисленными поклонниками моего таланта, и в особенности дорожил отзывами об моих сочинениях приятелей моих: гр. А. К. Толстого и двоюродных его братьев Алексея, Александра и Владимира Жемчужниковых. Под их непосредственным влиянием и руководством развился, возмужал, окреп и усовершенствовался тот громадный литературный талант мой, который прославил имя Пруткова и поразил мир своею необыкновенною разнообразностью. Уступая только их настояниям, я решился печатать свои сочинения в «Современнике».

Благодарность и строгая справедливость всегда свойственны характеру человека великого и благородного, а потому смело скажу, что эти чувства внушили мне мысль обязать моим духовным завещанием вышепоименованных лиц издать полное собрание моих сочинений, на собственный их счет, и тем навсегда связать их малоизвестные имена с громким и известным именем К. Пруткова».

Этими сведениями заканчивается рукопись моего покойного дядюшки, озаглавленная «Материалы для моей биографии».

Остальные листы тетрадки испещрены разного рода стихами и заметками. Последние своею разнообразностью особенно замечательны. Весьма прискорбно, что страницы этой тетрадки написаны слишком неразборчиво, местами перечеркнуты, а местами даже залиты чернилами, так что очень немногое возможно разобрать. Одна страница, например, так перепачкана, что с трудом лишь можно прочесть следующее: «Наставление, как приготовляется славный камер-юнкерский, шафгаузенский пластырь».

На следующей странице находятся отдельные заметки, не имеющие между собою никакой связи, а именно:

О ПРЕВОСХОДСТВЕННОМ

Что есть превосходственное? Манир или способ к выражению высочайшей степени качества, в силе, доброте, понятии, в благости и красоте, или величине, в долготе, высоте, широте, в толщине, в глубине и в проч.

Сколько превосходственных степеней? Две. Превосходственное властное, и превосходственное относительное или сходственное.

Почему сивый всегда завидует буланому?

Сказывают, будто скороходам вырезывают селезенку для того, чтобы ноги их получили большее проворство. Слух этот требует тщательной проверки.

Известно, что кардинал де-Ришелье каждое утро, по совету своего медика, выпивал рюмку редечного соку.

Гений мыслит и создает. Человек обыкновенный приводит в исполнение. Дурак пользуется и не благодарит.

Некий начальник, осматривая одно воспитательное заведение, зашел, между прочим, и в лазарет. Увидав там больного, спросил его: «Как твоя фамилия?» Тому же послышалось, что его спрашивают, чем он болен, а потому с стыдливостью отвечал: «Понос, ваше превосходительство». — А! греческая фамилия, — заметил начальник.

Покупай только то мыло, на котором написано: la loi punit le contrefacteur.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА В ДЕРЕВНЕ

I

28-го июля 1861 года. Село Хвостокурово.
Очень жарко, даже и в тени должно быть много градусов.

На горе под березкой лежу.

. . . .

II

(Два дня спустя. Ртуть все поднимается выше и, кажется, скоро дойдет до того места, где написано С.-Петербург.)

Желтеет лист на деревах.

. . . .

Тот, кто вместо рубль, корабль, журавль, говорит рупь, карапь, журавь, тот наверное скажет колидор, фалетор, куфня, галдарея.

Почему иностранец менее стремится жить у нас, чем мы в его земле?

Потому, что он и без того уже находится за границей.

Прежде чем решиться на какое-либо коммерческое дело, справься: занимается ли подобным делом еврей или немец? Если да, то действуй смело, значит, барыши будут.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «МЕДИК»

Лукавый врач лекарства ищет,
Чтоб тетке сторожа помочь, —
Лекарства нет; в кулак он свищет,
А на дворе давно уж ночь.

В шкафу нет стклянки ни единой,
Всего там к завтрашнему дню
Один конверт с сухой малиной
И очень мало ревеню.

Меж тем в горячке тетка бредит,
Горячкой тетушка больна...
Лукавый медик всё не едет,
Давно лекарства ждет она!..

Огнем горит старухи тело,
Природы странная игра!

Повсюду сухо, но вспотела
Одна лишь левая икра...

Вот раздается из передней
Звонок поспешный динь-динь-динь,
Приехать бы тебе намедни!
А что? — Уж тетушке аминь!

«Помочь старухе нету средства», —
Так злобный медик говорит, —
«Осталось ли у ней наследство?
Кто мне заплатит за визит?»

Человек умирает, но ордена остаются на лице земли.

Вопрос: Кто имеет право говорить: боже мой, боже мой, всё одно и то же: мой!

Ответ: Прачка.

Иностранное слово *аудиенция* весьма удобно может быть заменено русским словом *уединенция*.

Коли смотришь куда-либо в даль, делай над твоими глазами щиток из правой или левой твоей ладони.

Не вкусивши сладкого, горькое еще можно есть, а раз вкусивши сладкое, кислое уже неприятно.

Собери свои мысли и сосредоточься ранее, чем переступишь порог кабинета начальника. Иначе можешь оттуда вылететь наподобие резинового мячика.

Вспоминая минувшие счастливые дни твои, сравни их с настоящими и подведи итог.

(МЫСЛИ НАД ГРОБОМ «ПРЕКРАСНОЙ МАГОМЕТАНКИ»)

«Думаешь ли ты, что это сердце заливает огонь его, когда слезы, струясь по ржавчинам цепей иноплеменных, не смывают их?»...

Сильно сказано. Воспользоваться и развить сию мысль. Иметь в виду эту фразу для четвертого действия драмы «Ключ от подвала». (Подробности, касающиеся этой драмы, ищи в портфеле № 147.)

Вот всё, что удалось нам разобрать в помянутой тетрадке. Из этих отдельных заметок, мыслей и стихотворений даровитого покойника ты можешь, благоразумный читатель, еще раз убедиться в разнообразности и силе творческого таланта моего незабвенного дядюшки.

В заключение спешу поделиться с тобою, читатель, известием, что в недалеком будущем выйдет в свет полное собрание сочинений знаменитого поэта и моего неоцененного родственника К. П. Пруткова.

Гордящийся этим родством племянник покойного

К. И. Шерстобитов.

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Спирит мне держит речь под гробовую крышу:
«Мудрец и патриот! Пришла чреда твоя;
Наставь и помоги! Прутков! Ты слышишь?»
— Слышу
Я!

Пером я ревностно служил родному краю,
Когда на свете жил... И, кажется, давно ль?
И вот, мертвец, я вновь в ее судьбах играю —
Роль.

Я власти был слуга; но, страхом не смущенный,
Из тех, которые не клонят гибких спин,
И гордо я носил звезду и заслуженный —
Чин.

Я, старый монархист, на новых негодую:
Скомпрометируют они — весьма боюсь —
И власть верховную, и вместе с ней святую —
Русь.

Торжественный обет родил стране надежду,
И с одобрением был встречен миром всем...
А исполнения его не видно, между
Тем!

Уж черносотенцы к такой готовят сделке:
Когда на званый пир сберется сонм гостей —
Их чинно разместить и дать им по тарелке —
Щей.

И роль правительства, по мне, не безопасна;
Есть что-то d'inachevé... Нет. Надо власть беречь,
Чтоб не была ее с поступком несогласна —
Речь.

Я, верноподданный, так думаю об этом:
Раз властию самой надежда подана —
Пускай же просьба: — Дай! венчается ответом: —
На!

Я главное сказал; но из любви к отчизне,
Охотно мысли те еще я преподам,
Которым тщательно я следовал при жизни —
Сам.

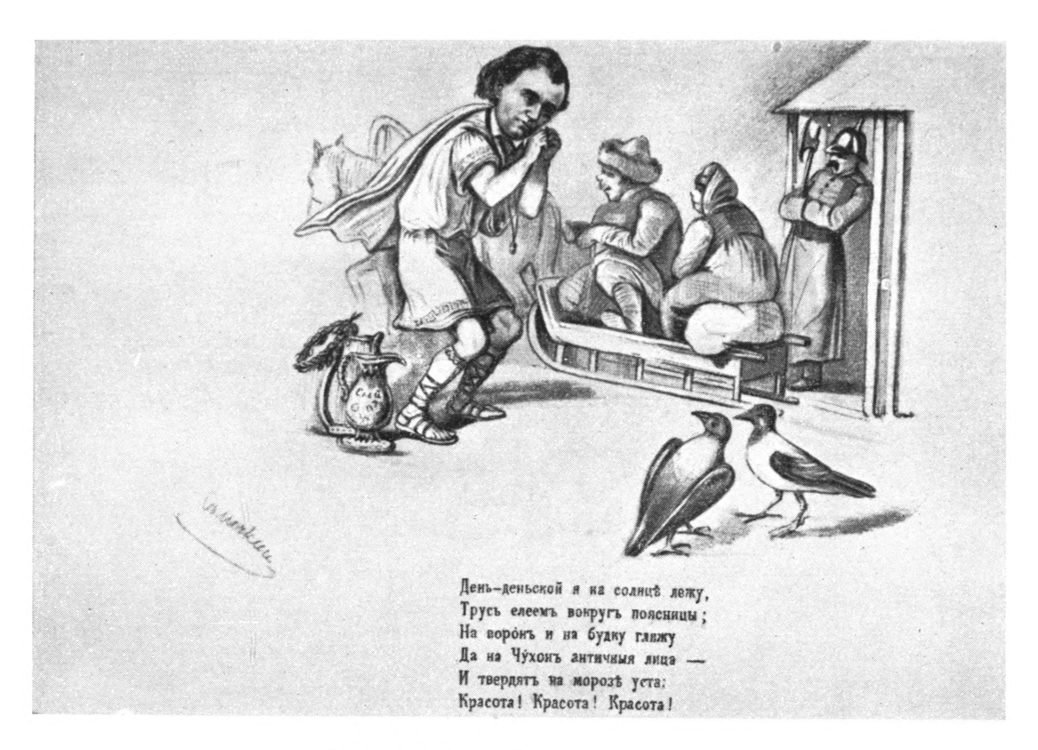
Правитель! Дни твои пусть праздно не проходят;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досуг;
Но наблюдай: в воде какой они разводят —
Круг?

Правитель! избегай ходить по косогору:
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги;
И в путь не выступай, коль нет в ночную пору —
Зги.

Дав отдохнуть игре служебного фонтана,
За мнением страны попристальней следи;
И, чтобы жертвою не стать самообмана, —
Бди!

Напомню истину, которая поможет
Моим соотчичам в оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не может —
Власть.

Учение мое, мне кажется, такое,
Что средь борьбы и смут иным помочь могло б...
Для всех же верное убежище покоя —
Гроб.

«Афинянин Петербургской стороны»

(Карикатура Н. А. Степанова)

II

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

М. г. Находясь за границей, я только на этих днях успел ознакомиться с «Христоматией для всех» г. Гербеля. Позвольте мне чрез посредство вашей газеты исправить вкравшуюся в этот почтенный труд ошибку относительно меня. Не всё, подписанное именем Кузьмы Пруткова, принадлежит мне, как полагает г. Гербель. Граф Алексей Константинович Толстой писал также под этим псевдонимом. Кроме того, весьма многое из Пруткова написано обоими нами вместе. Просмотрев и собрав в настоящее время мои стихотворения для издания их отдельною книжкою (в которой, скажу мимоходом, я предполагал, по личным моим соображениям, не помещать ни комедий, ни некоторых стихотворений, к .числу которых отнесена мною и «Старая дорога», включенная в Христоматию), я намеревался присоединить к этому собранию шуточный отдел из творений Кузьмы Пруткова; но покинул это намерение именно потому, что теперь трудно определить долю участия каждого из нас в сочинении многих пьес, напечатанных под этим именем. Что же касается до тех, которые помещены в Христоматии и следовательно признаются г. Гербелем за лучшие, то я считаю долгом объявить, что одно из этих стихотворений: «Вянет лист, проходит лето»... принадлежит исключительно графу Толстому. Мне очень приятно, что на этот раз я согласен с г. Гербелем относительно оценки стихотворений; и мне эта шутка очень нравится. Вообще Кузьме Пруткову в настоящем случае посчастливилось. Хотя у него, как и у всех, впрочем, поэтов, есть вещи менее удачные и просто слабые, он попал в категорию тех писателей, которые не имеют основания быть недовольными выбором, сделанным Христоматией из их творений. Ко всему сказанному я должен прибавить, что в некоторых произведениях Пруткова принимали участие и мои братья, в особенности Владимир Михайлович.

Позволю себе сделать еще одно замечание, до меня не касающееся. Задача г. Гербеля заключалась в том, чтоб представить образцы всех более или менее известных русских поэтов. Почему же он про-

пустил Арбузова, который издал собрание своих стихотворений, кажется, в начале пятидесятых годов?

Примите уверение и проч.

Алексей Жемчужников.

29 января (10-го февраля) 1874 г.
Ментона во Франции.

ЗАЩИТА ПАМЯТИ КОСЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

1

Не пожелаете ли, господин редактор, восстановить в вашей газете истину, коей помрачению вы сами нечаянно содействовали, перепечатав из «Петерб. Листка» в № 389 «Нового Времени» следующий анекдот из прошлого театрального мира:

«В 1850 г. представлен был оригинальный водевиль «Фантазия», принадлежащий перу одного из аристократов. Аристократия была в сборе. Водевиль провалился и проч.»

Смею поручиться, что в этом рассказе столько же непроницательности, сколько неполноты и ошибок. Начну с указания последних, вполне сознавая, что принесу этим неоценимую услугу отечественной истории, в особенности сценической:

1) «Фантазия» не водевиль, а «комедия в одном действии», — как было откровенно объявлено автором и на афише;

2) представление этой комедии происходило не в 1850 году, а *8-го января 1851 года,* в бенефис актера Максимова 1-го, на Александринском театре; она была одобрена цензурою для представления на сем театре *29-го декабря 1850 г.;* узнав имя автора, всякий беспристрастный патриот согласится со мною, что указанные мною дни подлежат увековечению в истории русской драматической сцены и русской литературы;

3) знаменитая эта пьеса принадлежит вовсе не «перу одного из аристократов», а перу гениального нашего писателя *Косьмы Петровича Пруткова;* он писался всегда: Косьма (а не Кузьма), подобно прочим своим великим тезкам — Косьме Минину, Косьме Медичи и т. д., и этого он придерживался с самого раннего детства, справедливо прозревая свою славу; и

4) комедия эта вовсе не «провалилась»; так можно выражаться лишь о неуспехе обыкновенном, а ее падение было вполне необыкновенно. Она не «провалилась», но поразила всех неожиданностью и небывалостью своего содержания и употребленных в ней автором но-

вых сценических приемов; — она осталась неоцененною и неразгаданною, потому что была изъята из театрального репертуара тотчас же после первого представления. Так остались бы доселе непонятыми Гомер, Шекспир, Бетховен, если бы произведения их были прослушаны только по одному разу. Это сознавал и покойный Косьма Петрович Прутков, а потому и не отчаялся, но продолжал писать — и увенчался бессмертием.

Во всяком случае, благодарю рассказчика анекдота за отзыв, что комедия эта «принадлежала перу одного из аристократов»; — благодарю потому, что вижу в этом благоговейное уважение с его стороны к покойному Косьме Петровичу Пруткову, а я всегда был и есть непременным его членом. Скажу откровенно, что я присутствовал и на знаменитом этом представлении, вместе с другими членами покойного, и все мы были одинаково восхищены не только пьесою, но и ошеломлением публики; а недовольны были только вялою, будто невольною игрою актеров, кроме Мартынова и Толченова 1-го.

Имя автора не значилось на афише, но было скрыто под буквами «Y и Z», т.-е. под самыми последними буквами азбуки, притом еще чужеземной! Но молва, кажется, огласила имя автора, и таким образом фактически подтвердилась мудрость его афоризмов, напечатанных впоследствии в «Современнике»:

«Великий человек подобен мавзолею».

«Гений подобен холму, возвышающемуся на равнине».

«Эгоист подобен давно сидящему в колодце».

«Усердный врач подобен пеликану».

«Одного яйца два раза не высидишь».

«Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза».

«Вещи бывают велики и малы по воле судьбы и обстоятельств и по понятиям каждого».

Я, кажется, привел уже несколько неподходящих к настоящему делу афоризмов покойного Косьмы Пруткова, но не могу воздержать своей любви к нему и потому продолжаю для заключения:

«Жизнь — альбом, человек — карандаш, дела — ландшафт, время — гумиэластик: и отскакивает, и стирает».

«Военные люди защищают отечество».

«Ничего не доводи до крайности: человек, желающий трапезовать слишком поздно, рискует трапезовать на другой день поутру».

«Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

«Иной певец подчас хрипнет».

«На чужие ноги лосины не натягивай».

«Не всякому офицеру мундир к лицу».

«Не всякий генерал от природы полный».

«Не всякий капитан исправник».

«Не всё стриги, что̀ растет».

«В сепаратном договоре не ищи спасения».

«Не ходи по косогору, — сапоги стопчешь!»

«И египтяне были в свое время справедливы и человеколюбивы!»

Не сомневаюсь, что в настоящее время покойный сказал бы:

«И англичане были в свое время справедливы и человеколюбивы».

Надеюсь, достопочтенный редактор, что вы не откажете напечатать всё это в вашей газете, по уважению к памяти покойного Косьмы Петровича.

Ваш искренний доброжелатель
Непременный член К. Пруткова.

С.-Петербург,
30 марта (11 апреля) 1877 года (annus,i.)

2

Однажды я выступал уже в вашей газете для защиты блаженной памяти Косьмы Петровича Пруткова, именно: в апреле 1877 года, в № 392 вашей газеты. Г. редактор! Вы снова принуждаете меня к этому, затронув опять драгоценную для всей России память ошибочным сведением о покойном.

В предпрошлом воскресном нумере вашей газеты смело высказаны две несправедливости про покойного Косьму Петровича Пруткова: 1) будто он не существовал, будто он псевдоним, и 2) будто под его именем писал, между другими, покойный Ив. Ив. Панаев. Поспешите, г. редактор, из уважения к русской истории и к печатному слову, исправить эти две несправедливости.

Во-первых, о существовании и даже славном существовании Косьмы Петровича Пруткова известно не только современникам его, бывшим сослуживцам и подчиненным, но — смело скажу — всей грамотной России и, может быть даже, образованным из иноземцев. Он не только жил среди нас, но возбуждал и продолжает возбуждать зависть и подражание; он известен не только по своей частной жизни, но также своею примерно усердною и полезною службою, как начальник пробирной палатки, в которой достойно дослужился чина действительного статского советника. Это не мелкие факты, г. редактор; и мне странно̀, как вы не знаете их! Об этом, помнится, было напечатано и в некрологе его превосходительства, в «Современнике» 1863 г. Оттуда же вы можете узнать, что «он родился 11-го апреля 1801 года, недалеко от Сольвычегодска, в дер. Тентелевой». Поэтому название

родины его вошло в известную общерусскую поговорку (особенно прежние, современные К. П. Пруткову, петербургские сановники говаривали часто: «смотри ты у меня! сошлю тебя в Тентелеву деревню!»); и поэтому же большая часть его бессмертных сочинений носит пометку 11 апреля, или 11 какого-либо другого месяца. Поэтому и я пишу эти строки сегодня, 11-го октября.

Во-вторых, покойный Ив. Ив. Панаев искренно и глубоко уважал покойного К. П. Пруткова; он даже всегда спешил призвать покойного Н. Некрасова, для совместного собеседования с К. П. Прутковым, когда Косьма Петрович, невзирая на свой служебный сан, удостоивал их редакцию своим посещением. *Но никогда Ив. Ив. Панаев* в трудах покойного К. П. Пруткова не участвовал. Каковы бы ни были достоинства Ив. Ив. Панаева как писателя, он не мог дозволить себе даже прикоснуться к бессмертным творениям Косьмы Петровича Пруткова, — как никакой действительный артист не станет исправлять картин знаменитого живописца. Скажу более: те редкие случаи, в которых Ив. Ив. Панаев дерзал, ссылаясь на условия цензуры, прикасаться к творениям Пруткова, легко отгадает каждый беспристрастный художник, если только он действительно художник. Эти случаи заслуживают отметки, для назидания потомства; и я уверен, г. редактор, что вы с радостью раскроете столбцы вашей газеты для помещения сих отметок. Я укажу для примера лишь немногие, приводя *подлинный* текст К. П. Пруткова и указывая в выносках искажения этого текста в печати:

ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

(Басня)

На беговых помещик [1] ехал дрожках.
. . . .
— «Ах! [2] почему такие ножки
. . . .
Коль дворянином, — дворянин; [3]
А [4] мещанином, — мещанин;
. . . .

---

[1] Вместо слова «помещик» поставлено, ни с чем не сообразно, слово «философ». Но разве греческие философы знали чисто русское изобретение — беговые дрожки?

[2] Вместо простого: «Ах!» — поставлено: «И рек: Ах!». Покойный Косьма Петрович ни за что не употребил бы здесь слова «рек», ибо оно *церковно*-славянское.

[3] Этот стих был совсем опущен, и таким образом: во-первых, нарушена справедливость пред другими сословиями; и, во-вторых, оказана несправедливость слову «мещанин», для которого не оставлено рифмы.

[4] Вследствие пропуска предшествующего стиха, тут поставлено слово «Коль».

СТАН И ГОЛОС

(Басня)

. . . .

Надевши ваточный халат,[1]

. . . .

Довольствуясь пока этими примерами, добавлю, что Ив. Ив. Панаев не только не вносил ничего в бессмертные творения К. П. Пруткова, но даже вовсе не напечатал некоторых творений, переданных ему для печати. Он говорил, что в этом препятствовали цензурные условия; но Косьма Петрович, сам действительный статский советник и кавалер, не верил этому. Для примера приведу следующую басню, которую бедный Косьма Петрович так и не дождался видеть в печати при своей жизни:

ЗВЕЗДА И БРЮХО

. . . .

У Косьмы Петровича Пруткова были приближенные советники, но в числе их не было Ив. Ив. Панаева. Косьма Петрович имел дар вдохновляться чужими советами, — но не всякими, а только четырех лиц, которых я даже не назвал бы, если бы трое из них уже не были поименованы одним из этих советников, Алексеем Жемчужниковым, в «С.-Петербургских Ведомостях» В. Ф. Корша, по поводу первого издания книги г. Гербеля: «Русские поэты в биографиях и образцах»; а четвертый назван в № 117 «Спб. Вед.» издания Баймакова, 1876 г. В этом последнем сообщении много несправедливого; между прочим приписаны К. П. Пруткову чужие произведения; но фамилии советников его верны, хотя не всех их покойный слушал в одинаковой мере. Имена этих советников следующие: граф Алексей Толстой и Алексей, Александр и Владимир Жемчужниковы.

Подумал ли автор заметки, напечатанной в прошлом воскресном нумере вашей газеты, — в какое положение он ставит всё управление нашего министерства финансов, уверяя, будто Косьма Прутков не существовал! Да кто же тогда был столь долго председателем Пробирной Палатки, производился в чины даже за отличие и получал жалованье?

Память Ив. Ив. Панаева неправильно примешалась к памяти действ. статск. сов., председателя Пробирной Палатки и великого поэта Косьмы Петровича Пруткова — вероятно потому, что творения Пруткова помещались в «Современнике» в отделе «Ералаш», где печатались и стихотворения Ив. Ив. Панаева за подписью «Новый Поэт»;

---

[1] Этот стих был совсем опущен; как будто становые не могут и дома надевать халатов, хотя бы даже ваточных.

но это не причина и даже не извинение такой грубой ошибки! Впоследствии, в 1863 г., остатки творений К. П. Пруткова печатались редакциею «Современника» в отделе «Свисток», где помещались и стихи Добролюбова; но это не дает права приписывать и почтенному Добролюбову участие в творениях К. П. Пруткова. Всякому свое.

Крепко стоя за неприкосновенность памяти почтеннейшего К. П. Пруткова, прошу вас, г. редактор, напечатать эту мою защиту в вашей газете и — остаюсь ваш искренний доброжелатель

Непременный член К. Пруткова.

11 октября 1881 г. (annus,i).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Не признает ли редакция возможным напечатать в ближайшем нумере газеты «Новое Время» прилагаемую копию с моего письма в редакцию журнала «Век», для защиты права собственности на литературное имя «Козьмы Пруткова»? Я сообщил такую же копию в редакцию газеты «Голос» и, разумеется, был бы очень благодарен редакциям тех повременных изданий, которые перепечатают это письмо у себя.

В. Жемчужников.

Господину редактору журнала «Век».

М. г. Случайно увидав на днях две книги (декабрьскую 1882 г. и январскую 1883 г.) издаваемого вами журнала «Век», я был удивлен напечатанием в них статей за подписью «Козьмы Пруткова», — подписью, не принадлежащею вам.

При этом я узнал, что и прежде вы печатали статьи за этою подписью и лишь одно время добавляли к ней какое-то слово.

В литературном и в нелитературном мире достаточно известно, что сочинения Козьмы Пруткова, доставившие известность этому имени, были сообщаемы в печать только: *Жемчужниковыми и графом Алексеем Толстым.* Об этом уже неоднократно было заявлено печатно, начиная с 1874 г. (в «Спб. Вед.» 1874 г., 6(18) февраля, № 37). — Поэтому употребление подписи Козьмы Пруткова кем-либо другим, кроме вышепоименованных лиц, равносильно употреблению личных подписей этих лиц без их разрешения на это.

В настоящее время, за смертью графа Алексея Константиновича Толстого, *представителями и собственниками литературной подписи Козьмы Пруткова состоят лишь два лица:* брат мой, Алексей Михайлович Жемчужни-

ков, и я — Владимир Михайлович Жемчужников; — и ни покойный гр. А. К. Толстой, ни мой брат, ни я, — никогда никому не предоставляли пра́ва пользования и распоряжения этою подписью.

Поэтому, по соглашению с упомянутым братом моим, покорнейше прошу вас, м. г., — от него и за себя, — *прекратить употребление подписи Козьмы Пруткова и напечатать в ближайшей книге издаваемого вами журнала: что всё, доселе напечатанное вами за подписью Козьмы Пруткова, и с добавкою к этому имени, не принадлежит Козьме Пруткову.*

Вместе с этим, так как ваше издание ежемесячное, и в февральской книге вы, может быть, опять напечатаете что́-либо от имени Козьмы Пруткова, то я счел нужным теперь же сообщить копию с этого письма́ в некоторые газеты, для напечатания; дабы не приписывали Козьме Пруткову того, в чем он не повинен.

Примите, м. г., уверение в моем совершенном почтении.

Владимир Жемчужников.

1-го (13-го) февраля 1883 г.
Ментона.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПСЕВДОНИМА „КОЗЬМА ПРУТКОВ"

М. г. Начинаю с извинения, что займу слишком много места в вашей газете по поводу вопроса о псевдониме Козьмы Пруткова. Я вынужден войти в подробные объяснения потому, что г. редактор журнала «Век» дал в февральской книжке этому вопросу такой оборот в своем ответе на заявление моего брата Владимира, напечатанное недавно в «Голосе» и в «Новом Времени», что дело идет теперь о литературной добросовестности покойного графа А. К. Толстого, брата моего Владимира и моей, Алексея, Жемчужниковых, т. е. тех трех лиц, на которых брат мой указал как на несомненных представителей Козьмы Пруткова. Впрочем, я постараюсь быть, сколь возможно, кратким и надеюсь, что это мое объяснение будет последним.

Г. Филиппов ошибается, говоря, что коллективный псевдоним «Козьма Прутков» был сочинен журналом «Современник» для своего фельетона. Этот псевдоним сочинен не редакциею «Современника», а нами. В выборе этого псевдонима мы руководствовались нашими особыми соображениями, ни для кого, кроме нашего семейства, значения не имеющими. «Современник» для своего фельетона сочинил не псевдоним Пруткова, а названия: сперва «Литературного Ералаша», а потом «Свистка», и в своих фельетонах под этими названиями поме-

щал, между прочим, а иногда и преимущественно, произведения Козьмы Пруткова. Редакция «Современника» знала очень хорошо, кто такие: Козьма Прутков, и потому не имела причин ни «предоставлять право пользоваться» этим псевдонимом тем, кому оно само собой бесспорно принадлежало, ни, тем более, этого права им «не предоставлять». Затем, г. Филиппов утверждает, что ему «положительно известно, что под псевдонимом Пруткова работал еще Панаев, Добролюбов и иные сатирики». Я позволю себе выразить полное сомнение, чтобы участие Панаева и Добролюбова в произведениях Пруткова было г. Филиппову известно, да еще положительно. Панаев, Некрасов и Добролюбов находились в сношениях с Козьмою Прутковым и, без его разрешения, конечно, не захотели бы пользоваться его именем; а такого разрешения они у него никогда не спрашивали. Мы не отрицаем, что Панаев, Некрасов и Добролюбов (работавший в «Современнике» гораздо позднее) печатали в этом журнале *свои* шуточные и сатирические стихотворения; но мы протестуем против уверения, что они печатали их под псевдонимом Пруткова. Добролюбов подписывался в таком случае: «Яков Хам», как удостоверяет г. Гербель в своей «Христоматии для всех». Я желаю объяснить себе уверение г. Филиппова опять тем же ошибочным смешением псевдонима «Прутков» с «Литературным Ералашом» и с «Свистком». Произведения Пруткова печатались в этих отделах «Современника»; но из этого не следует, чтобы всё то, что печаталось в этих отделах, принадлежало Пруткову. Во всяком случае, г. Филиппов напрасно прибегает к такому полемическому приему, как утверждение, что участие Панаева и Добролюбова в произведениях Пруткова ему *«положительно известно»*. Ведь идя далее по этому пути, можно было бы поставить нас в положение еще более неприятное. Можно было бы заявить о *«положительной известности»*, что мы, предъявляющие свои исключительные права на псевдоним Пруткова, принимали в его произведениях участие самое незначительное. Хотя г. Филиппов до этой крайности не доходит, но, тем не менее, он умаляет до того нашу роль в произведениях Пруткова, что его показание оказывается равносильным уличению моего брата в неправде. И действительно, выставлять себя творцами сочинений Пруткова, умалчивая о сотрудничестве известных писателей, притом еще таких, как Добролюбов, — это было бы, с нашей стороны, поступком лживым и постыдным. Я не отплачу г. Филиппову тою же монетою и заподозривать его в заведомой лжи не стану. Я повторяю мое предположение, что он ошибается, как случалось ошибаться и прежде, и в настоящее время другим по поводу псевдонима Козьмы Пруткова, который с самого своего появления сделался так популя-

рен, что ему приписывались разные удачные шутки и сатиры, ему не принадлежавшие. Но, допуская в заявлении г. Филиппова возможность ошибки, я, однако, замечу, что решительная форма, в которую он его облек, достойна всякого порицания. Одно только неуважительное к человеческому достоинству легкомыслие способно опрометчиво и без надлежащей проверки утверждать факт, которым пятнаются честь и добросовестность людей. Вопрос о псевдониме Пруткова может быть сам по себе совсем не важен, но важна фраза, употребленная г. Филипповым по этому вопросу: «мне положительно известно»... и проч. В настоящем случае, за невозможностью иметь отзывов Панаева и Добролюбова, оно имеет значение очистительной присяги, к которой иногда прибегают в уголовном деле. И в неважном деле, несомненно, важно показание, даваемое под ответственностью совести и чести.

Итак, сводя к общему итогу всё вышесказанное, и в подтверждение заявления брата моего, Владимира, я удостоверяю своим честным словом: 1) Что псевдоним: «Козьма Прутков» сочинен нами, а не «Современником»; 2) что Некрасов, Панаев и Добролюбов знали, что под этим псевдонимом пишут братья Жемчужниковы и гр. А. К. Толстой; 3) что ни Некрасов, ни Панаев, ни Добролюбов, ни «иные сатирики» к нам не обращались за разрешением печататься под принадлежащим нам псевдонимом, и 4) что до нас не доходило никаких известий о том, чтобы или Некрасов, или Панаев, или Добролюбов печатали что-либо под псевдонимом К. Пруткова. Из двух последних пунктов вытекает само собою заключение, что ни один из трех названных писателей псевдонимом Пруткова втайне от нас не пользовался. Впрочем, так как они в украшение своих собственных произведений подписью Пруткова вовсе не нуждались, то этой одной причины, помимо всех прочих соображений, уже совершенно достаточно для подтверждения моего заключения.

Перед собранием, кажется, самых первых произведений Пруткова, напечатанном в «Современнике», помещено отдельно в виде эпиграфа, стихотворение, Пруткову не принадлежащее. Оно, по всей вероятности, написано редакциею «Современника» и имело целью подготовить читателя к предстоящему ему чтению шуточного рода. По причине именно такого предумышленного своего характера, это стихотворение никем не могло быть отнесено к произведению музы Пруткова, по преимуществу вдохновенно бессознательной и всегда убежденной в важности своего значения. Что же касается «иных сатириков», писавших под именем Пруткова, о которых говорит г. Филиппов, то мне помнится, что, вскоре после дебюта Пруткова, в печати (но не в «Современнике») появилось два-три не наши стихотворения за подписью Пруткова.

Помню также весьма хорошо, что некоторые шуточные и сатирические стихотворения, нам также не принадлежавшие, приписывались обществом Пруткову, хотя и не были подписаны его именем. В то время мы считали неудобным ни разъяснять печатно ошибочные толкования, ни протестовать против самовольного употребления посторонними лицами нам принадлежащего псевдонима, чтобы не придавать нашим шуткам серьезного значения и не объявлять публично имен, скрывавшихся под этим псевдонимом. Г. Гербель, в биографическом обо мне очерке, перечисляя произведения Пруткова, упоминает, между прочим, о трех юмористических стихотворениях, напечатанных в «Развлечении» 1861 года: «Простуда», «Я встал однажды рано утром» и «Сестру задев случайно шпорой». Из этого следует заключить, что эти стихотворения были подписаны именем Пруткова; но они, однако, ему не принадлежат. Одно из них «Я встал однажды рано утром» помещено даже г. Гербелем в его христоматии, в числе избранных стихотворений Пруткова. Таким образом заявление г. Филиппова, что под именем Пруткова писали «иные сатирики», подтверждается; но из этого следует только то, что «иные сатирики», приняв псевдоним Пруткова, воспользовались правом, им не принадлежащим, и тем ввели в заблуждение г. Гербеля, приписавшего эти стихотворения мне. Кстати, по поводу христоматии Гербеля: происхождение литературной личности Козьмы Пруткова так известно в литературе и в обществе, близко к ней стоящем, что г. Гербель, разоблачая этот псевдоним, объявляет прямо, что Прутков есть не кто иной, как я, Алексей М. Жемчужников. Он ошибся, приписав одному мне все произведения Пруткова (я указал в свое время на эту ошибку печатно [1]); но он прав в том отношении, что указывает верно на происхождение Пруткова, обязанного своим существованием исключительно нашему семейству, т. е. братьям Жемчужниковым и двоюродному нашему брату гр. А. К. Толстому.

Я полагаю, что мое объяснение не лишено доказательности в пользу правоты нашего протеста, и не теряю надежды, что оно может заставить г. Филиппова усомниться в его собственной правоте, тем более, что приводимый им в свое оправдание аргумент, что будущие его сотрудники гг. Краевский и Пыпин имеют же право подписываться своими фамилиями, несмотря на то, что они — однофамильцы А. А. Краевского и А. Н. Пыпина, — совсем не убедителен и крайне несостоятелен. Имя и фамилию человек носит не по своему произволу и потому ни в каком случае отказываться от них в печати не обязан; но псевдоним он выбирает сам и при выборе волен руководствоваться

[1] Мне говорили, что во втором издании христоматии эта ошибка, несмотря на мою поправку, не исправлена.

условиями приличия. Так, например, писателю Крестовскому никто не поставит в укор, что он подписывает свои сочинения своею фамилией, хотя в литературе уже известен псевдоним Крестовский; но если бы явился писатель, не носящий фамилии Щедрин, но выбравший себе этот псевдоним для печатания своих сатирических произведений, то такой его поступок оказался бы очень неблаговидным. По существующим в литературе обычаям, скромный Козьма Прутков не может быть лишен права, каким пользуются литературные знаменитости. Под именем Козьмы Пруткова, кроме нас, имел бы право писать только тот, кто наследовал эту фамилию от своих родителей и наречен при крещении Козьмою. Следовательно, г. М. Филиппов этого права не имеет. Если мы не протестовали прежде против незаконного употребления другими лицами нам принадлежащего псевдонима, то это не значит, чтобы мы вовсе отказались от права предъявить этот протест, когда нам заблагорассудится. И теперь мы его предъявляем по следующим причинам: 1) Так как Прутков окончил свое поприще и притом удостоился чести занять в литературе особое, собственно ему принадлежащее, место, то мы не желаем, чтобы его именем пользовались лица, не участвовавшие в составлении его литературной репутации; и 2) незаконное пользование его псевдонимом не имеет уже характера случайного, как это бывало прежде, но употребляется теперь постоянно и преднамеренно в журнале «Век». Хотя г. Филиппов и утешает нас тем, что объявил в своем журнале, что он не Козьма Прутков «Современника», но этого нам недостаточно. Читатель «Века» может не знать об этом объявлении, или о нем позабыть, и принимать подложного Пруткова за настоящего.

Если г. Филиппов не убедится нашими доводами и не склонится на наше приглашение расстаться с принадлежащим нам псевдонимом, то мы должны будем принять другие меры. Одна из них будет заключаться в том, что мы предпошлем полному собранию сочинений Пруткова, — к изданию которого намереваемся приступить, — предостерегательное от злоупотребления его именем объяснение, а самую книгу заключим следующею отметкою: «С подлинным верно. Алексей и Владимир Жемчужниковы». Такую же отметку будем употреблять и при печатании посмертных произведений Пруткова, если таковые найдутся. В заключение объявляю, что так как за смертью гр. А. К. Толстого «триумвират», взявший на себя право и обязанность как взаимной себя проверки, так и сортировки и окончательной редакции творений Пруткова, уже не существует, то это право и эта обязанность остаются теперь только за двумя лицами; так что гарантией подлинности и годности к печати творений Козьмы Пруткова будут

отныне служить только подписи Жемчужниковых Алексея и Владимира — или обоих вместе, или, в случае спешной необходимости, одного из двух. При издании Пруткова, мы упомянем еще о некоторых лицах нашего кружка, участие которых в его произведениях было или только случайное, или не столь деятельное и самостоятельное, и исключим из этого издания некоторые вещи, которые, хотя и вышли из нашего же кружка и уже были напечатаны, но, по нашему мнению, несогласны с общим характером творений Пруткова. Об этом предмете теперь не распространяюсь потому, что мое настоящее письмо имело в виду только ограждение Козьмы Пруткова от покушений на его самостоятельность и добрую славу со стороны лиц, ему совершенно чуждых.

Примите и пр.

Алексей Жемчужников.

11-го апреля 1883 г.
Берн.

ДВА ПИСЬМА В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА А. Н. ПЫПИНУ

1

$\frac{6}{18}$ф./83 *Hôtel Bristol, Menton, France.*

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Вероятно Вы уже давно получили мой первый ответ (от 7/19 янв.) на Ваше письмо от 30 декабря прошлого года, относительно достолюбезного и достопочтенного Косьмы Пруткова. Я, в том ответе, обещал Вам сведения по всем, поставленным Вами, вопросам, — когда предварительно соглашусь с моим братом Алексеем и затем соберусь сам с расположением и силами. Зная лень моего брата, я полагал, что он возложит весь труд объяснений по Вашим вопросам на меня, оставив за собою лишь окончательное утверждение; поэтому я и выговаривал себе время, будучи теперь не в здоровом расположении духа и не в здоровых силах. Но к удивлению моему, вчера получен мною такой обстоятельный ответ от него на Ваши вопросы (мною ему переданные), что мне остается только переписать этот ответ здесь дословно, лишь с ничтожными дополнениями, которые, ради точности, я пишу здесь без вносных знаков, отмечая его слова вносными знаками. Я прислал бы Вам ответ его в подлиннике, если бы он был написан особо, а не в тексте письма, не имеющего связи с К. Прутковым.

Вот наши ответы на вопросы о Косьме Пруткове:

Извлечение из письма брата моего Алексея, от 1/13 фев., ко мне, из Берна:

«Достопочтенный Косьма Прутков — это *ты*, *Толстой* и *я*. Все мы тогда были молоды, и «настроение кружка»,[1] при котором возникли творения Пруткова, было веселое, но с примесью сатирически-критического отношения к современным литературным явлениям и к явлениям современной жизни. Хотя каждый из нас имел свой особый политический характер, но всех нас соединила плотно одна общая нам черта: полное отсутствие «казенности» в нас самих и, вследствие этого, большая чуткость ко всему «казенному». Эта черта помогла нам — сперва независимо от нашей воли и вполне непреднамеренно, создать тип Кузьмы Пруткова, который до того казенный, что ни мысли его, ни чувству недоступна никакая, так называемая, злоба дня, если на нее не обращено внимания с казенной точки зрения. Он потому и смешон, что вполне невинен. Он как бы говорит в своих творениях: «всё человеческое — мне чуждо». Уже после, по мере того как этот тип выяснялся, казенный характер его стал подчеркиваться. Так, в своих «прожектах» он является *сознательно* казенным человеком. Выставляя публицистическую и иную деятельность Пруткова в таком виде, его «присные» или «клевреты» (как ты называешь Толстого, себя и меня) тем самым заявили свое собственное отношение «к эпохе борьбы с превратными идеями, к деятельности негласного комитета» и т. д.[2] Мы богато одарили Пруткова такими свойствами, которые делали его ненужным для того времени человеком, и беспощадно обобрали у него такие свойства, которые могли его сделать хотя несколько полезным для своей эпохи.[3] Отсутствие одних и присутствие других из этих свойств — равно комичны; и честь понимания этого комизма принадлежит нам.

«В афоризмах обыкновенно выражается житейская мудрость. Прутков же в большей части своих афоризмов или говорит с важностью казенные, общие места; или с энергиею вламывается в открытые двери; или высказывает мысли, не только не имеющие соотношения с его эпохою и с Россиею, но стоящие, так сказать, вне всякого места и времени. Будучи очень ограниченным, он дает советы мудрости. Не будучи поэтом, он пишет стихи. Без образования и без понимания положения России, он пишет «прожекты». Он современник

---

[1] Это выражение „настроение кружка“ — употреблено моим братом из поставленного Вами, Александр Николаевич, вопроса, который я передал ему дословно. *В. Ж.*

[2] Эти слова: „к эпохе. . . комитета“ взяты опять из Вашего, Алекс. Ник-ч, вопроса. *В. Ж.*

[3] Т. е. если б он действительно жил, а не был вымышленным в насмешку лицом. *В. Ж.*

Клейнмихеля, у которого усердие всё превозмогало. Он воспитанник той эпохи, когда всякий, без малейшей подготовки, брал на себя всевозможные обязанности, если Начальство на него их налагало. А Начальство при этом руководствовалось теми же соображениями, какими руководствовался помещик, делая из своих дворовых одного каретником, другого музыкантом и т. д. Кажется, Кукольник раз сказал: «если Ник. Павл. повелит мне быть акушером, я завтра же буду акушером». — Мы всем этим строем вдохновились художнически, и создали Пруткова. А что Прутков многим симпатичен — это потому, что он добродушен и честен. Несмотря на всю свою неразвитость, если бы он дожил до настоящего времени, он не увлекся бы примерами хищничества и усомнился бы в нравственности приемов Каткова. — Создавая Пруткова, мы всё это чуяли, и, кроме того, были веселы и молоды, и — талантливы.

«Отношения Пруткова к «Современнику»[1] возникли от связей с «Современником» моих и твоих. Я помещал в «Современнике» свои комедии и стихи, а ты был знаком с редакцией.

«Вот вкратце мои мысли, как возник Прутков и о причинах его удачи и успехов. Я сказал бы еще более, но боюсь слишком расписаться».

Этот краткий очерк сущности, смысла и причины самого появления Козьмы Пруткова столь верен и полон, что мне нечего прибавить, в ответ на Ваши вопросы. Лишь в целях биографических и библиографических я добавлю несколько мелочей и перечень его творений; — потому что, по приобретении им заслуженной славы, было напечатано под его именем много недостойного его и вовсе не принадлежащего ему. (Полное собрание его сочинений, с биографиею, давно подготовляется мною к изданию, но доселе я не имел досуга для этого издания. Теперь, свободный по болезни и проживая недалеко от брата Алексея, надеюсь окончить эту подготовку и тогда останется только напечатать и издать. Возьмется ли типография Михаила Матвеевича сделать это издание, с портретом, имеющимся у Вас?) Формат портрета велик, но так было сделано с умыслом, для сохранения притязательности Пруткова и в наружности издания его сочинений; — это формат издания «Ста русских литераторов». — Портрет этот, рисованный художником (впоследствии профессором) Бедеманом и братом нашим Львом, бывшим товарищем Бедемана в Акад. Художеств, — сделанный по нашим (т. е. трех клевретов Пруткова) указаниям, — был отпечатан,

[1] Это опять из текста Ваших вопросов. *В. Жем.*

по моему заказу, пред отъездом моим на службу в Сибирь, в 1853-4 гг., когда предполагалось уже издать собрание сочинений Пруткова. Но ценсор не дозволил выпуска этого портрета из литографии, подозревая, что это также насмешка над каким-либо действительным лицом. Я успел взять себе лишь несколько экземпляров, оставив остальные в складе у литографа, на хранении до востребования, разумеется уплатив ему сполна за всё; но когда я возвратился из Сибири и когда кончилась крымская война, то у литографа *не оказалось ни одного экземпляра:* прежний хозяин умер, мастерская перенесена в другой дом, и наследники говорили, что не принимали и не знают подобного портрета! — Мои экземпляры портрета разошлись по разным знакомым; а впоследствии мне сказывали, будто бы портрет этот продавался на толкучем рынке! — Благо у Вас есть экземпляр этого портрета, то не одолжите ли его для отлитографирования вновь к изданию всех соч. К. Пруткова?

Нравственный и умственный образ К. Пруткова создался, как говорит мой брат, не вдруг, а постепенно, как бы сам собою, и лишь потом дополнялся и дорисовывался нами сознательно. Кое-что из вошедшего в творения Кузьмы Пруткова было написано даже ранее представления нами, в своих головах, единого творца — литератора, типического, самодовольного, тупого, добродушного и благонамеренного. Сначала просто писалось от веселости и без заботы о сохранении в написанном какой-либо общей черты, кроме веселости и насмешки. Впрочем, это было непродолжительно, именно: так была написана в 1850 г. шутка-водевиль «Фантазия», за подписью Y и Z, данная в декабре того года на Александринском театре в бенефис Максимова 1-го и тотчас же запрещенная по Высоч. пов., потому что откровенность шутки показалась и государю и публике слишком дерзкою. Эта шутка была написана гр. Алексеем Толстым и моим братом Алексеем. Потом, летом 1851 или 1852 г., во время пребывания нашей семьи (без гр. Толстого) в Орловской губ. в деревне, брат мой Александр сочинил, между прочим, исключительно ради шутки, басню «Незабудки и запятки»; — эта форма стихотворной шалости пришлась нам по вкусу, и тогда же были составлены басни, тем же братом Александром при содействии бр. Алексея: «Цапля и беговые дрожки» и «Кондуктор и тарантул», и одним бр. Алексеем: «Стан и голос» и «Червяк и попадья». — Кроме последней из этих басней, остальные были напечатаны в «Соврем.» в том же году, без обозначения имени автора, п. ч. в то время еще не родился образ К. Пруткова. Однако эти басни уже зародили коекакие мысли, развившиеся впоследствии в брате моем Алексее и во

Козьма Прутков

(Первый набросок портрета)

мне, до личности Пруткова; — именно: когда писались упомянутые басни, то в шутку говорилось, что ими доказывается излишество похвал Крылову и др., пот. что написанные теперь басни не хуже тех, Шутка эта повторялась и по возвращении нашем в Спб., и вскоре привела меня с бр. Алексеем и гр. А. Толстым (брат Александр был в то время на службе в Оренбурге) к мысли писать от одного лица, способного во всех родах творчества. Эта мысль завлекла нас, и создался тип Косьмы Пруткова. К лету 1853 г., когда мы снова проживали в Елецкой деревне, набралось уже очень достаточно таких произведений; а летом прибавилась к ним комедия «Блонды», написанная бр. Александром при содействии бр. Алексея и моем. Осенью, по соглашению с А. Толстым и бр. моим Алексеем, я занялся окончательною редакциею всего подготовленного, и передал это Ив. Ив. Панаеву для напеч. в «Совр.». Редакция «Совр.» оценила это по достоинству и напечатала в отделе «Ералаш», дотоле не существовавшем, добавив стихотворный эпиграф — кажется — Некрасова. *Кроме этого эпиграфа,* напечатанного, без подписи, впереди соч. Пруткова, *решительно ничего нет ни Панаевского, ни Некрасовского в соч-х К. Пруткова.*

Во всё это время продолжалась уже сознательная работа от имени К. Пруткова, передававшаяся чрез меня в ред. «Соврем.». Затем началась восточн. война, я уехал на службу в Тобольскую губ., и творчество Пруткова замолкло. — В Тобольске я познакомился с Ершовым (творцом «Конька-горбунка»). Мы довольно сошлись. Он очень полюбил Пруткова, знакомил меня также с прежними своими шутками и передал мне свою стихотворную сцену «Черепослов сиречь Френолог», прося поместить ее куда-либо, потому что «сознает себя отяжелевшим и устаревшим». Я обещал воспользоваться ею для Пруткова и впоследствии, по оконч. войны и по возвращении моем в Спб., вставил его сцену, с небольшими дополнениями, во 2-ое действие оперетты «Черепослов», написанной мною с бр. Алексеем и напечатанной в «Совр.» 1860 г. — *от имени отца* Пруткова, дабы не портить уже вполне очертившегося образа самого Косьмы Пруткова. — Затем Косьма Прутков *должен был* умереть, потому что мы, три его присных или клевретов, проживали в разных местах, уже не были такими молодыми и веселыми и соединялись воедино лишь изредка.[1] — Я сказал уже, что в печати явилось кое-что *от имени К. Пруткова,* вовсе не принадлежащее ему. Чтоб очистить его память и образ, исчисляю тут всё то, что входит в «полное собрание его сочинений»:

[1] См. также в № 37 „Спб. Вед." 1871 г. „Корреспонденция" Алексея Жемчужникова.

Басни:

Незабудки и запятки.
Кондуктор и тарантул.
Стан и голос.
Попадья и червяк.
Пастух, молоко и читатель.
Архитектор и птичница.
Помещик и садовник.
Звезда и брюхо.
Урок внучатам.
Пятки некстати.
Помещик и трава.
Чиновник и курица.

Сценич. творения:

Фантазия.
Черепослов сиречь Френолог.
Блонды.
Опрометчивый турка, или Приятно ли быть внуком?
Министр плодородия (рукопись была передана в ред. «Совр.» 1863 или 4 г., не напечатана и *не возвращена*).

Проза:

Записки деда.
Мысли и афоризмы, плоды раздумья.
От известного Кузьмы Пруткова неизвестному фельетонисту «СПбургских ведомостей», по поводу статьи сего последнего (в № 80 «СПб. вед.» 1860 г.) (в этом ответе (в «Совр.» 1860 г. за май) Прутков сам определяет литературное свое значение).
Краткий Некролог («Совр.» 1863 г., IV).
Прожекты.
Объяснения непременного члена К. Пруткова: в «Нов. врем.» 1877 г. № 392 и в «Нов. вр.» 1881 г. № 2026 (в этом последнем басня «Звезда и брюхо» напечатана невполне верно).

Стихи:

К моему портрету.
Козак и Армянин (не б. напечатано).
Честолюбие.
Путник.
Спор греческих философов об изящном.
Поездка в Кронштадт.

Возвращение из Кронштадта
Эпиграмма № 1.
Эпиграмма № 2.
Письмо из Коринфа.
Желание быть испанцем.
Древней греческой старухе, если б она домогалась моей любви.
Из Гейне № 1.
К толпе.
*** (Подражание Гейне).
Безвыходное положение.
Эпиграмма № 3.
Осада Памбы.
В альбом красивой чужестранке.
Баллада.
Пластический грек.
В альбом.
Из Гейне № 2.
К друзьям после женитьбы.
Мое вдохновение.
Аквилон.
Желания поэта.
Мой сон.
Память прошлого.
Осень.
Разочарованье.
Философ в бане.

Очень возможно, что при окончательном просмотре творений К. Пруткова, для их издания отдельным сборником, иное будет исключено даже из этого перечня, для цельности и достоинства типа.

Вот, кажется, достаточно полный ответ на вопросы Ваши, Александр Николаевич, относительно Космы Пруткова; а от нас обоих, т. е. от остающихся двух клевретов К. Пруткова, искреннее спасибо Вам за уважение к его имени и к достойной памяти о нем.

Не ответите ли и мне что-либо на мой вопрос относительно изд. «Полн. собр. соч. К. Пр.»?.

Да будет Вам всё наилучшее

Ваш *В. Жемчужников.*

2

15/27 ф. 83
Hôtel Bristol.
Menton. France.

Я уже ответил Вам, уважаемый Александр Николаевич, от 7/19 янв. и (заказным) от 6/18 фев., на вопросы ваши о К. Пруткове; но шлю еще этот добавок: 1-е) в вящее объяснение личности К. П. Пруткова, на основании дальнейшей моей переписки о нем с моим братом Алексеем; и 2-е) в дополнение к посланному Вам (в письме от 6/18 фев.) перечню его «творений».

I) Подобно шекспировскому Гамлету, Косьма, или Кузьма Прутков достоин и требует обстоятельных «комментариев». Так, между прочим, постыдно промахнулся бы тот, кто не усмотрел бы и не оценил бы в нем одной из важнейших сторон его литературной личности, поразительно верно выражающей вообще образцовые черты современных русских, из числа учившихся и «образованных». Эта, здесь указываемая, сторона его личности заключается — в самодовольстве, в самоуверенности, в решительности и смелости выводов и приговоров. Эти черты господствуют у нас и теперь, едва ли даже не резче прежнего, но теперешняя суть их иная; — прежде они исходили преимущественно из *внешнего* значения человека, а теперь они исходят из *внутреннего* самодовольства, из уверенности почти каждого в глубине своих поверхностных взглядов и своих маленьких познаний и в принадлежности своей к чину «интеллигенции». Замечательно, что в Пруткове совместились оба эти вида самодовольства и решительности; но неизвестно: произошло ли это от разнообразного богатства его природы, или же и в современном ему обществе существовали оба эти вида, лишь не в одинаковой степени, как существуют всегда? — Во всяком случае К. Прутков, живя и действуя в эпоху суровой власти и предписанного мышления, понял силу власти и команды, и сам стал властью: он не заслуживает, а требует уважения, почитания и даже любви, и — получает их не только от современников, но и от потомства. Такое отношение к своим читателям и слушателям выразилось у него, всего более, в афоризмах, в «плодах раздумья». Иногда он действительно вдумывается, и тогда изрекает не наставление или совет, а приказ, команду, предписание; — напр., в афоризмах: «если хочешь быть счастливым, будь им!» — «смотри в корень!» — «бди!» и т. п. Иногда же он вдохновляется только прихотью, властью, командой, и столь же повелительно изрекает свои предписания, хотя в них нельзя найти ни повода, ни мысли, ни цели; — таковы, напр., афоризмы: «если у тебя есть фонтан, заткни его: дай отдохнуть и фон-

тану»; — «стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу»; — «в доме без жильцов известных насекомых не обрящешь», и т. п. — Во всех этих случаях он покоряет читателя своею смелостью, требовательностью, самоуверенностью. Он, как зачастую случается в жизни, заставляет, своею смелостью, *признать* за ним достоинства и значение. Он *завоевывает* себе славу, имя поэта, философа, мыслителя и мудреца; — так почитали его при жизни, так почитают и поныне. И он тем достойнее такой славы, что приобрел ее не случайно, не прирожденными качествами, но — сознательно, простым хотением заставить общество смотреть прутковскими глазами и думать прутковским умом. Я очень любил Кузьму Петровича Пруткова, и потому скажу решительно, что он был гений.

II) По распадении Космы Пруткова, т. е. по смерти его, многое печаталось беззаконно и бесстыдно от его имени. Так и доселе поступает редактор журнала «Век», г-н Филиппов. — Из числа напечатанного в то время от имени К. Пруткова только в комедии «Любовь и Силин», напечатанной в журн. «Развлечение», № 18, 1861 г., и *в малой частице* фельетонов «СПб. Вед». 1876 г. — имеется *кое-что* действительно прутковское; но это «кое-что» смешано со стольким чужим и нисколько не свойственным К. Пруткову, что лишь он один, если б еще жил и пребывал в прежних силах, мог бы очистить свое от примешанного и представить это свое публике, в должной отделке. Но для этого уже миновало время; и потому «Любовь и Силин», *а тем паче помянутые фельетоны*, должны быть сполна причислены к чьим-то чужим сочинениям, неправильно выданным за прутковские. *Кроме поименованного в данном Вам перечне, нет никаких иных творений Кузьмы Пруткова.*

Кончая сим, желаю Вам повторительно всего наилучшего.

В. Жемчужников.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Во время приготовления к изданию настоящего полного собрания сочинений Козьмы Пруткова до издателей дошел слух: 1) что в публике ходят по рукам рукописные пасквильные и неприличные стихотворения, подписанные именем Козьмы Пруткова; и 2) что в журнале «Век» продолжается печатание статей, подписанных подложно этим же именем.

Издатели настоящего собрания сочинений Козьмы Пруткова, как единственные, по смерти графа Алексея Константиновича Толстого, лица, имеющие законное право говорить от имени Козьмы Пруткова и печатать его произведения, уже неоднократно протестовали печатно

против злоупотребления его именем. Они вынуждены теперь повторить свой протест, — не с целию бесполезной попытки исправить литературные нравы, но в предостережение нашей публики от обмана.

В предисловии к настоящему изданию (см. «Биографические сведения о Козьме Пруткове») перечислены те произведения Козьмы Пруткова, которые, принадлежа ему, *не вошли* в это собрание его сочинений, по соображениям издателей. Засим, всё *написанное* Козьмою Прутковым — в этом издании *напечатано*. Следовательно, всякие *другие* произведения, в стихах или в прозе, рукописные или печатные, оглашенные от имени Козьмы Пруткова, *не принадлежат ему*, т. е. составляют подлог. Лица, прибегающие к такому подлогу, очевидно желают: или придать своим произведениям значение и вес, облекаясь в популярное имя Козьмы Пруткова, или взвалить на него совершение таких поступков, за которые сами хотят избегнуть ответственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛЕ 1 — «Литературный ералаш». I («Современник», 1854, № 2).
ЛЕ 2 — «Литературный ералаш». II («Современник», 1854, № 3).
ЛЕ 3 — «Литературный ералаш». III («Современник», 1854, № 4).
ЛЕ 4 — «Литературный ералаш». IV («Современник, 1854, № 6).
ЛЕ 6 — «Литературный ералаш». VI («Современник», 1854, № 10).
Св. 3 — «Свисток» № 3 («Современник», 1859, № 10).
Св. 4 — «Свисток» № 4 («Современник», 1860, № 3).
Св. 5 — «Свисток» № 5 («Современник», 1860, № 5).
Св. 7 — «Свисток» № 7 («Современник», 1861, № 1).
Св. 9 — «Свисток» № 9 («Современник», 1863, № 4).
П.с.с. 1 — Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова. Спб., 1884.
П.с.с. 2—То же, изд. 2-е. Спб., 1885.
П.с.с. 3—12 — То же, изд. 3-е (Спб., 1893) — 12-е (Пг., 1916).
П.с.с.А. — То же, изд. Academia. М. — Л., 1933.
Рук. В.Ж. — Рукопись Владимира Жемчужникова.
Рук. А.Ж. — Рукопись Алексея Жемчужникова.
Тетр. А.Ж. — Тетрадь Алексея Жемчужникова 1855 г.
Тетр. В.Ж. — Тетрадь Владимира Жемчужникова с материалами, напечатанными в «Искре» 1860 г.
Тетр. 59 г. — Писарская тетрадь с цензурным разрешением 1859 г.
с. — страница.
ст. — стих.
стих. — стихотворение.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА И ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

Первое собрание сочинений Козьмы Пруткова, подготовленное Владимиром Жемчужниковым при участии Алексея Жемчужникова, вышло в 1884 г. и с тех пор переиздавалось без добавлений вплоть до 1916 г., когда было выпущено 12-е издание. В пореволюционное время дважды выпускались «полные собрания сочинений» Козьмы Пруткова: в 1927 г., в издании Госиздата под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева, и в 1933 г., в издании Academia под редакцией П. Н. Беркова. Состав этих изданий настолько расширен по сравнению с изданиями Жемчужниковых, что уже вышедшее в 1939 г. под редакцией В. А. Десницкого собрание («Малая серия» «Библиотеки поэта», изд. «Советский писатель»), включающее весь состав жемчужниковских изданий с рядом добавлений, носит скромное загла-

вие «Избранные сочинения». В советские годы выходил и целый ряд небольших сборников произведений Козьмы Пруткова.

В издании 1927 г. основной отдел повторяет дореволюционные издания; в виде приложения присоединены произведения, печатавшиеся в 50—60-е годы под именем Козьмы Пруткова в «Современнике», «Искре» и «Развлечении», но не входившие в прежние собрания. Дан краткий комментарий библиографического характера и некоторые документальные материалы, относящиеся к истории Козьмы Пруткова.

В издании 1933 г. добавлены еще произведения, печатавшиеся создателями Козьмы Пруткова (в том числе и Александром Жемчужниковым) от его имени и после 60-х годов, а также произведения, впервые извлеченные из рукописей (неизданные афоризмы и анекдоты). Даны основные варианты, обширный комментарий, библиография публикаций Козьмы Пруткова и литературы о нем, перепечатаны обильные документальные материалы: письма в редакции, частные письма, интервью, выдержки из дневников и т. д. Таким образом, издание под редакцией П. Н. Беркова должно считаться первым изданием научного типа.

Настоящее издание, не давая столь обширных приложений, является более полным, чем предыдущие, в отношении текстов Козьмы Пруткова. Впервые в нем печатаются два неизвестные до сих пор стихотворения: «От Козьмы Пруткова к читателю в минуту откровенности и раскаянья» и «К месту печати». Они извлечены из сохранившейся в Пушкинском доме части корректуры публикации «Пух и перья» в Св. 4.[1] Эта корректура показывает, что в набор было послано не 7, а 18 произведений, — в их числе «Новогреческая песнь», опубликованная лишь в 1884 г. Три ненапечатанные стихотворения обведены в корректуре чертой и сбоку рукой Некрасова помечено: «Оставить до след. №». Но в следующем номере они не появились, как и остальные восемь произведений, набранные и оттиснутые на несохранившихся частях корректуры, но не вошедшие в журнальный текст «Пуха и перьев».

Все рукописные источники по Козьме Пруткову, за незначительными исключениями, находятся в архиве А. М. Жемчужникова (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде). В основном, это рукописные материалы к «Полному собранию сочинений», состоящие из текстов, переписанных набело В. Жемчужниковым, и из писарских копий произведений, ранее печатавшихся в журналах. На некоторых копиях имеются исправления В. М. Жемчужникова. Иногда исправляются и беловые рукописи; в этих случаях обычно имеется второй, окончательный беловик. Имеются и автографы Алексея Жемчужникова с исправлениями Вл. Жемчужникова, и, наоборот, некоторые рукописи В. Жемчужникова имеют исправления А. Жемчужникова, так как братья посылали на редакцию свои произведения друг другу. Но вообще, наличие рукописи одного из братьев, связанной с подготовкой П.с.с., не свидетельствует о его авторстве.

Под многими текстами копий В. Жемчужников обозначил авторство произведений инициалами: (В.Ж.), (А.Ж.), (А.Т.), (В.Ж. и А.Т.), (В. и Ал-й Ж-вы) и т. п.[2]

---

[1] Воспроизведена на с. XVII настоящего издания.

[2] В примечаниях к отдельным стихотворениям мы указываем наличие копии лишь в тех случаях, когда на ней имеются исправления или пометы об авторстве.

Из более ранних материалов существенны три тетради:

1) Тетрадь Алексея Жемчужникова с надписью: «Стихи, не пропущенные цензурой, ненапечатанные по собственному моему усмотрению и ожидающие печати, а равно и всякая мелюзга, внесенная сюда в память разных происшествий (все стихи, здесь помещенные, написаны после выпуска из училища). Апрель 1855». В этой тетради — автографы пяти басен.

2) Полуобгоревшая тетрадь Вл. Жемчужникова с афоризмами и «историческими материалами», опубликованными в «Искре». Текст более ранний, чем в «Искре»; имеются позднейшие изменения карандашом, рукой В. Жемчужникова.

3) Часть писарской тетради (без начала и ряда листов в середине), в которую, судя по нумерации, вошло всё опубликованное в «Литературном ералаше», но в ином порядке и с рядом исправлений, впоследствии реализованных в «Полном собрании сочинений» 1884 г. Тетрадь завершается пометой «Конец I части» и имеет постраничную цензорскую скрепу: «Цензор Надворный Советник Андрей Ярославцов». В сохранившемся реестре рукописей, пропущенных цензурой в 1859 г., имеется название рукописи — «Пух и перья. Досуги Кузьмы Пруткова. Часть I» — и дата цензурного разрешения — 30 декабря 1859 г. (Дело Главного управления цензуры 1859 г., № 78, л. 408 об.)

Тетрадь показывает, что в 1859 г. Вл. Жемчужников (пометки на писарской рукописи принадлежат ему) занимался редактированием собрания сочинений Козьмы Пруткова и провел уже рукопись (первой части, по крайней мере) через цензуру.

Работа по редактированию сочинений Козьмы Пруткова продолжалась и после выхода П.с.с. 1. В архиве В. А. Арцимовича (Пушкинский дом) сохранился экземпляр этого издания с поправками и добавлениями В. М. Жемчужникова. Часть этих поправок и добавлений вошла во 2-е издание, часть была отвергнута (вероятно, Алексеем Жемчужниковым или самим В. Жемчужниковым на дальнейшей стадии работы). Этот рукописный материал впервые использован в наших комментариях.

Тексты Козьмы Пруткова напечатаны в настоящем издании по собранию сочинений, выпущенному Жемчужниковыми (разумеется, с проверкой по всем другим источникам), а не вошедшие в это издание — по журнальным публикациям и рукописям, с применением, по возможности, принципа последней авторской воли.

Тем самым редактор настоящего издания коренным образом разошелся со своим предшественником П. Н. Берковым, который напечатал в издании 1933 г. все тексты не по собранию сочинений, а по журнальным публикациям.

П. Н. Берков исходил при этом из предложенной им схемы эволюции творчества Козьмы Пруткова, состоящей в том, что это творчество прошло три стадии: «либерально-дворянскую формацию» (участие в либерально-дворянском «Литературном ералаше»), союз с радикальными разночинцами (участие в «Свистке») и, наконец, «либерально-буржуазную формацию» («Полное собрание сочинений», изданное и поддержанное либерально-буржуазными кругами). Тем самым, наиболее социально заостренный период Козьмы Пруткова падает на 60-е годы, — в собрании же сочинений «сатирическая заостренность этого

образа притупляется и, наоборот, усиливаются элементы «чистого» комизма, делающие Пруткова либерально-аполитичным».[1] По П. Н. Беркову, и ввод в собрание сочинений «Биографических сведений», так резко очертивших образ Пруткова, и исключение дурашливой комедии «Любовь и Силин» — всё оказывается признаками стилизации образа Пруткова «под осторожное, либерально-буржуазное, почти вовсе лишенное сатирического привкуса подтрунивание над бюрократическим строем императорской России».[2]

Чтобы раскрыть перед советским читателем радикального, а не либерально-стилизованного Пруткова, П. Н. Берков и предпочитает в своем издании тексты первоначальных журнальных публикаций окончательным текстам.

Между тем, если произведения 60-х годов, не вошедшие (вероятно, по цензурным причинам) в собрание сочинений («Проект», «Военные афоризмы»), действительно отличаются политической резкостью, то произведения, напечатанные в «Свистке» 1860 г. и вошедшие в собрание сочинений (как и впервые опубликованные в собрании сочинений), — в основном, восходят к тому же периоду, что и напечатанные в «Литературном ералаше» и не отличаются от них по духу (см. об этом во вступительной статье). Притом переработка для собрания сочинений коснулась в значительной мере как раз произведений из «Литературного ералаша» и, как показывают рукописные материалы (см. выше, с. 347), была произведена еще в 1859 г., так что П. Н. Берков зачастую отвергает именно тексты «соратника радикальных разночинцев» в пользу «либерально-дворянских» текстов.

Таким образом в данном случае нет, по нашему мнению, никаких оснований отходить от общепринятого принципа публикации по последним авторским текстам.

Но принятие этого принципа еще не решает в данном случае основного текстологического вопроса: какое издание должно быть положено в основу.

Последним изданием, выпущенным под наблюдением Владимира Жемчужникова, является 2-е, вышедшее в 1885 г.; последнее издание, появившееся при жизни Алексея Жемчужникова, пережившего всех своих соавторов, — 9-е, вышедшее в 1903 г.

Из переписки В. М. Жемчужникова с М. М. Стасюлевичем видно, что он тщательно подготовлял 2-е издание. Свидетельством этой работы является и упомянутый выше экземпляр 1-го издания с поправками В. М. Жемчужникова. Во 2-м издании сделан ряд стилистических исправлений, иначе формулированы некоторые афоризмы, даны новые примечания, значительно изменена пунктуация, кое-где исправлены неверные хронологические указания на прежние публикации и т. д.

Между тем, 3-е издание, вышедшее через 8 лет после второго, и все следовавшие за ним, печатались не со 2-го издания, а с 1-го, — и поправки В. Жемчужникова были, таким образом, аннулированы.

Невозможно думать, что это результат сознательного отвержения Алексеем Жемчужниковым предсмертной работы его брата, которому он и А. К. Толстой всегда предоставляли собирать и обрабатывать Козьму Пруткова. Ряд исправлений 2-го издания вносит очевидно бо́льшую ясность в текст. Например, в «Выдержках из записок моего

---

[1] К. Прутков. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1933, с. 44.
[2] Там же, с. 37.

деда» вместо непонятного текста «Факты являются из сочинений. Сочинения обусловливают выводы» читаем: «Факты являются из сближений. Сближения обусловливают выводы». В то же время понятные архаизмы вводятся, например «сильняе прежнего» вместо «сильнее прежнего».

В стихе, неверно напечатанном в 1-м издании (и всех дальнейших, начиная с 3-го):

Взирать с небес на дальний мир —

(«Желания поэта»), «дальний» исправляется (в согласии с рукописью и журнальным текстом) на «дольний». В стихотворении «Философ в бане» имя «Левконая» изменяется на «Левконоя»; так в журнале и, главное, в стихотворении Щербины, которое здесь пародируется.

В 5-й анекдот «Из записок моего деда» вносятся явно выпавшие в 1-м издании слова: «и оная знатная девица». В перечисление «поспешно вбегающих женихов» в 6-м явлении «Фантазии» вносится Разорнаки, присутствие которого на сцене в данном явлении совершенно непонятно в обычном тексте. Примечание: «Это явление немного сокращено противу рукописи» дано не к 6-му явлению, а к 7-му, — что соответствует действительности.

Ряд изменений в тексте 2-го издания устраняет плеоназмы и вообще вносит несомненные стилистические улучшения.

Очевидно, что игнорирование всех поправок 2-го издания во всех дальнейших является результатом не сознательной воли, а скорее небрежности Алексея Жемчужникова, перевалившего на восьмой десяток, жившего далеко от Петербурга и всегда гораздо более озабоченного судьбой стихов, издававшихся под его именем, чем под именем Козьмы Пруткова, к славе которого он как будто даже ревновал публику.

Исходя из этих соображений, мы впервые кладем в основу текстов Козьмы Пруткова 2-е издание его «Полного собрания сочинений» (Спб., 1885).[1]

С изданием 1933 г. — единственным, могущим претендовать на научное значение, — наше издание кардинально расходится и в отношении принципов композиции. П. Н. Берков, положив в основу издания жанровые рубрики жемчужниковского издания, добавил к ним собственные («Полемика, педагогика, публицистика»), а внутри рубрик расположил произведения не согласно авторской воле, а в порядке хронологии их опубликования (для Пруткова весьма мало соответствующей хронологии написания). Он соединил вместе «канонического» и «апокрифического» Пруткова и разрешил себе перераспределять произведения по отделам (так, в отдел «Стихотворений» включен не только «Спор древне-греческих философов об изящном», перенесенный из отдела «Драматических произведений», но и «Предисловие» и «Предуведомление», писанные прозой и относящиеся не к одним стихам, а к «Досугам» и «Пуху и перьям» в целом).

В нашем издании сохранена структура П.с.с. 1—12, причем в каждом разделе отделяются произведения, вошедшие в П.с.с. 1—12 и

[1] Издание под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева (1927 г.) напечатано, по указанию редакторов, по 3-му изданию, 1887 г., с исправлениями по 1-му и 2-му изданиям. Здесь какая-то ошибка. В 1887 г. не было издания Пруткова, а 3-е издание вышло в 1893 г. Основания, по которым это издание предпочтено предыдущим и последующим, неясны.

расположенные в том порядке, как они там напечатаны, от произведений, не вошедших в основное собрание и располагаемых в хронологии опубликования. Эти две группы произведений в каждом разделе соответственно располагаются под цифрами I и II. В отдел «Приложений» отнесены 1) предисловия к журнальным публикациям Козьмы Пруткова, 2) непризнанные Алексеем и Владимиром Жемчужниковыми произведения, подписанные именем Козьмы Пруткова и заведомо или вероятно принадлежащие Александру Жемчужникову, 3) напечатанное за подписью Алексея Жемчужникова стихотворение 1907 г. «Посмертное произведение Козьмы Пруткова», в котором Козьма Прутков выступает не как автор, а скорее как хорошо знакомый читателям персонаж, говорящий о событиях, отделенных от его эпохи многими десятилетиями. Все это составляет первый отдел «Приложений». Под цифрой «II» в «Приложениях» даны важнейшие письма и заявления А. и В. Жемчужниковых, касающиеся Козьмы Пруткова.

Все подстрочные примечания к текстам Козьмы Пруткова являются составной частью текста: они приписаны К. Пруткову, либо даны от лица его издателей. Все пояснения редактора настоящего издания даны в отделе «Примечания», кроме двух указаний в тексте, в ломаных скобках, на с. 287 и 288.

ДОСУГИ И ПУХ И ПЕРЬЯ

Заглавие отдела объединяет заглавия публикаций Кузьмы Пруткова в «Литературном ералаше» 1854 г. («Досуги Кузьмы Пруткова») и в «Свистке» 1860 г. № 4 («Пух и перья (Daunen und Federn). К Досугам Кузьмы Пруткова»).

Предисловие. ЛЕ 1, с. 2. под загл.; «Предисловие к Досугам Кузьмы Пруткова». Рук. В.Ж.

Annus (лат.) — год. Annus, i — форма, применяемая в латинских словарях для имен существительных (с обозначением родительного падежа).

Письмо известного Козьмы Пруткова. ЛЕ 4, с. 67—68, под загл. «От известного Кузьмы Пруткова к неизвестному г. фельетонисту «Санктпетербургских Ведомостей» по поводу статьи сего последнего». Начало — в рук. В.Ж.

Первоначальный текст отличается от окончательного своим тоном; так, здесь нет еще обращения к фельетонисту на «ты». Приводим для сравнения первый абзац первоначального текста:

«Я пробежал статейку в 80 № «С.-Петербургских Ведомостей», писанную г. неизвестным фельетонистом: в ней упоминается обо мне, это ничего; но в ней неосновательно меня хулят, за это я не похвалю, хотя г. фельетонист очевидно домогается моей похвалы».

Прутков возражает автору обозрения «Русская журналистика» в «С.-Петербургских ведомостях» 1854 г., 9 апреля, № 80. Он упрекает обозревателя в том, что тот не отделяет произведений Пруткова от остального содержания «Литературного ералаша». Так, критик приводит в пример рядом со «Спором греческих философов об изящном» малоудачную сцену «Раздумье артиста», напечатанную также в ЛЕ 1, без подписи, в цикле «Драмы из обыденной, преимущественно столич-

ной жизни». Цикл этот принадлежит А. В. Дружинину (перепеч. в собрании его сочинений, ч. 8, Спб., 1866, с. 715—755).

Под «Гномами» Прутков имеет в виду сцену «Литературные гномы и знаменитая артистка (Фантастическая сцена из подземной литературы)», напечатанную с подписью «Апполиний **» в ЛЕ 2. Здесь высмеиваются отзывы русских журналистов, в особенности Аполлона Григорьева и В. Зотова (автора стихотворения «Знаменитой артистке») об игре знаменитой французской актрисы Рашели, гастролировавшей в Москве в начале 1854 г.

По поводу «Спора древне-греческих философов об изящном» Прутков полемизирует со следующим утверждением критика: «Недурно написан «Спор греческих философов об изящном», но мы решительно не видим, где же в нашей литературе поводы или оригиналы для этой карикатуры: скажите, читали ли вы в последние тридцать лет какие-нибудь «Разговоры мудрецов» или «Разговоры об изящном, прекрасном» или что-нибудь в этом роде? Во всех этих пародиях (лучших в «Ералаши») нет цели, нет современности, нет жизни».

СТИХОТВОРЕНИЯ

I (Основное собрание)

Мой портрет. Св. 4, с. 44, под загл. «К моему портрету (который будет издан вскоре, при полном собрании моих сочинений)». Копия с указанием авторства А. К. Толстого. Рук. В.Ж. Напечатанное в 1860 г., стих. написано значительно ранее: Иван Чернокнижников (А. В. Дружинин) в «Заметках петербургского туриста» 1856 г., описывая встречу с Кузьмой Прутковым, упоминает о его «неровном шаге» и «челе мрачнее туманного Казбека» («С.-Петербургские ведомости», 1856, 22 февр., № 43, с. 243. Перепечатано в собрании сочинений А. В. Дружинина, т. 8, Спб., 1867, с. 408).

Незабудки и запятки. «Современник», 1851, № 11, отд. VI, с. 90, в статье «Заметки Нового поэта о русской журналистике. Октябрь 1851», без указания автора. Статья кончается так: «Вообще нынешний месяц я был завален стихотворениями, которые слетаются к нам со всех концов России на мое снисходительное рассмотрение. При самом заключении этих заметок я получил следующие три басни, с которыми мне непременно хочется познакомить читателей» (следуют басни «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул», «Цапля и беговые дрожки»). «Эти басни, — заключает Новый поэт (И. И. Панаев), — заставили меня очень смеяться, чего я желаю от всей души и вам, мой читатель».

Рук. В. Ж. с вариантами (по сравнению с текстом «Современника») зачеркнута, начиная со ст. 5 Алексеем Жемчужниковым, вписавшим ниже текст последних шести стихов в прежнем виде.

Басня написана Александром Жемчужниковым, как указывает В. М. Жемчужников в письме к А. Н. Пыпину от 6/18 февраля 1883 г. (см. с. 336). Указанная там дата «летом 1851 или 1852 г.» уточняется как лето 1851 г., так как басня напечатана в этом году.

Честолюбие. ЛЕ 1, с. 7. Копия с указанием авторства Владимира и Алексея Жемчужниковых.

Кондуктор и тарантул. «Современник» 1851, № 11, отд. VI, с. 90, вместе с баснями «Незабудки и запятки» (см. примеч. к этой басне) и «Цапля и беговые дрожки». Рук. В.Ж. Рукопись в тетр. 59 г., под № XXXVI.

Басня написана Александром Жемчужниковым при участии Алексея Жемчужникова летом 1851 г. (см. с. 336 и примеч. к стих. «Незабудки и запятки»).

Этой басне посвящена часть фельетона А. В. Дружинина «Письма иногороднего подписчика о русской журналистике» за декабрь 1851 г. («Библиотека для чтения», 1852, № 1, Смесь, с. 113—117; Сочинения А. В. Дружинина, т. 6, с. 559—563).

Депансы (франц. Dépenses) — издержки, расходы.

Поездка в Кронштадт. ЛЕ 1, с. 6—7, без подзаголовка и сноски. Рук. В.Ж. с первоначальными подзаголовками: «Письмо г. Бенедиктову» и «Посвящено г. Бенедиктову», со сноской «Известно, что г. Бенедиктов тоже служил в министерстве финансов».

В ЛЕ 5-я строфа читается так:

На носу один стою я,
И стою я не страшась,
Морю песни в честь пою я,
И пою я веселясь!..

Среди бумаг В. М. Жемчужникова, относящихся к подготовке П.с.с., сохранилась следующая пометка:

«Посланы Алешиньке: стр. 20 „Поездка в Кронштадт“
стр. 21 „Мое вдохновенье“
К толпе } не вошедшие в собрание».
Шея }

Так как при подготовке П.с.с. братья посылали друг другу на редакцию свои произведения, надо думать, что «Поездка в Кронштадт» принадлежит В. М. Жемчужникову, тем более, что принадлежность ему остальных указанных стихотворений подтверждается либо его пометками («Мое вдохновение», «К толпе»), либо автографами («Шея»), и что ему несомненно принадлежит связанное с данным стихотворение «Возвращение из Кронштадта».

Мое вдохновение. ЛЕ 6, с. 96. Копия с указанием авторства В. М. Жемчужникова. Рук. В.Ж. Примеч. к ст. 1 имеется только в П.с.с. 2.

Цапля и беговые дрожки. «Современник», 1851, № 11, отд. VI, с. 90—91, вместе с баснями «Незабудки и запятки» (см. примеч. к этой басне) и «Кондуктор и тарантул». В этом тексте ст. 8 заменен строкой точек, ст. 10 отсутствует; кроме того, имеются следующие разночтения:

1. На беговых философ ехал дрожках,
9. Коль мещанином ты рожден, — будь мещанин
11. А если ты кузнец и захотел быть барин,
14. Не только не добыть тебе те длинны ножки,
15. Но можешь потерять коротенькие дрожки.

Перепечатано с некоторыми изменениями в статье «Защита памяти К. П. Пруткова». Басня написана Александром Жемчужниковым при участии Алексея Жемчужникова летом 1851 г. (см. с. 336 и примеч. к стих. «Незабудки и запятки»).

Юнкер Шмидт. ЛЕ 1, с. 14, под загл. «Из Гейне». В экземпляре П.с.с. 1 с поправками В. М. Жемчужникова вписан подзаголовок: «Может быть — из Гейне». Копия с указ. авторства А. К. Толстого. Принадлежность стихотворения А. К. Толстому указана и в «корреспонденции» Алексея Жемчужникова в «С.-Петербургских ведомостях» от 6 февраля 1874 г. (см. с. 321).

Разочарование. Св. 4, с. 46—47, с подзагол. «Баллада», без посвящения Я. П. Полонскому и со сноской: «Музыка, собственного моего изобретения, будет напечатана при полном собрании моих творений. Прим. Козьмы Пруткова». Копия с указ. авторства В. М. Жемчужникова. Стих. является пародией на стих. Я. П. Полонского «Финский берег», напечатанное в «Москвитянине» в 1852 г. (№ 21) и вошедшее в собрание стихотворений Полонского 1855 г.:

Лес да волны — берег дикий,
А у моря домик бедный.
Лес шумит; в сырые окна
Светит солнца призрак бледный.

Словно зверь голодный воя,
Ветер ставнями шатает.
А хозяйки дочь с усмешкой
Настежь двери отворяет.

Я за ней слежу глазами,
Говорю с упреком: «Где ты
Пропадала? Сядь хоть нынче
Доплетать свои браслеты!»

И окошко протирая
Рукавом своим суконным,
Говорит она лениво
Тихим голосом и сонным:

«Для чего плести браслеты?
Господину не в охоту
Ехать морем к утру, в город,
Продавать мою работу!»

— «А скажи-ка, помнишь, ночью,
Как погода бушевала,
Из сеней укравши весла,
Ты куда от нас пропала?

В эту пору над заливом
Что мелькало, не платок ли?
И зачем, когда вернулась,
Башмаки твои подмокли?»

Равнодушно дочь хозяйки
Обернулась и сказала:
«Как не помнить! я на остров
В эту ночь ладью гоняла...

И сосед меня на камне
Ждал, а ночь была лихая —
Там ему был нужен хворост,
И ему его свезла я.

На мысу в ночную бурю
Там костер горит и светит;
А зачем костер? — на это
Каждый вам рыбак ответит...»

Пристыженный, стал я думать,
Грустно голову понуря:
Там, где любят помогая,
Там сердца сближает буря...

Эпиграмма № I. ЛЕ 1, с. 5. Копия с указ. авторства А. К. Толстого.

Червяк и попадья. П.с.с. 1, с. 26. Два автографа Алексея Жемчужникова, один из которых — в тетр. А. Ж., под загл. «Попадья и червяк», с датой «1853» и пометами «(не отд⟨ано⟩ в п⟨ечать⟩)» и «(с братом моим Александром)». Тем самым, надо, очевидно, считать неправильным указание В. М. Жемчужникова на то, что басня написана «одним бр. Алексеем» «летом 1851 или 1852 г.» (см. с. 336). В списке произведений в письме В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину от 6—18 февраля 1883 г. — под загл. «Попадья и червяк».

Аквилон. ЛЕ 6, с. 96—98, без подзаголовка. Копия с указ. авторства В. М. Жемчужникова. Рук. В.Ж. с зачеркнутой сноской к подзаголовку: «Г. Бенедиктов тоже служил в министерстве финансов». Рукопись окончания стих. — в уцелевшей части тетр. 59 г., под № XXXIII.

Стих. является пародией на стих. В. Г. Бенедиктова «Море» (напечатанное в сборнике его стихотворений 1836 г.), в котором также сочетаются части, написанные четырехстопным хореем, с частями, написанными четырехстопным амфибрахием (у Бенедиктова еще и четырехстопным ямбом). Приводим отрывки, близкие к пародии Козьмы Пруткова:

Вихорь! Взрыв! — Гигант проснулся,
Встал из бездны мутный вал,
Развернулся, расплеснулся,
Закипел, заклокотал.

. . . .

Кто ж идет на вал гремучий?
Это он — пучины царь,
Это он — корабль могучий,
Волноборец, храм пловучий,
Белопарусный алтарь!

Он летит, ширококрылый,
Режет моря крутизны,
В битве вервия, как жилы,
У него напряжены,
И как конь, отваги полный,
Выбивает он свой путь,
Давит волны, топчет волны,
Гордо вверх заносит грудь.
. . . .
Свершилось... Кончен бег свободный.
При вопле бешеных пучин
Летит на грань скалы подводной
Пустыни влажной бедуин.
Удар — и взят ревущей бездной,
Измят, разбит полужелезный...
. . . .
И занято с небом торжественным спором,
Сияя в венце громового огня,
Ты б мне простонало понятным укором,
Презрительно влагой плеснуло в меня!

Стихи 47—48:

Всё водное — водам, а смертное — смерти;
Всё влажное — влагам, а твёрдое — тверди!

пародируют ст. 27—28 стихотворения Бенедиктова «Облака» (напечатанное в сборнике его стихотворений 1836 г.):

Всё мрачное мраку, а фебово Фебу!
Всё дольнее долу, небесное небу!

Желания поэта. ЛЕ 6, с. 98, под загл. «Желанье поэта». Копия с указ. авторства В. М. Жемчужникова. Рук. в тетр. 59 г., под № XXXIV, под загл. «Желанья поэтов». Ст. 6 в ЛЕ читается:

Пылинкой в воздухе летать.

В П.с.с. 2 выправлено ошибочное чтение ст. 10 в П.с.с. 1 (перешедшее в П.с.с. 3—12): «Взирать с небес на дальний мир».

В экземпляре П.с.с. 1 с поправками В. М. Жемчужникова имеется следующее рукописное примечание к заглавию, не вошедшее в текст П.с.с. 2:

«Клевреты покойного Козьмы Пруткова настоятельно убеждали его не высказывать публично таких желаний; но он не слушал, ссылаясь на примеры многих других поэтов и утверждая, что подобные желания составляют один из непременных признаков истинного поэта».

Стих. является пародией на стих. А. С. Хомякова «Желание» (1827 г.; включено в сборник Хомякова 1844 г. «25 стихотворений»):

Хотел бы я разлиться в мире;
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездою в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.
Хотел бы зыбию стеклянной

Играть в бездонной глубине
Или лучом зари румяной
Скользить по плещущей волне.
Хотел бы с тучами скитаться,
Туманом виться вкруг холмов
Иль буйным ветром разыграться
В седых изгибах облаков;
Жить ласточкой под небесами,
К цветам ласкаться мотыльком
Или над дикими скалами
Носиться дерзостным орлом.
Как сладко было бы в природе
То жизнь и радость разливать,
То в громах, вихрях, непогоде
Пространство неба обтекать.

Память прошлого. Св. 4, с. 45. Копия с указ. авторства А. К. Толстого.

Разница вкусов. ЛЕ 1, с. 13, под загл.: «Урок внучатам». Копия с указ. авторства В. М. Жемчужникова. В экземпляре П.с.с. 1 с поправками В. М. Жемчужникова примечание к заглавию вписано в следующем виде:

«В 1-м издании этой басни (см. журнал «Современник» 1853 г.) она была озаглавлена: *«Урок внучатам»*, — в ознаменование действительного происшествия в семье Козьмы Пруткова. Именно: в день его именин, за многолюдным обедом, на котором присутствовал, в числе прочих чиновных лиц, приезжий из Москвы, известный своею опасною политическою благонадежностью, действительный статский советник Кашенцов, — с почтенным хозяином вступил в публичный спор, о вкусе цикорного салата, внучатный племянник его, К. И. Шерстобитов. Козьма Прутков сначала возражал спорщику шутя, и даже вдруг произнес, экспромтом, следующее стихотворение:

Я цикорий не люблю —
Оттого, что в нем, в цикорьи
Попадается песок...
Я люблю песок на взморьи,
Где качается челнок;
Где с бегущею волною
Спорит встречная волна
И полуночной порою
Так отрадна тишина!

Этот неожиданный экспромт привел всех в неописуемый восторг и вызвал общие рукоплескания. Но Шерстобитов, задетый в своем самолюбии, возобновил спор с еще бо́льшей горячностью, ссылаясь на пример Западной Европы, где, по его словам, цикорный салат уважается всеми образованными людьми. Тогда Козьма Прутков, потеряв терпение, назвал его публично щенком и высказал ему те горькие истины, которые изложены в печатаемой здесь басне, написанной им тотчас после обеда, в присутствии гостей. Он посвятил эту басню упомянутому действительному статскому советнику Кашенцову,

в свидетельство своего патриотического предпочтения даже худшего родного лучшему чужестранному».

Это впервые публикуемое авторское примечание подтверждает указание П. Н. Беркова: «Басня несомненно имеет в виду споры между славянофилами и западниками». (П. с. с. А., с. 531).

Письмо из Коринфа. ЛЕ 1, с. 14, с подзагол. «Греческое стихотворение», без последней строфы, — очевидно, не пропущенной цензурой. Посвящение имеется только в П.с.с. 2. Копия с указ. авторства А. К. Толстого, с приписанной карандашом, рукой В. М. Жемчужникова, 4-й строфой.

Что строфа эта не сочинена впоследствии, при подготовке П. с. с., доказывается тем, что она вписана М. Н. Лонгиновым (умершим в 1875 г.) в его экземпляр ЛЕ (хранящийся в Пушкинском доме).[1]

Стих. является пародией на стих. Н. Ф. Щербины «Письмо» («Я теперь не в Афинах, мой друг»), включенное в его сборник 1850 г. «Греческие стихотворения». Оно кончается словами:

Красота, красота, красота! —
Я одно лишь твержу с умиленьем.

Ср. у Пруткова: «Красота! красота! — всё твержу я».

Романс («На мягкой кровати»). П.с.с. 1, с. 36—37. Рук. В. Ж. В списке в письме В. М. Жемчужникова А. Н. Пыпину от 6/18 февраля 1883 г. названо: «Козак и Армянин».

Древний пластический грек. ЛЕ 3, с. 50, под загл. «Пластический грек». Копия с указанием авторства А. К. Толстого. Рук. В. Ж.

Помещик и садовник. Св. 4, с. 44—45. Копия с указ. авторства Алексея Жемчужникова. 2 автографа Алексея Жемчужникова, один из которых — в его тетради 1855 г., с датой «1855» и пометами «(Для Пруткова)» и «(не отд<ано> еще в п<ечать>)».

Безвыходное положение. ЛЕ 2, с. 34—35, с подзаголовком «(Письмо к моему приятелю Апполинию в Москву)». Копия с указ. авторства В. М. Жемчужникова. Рук. в тетр. 59 г., под № XXIII, с подзаголовками: а) «(Письмо к Москвитянину, а в нем преимущественно г. Аполлону Григорьеву)», б) «(Письмо к г. Аполлону Григорьеву в ответ на статьи его в «Москвитянине»)».

В П.с.с. 1 и 3—12 с подзаголовком «Письмо г. Аполлону Григорьеву, по поводу статей его в «Москвитянине» 1853—4 гг.» и без примечания, имеющегося только в П.с.с. 2.

Стихотворение как бы смонтировано из отдельных терминов и формулировок Аполлона Григорьева в статьях 1852—1853 гг. Так, к статье Григорьева «Русская литература в 1851 г.» восходят такие стихи, как

И без основ борьбу, страданье без исхода.

---

[1] Указанием на этот факт я обязан И. Г. Ямпольскому.

У Григорьева: «Слово борьбы без основ, страданий без исхода» (А. Григорьев. Собрание сочинений, вып. 9, М., 1916, с. 24).

Или:

....мертвой копировкой
Явлений жизненных действительности грустной...

У Григорьева: «...мертвая копировка явлений не может удовлетворить талант». В том же абзаце и «грустная действительность» (Там же, с. 38).

В альбом красивой чужестранке. ЛЕ 2, с. 37, без подзаголовка. Копия с указ. авторства В. М. Жемчужникова. Рукопись в тетр. 59 г., под № XXVI, с первонач. подзаголовком «От славянофила». В экземпляре П.с.с. 1 с поправками В. М. Жемчужникова имеется следующее примечание к заглавию, не вошедшее в текст П.с.с. 2:

«Это патриотическое стихотворение написано, очевидно, по присоединении Козьмы Пруткова к славянофильской партии, под влиянием Хомякова, Аксаковых и Аполлона Григорьева. Впрочем, Козьма Прутков, соображавшийся всегда с видами правительства и своего начальства, отнюдь не вдавался в крайности и по славянофильству: он сочувствовал славянофилам в превознесении только тех отечественных особенностей, которые правительство оставляло неприкосновенными, как полезные или безвредные, не переделывая их на западный образец, но при этом он, следуя указаниям правительства, предпочитал для России: государственный совет и сенат — боярской думе и земским соборам; чистое бритье лица — ношению бороды; плащ-альмавиву — зипуну и т. п.».

Стих. является пародией на стих. Хомякова «Иностранке» (1831 г.; вошло в сборник Хомякова 1844 г. «25 стихотворений»):

Вокруг нее очарованье;
Вся роскошь юга дышит в ней,
От роз ей прелесть и названье;
От звезд полудня блеск очей.
Прикован к ней волшебной силой,
Поэт восторженно глядит;
Но никогда он деве милой
Своей любви не посвятит.
Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтов радости и муки,
Поэтов чистая мечта;
Пусть в ней душа как пламень ясный,
Как дым молитвенных кадил;
Пусть ангел светлый и прекрасный
Ее с рожденья осенил;
Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса,
И ей милей страны другие,
Другие лучше небеса.
Пою ей песнь родного края;
Она не внемлет, не глядит.

При ней скажу я «Русь святая»,
И сердце в ней не задрожит.
И тщетно луч земного света
Из черных падает очей;
Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.

Стан и голос. «Современник», 1853, № 1, отд. VI, с. 104, в статье Нового поэта (И. И. Панаева) «Канун Нового, 1853 года», без указания автора.

В этом тексте ст. 7 заменен точками; имеются еще следующие разночтения с окончательным текстом:

3. Вам объяснить я это басней рад.
8. Но голос горлицы внезапно услыхал.

Перепечатано в статье «Защита памяти К. П. Пруткова». Рук. в тетр. 59 г., под № XIX.

По указанию В. М. Жемчужникова, басня написана Алексеем Жемчужниковым тогда же, когда и басни, напечатанные в «Современнике» 1851 г. (см. с. 336); таким образом, стих. датируется 1851 г.

Осада Памбы. ЛЕ 2, с. 36—37, без стиха 27. Копия с указанием авторства Алексея Толстого и Алексея Жемчужникова. Рук. в тетр. 59 г., под № XXV.

Чтение «Осады Памбы» и эффект, который это чтение производит, — центральный эпизод 3-й главы II части «Села Степанчикова и его обитателей» Достоевского.

Sancto Jago Compostello — святой Иаков Компостельский. *Каплан* — капеллан, священник католической домашней церкви.

Эпиграмма № II. «Искра», 1859, № 28, с. 276, под загл. «Опрометчивость. Быль», с инициальной подписью *Б. Ф.*

В этом тексте после ст. 4 имеются еще три стиха, отделенные пробелом:

Конечно, всякий догадался,
Что птицеводства часть, да часть архитектуры,
Рождают не детей, а разве каламбуры.

Рук. В. Ж. с зачеркнутыми заглавиями «Птичница и архитектор», «К птичнице и архитектору». В списке в письме В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину от 6/18 февраля 1883 г. названо: «Архитектор и птичница».

Вопрос об авторстве стихотворения сложен. Инициалы подписи в «Искре» Б. Ф. естественно считать начальными буквами подписи «Борис Фаддеев», в которой, очевидно, сочетались имена продажных реакционных журналистов Фаддея Булгарина и Бориса Федорова. Но за этой подписью в «Искре» 1859 г. помещал свои стихотворения В. С. Курочкин. Ему и приписывает комментируемое стихотворение И. Ф. Масанов («Русские сатиро-юмористические журналы». Вып. I. Владимир, 1910, отд. II, с. 6). Однако включение стихотворения в «Полное собрание сочинений» Козьмы Пруткова противоречит такой атрибуции.

Стихотворение включено в «Полное собрание сочинений» А. К. Толстого под ред. П. В. Быкова (т. I, Спб., 1907, с. 504) вместе с рядом других стихотворений Козьмы Пруткова. По указанию П. В. Быкова, «принадлежность этих стихотворений гр. А. К. Толстому была удостоверена В. П. Гаевским и другими лицами, к которым редактор настоящего собрания стихотворений обращался еще в 80-х годах за справками и указаниями» (с. 528). Однако включение в это собрание, на том же основании, стих. «Древней греческой старухе», принадлежащего Алексею Жемчужникову, стих. «К друзьям после женитьбы», принадлежащего Вл. Жемчужникову, стих. «Я встал однажды рано утром» и «Простуда», принадлежность которых А. К. Толстому крайне сомнительна, — делают и данную атрибуцию П. В. Быкова недостоверной.

П. Н. Берков приписывает стихотворение В. М. Жемчужникову (П. с. с. А., с. 593), но, как и в ряде других случаев, никак не аргументирует своей атрибуции. Мы обычно не указываем в примечаниях подобного рода необоснованных атрибуций. Но в данном случае мнение П. Н. Беркова отчасти подтверждается тем, что именно В. М. Жемчужникову мог быть известен неизданный цикл эпиграмм П. П. Ершова на архитектора, «строящего куры» (так как именно В. М. Жемчужникова Ершов «знакомил с прежними своими шутками» — см. с. 337); этот цикл, очевидно, является источником комментируемого стихотворения. Приводим одну из эпиграмм Ершова:

В постройках изощрясь градской архитектуры,
Наш зодчий захотел девицам строить cour'ы,
Но верен всё-таки остался наш Протей
Строительной профессии своей:
Во всех делах его видны — одни фигуры.

(Подробнее см.: Б. Бухштаб. Козьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов. — «Омский альманах», кн. 5. Омск, 1945, с. 129).

Строить куры — из французского «faire la cour» — ухаживать.

Доблестные студиозусы. ЛЕ 3, с. 52, под загл. «Из Гейне». Копия с измененным заглавием «Из Гейне № 2», с указ. авторства Алексея Жемчужникова и Алексея Толстого. 2 рук. В. Ж. с последовательными заглавиями: «Студиозусы: Вагнер и Кох», «Студентский спор (Как бы из Гейне)», «Студиозусы», «Доблестные студиозусы». В экземпляре П.с.с. 1 с поправками В. М. Жемчужникова вписан подзаголовок: «Кажется — из Гейне».

Шея. П.с.с. 1, с. 49—50. В П.с.с. 1 и 3—12 с подзаголовком «Посвящается поэту-сослуживцу, г-ну Бенедиктову».

Две рук. В. Жемчужникова, являющегося, очевидно, автором стихотворения; одна из его рукописей, под загл.: «Шея (Бенедиктову)» — с большой правкой Алексея Жемчужникова. Приводим первоначальный текст, впервые напечатанный в П.с.с. А., с. 552—553:

Шея девы — наслажденье.
Шея — снег, змея, кристалл,
Шея — радость, удивленье;
Шея — моря пенный вал.

Шея — лебедь, шея — пава;
Шея — тонкий волосок,
Шея — прелесть, гордость, слава;
Шея — мраморный кусок...

Кто тебя, драгая шея,
Смелой дланью обоймет?
Кто тебя, дыханьем грея,
Поцелуем припечет?

Кто тебя, крутая выя,
Станет холить и беречь,
В дни июня огневые
Будет с зоркостью стеречь:

Чтоб от солнца, в зной палящий,
Не покрыл тебя загар;
Чтобы кожицы блестящей
Не пронзил злодей комар;

Чтоб от летней едкой пыли
Ты не сделалась черна;
Чтоб тебя не иссушили
Грусть, и ветры, и весна.

Я тебя держал бы в холе
И берег бы, охранял;
Я б тебя, гуляя в поле,
Дымкой нежной прикрывал.

Я б врагов твоих, с раченьем,
Дланью собственной давил;
А тебя бы с восхищеньем
Всё ласкал бы и любил.

В экземпляре П.с.с. 1 с поправками В. М. Жемчужникова вписано следующее примечание, не вошедшее в текст П. с. с. 2:

«Поэт Бенедиктов, имевший немалый успех, служил (как и поэт кн. Вяземский), подобно Козьме Пруткову, по министерству финансов; и Козьма Прутков особенно ценил г-на Бенедиктова».

Стих. является пародией на стих. Бенедиктова «Кудри», вошедшее в сборник его стихотворений 1836 г. По указанию Л. Я. Гинзбург, „«Кудри» — одно из самых популярных стихотворений Бенедиктова, который долго фигурировал под наименованием «поэт кудрей»" (В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., 1939, с. 309). Приводим начало и несколько стихов из середины стихотворения Бенедиктова.

Кудри девы — чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!
. . . .
«Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?

Кто-то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из нас, друзья-страдальцы,
Будет амвру их впивать,
Навивать их шелк на пальцы,
Поцелуем припекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьме по изголовью
Беззавстно рассыпать?»

Для датировки «Шеи» не лишено значения, что в изданиях Бенедиктова, начиная с 1856 г., высмеянный в пародии стих «Поцелуем припекать» читается иначе: «Поцелуем прижигать».

Помещик и трава. Св. 4, с. 45—46. 2 авт. Алексея Жемчужникова, один из которых — в его тетради 1855 г., с датой «1855» и пометками: «(для Пруткова)», «Не отд<ано> еще в п<ечать>».

На взморье. ЛЕ 2, с. 33, под загл. «* * * (Подражание Гейне)». Копия с указ. авторства В. Жемчужникова и А. Толстого. Рукопись в тетр. 59 г., под № XXII, с зачеркнутыми заглавиями: «Подражание Гейне. Обычное», «Подражание Гейне. Обыденное», «Из Гейне». В П.с.с. 1 и 3—12 с подзаголовком «Тоже, может быть, из Гейне».

Катерина. П.с.с. 1, с. 54—55. Рук. В. Ж. Эпиграф — начало знаменитой речи Цицерона против Катилины. В переводе: «Доколе же, Катилина, будешь ты испытывать наше терпение»?»

Немецкая баллада. ЛЕ 3, с. 50, под загл. «Баллада (С немецкого)». Копия с указанием авторства В. Жемчужникова. Фамилия «фон-Гринвальдус» — только в П.с.с. 2, в ЛЕ 3 — «фон-Гринвальюс», в П.с.с. 1 и 3—12 — «фон-Гринвальус».

Рецензент «Пантеона» (1854 г., кн. 4, отд. IV, с. 33) назвал это стихотворение «пародией на балладу Шиллера». Имеется в виду, несомненно, баллада «Рыцарь Тогенбург», переведенная Жуковским. Действительно, стихотворение, высмеивая романтическую балладу, использует сюжетную ситуацию «Рыцаря Тогенбурга».

Чиновник и курица. Св. 7, с. 44—45, с подзаголовком «(Новая басня К. Пруткова)», без ст. 7—8, со следующими вариантами по сравнению с П.с.с.:

2. По Невскому, с бумагами подмышкой,
7—13. На службу он спешил, твердя себе: «беги!
Из прежних опытов давно уже ты знаешь, —
Как экзекутор наш с той и другой ноги
Старается в чулан упрятать сапоги,
Коли хотя немножко опоздаешь!...»

18—20. — Но из сего какой же выйдет плод?
«Так надобно». — Признайся напоследок:
Мечтал ли ты когда об участи наседок?
«А что?» — Последуй-ка примеру моему!..

В П.с.с. восстановлен, в основном, текст автографа Алексея Жемчужникова, являющегося автором басни, в его тетради 1855 г. Заглавие в рукописи: «Служащий (басня)». Имеется дата «1855» и пометы: «(для Пруткова)», «(Не отд<ано> еще в п<ечать>)».

Философ в бане. Св. 4, с. 48. К «Левконое» (В П.с.с. 1 и 3—12 неправильное чтение «Левконая») обращено стихотворение Н. Ф. Щербины «Моя богиня», пародируемое Прутковым. Приводим начало стихотворения Щербины в журнальной редакции («Москвитянин», ч. VI, отд. I, с. 203):

Члены елеем натри мне, понежь благородное тело
Прикосновением мягким руки, омоченной обильно
В светло-янтарные соки аттической нашей оливы,
Лоснится эта рука под елейною влагой, как мрамор,
Свеже-прохладной струей разливаясь по мышцам и бедрам,
Иль будто лебедь касается белой ласкающей грудью...

В собрании стихотворений Щербины (Спб., 1857) эти шесть стихов исключены. П. Н. Берков высказал предположение о возможной связи этого исключения с пародией К. Пруткова, которая, хотя и напечатана в 1860 г., но, возможно, написана значительно раньше, — вскоре после напечатания «Моей богини» в журнале, — и распространялась в рукописном виде (П. Н. Берков. Козьма Прутков. Л., 1933, с. 109).

В последнем стихе пародии Пруткова — аллюзия на слова из стихотворения Щербины «Детская игра»:

Гордо венец свой колючий на лоб обнаженный,
Крона косою изрытый, опять я надвинул...

Стихотворение включено в «Полное собрание стихотворений» А. К. Толстого под ред. П. В. Быкова. Об основаниях и достоверности этой атрибуции см. в примеч. к стих.: «Эпиграмма № II» (с. 359).

Новогреческая песнь. П.с.с. 1, с. 61. Стихотворение написано в 50-е годы, что устанавливается датой разрешительной надписи цензора (25 марта 1860 г.) на корректуре Св. 4 (Пушкинский дом); стихотворение было набрано для Св. 4, но в журнале не появилось. В корректуре вместо фамилии «Разорваки» — «Раскораки».

«Новогреческие песни», т. е. песни современных греков, вошли в моду после появления в 1824 г. книги C. Fauriel «Les chants populaires de la Grèce moderne». Эти песни, связанные с борьбой греков за освобождение родины от турецкого владычества, переводил Гнедич; в 40—60-е годы «новогреческие песни» писали Майков, Щербина, Н. Берг и др. Фамилия «Костаки» взята из переведенной Щербиной (в прозе) новогреческой песни «Харон и девица»

В альбом N.N. ЛЕ 3, с. 51, под загл.: «В альбом». Копия с указанием авторства Алексея Жемчужникова. В архиве А. М. Жемчужникова, в папке с шуточными стихотворениями А. Жемчужникова имеется листок с автографом этого стихотворения с подписью «Алексей Жемчужников» и несколько раз повторенной на обороте датой «СПбург. 28 ноября 1853».

Осень. Св. 4, с. 46. Копия с указанием авторства В. М. Жемчужникова. Рук. В. Ж. Пародия на стихотворение Фета, начинающееся словами:

Непогода — осень — куришь,
Куришь — всё как будто мало.
Хоть читал бы, — только чтенье
Подвигается так вяло.

Это стихотворение вошло во все сборники стихотворений Фета, начиная с изд. 1850 г.

Стих 7 («Я не знаю, что такое») взят из стихотворения Фета «Летний вечер тих и ясен»:

Да оставь окно в покое,
Подожди еще немножко —
Я не знаю, что такое, —
Полетел бы из окошка!

Это последняя строфа стихотворения в изд. 1850 г. В изд. 1856 г. и последующих она исключена. Это дает, быть может, некоторое основание датировать пародию периодом 1850—1856 гг.

Подзаголовок пародии намекает на переводы Фета из персидского поэта Гафиза.

Звезда и брюхо. «Новое время», 1881, 18 октября, № 2026, в статье «Защита памяти Косьмы Петровича Пруткова», с разночтениями. Впоследствии В. М. Жемчужников указал, что в «Новом времени» басня «напечатана не вполне верно» (см. с. 338).

Два автографа Алексея Жемчужникова, один из которых — в его тетради 1855 г., с пометками: «1854 (с Гр. Ал. Толстым)» и «(Не отд<ано> в п<ечать>)».

Можно предполагать, что своевременному опубликованию этой басни в «Современнике» воспрепятствовало цензурное запрещение или цензурные соображения редакции. На это указывают вводные слова к публикации в «Новом времени»: «И. И. Панаев не напечатал некоторых творений, переданных ему для печати. Он говорил, что в этом препятствовали цензурные условия; но Косьма Петрович, сам действительный статский советник и кавалер, не верил этому. Для примера приведу следующую басню, которую бедный Косьма Петрович так и не дождался видеть в печати при своей жизни».

Путник. ЛЕ 3, с. 51, без подзаголовка. Рук. В. Ж. По всей видимости, это — пародия на стихотворение Платона Ч. «Ездок», помещенное в «Репертуаре и Пантеоне», 1845, кн. 8, с. 478—479:

Кто-то, с чудной быстротою,
Весь в оружьи, в серебре,
Промелькнул перед толпою,
На коне, коням царе.
Всё в нем ловкость означало,
С нею — удаль юных лет...
«Молодец!» толпа кричала
Ездоку лихому вслед.

Прокричала и забыла,
Что кричала и кому...
До сих пор так в людях было.
Почему? — Нипочему:
Так велел устав природный.
В мире мненье, слава, крик —
Ветер теплый иль холодный...
Вдруг повсял! — Вдруг затих!

С одинакой быстротою
Конь без устали летел;
С одинакой красотою
На коне ездок сидел.
И проехал с населенной
Стороны в пустую степь...
Справа — моря вид бесценной,
Слева — гор высоких цепь;

Впереди туман дымился...
Что-то худо ездоку...
Он качается... скатился
Вдруг с коня, на всем скаку,
И среди песков остался
Бледен, нем и недвижим...
Не за смертью ли он гнался?
Или — смерть гналась за ним?..

Что, за чем в пески пустыни
Быстро всадника влекло —
Не узнал никто доныне:
Всё его с ним в гроб легло.
Может, рвался к злому делу,
Но господь не попустил:
Вынув душу вон из тела,
Спас ее и сохранил...

Желание быть испанцем. ЛЕ 1, с. 15—16, без строф 10—12. Рук. В. Ж. Копия с указанием авторства А. К. Толстого и Алексея Жемчужникова, с вписанными рукой В. М. Жемчужникова строфами 10—12 и тремя строфами после строфы 12, не вошедшими в текст П. с. с.:

Дайте мне конфетку,
Хересу, малаги,
Дайте амулетку,
Кисточку для шпаги.

Дайте опахало,
Брошку иль вуаль,
Если же хоть мало
Этого вам жаль, —

К вам я свой печальный
Обращаю лик:

Дайте нацьональный
Мне хоть воротник!..

Альгамбра — старинная мавританская крепость в Гренаде. *Эстремадура* — местность в Испании, примыкающая с юга к горному хребту *Сьерра Морена*. *Эскуриал* — знаменитый дворец-монастырь в 52 км от Мадрида.

Древней греческой старухе. ЛЕ 1, с. 15. Копия с указанием авторства Алексея Жемчужникова.

Пастух, молоко и читатель. Св. 3, с. 540, с подписью * * * в разделе «Стихотворения, присланные в редакцию «Свистка». Рук. Алексея Жемчужникова.

П. В. Шумахер в письме к П. И. Щукину 1884 г. утверждал, что эта басня написана А. Н. Аммосовым:

«Братья Жемчужниковы нечестно поступили, умолчав об Александре Аммосове, который более Алексея Толстого участвовал в их кружке. «Запятки» и «Пастух и молоко» — не их, а Аммосова. Это знают многие, и будь князь (очевидно, вместо «граф». *Б. Б.*) Алексей жив, он, как человек правдивый, не допустил бы этой передержки» («Щукинский сборник», вып. 7, М., 1907, с. 159).

Утверждение, что Аммосов участвовал в писаниях Козьмы Пруткова «более Алексея Толстого» — очевидно фантастично. При этом Аммосову приписывается басня «Запятки», то есть «Незабудки и запятки», несомненно принадлежащая Александру Жемчужникову. Это как будто заставляет оценить как незаслуживающее доверия и свидетельство Шумахера о принадлежности Аммосову комментируемой басни. Однако оно подтверждается неизданным письмом К. А. Булгакова Н. А. Степанову от 15 февраля 1859 г. (хранится в Пушкинском доме [1]). Речь идет о присылке материалов для «Искры». «Вот вам, — пишет Булгаков, — еще басня Аммосова, которую ежели хотите употребите, а ежели нет, то объявите; я ее отдам кому-нибудь другому... Имя не подписывайте». Следует текст басни «Пастух, молоко и читатель» (с вариантом в ст. 1: «Однажды нес пастух поодаль молоко»). Стихотворение не появилось в «Искре», но было через несколько месяцев опубликовано без подписи в «Свистке».

Родное. П.с.с. 1, с. 75. В П.с.с. 1, 3—12 с подзаголовком: «Из письма московскому приятелю». Три рук. В. Ж. под загл.: «Любовь к родине (Письмо в Москву)», «Родина (Письмо к московскому приятелю)», «Родное (Из письма московскому приятелю)».

В стихотворении высмеяна поэма И. С. Аксакова «Бродяга», помещенная в отрывках в «Московском сборнике» 1852 г. В поэме описана и нива, на которой зреют яровые хлеба, и крестьянская сходка с перебранкой, и постройка шоссе. Ср. стихи:

Сняв зипун, его, как знамень,
Он раскинул на сучки,
Тяжким камнем бьет о камень,
Молотком дробит в куски.

---

[1] Указано мне И. Г. Ямпольским.

. . . .
Камни сшиблись, пыль взлетает! ...
Откололся край большой,
Свежий, полный искр блестящих...

Л. М. Жемчужников, живший в 1848—1849 гг. совместно с братом Алексеем, вспоминает о посещениях И. С. Аксакова. «Тогда же мы слушали чтение Ивана Сергеевича Аксакова, только что написавшего «Бродягу» (Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого, вып. I. Л., 1926, стр. 81).

Блёстки во тьме. П.с.с. 1, с. 77—78. Рук. В. Ж., с зачеркнутым подзаголовком «С персидского: из *Ибн-Фета»* (ср. комментарий к стих. «Осень»). Пародия на следующее стихотворение Фета, напечатанное в «Русском вестнике» 1874 г. и вошедшее в сборник «Вечерние огни» (М., 1883):

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.

Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?
Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

Ст. 9—10 имеют в виду стихотворение Фета «Псовая охота».

Перед морем житейским. П.с.с., с. 79. Рук. В. Ж.

Мой сон. ЛЕ 6, с. 99, без строф 2 и 3. Рукопись в тетр. 59 г., под № XXXV, с правкой В. Жемчужникова.

Козьма Прутков пародирует здесь следующие стихотворения А. С. Хомякова, вошедшие в его сборник «24 стихотворения» (М., 1844): «Сон» (1826), «На сон грядущий» (1831) и «Вчерашняя ночь была так светла» (1841). Тема первого стихотворения — сон о смерти и бессмертии поэта и о его высоком призвании. Во втором стихотворении поэт говорит о боязни смерти во время сна («Кто скажет мне, что, засыпая, Не засыпаю вечным сном»; ср. ст. 8—10 пародии Пруткова). К третьему стихотворению ближе всего начало пародии Пруткова, написанной по оригинальному метрическому образцу стихотворения Хомякова. Приводим его первую строфу:

Вчерашняя ночь была так светла,
Вчерашняя ночь все звезды зажгла
Так ясно,

Что, глядя на холмы и дремлющий лес,
На воды блестящие блеском небес,
Я думал: о! жить в этом мире чудес
Прекрасно!

Подробнее о данном стихотворении К. Пруткова см.: Б. Бухштаб. Эстетизм в поэзии 40—50-х годов и пародии Козьмы Пруткова. — «Труды Отдела новой русской литературы Института литературы (Пушкинского дома) Академии Наук СССР», т. 1. М.-Л., 1948, с. 150—154.

Предсмертное. П.с.с. 1, с. 82—83. Две рук. В. Ж., первая под загл.: «Предсмертное стихотворение, найденное недавно в делах Пробирной Палатки, при ревизии оной». Стихотворение, вместе с «Необходимым объяснением» к нему, видимо, написано В. М. Жемчужниковым специально для «Полного собрания сочинений». Стих 12 в П.с.с. 3 напечатан в следующем виде:

Иль опрокинутая кадка.

Это изменение вызвало протест Алексея Жемчужникова, который писал М. М. Стасюлевичу 29 декабря 1893 г.:

«Кстати о Пруткове. Один из его поклонников и ценителей указал мне недавно (и с большою грустью) на одну *поправку*, сделанную в 3-м издании. А именно в *предсмертном* стихотворении Пруткова (стр. 82) последний стих второй строфы оказывается измененным. Вместо: иль опрокинутая лодка, напечатано: иль опрокинутая кадка. Конечно: кадка и лампадка рифмуют; между тем как лодка и лампадка — не рифмы; но ведь *лодка* потому и хороша, что она — не рифма. Прутков принял ее за рифму потому, что он в это время уже угасал. На стр. 83 (в конце) именно сказано: «уже в последних двух стихах 2-й строфы несомненно высказывается предсмертное замешательство мыслей и слуха покойного». После сделанного в 3-м издании исправления, это замечание не имеет уже значения. Замешательств слуха не было. Лампадка и кадка — прекрасные рифмы, удовлетворяющие самому утонченному слуху. Как могло случиться такое обстоятельство? Это — не опечатка; это — явное, преднамеренное *исправление*. Как видите, и я также очень огорчен. По этому поводу обращаюсь к Вам с следующею убедительнейшею просьбою. Если я не дождусь 4-го издания Пруткова, а Вы, бог даст, будете живы и здоровы и будете таковым руководить в Вашей типографии (чего я очень желаю), то *непременно* восстановите *лодку*, которая в первых двух изданиях фигурировала с таким успехом, что ее еще до сих пор не забыли почитатели Пруткова.

Не забудьте же, любезный Михаил Матвеевич, моей просьбы обо мне и о Пруткове» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV Спб., 1912, с. 376).

М. М. Стасюлевич отвечал шутливыми извинениями: «...кто правил именно эту страницу — этого нельзя добиться никак. Мне остается только поднять два пальца к небесам и начать так: «Клянусь Всемогущим Богом, что в следующем издании — и да повторится оно как можно скорее — кадка превратится в лодку, а в конце книжки бу-

дет сделано указание, что в предыдущем издании на такой-то странице, вследствие сильного западного ветра лодка перевернулась, а на ее месте вынырнула кадка, а как это случилось — это знает один Прутков в небесах». (Там же, с. 377).

Редактор переписки М. К. Лемке сопроводил публикацию примечанием, в котором М. М. Стасюлевич обвинен в крайней невнимательности и нераспорядительности: «М. М-ч позабыл исправить, и до сих пор (11-е издание) печатается «кадка»». Это утверждение повторено и в комментарии к стихотворению в П.с.с. А. (с. 555). Между тем, оно ошибочно: неверное чтение было исправлено, и с 4-го изд. (1894 г.) по 10-е (1909 г.) текст читается правильно. Лишь в вышедших после смерти М. М. Стасюлевича (1911 г.) изданиях 11-м (1912 г.) и 12-м (1916), а также в изд. Госиздата (1927), в основу которого положено 3-е изд., 12-й стих вновь напечатан в искаженном виде.

II (Не вошедшее в основное собрание)

Эпиграмма № II. ЛЕ 1, с. 13.
Лизимах — философ-стоик III века нашей эры.

К толпе. ЛЕ 2, с. 32. Копия с указанием авторства В. М. Жемчужникова, с правкой его рукою и карандашной пометкой «Исключено». Рукопись в тетр. 59 г. под № XXI, с вписанными карандашом подзаголовками «(Посвящ. всем великим поэтам)», «(Посвящается всем стихотворцам)» и со значительными исправлениями, вошедшими и в текст рукописи В. М. Жемчужникова, подготовленной для «Полного собрания сочинений», в которое стихотворение, однако, не вошло. По этой последней рукописи стихотворение и печатается в настоящем издании. Варианты ЛЕ:

2. Из низкой зависти, мой громогласный стих...
12. Вовеки не склонюсь пред полчищем врагов.
13. Я вечно буду петь и песней восхищаться,
14. Я вечно буду пить спасительный нектар.
15. Толпа, раздайся ж! прочь! довольно насмехаться!

В тетр. 59 г. имеется еще вариант ст. 1, впоследствии отброшенный:

Клейми, толпа, клейми, в чаду веселий праздных.

Возвращение из Кронштадта. ЛЕ 2, с. 33—34. Копия с указанием авторства В. М. Жемчужникова, с внесенным рукой В. М. Жемчужникова примечанием к ст. 17, отсутствующим в ЛЕ 2. Наличие правки на копии показывает, что стихотворение предназначалось для П.с.с. По этой копии стихотворение и печатается в настоящем издании.

Стихотворение связано с вошедшим в П.с.с. стих. «Поездка в Кронштадт».

Эпиграмма № III. ЛЕ 2, с. 35. Копия с указанием авторства В. М. Жемчужникова. Рукопись в тетради 59 г., под № XXIV, зачеркнутая карандашом с надписью «исключ.».

Пятки некстати. ЛЕ 2, с. 36. Копия с указанием авторства В. М. Жемчужникова, с правкой (в ст. 13 — «Пятки попусту хватать»). Ср. афоризм 77 в «Мыслях и афоризмах», не вошедших в основное собрание.

К друзьям после женитьбы. ЛЕ 6, с. 95. Копия с указанием авторства В. М. Жемчужникова. Рукопись части стихотворения в тетради 1859 г., под № XVIII.

От Козьмы Пруткова к читателю в минуту откровенности и раскаянья. К месту печати. Печатаются впервые по корректурной форме Св. 4 с разрешительной надписью цензора Ф. Рахманинова от 25 марта 1860 г., сохранившейся в архиве А. Н. Пыпина в Пушкинском доме. Оба стихотворения должны были войти в публикацию «Пух и перья». Последнее (7-е) в печатном тексте стихотворение этой публикации «Философ в бане» — в корректуре под № XV, а за ним следуют еще под №№ XVI—XVIII «Новогреческая песнь» и два комментируемых стихотворения. Они взяты в круг и сбоку рукой Некрасова написано: «Оставить до след. №». См. воспроизведение на с. XVII.

М. П. — обычное сокращение слов «Место печати» в копиях документов. *Мыслете* и *покой* — старинные названия букв «м» и «п».

<Военные афоризмы>. «Голос минувшего», 1922, № 2, с. 28—36, вместе с «Церемониалом» (с. 36—39), со вступительной заметкой публикатора Н. Л. Бродского на с. 27—28. Название «Военные афоризмы» принадлежит публикатору. Мы сохраняем его (обозначая угловыми скобками конъектурный его характер), так как оно, видимо, соответствует или приближается к подлинному, не дошедшему до нас заглавию, — судя по подстрочным примечаниям («Да какие же это афоризмы?», «В этом афоризме не вижу ничего военного» и т. п.). Последнее слово во вступительном «примечании» («покойный») в публикации Н. Л. Бродского и в П.с.с. А. заключено в круглые скобки; очевидно, это редакторская конъектура, которую и мы принимаем, обозначая как конъектуру. Публикация Н. Л. Бродского сделана по рукописи из архива Льва Мих. Жемчужникова, полученной от его дочери Е. Л. Лебедевой. В настоящее время местонахождение этой рукописи неизвестно, и публикация Н. Л. Бродского является единственным источником текста.

Не вполне ясно, почему, указывая на происхождение рукописи из архива Л. М. Жемчужникова, Н. Л. Бродский в то же время говорит о «Военных афоризмах» как „найденных среди бумаг А. М. Жемчужникова, главного вдохновителя и творца «Сочинений Козьмы Пруткова»“, и называет их „«плодами раздумий» только одного из участников литературного сложения Козьмы Пруткова“. С другой стороны, П. Н. Берков пишет: «Вероятно, «Военные афоризмы» были написаны В. М. Жемчужниковым, который, совместно с гр. А. К. Толстым, может быть, также принявшим участие в их сочинении, служил в 1854—1855 гг. в действующей армии и имел возможность наблюдать те уродливые факты, которые осмеяны в произведении Фаддея Кузьмича» (П.с.с. А., с. 562). Быть может, наиболее существенно указание близкого А. К. Толстому Д. Н. Цертелева о принадлежности «Церемониала» А. К. Толстому (см. в комментарии к «Церемо-

ниалу»); «Церемониал» является как бы продолжением «Военных афоризмов»; вероятна принадлежность обоих произведений одному и тому же автору.

Весьма возможно, что невключение «Военных афоризмов» и «Церемониала» в «Полное собрание сочинений» объясняется цензурными причинами.

П. Н. Берков, датируя «Церемониал» 60-ми годами, предполагает, что «Военные афоризмы» написаны значительно позже, так как якобы содержат «указания на факты, имевшие место в конце 70-х и начале 80-х годов.» Однако ни одного такого факта в комментарии П. Н. Беркова не указано. Ниже мы указываем ряд обстоятельств 60-х и начала 70-х гг., затронутых в «Военных афоризмах». Мы полагаем, что это произведение создавалось с середины 60-х до начала 70-х гг.

Наличие злободневных намеков на события этого времени, уже непонятных без комментариев к середине 80-х годов, делает маловероятным предположение П. Н. Беркова, что «напечатанный Н. Л. Бродским текст, вероятно, представляет обработку ранее написанного, предполагавшуюся для 2-го издания «Полного собрания сочинений К. Пруткова». (П.с.с. А., с. 561—562.)

Упоминание о сыне Козьмы Пруткова Фаддее, от имени которого написаны «Военные афоризмы», имеется в напечатанном в 1863 г. «Проекте» («так сказал я еще в 1842 году сыну своему Фаддею», — в окончательном тексте оставлено только «так сказал я еще в 1842 году»). В «Военных афоризмах» и «Церемониале» есть нарочитые реминисценции из сочинений Козьмы Пруткова («Военные афоризмы», № 67; «Церемониал», № 20).

В № 41 в последнем стихе в публикации Н. Л. Бродского или в рукописи, с которой она печаталась, имеется неисправность. В подстрочном примечании указано, что «фамилии перековерканы»; между тем, они напечатаны правильно. П. Н. Берков в П.с.с. А., ввел (никак не оговорив этого) конъектуру. Последний стих читается здесь так: «Глазеноп и Бутенап». Фамилии, таким образом, искажены, — но, может быть, искажены не так, как в оригинале; на это как будто указывает требование к аудитору в подстрочном примечании «переправить, *сохраняя* рифму»; между тем, рифмы в этом чтении нет, — значит, *сохранить* ее невозможно. Мы оставляем текст первой публикации, не имея возможности исправить вкравшуюся в него ошибку.

Приводим объяснения военных терминов, употребленных в «Военных афоризмах» и «Церемониале» (в алфавитном порядке):

Аванпосты — цепь постов, выдвинутых для охранения расположения войск.

Аудитор — военно-судебный чиновник.

Дислокация — расположение войск.

Камуфлет — минный заряд, взрываемый для разрушения неприятельских минных работ.

Капральство — часть роты.

Каптенармус — унтер-офицер, заведующий имуществом роты.

Квартирьеры — офицеры, высылаемые вперед для подыскания квартир при передвижении воинских частей.

Контр-марш — поворот двух шеренг в противоположные стороны с последующим движением для обмена местами.

Лафет — станок, на котором укреплен ствол орудия.

Лядунка — сумка для патронов в кавалерии.

Манерка — солдатская посуда для воды.

«Пеший по конному» — выполнение, в учебных целях, кавалерийских эволюций без лошадей.

Редут — отдельно расположенное сомкнутое полевое укрепление.

Ремонтерство (вернее, *ремонт*) — пополнение конского состава.

Репей, репеек — часть шпоры (колесико на стержне).

Темляк, темлячок — петля с кистью у рукоятки для надевания сабли на руку.

Фланговый — солдат, стоящий на левом или правом фланге.

Фуражировка — заготовка войсками продовольствия для личного состава и корма для лошадей.

Фурлейт, фурштадтский — рядовой обозной части.

Шанцевый инструмент — инструмент для окопных работ (лопата, топор, кирка, мотыга).

Штаб- и обер-офицеры. Штаб-офицеры — офицеры в чинах от полковника до майора, обер-офицеры — офицеры в чинах от капитана до прапорщика.

17. По объяснению П. Н. Беркова — «козлом» называется полковая касса» (П.с.с. А., с. 562).

21. *Два голубя, как два родные брата, жили* — первый стих басни Крылова «Два голубя».

22. *Кранк* (нем.) — болен.

28. По объяснению П. Н. Беркова, „«сороками» на языке военных назывались волонтеры, вольноопределяющиеся, офицеры, служившие без жалованья“ (П.с.с. А., с. 562).

29. Ижора и Тосна — притоки Невы, на берегах которых располагались лагеря и происходили маневры гвардейских частей.

41. Куплеты осмеивают немецкое засилье в армии.

52, 53, 56, 72. Имеется в виду следующий инцидент. В 1869 г. в «Русском вестнике» печатался «антинигилистический» роман Всеволода Крестовского «Панургово стадо», изданный затем отдельно. Пасквильно-клеветнический характер этого романа отметил В. П. Буренин (в ту пору еще либеральный журналист) в подписанном буквой Z обзоре журналистики в «С.-Петербургских ведомостях» 1870 г., № 16, где задел, между прочим, «офицерское звание» Вс. Крестовского. В ответ Крестовский вызвал на дуэль сперва редактора «С.-Петербургских ведомостей» В. Ф. Корша, а затем автора фельетона В. П. Буренина. Оба отказались от дуэли, предложив третейский суд для установления того, носит ли статья характер личного оскорбления. Эти обстоятельства описаны в письме В. В. Крестовского в редакцию газеты «Голос» («Голос», 1870, № 86), в ответе редакции «С.-Петербургских ведомостей», под названием «Рыцарское поведение г. Всеволода Крестовского (вынужденное объяснение)» («С.-Петербургские ведомости», 1870, № 86) и в ответе самого Буренина (в том же номере газеты), где говорится, между прочим, о «лжи, глупости, литературной безнравственности» и «комическом фанфаронстве» Крестовского. В. Ф. Корш во время этой полемики находился за границей, газетой управлял, вероятно, А. С. Суворин, бывший секретарем ее редакции. Впоследствии Суворин — издатель продажно-реакционной газеты «Новое время», а Буренин — ближайший

его сотрудник, прославившийся грязной бранью против прогрессивных явлений русской литературы и общественной жизни.

55. П. Е. Коцебу (1801—1884) во время военной службы А. К. Толстого и В. М. Жемчужникова (1855 г.) был начальником штаба Южной армии и всех вооруженных сил на Крымском полуострове.

60. *Кеске-ву-фет?* (Qu'est-ce que vous faites? — франц.) — Что вы делаете?

67. Юнкер Шмидт — герой одноименного стихотворения Козьмы Пруткова.

73. *Плиний* Старший — римский писатель, знаменитый своей многосторонней ученостью и трудолюбием.

81. «Лучина» — известная народная песня.

84—93. Волынская и Подольская губернии были населены украинцами, имения же в этих губерниях принадлежали польским помещикам. После подавления польского восстания была проведена земельная реформа, цель которой состояла в уменьшении всевластия польских помещиков и приобретении поддержки со стороны крестьянства; поэтому реформа в западных землях проведена с бо́льшим учетом крестьянских интересов, чем в русских областях. Защитникам дворянских интересов эта реформа представлялась чуть ли не революцией. Имения, конфискованные у участников восстания, действительно, расхищались «усмирителями» и «обрусителями». Инициатором и автором введенных в западных областях положений был статс-секретарь по делам Польши в 1864—1866 гг. Н. А. Милютин. Его ближайшим сотрудником в те же годы был поставленный во главе ведомства внутренних дел Польши кн. В. А. Черкасский.

Церемониал. «Голос минувшего», 1922, № 2, с. 36—39, вместе с «Военными афоризмами». Основная часть «Церемониала» (без заключительных примечаний полкового адъютанта, о. Герасима и полковника) напечатана ранее в «Русском архиве», 1884, кн. 2, № 4, с. 478—480, без подписи, под искаженным заглавием: «Церемониал погребения поручика и кавалера Фаддея Кузьмина», в подборке «Из шуточных стихотворений недавней старины». Публикация эта неисправна, но дает возможность внести некоторые исправления в текст публикации Н. Л. Бродского; так, в последней (и в П.с.с. А.) первый стих двустишия 35 читается:

Для решения этого

В тексте «Русского архива», по которому мы печатаем этот стих:

Для решения этого спора

В заглавии «П.......» означает, разумеется, «Пруткова».

Д. Н. Цертелев в статье «Отношение графа А. К. Толстого к Пушкину» («С.-Петербургские ведомости», 1913, № 182) утверждает принадлежность «Церемониала» А. К. Толстому. Об отражении в «Церемониале» идеологии А. К. Толстого см. во вступит. статье, с. XX. О других атрибуциях см. в комментарии к «Военным афоризмам». Там же см. объяснение военных терминов.

18—19. См. примеч. к «Военным афоризмам», № 52.

20. *Здесь помещенные боле для шутки* — слегка измененная цитата из басни Козьмы Пруткова «Незабудки и запятки».

24. По первоначальному значению «прохвост» — вернее «профос» — смотритель за арестованными солдатами, исполнитель приговоров к телесному наказанию.

32. Ср. аналогичное издевательство над материализмом в «Потоке-богатыре» А. К. Толстого:

Что, мол, нету души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существует господь,
То он только есть вид кислорода.

33—34. Известная славянофильская деятельница графиня А. Д. Блудова (1812—1891) организовала в г. Остроге общество для распространения православия на Волыни под названием «Кирилло-Мефодиевское братство».

Герасим искажает текст, называя «сучец» — сломицею (с. 94). Имеется в виду 3-й стих 7-й главы евангелия от Матфея: «Что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоем, не чуеши».

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

I (Основное собрание)

Мысли и афоризмы. ЛЕ 1, с. 8—12, под загл. «Мысли и афоризмы (Плоды раздумья)» (Афоризмы 1—4, 6—10, 14, 15, 19—40, 44—47, 49—52, 54, 55, 57—62, 64—69, 72—81, 83, 87, 88, 91, 95, 98, 137, 146, 156, 160); ЛЕ 4, с. 64—66, под загл. «Новые афоризмы» (Афоризмы 42, 85, 93, 94, 97, 99, 101, 104, 106—108, 110—112, 114—121, 134—136); «Искра», 1860, № 26, с. 287—288, под загл. «Пух и перья. Досуги Кузьмы Пруткова (*Продолж.* См. «Современник» прежних лет). Мысли и афоризмы — плоды раздумья», с обычным эпиграфом Козьмы Пруткова: «Поощрение столь же необходимо...» и т. д. (Афоризмы 16—18, 41, 84, 96, 103, 127, 129, 138, 145, 147, 151—153, 155); «Искра», 1860, № 28, с. 302—303, под тем же загл. (Афоризмы 70, 71, 100, 102, 122—126, 128, 130—133, 139—144, 150, 154, 157, 159); П.с.с. 1, с. 87—104 (Афоризмы 5, 11—13, 43, 48, 53, 56, 63, 82, 86, 89, 90, 92, 105, 109, 113, 148, 149, 158). Многие афоризмы значительно изменены в П.с.с. Порядок расположения афоризмов в П.с.с. также иной, чем в ЛЕ и «Искре».

Копии с правкой и добавлением новых афоризмов. Рук. В. Ж. Рукопись в тетр. 59 г. (афоризмы, напечатанные в ЛЕ) и в тетр. В. Ж. (афоризмы, напечатанные в «Искре»), с позднейшей карандашной правкой В. М. Жемчужникова.

Приводим некоторые варианты. Они взяты из ЛЕ (№№ 107, 117, 134), «Искры» (№№ 17, 41, 71, 103, 127, 130, 132, 138, 142, 144, 150, 151, 153), тетр. 59 г. (№№ 18, 113, 129), рук. В. Ж. (№№ 5, 63, 101, 150, 158).

5. Всегда смотри в корень.

17. Человек, не будучи одеян природою, поневоле изобрел портное искусство.

18. Не будь кантиков, как бы различил ты полки?

41. Не всякому офицеру мундир к лицу.

63. Труд хорош тем, что убивает время.

71. Природа растит волосы и ногти для того, чтобы доставить человеку постоянное и легкое занятие.

101. Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя, а иногда и дутая.

103. Глядя на весьма высокие предметы, тщательно придерживай картуз свой.

107. Человек! отврати взор от самого себя и посмотри на муравьиные яйца: они больше породившей их твари; такая картина послужит тебе знатным уроком.

113. Усеянное звездами небо всегда уподоблю груди заслуженного генерала. Небосклон под серыми облаками смело сравню с солдатскою шинелью.

117. Яблонь приносит яблоки; орешник — орехи; но самые лучшие плоды приносит хорошее воспитание.

127. Вестовщик подобен пеналу.

129. Всегда держись прямо.

130. Если хочешь быть покоен, не принимай горя и неприятности на свой счет, но всегда относи их на казенный.

132. Лучше заложить коляску, чем дом; а всего полезнее закладывать уши хлопчатой бумагой или морским канатом.

134. Назначение всякой вещи многоразлично: так, снег служит саваном омертвевшей природе и первопутьем для жизненных припасов.

135. Барометр с удобством может быть заменен нарочитым ревматизмом.

138. Всякая голова подобна желудку: в иной извне входящая пища непрестанно сваривается, другая же и самым легким яством нарочито засоряется.

142. Время подобно усердному страженачальнику: постоянно производя новые таланты взамен предшествовавших, оно измеряет ими путь, проходимый искусством.

144. Пользуясь железными дорогами, сберегай и бричку; таков совет благоразумия.

150. Не козыряй!

151. Лучшее есть то, к чему получаешь охоту; так, некоторые предпочитают кваканье лягушек соловьеву пению.

153. Не теряй времени, а паче не утомляй рассудка изысканием средствия, дабы всех удовольствовать; ибо легче многих не удовлетворить, нежели удовлетворить.

158. Степенность бывает полезна.

Примечания к отдельным афоризмам:

54. *Метемпсихозия* — метемпсихоз (вера в переселение души умершего в какое-либо живое существо).

60. *Терпентин* — смола, из которой добывается скипидар и канифоль.

75. *Гумиэластик* (гумми-эластик) — старинное название резинки для стирания карандашных записей.

84. *«Усердие всё превозмогает»* — надпись на золотой медали, выбитой в честь графа П. А. Клейнмихеля, одного из наиболее доверенных приближенных Николая I, за быстрое окончание порученной ему в 1838 г. перестройки Зимнего дворца после пожара.

94. *Лосины* — форменные гвардейские парадные штаны из лосиной кожи; шились плотно, в обтяжку и натягивались на ноги с трудом.

114. *Доблий* — доблестный.

137. *Кресс-салат* — растение из которого приготовляется салат; может расти даже на войлоке, дереве, стекле и т. п.

II (Не вошедшее в основное собрание)

Мысли и афоризмы. Включены не вошедшие в П.с.с. афоризмы из ЛЕ 4 (Афоризмы 1—15), «Искры» 1860 г., № 26 (Афоризмы 16—46), «Искры» 1860 г., № 28 (Афоризмы 47—91) и из рук. В. Ж. (Афоризмы 92—102). Нумерация не вошедших в основное собрание афоризмов принадлежит редактору настоящего издания. Рукописные источники те же, что и для основной части «Мыслей и афоризмов».

Афоризмы, печатаемые по рук. В. Ж., первоначально предназначенные для включения в П. с. с., зачеркнуты в этой рукописи. Они впервые опубликованы П. Н. Берковым в сб. «Литературное наследство», кн. 3, М., 1932, с. 206—207. Зачеркнуты в рук. В. Ж. и некоторые афоризмы из ЛЕ 4 и «Искры», также сперва отобранные для П. с. с. и частью переделанные, но затем отброшенные.

Приводим некоторые варианты. Они взяты из тетр. 59 г. (№ 20) и рук. В. Ж. (№№ 4, 25, 31, 69).

4. Очень многие подтверждают мою мысль, что ветер есть дыхание природы.

20. Не уступай малодушно всеобщим желаниям, если они противны твоим собственным; но лучше, хваля оные притворно и нарочито оттягивая время, норови надуть своих противников, в чем, однако, по всему вероятию, ты всё-таки не успеешь.

25. Никогда не следует принимать почетных лиц в халате, если не желаешь рисковать своею карьерою и даже всею будущностию.

31. Однако, даже при усердии одного яйца два раза не высидишь.

69. Не всегда прибегай к щекотке, желая познакомиться с женщиною: иная справедливо назовет тебя за это глупцом и невеждой.

№ 27 и вариант № 31 связаны с афоризмом 84 основного собрания («Усердие все превозмогает»), за которым они следуют (афоризм 27 в «Искре», афоризм 31 — в рук. В. Ж.). № 41 связан с афоризмом 27 основного собрания.

Примечания к отдельным афоризмам:

38. *Сандарак* — ароматическая смола, применяемая для приготовления лаков и для куренья.

58. Аттила был прозван «бичом божиим».

72. *Фиалковый корень* — высушенное корневище ириса, применяемое в медицине; детям его дают, чтобы чесать им десны при прорезывании зубов.

Проект: О введении единомыслия в России. Св. 9, с. 63—65, под заглавием «Проект», в составе публикации «Краткий некролог и два посмертные произведения К. П. Пруткова». См. в этой публикации (с. 288 и 289 настоящего изд.) вводную заметку к «Проекту» «отставного поручика Воскобойникова» и примечание «племянника покойного Тимофея Шерстобитова».

В настоящем издании печатается по рук. В. Ж., подготовленной для «Полного собрания сочинений» (возможно, для 2-го издания), с пометкой В. М. Жемчужникова «Исключено» и устанавливающей авторство пометкой дочери Алексея Жемчужникова: «Проэк — сочинение дяди Вл. Жемчужн.» По этой рукописи «Проект» впервые опубликован П. Н. Берковым в «Литературном наследстве», кн. 3, М., 1932, с. 197—201. По предположению П. Н. Беркова, «Проект» направлен против начавшей выходить в 1862 г. газеты министерства внутренних дел «Северная почта», дата же (1859 г.) поставлена для цензуры.

Д. Заславский пишет в статье «Козьма Прутков и его родители» («Литер. наследство», кн. 3, М., 1932, с. 201):

«Козьма Прутков заговорил явно языком героев Салтыкова. Это в особенности заметно, если сравнить печатаемый ныне текст оригинала «Проекта» с текстом, напечатанным в «Свистке». Если бы под этим текстом не стояло подписи «Козьма Прутков», можно было бы поставить, без риска впасть в ошибку, «Н. Щедрин». Эта странная, на первый взгляд, перемена в характере, слоге, стиле Козьмы Пруткова не покажется нам удивительной, если принять во внимание, что в конце 1862 г. Салтыков вошел в состав редакции «Современника», что именно он занялся восстановлением «Свистка», что ему принадлежит редактирование «Свистка» и две трети напечатанных в нем материалов».

Сближение «Проекта» с произведениями Щедрина удачно и плодотворно, но надо заметить: 1) что напечатанный в «Лит. наследстве» текст «Проекта» является вовсе не первоначальным текстом, который мог быть правлен Салтыковым, а, наоборот, более поздней редакцией, правленной В. М. Жемчужниковым для «Полного собрания сочинений» и отнюдь не менее политически острой, чем ранняя редакция; 2) что аналогичные «проекты» в творчестве Щедрина относятся к значительно более позднему времени, чем публикация прутковского «проекта» в «Свистке».

В рукописи после слов «к чему они ведут?» зачеркнуто: «Ибо частные люди не призваны к этому. Это дело правительства. Возбуждением «вопросов» нарушается уверенность в самостоятельной зоркости правительства. Нарушается спокойствие! Истинный дворянин и патриот всегда враг всех так называемых *«вопросов»!*

Приведем одно из разночтений текста «Проекта» в «Свистке». После слов «дорогого отечества» следует: «Итак, повергая свою готовность на алтарь отечества, я, вместе с тем, считаю священным для себя долгом указать на заслуженного нашего литератора и академика Бориса Федорова, как на необходимого члена редакции, всегда достойно пользовавшегося милостями и доверием правительства. Этот верноподданный и опытный слуга уже приобрел себе громкую известность испытанной своею благонамеренностью, память о которой неминуемо сделается достоянием истории».

Борис Федоров — реакционный журналист, стихотворец, драматург и детский писатель (1794—1875). Был известен своими доносами и связями с Третьим Отделением. В 1833 г. был избран в действительные члены Российской Академии, по предложению ее президента А. С. Шишкова. *«Аще царство на ся разделится...»* (с. 127) — цитата из евангелия (от Марка, гл. 3, стих 24): «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК МОЕГО ДЕДА

Предисловие Козьмы Пруткова. ЛЕ 3, с. 45—46, под загл.: «Предуведомление». Тетр. 59 г. В этой рукописи под общим заголовком «Выдержки из записок моего деда» имеется вписанный карандашом подзаголовок: «(Издание этих записок посвящается г. Погодину)». П. Н. Берков предполагает, что «Предисловие» «имитирует и пародирует стиль вводных статей к многочисленным публикациям мемуарного и вообще архивного материала, помещавшихся в «Москвитянине» либо редактором его, М. П. Погодиным, либо одним из сотрудников его, М. Н. Лихониным. Едко высмеиваются комментаторские приемы «Москвитянина»... «Выдержки из записок моего деда» названы «историческими материалами»; так же назывался соответствующий отдел «Москвитянина» (П. Н. Берков. Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт. Л., 1933, с. 86).

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

I (Основное собрание)

ЛЕ 3, с. 46—50, под загл.: «Исторические материалы» («Приступ старика» и №№ 1—4, 6—8, 10, 12—15, 17); «Искра», 1860, № 31, с. 330—331, под загл. «Из записок моего деда (Продолжение)» (№№ 5, 11); «Искра», 1860, № 32, с. 343—344, под загл. «Выдержки из записок моего деда (Продолжение)» (№ 9); П. с. с. 1, с. 120—122 (№ 16). Порядок расположения в П. с. с. иной, чем в ЛЕ и «Искре».

Две рук. В. Ж. (№№ 1—5, 16), рук. В. Ж. (№№ 6—9, 11, 12, 14, 15, 17), рук. А. Ж. (№№ 13, 16), тетр. 59 г. (напечатанное в ЛЕ), тетр. В. Ж. (напечатанное в «Искре»).

В первых публикациях: № 2 под загл. «Гастроном», № 8 под загл. «Ответ италианского старца», № 10 под загл. «Остроумное замечание» (в тетр. 59 г. «Отменное примечание» и «Докудова людей разность»), № 15 под загл. «Неуместная настойчивость», № 16 в рук. А. Ж. под загл.: «Повесть о злоключениях профессорши и инженера или Не всегда слишком сильно».

4. *Утрехтский мир*, заключенный в 1713 г., положил конец войне за испанское наследство. Австрия в заключении мира не участвовала.

5. Фамилия генерал-аншефа, замененная в П.с.с. буквой Х., в рук. В. Ж. — «Купцевич», в «Искре» — «Ка . . . ч», в тетр. В. Ж. — «К . . . . чь». Перевод французских фраз: Никакого средства, кроме. — Вы — царица бала. — Ни более, ни менее. — Никогда не шутите с женщинами, воображение которых непрестанно работает. — Между тем почва начинает становиться всё более и более влажной.

6. *Маршал Франсуа де-Бассомпьер* — видный французский полководец и дипломат XVII века.

11. Фамилия виконта в тексте «Искры» — де Брезанс.

12. *Граф Р. Монтекукули* — известный австрийский полководец XVII века.

13. *Аббат Сугерий* — французский государственный деятель XII века. Его жизнь и деятельность была известна русской интелли-

генции 50-х годов по диссертации Т. Н. Грановского «Аббат Сугерий» (М., 1849). Тем комичнее анахронистическое сведе́ние его с Жан-Жаком Руссо.

16. Текст Алексея Жемчужникова, присланный для «Полного собрания сочинений», был кардинально переработан Вл. Жемчужниковым.

17. Заглавие и ответ Декарта вариируют любимый афоризм Козьмы Пруткова, многократно повторяемый в основном собрании «Мыслей и афоризмов» (№№ 3, 44, 67, 160). Обращение Декарта «Мерзавец!» внесено в текст П.с.с. соответственно «превеликому огню», с которым философ произносит прутковский афоризм; в тексте ЛЕ: «Чудак!» — ответствовал сей».

II (Не вошедшее в основное собрание)

Включены не вошедшие в основное собрание материалы из ЛЕ 3 (№№ 1, 2), «Искры» 1860 г., № 31 (№№ 3—5), «Искры» 1860, № 32 (№№ 6—9) и из тетр. В. Ж. (№ 10). № 10 впервые опубликован П. Н. Берковым в «Лит. наследстве», кн. 3, М., 1932, с. 202. Нумерация материалов, не вошедших в основное собрание, принадлежит редактору настоящего издания.

Тетр. 1859 г. (№№ 1, 2), тетр. В. Ж. (№№ 3—10).

4. В рукописном тексте речь идет, очевидно, о современном русском деятеле: министр не назван «германским», а конец читается: «прежнему своему мнению по сей день верен остался».

6. Луи Этьен *Лефебюр де-ла-Фурси* (1787—1869) — известный французский математик. Здесь такой же нарочитый анахронизм, как и в № 13 основного собрания.

В рукописи автором подаренной королем книги назван не Гольбах, а «Голберг». Действительно, книга «Нравоучительные рассуждения» («Moralske Tanker», 1744) принадлежит крупнейшему датскому писателю XVIII века Л. Гольбергу, а не знаменитому французскому философу-материалисту барону П. Гольбаху.

7. Как и в № 4, действие в печатном тексте перенесено в иную страну; в рукописном тексте вместо «той земли государь» стоит «Его величество».

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I (Основное собрание)

Фантазия. П. с. с. 1, с. 125—183. Театральная писарская рукопись с поправками цензора в настоящее время хранится в Пушкинском доме. В архиве А. М. Жемчужникова — копия с театральной рукописи, с вставками и исключениями Вл. Жемчужникова, на которой его рукой в подстрочных примечаниях перечислены цензурные исправления; она относится, видимо, к 60-м годам. Здесь же автограф Вл. Жемчужникова «Предисловие издателя» — первый набросок сценической истории «Фантазии», впоследствии осуществленной в «Моем посмертном объяснении к комедии «Фантазия». Последнее имеется в рук. В. Ж. и, очевидно, принадлежит ему же.

Приводим полностью «Предисловие издателя», впервые опубликованное в П.с.с. А., с. 580—582.

Это замечательное, по смелости замысла и выполнения, первое литературное произведение Кузьмы Пруткова было исполнено придворными актерами на сцене Александринского театра 9-го января 1851 года в бенефис г. Максимова 1-го. Исполнители ролей указаны в нижеследующем списке действующих лиц, для сохранения в памяти потомства, — хотя, к сожалению, я должен сознаться, что исполнители, кроме г. Мартынова, играли прескучно, несмотря на присутствие в театре покойного императора. Зрители пришли в негодование и, забыв присвоенные русским уроженцам сдержанность и терпеливость, подняли в театре, по отъезде высочайших особ, такой неистовый и откровенный шум, что актеры едва могли допеть последние куплеты. В простоте сердечной и в невежественной гордости, — публика возмечтала, будто бы пьеса была *прервана* ею и будто бы актеры удалились со сцены по *ее* требованию, а не по воле автора! Она возмечтала даже по свойственным ей близорукости и простодушию, будто бы г. Мартынов, исполнявший роль Кутила-Завалдайского, остался один на сцене, по уходе прочих актеров, и произнес впервые напечатанный в этом издании монолог — по собственной воле и из своей головы, а не по воле и из головы автора! Так мало предугадывала публика гениальные способности Кузьмы Петровича Пруткова, моего миленького дядиньки!... А дядинька мой, к сожалению, не имел впоследствии возможности рассеять невежественное заблуждение публики, потому что в тот же вечер, по высочайшему повелению, пьеса была воспрещена к представлению на театрах, и дядинька мой, для сохранения своего служебного положения, должен был скрывать свое авторство. По той же причине и публика не могла исправить своей ошибки, т. е. оценить эту пьесу по достоинству. Известно, что самые гениальные произведения оцениваются не сразу, а когда вникнешь в них; — так ни Гомер, ни Сервантес, ни Шекспир, ни Бетговен, ни Гете не были бы оценены, если бы запретили изучать их!

Не скрою — да и к чему скрывать?! — что печатные отзывы об этом первом опыте Кузьмы Петровича Пруткова были весьма неблагоприятны для него. Только драгоценный журнал «Москвитянин», всегда отличавшийся глубокою, но патриотическою проницательностию, сумел прочуять, сквозь шуточную оболочку сего замечательного творения, — таинственно сокрытый яд даровитого сатирика. Это тем более польстило Кузьме Петровичу Пруткову, что имя его было сокрыто тогда на афише под литерами Y и Z. Поэтому впоследствии Кузьма Прутков постоянно питал особенное уважение к тогдашнему рецензенту названного журнала Аполлону Григорьеву и откровенно обращался к нему за советами в самые трудные моменты своего творчества; — так, например, он даже печатно просил его совета в одном из лучших своих стихотворений, помещенном и в этом издании, под заглавием: «Безвыходное положение». — Прочие тогдашние журналы и газеты оказались далеко ниже своей задачи, взявшись трактовать о предлагаемом ныне на суд читателей первом сценическом произведении Кузьмы Пруткова. В доказательство этого, я смело помещаю здесь выдержки из журналов: «Современник» и «Пантеон», сохранив и курсивные подчеркивания в них некоторых слов.

Из № 2 «Совр.» 1851 г., Смесь, стр. 271: «По крайней мере в бенефис г-жи Самойловой не было ничего слишком плохого, чему недавний пример был в бенефис г. Максимова, пример очень замечательный в театральных летописях тем, что одной пьесы актеры *не доиграли* вследствие *резко* выраженного неодобрения публики. Это случилось с пьесою «Фантазия».

Из № 1 «Пантеона» 1851 г. «Вероятно, со времени существования театра никому еще в голову не приходило *Фантазии* подобной той, какую г.г. Y и Z сочинили для русской сцены... Публика, потеряв всякое терпение, не дала актерам окончить эту *комедию* и ошикала ее, прежде опущения занавеса. Г. Мартынов, оставшийся один на сцене, попросил из кресел афишку, чтобы узнать, как он говорил: «кому в голову могла притти фантазия сочинить такую глупую пьесу?». Слова его были осыпаны единодушными рукоплесканиями. После такого решительного приговора публики нам остается только занести в нашу летопись один факт, что оригинальная *фантазия* удостоилась на нашей сцене *такого падения,* с которым может только сравниться падение комедии «Ремонтеры», данной 12 лет тому назад и составившей эпоху в преданиях Александринского театра».

Я не сробел, читатель, поместив здесь эти выписки из двух журналов, когда-то любимых публикою; — я не сробел, потому что надеюсь на твою замечательную прозорливость. Я только в одном помогу тебе, именно: заметить в последней фразе рецензента «Пантеона» нечаянное приветствие великому Кузьме Петровичу Пруткову, тогда впервые появившемуся, хотя и под таинственными литерами, на горизонте русской литературы. Действительно, никакое действие великого человека, даже ошибочное, не проходит без следа в истории, — точно так и первое появление Кузьмы Пруткова в русской литературе, даже сокрытое от соотечественников под чужеземными буквами, возбудило необычную энергию в русской публике, присутствовавшей в театре, вызвало необычное распоряжение власти, удостоилось *такого падения,* которое составляет *эпоху* в преданиях театра, и — как всякое (снова повторю) гениальное произведение — не было понято и оценено современниками!

Издатель.

В печатном тексте комедии исключена часть VII явления. После слов Беспардонного «Боже, если б это было возможно!» (см. с. 182) в рукописи идет следующий текст (впервые напечатанный в П.с.с. А., с. 275—276):

Разорваки

(входит)

Ничего нет необыкновенного! Это случилось очень просто, я тут был.

Все

Вы видели, как это случилось? Расскажите, расскажите!

Разорваки

Слушайте! *(поет):*

Уж смерклось; в гостиной старушка,
Сидевши, вязала чулок...

Под нею лежала подушка,
Собачка лежала у ног.
В подушке своей потонувши,
Она всё вязала чулок,
Но вдруг, неприметно заснувши,
Из рук упустила клубок...
Скатился клубок по собачке,
А та завизжала, и вот —
Старуха, не дав ей потачки,
Ее же толкнула в живот!
Сама ж, испугавшись впотемках,
Внезапно вскричала она:
Ей вдруг показалось впросонках
Что лезет солдат из окна! ...
Дрожа перед мнимым служивым,
Велит она кликнуть людей,
И вместе, пинком неучтивым,
Толкает меня из дверей.
С солдатом готовясь на драку,
С людьми прихожу я назад, —
Старуха кричит нам: «Собаку,
Собаку похитил солдат!
Собаку, собаку, собаку,
Собаку похитил солдат!»

А совсем не солдат! Врет старуха! Просто сама убежала моська.

Кутило

(про себя)

Я давно заметил в этой старухе склонность к жестокому обращению и неприличным приемам!

В I явлении исключена реплика Либенталя после слов Кутило-Завалдайского «Слышите? .. Часы бьют!» и ремарки (см. с. 164):

Либенталь

Позвольте, позвольте! .. *(Слушает)*. Да, точно! Это в кабинете Лизаветы Платоновны, — могу вас уверить! Я очень хорошо знаю звон этих часов, клянусь вам! ..»

История «Фантазии» рассказана В. М. Жемчужниковым в «Предисловии издателя», «Защите памяти Косьмы Петровича Пруткова» и «Моем посмертном объяснении». Вероятно, в связи с подготовкой П.с.с. находится следующая мемуарная запись Алексея Жемчужникова.

„1883-й год. Ноябрь 27/15
Pension Neptun, Zürich

Государь Николай Павлович был на первом представлении «Фантазии», написанной Алексеем Толстым и мною. Эта пьэса шла в бенефис Максимова. Ни Толстой, ни я в театре не были. В этот вечер был какой-то бал, на который мы оба были приглашены и на котором быть следовало. В театре были: мать Толстого и мой отец с моими

братьями. Воротясь с бала и любопытствуя знать: как прошла наша пьэса, я разбудил брата Льва и спросил его об этом. Он ответил, что пьэсу публика ошикала и что Государь в то время, когда собаки бегали по сцене во время грозы, встал с своего места с недовольным выражением в лице и уехал из театра. Услышавши это, я сейчас же написал письмо режиссеру Куликову, что, узнав о неуспехе нашей пьэсы, я прошу его снять ее с афиши и что я уверен в согласии с моим мнением графа Толстого, хотя и обращаюсь к нему с моей просьбой без предварительного с гр. Толстым совещания. Это письмо я отдал Кузьме, прося снести его завтра пораньше к Куликову. На другой день я проснулся поздно, и ответ от Куликова был уже получен. Он был короток: «Пьэса ваша и гр. Толстого уже запрещена вчера по Высочайшему повелению»." (Архив А. М. Жемчужникова. Опубликовано в П.с.с. А., с. 488—489).

Отметим, что в этой мемуарной записи и в «Моем посмертном объяснении» не совпадают сведения об уходе со спектакля Николая I. В «Посмертном объяснении» этот уход отнесен к X явлению и приурочен к определенной реплике, которой тем самым придано как бы особое значение: «Говорю вам: подберите фалды! .. Он зол до чрезвычайности!» Но из мемуарной записи оказывается, что царь ушел гораздо раньше — в «маленьком антракте» между VII и VIII явлением.

Самый процесс создания «Фантазии» был освещен А. М. Жемчужниковым в двух интервью. Приводим соответствующие места:

«Обдумав сюжет, мы разделили всю пьесу на явления и распределили их между собой. Однако дело не обошлось без затруднений. Представьте, что во время считки два явления, из которых одно принадлежало Толстому, а другое — мне, оказались неудобными для постановки. Вы помните, конечно, в «Фантазии» «маленький антракт», когда сцена остается несколько времени пуста, набегают тучи, гроза, затем через сцену пробегает моська, буря утихает, и на сцену являются действующие лица. Антракт этот был сделан вследствие того, что у Толстого явление кончалось уходом всех действующих лиц, тогда как следующее за тем мое явление начиналось появлением их снова всех вместе. Мы долго думали, как быть, и, наконец, придумали этот антракт. На первом представлении пьесы, публика долгое время недоумевала, что это такое, и «Фантазию» немедленно сняли с репертуара». [1]

«Вот мы и задумали, я и двоюродный брат мой, граф Алексей Толстой, написать вдвоем в шутливой форме пьеску под заглавием «Фантазия». Писали мы в одной комнате, на разных столах. Разделили мы пьесу на равное число сцен. Одну часть он взял себе, другую я взял себе писать. Когда мы работу окончили и соединили обе части, то оказалось, что у одного действующие лица уходят со сцены, у другого они приходят. Связи никакой... Хохотали мы над своим произведением до упаду. Тогда мы придумали середину. Вставили в пьесу грозу, бурю и пр. и дали уже другому моему брату, покойному Владимиру, дописать конец пьесы. Таким образом, мы составили триумвират», [2]

---

[1] Ю. Д. Беляев. Встречи и характеристики. А. М. Жемчужников. — „Новое время", 1900, 14 февр., № 8609. Перепеч. в П.с.с. А., с. 519—523.

[2] Икс. У А. М. Жемчужникова (По поводу 75-летия его рождения). — „Петербургская газета", 1896, 10 февр., № 39. Перепеч. в П.с.с. А., с. 514—518.

Участие В. М. Жемчужникова в создании «Фантазии» другими источниками не подтверждается; возможно, что интервьюер, вообще неточный, смешал здесь создание «Фантазии» с созданием авторской личности Козьмы Пруткова.

Попытка опубликовать «Фантазию» была сделана еще в 60-е годы. К этому времени и относится, очевидно, копирование рукописи из Театральной библиотеки, работа В. Жемчужникова над текстом и его «Предисловие издателя», написанное (для собрания сочинений Пруткова, как видно из текста) от имени племянника Козьмы Пруткова, то есть, очевидно, от лица Калистрата Шерстобитова, именем которого подписан некролог 1863 г. Пытался В. М. Жемчужников напечатать «Фантазию» и в «Современнике». В письме к А. Н. Пыпину, которое должно датироваться, повидимому, 1865 г.,[1] В. М. Жемчужников спрашивает: «Пытались ли отдавать Министра Плодородия и Фантазию в цензуру и как приняли?».[1]

В «Моем посмертном объяснении» частично приведены отзывы журналов «Современник» (1851 г., № 2, отд. V, с. 271) и «Пантеон и репертуар русской сцены» (1851 г., № 1, отд. VI, с. 12—13; отзыв Ф. К., т. е. Федора Кони). Помимо этих, были еще отзывы Р. З. (Рафаила Зотова) в «Северной пчеле» (1851 г., 19 янв., № 15), Василько Петрова в «С.-Петербургских ведомостях» (1851 г., 11 февр., № 34), М. Д. в «Отечественных записках» (1851 г., № 2, отд. VIII, с. 227). Содержание отзывов, с большими цитатами, приведено в книге П. Н. Беркова «Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт». Л., 1933, с. 47—50.

В «Моем посмертном объяснении» Козьма Прутков указывает еще на отзыв в «Москвитянине», который он «мысленно приписывал г-ну Аполлону Григорьеву». Отзыв этот доселе оставался неразысканным; П. Н. Берков в указанной книге (с. 50—51) высказывает предположение, что «здесь кроется мистификация», — что такого отзыва вообще не было. Однако этот отзыв существует; он находится в обзоре первого номера «Пантеона» за 1851 г., напечатанном в «Москвитянине» 1851 г., № 6, за подписью *Г.*, и является комментарием к цитируемому здесь отзыву Ф. А. Кони (Отзыв Ап. Григорьева приведен во вступительной статье к настоящему изданию, с. XIII).

«Заглавный лист театрального экземпляра комедии», подробно описанный в «Моем посмертном объяснении», приложен в П.с.с. 1—12 в транскрипции; мы дасм фотокопию его.

Эти курсивы отнюдь нельзя уподобить умным изречениям... (с. 158) — Ср. «Мысли и афоризмы», № 27 основного собрания.

Падение пьесы «Ремонтеры»... (с 159). Комедия Мирошевского «Ремонтеры» шла в Александринском театре в сезон 1839—1840 гг. (А. И. Вольф. Хроника петербургских театров, ч. II. Спб., 1877, с. 60) ...*bis* (с. 166 и др.) — дважды, *ter* (с. 177) — трижды. *Он*

---

[1] На письме имеется дата „25 ноября". В нем упоминается о публикациях Кузьмы Пруткова в „Развлечении" и о «Современнике» как текущем журнале. Тем самым письмо датируется 1861—1865 гг. Вряд ли пьеса, игранная на сцене не под именем Кузьмы Пруткова, могла быть отдана в „Современник" под этим именем без объяснения, „объяснение" же связано с „некрологом", — значит, написано не ранее 1863 г. В. М. Жемчужников указывает свой адрес в Красном Роге. По воспоминаниям С. П. Хитрово, он провел зиму 1865 г. в этом имении Алексея Толстого (С. Лукьянов. О Вл. Соловьеве в его молодые годы, т. 3, вып. 1. П., 1921, с. 237). Письмо В. М. Жемчужникова хранится в Гос. Публичной библиотеке в Ленинграде.

искусен во всем, И ему нипочем Полька (с. 189). Во второй половине 40-х годов в Петербурге проявлялось бурное увлечение новым танцем — полькой. «Уже начинают причесываться à la Polka, одеваться à la Polka, ходить à la Polka» («Литературная газета», 1845, № 6, с. 112).

Блонды. ЛЕ 6, с. 87—95, с подзаголовком «Пословица в одном действии». Комедия написана летом 1853 г. Александром Жемчужниковым, при участии Алексея и Владимира (см. с. 337). «Блонды» написаны в связи с появлением в «Москвитянине» (1852, т. VI, № 22, отд. V, с. 37—42) отзыва Б. Алмазова о комедии Алексея Жемчужникова «Сумасшедший». Алмазов отнесся с иронией к выведенным в комедии героям «самой великосветской жизни, самого тонкого обращения и самого высокого образования». Он издевательски называет «самым лучшим местом во всей пьесе» вводную ремарку, выделяя курсивом в описании обстановки слова «в золотой раме», с «золотой каймою», «золотая мебель» и т. п. Он упрекает автора в незнании «высшего света», в котором происходит действие комедии: «Что же касается до хорошего тону, который, как всем известно, господствует в высшем свете, то им не отличаются действующие лица комедии г. Жемчужникова. Кажется, все с нами согласятся, что главным отличительным признаком хорошего тона почитается учтивость, а ее именно и недостает действующим лицам разбираемой нами комедии».

Задача комедии «Блонды» — показать «высший свет» в изображении претендентов на великосветскость, подобных автору рецензии.

По поводу более ранней комедии Алексея Жемчужникова «Странная ночь» Аполлон Григорьев в том же «Москвитянине» (1851 г., ч. I, № 2, с. 226) упрекал автора в подражании «драматическим пословицам» Альфреда де Мюссе, от которых «дышит пустотой и праздностью». Соответственно авторы «Блонд» назвали свое произведение «драматической пословицей», хотя никакой пословицы в заглавии пьесы нет.

Перевод французских фраз: Prenez garde — Берегитесь. Mon ange — Мой ангел. Vous me soupçonnez? — Вы меня подозреваете? Princesse — Княгиня. Prince — Князь. Point de bêtise! — Без глупостей! Point d'Alançon — Алансонские кружева. Merci, mon oncle! — Спасибо, дядя!

Анти-макасары — специальные накидки, кладущиеся на мягкую мебель, чтобы материя не пачкалась от прикосновения голов.

Спор древних греческих философов об изящном. ЛЕ 1, с. 3—5, под загл: «Спор греческих философов об изящном. Отрывок из древне-классической жизни». Рук. В.Ж.

«Спор древних греческих философов» направлен против «антологической поэзии» — и прежде всего против стихотворений Н. Ф. Щербины. Вводная ремарка с «анемонами, змеями, ползающими по цистернам, медяницами, сосущими померанцы, акамфами, платановыми темнопрохладными намётами, раскидистыми пальмами, летающими щурами, зеленеющим мелисом и мастикой» — составлена из предметов, упоминаемых в стихотворениях, вошедших в сборник Н. Ф. Щербины «Греческие стихотворения»:

Как я рад, что оставил Акрополь!
Там лишь башни висят надо мной,
Да лепечет бестенная тополь,
Да летают щуры над стеной,
. . . .
И змея по цитерне ползет...[1]
. . . .
Медяница, повиснув на ветке,
Померанец лениво сосет...
. . . .
И мою полусонную лень
Освежают росой анемоны.

(„Невольная вера")

Знойного полдня часы провожу под намётом
Темно-прохладных дерев...

(„В деревне")

Мастика каплет, и мелис
Зазеленел, и разрослись
Моей заботою цветы;
Платана влажные листы
Прохладой сладкою манят...

(„Epicedium")

Нарезал я листьев аканфа, —
Аканфы прикрыть капители

(„Древняя колонна")

Черепослов, сиречь Френолог. Св. 5, с. 41—56. Копия с правкой В.Ж. В тексте П.с.с. имеются добавления и незначительные исключения.

Как видно из письма В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину от 6 февраля 1883 г. (см. с. 337), в основу оперетты положена стихотворная сцена под тем же заглавием «Черепослов, сиречь Френолог», переданная В. М. Жемчужникову П. П. Ершовым в Тобольске в 1854 г. и включенная во II картину оперетты. II картина почти целиком состоит из стихотворного диалога Касимова и Иванова; надо думать, что этот диалог и был предоставлен В. М. Жемчужникову П. П. Ершовым.

Как видно из письма П. П. Ершова Е. П. Гребенке от 5 марта 1837 г., «Черепослов» писался Ершовым еще в 1837 г. для тобольского гимназического театра, в сотрудничестве с его приятелем Чижовым: «Мы с Чижовым стряпаем водевиль «Черепослов», в котором Галь[2] получит шишку пречудесную. Куплетцы — заяденье! Вот ужо пришлю к тебе после первого представления». (В. Доманицький. Матеріяли до біографії Е. П. Гребінки. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. XC, 1909 г., кн. 4, с. 167).

В письме от того же дня к своему петербургскому приятелю В. А. Треборну Ершов говорит о водевиле как о единоличном про-

---

[1] В тексте ЛЕ у Пруткова также „цитерны".

[2] Франц-Иосиф Галль — основатель френологии, антинаучного учения о распознавании психических свойств человека по форме его черепа.

изведении Чижова: «Еще приятель мой Ч-жов готовит тогда же водевильчик «Черепослов», где Галю пречудесная шишка будет поставлена. А куплетцы в нем — что ну, да на, и в Питере послушать захочется» (А. К. Ярославцов. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Спб., 1872, с. 49. Это письмо цитируется в сноске к «Биографическим сведениям о Козьме Пруткове», — см. с. 284).

Упоминаемый здесь Чижов — поэт-декабрист Н. А. Чижов, живший в то время в Тобольске (см.: Б. Я. Бухштаб. Козьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов. — «Омский альманах», кн. 5, Омск, 1945, с. 116—130 и добавление — кн. 6, Омск, 1947, с. 159—163).

В «Свистке» публикация «Черепослова» дана с редакционным заголовком «Еще произведение Пруткова», за которым следует вводная заметка, написанная Н. А. Добролюбовым:

«Поклонники искусства для искусства! Рекомендуем Вам драму г. Пруткова. Вы увидите, что чистая художественность еще не умерла».

Термин «черепословие» не изобретен авторами водевиля; он применялся в русской литературе для перевода «френологии».

Перевод немецких фраз: Dummer Mensch! — Глупый человек! Geh weg! — Уйди вон! Hinaus, pack' dich — Прочь, убирайся. Mein Gott! — Боже мой!

Ты помнишь, — разумеется, помнишь! — мое обещание... (с. 219) — ср. «Предисловие Козьмы Пруткова» к «Выдержкам из записок моего деда» (с. 133). *Un jour maître corbeau.* (с. 234). — «Однажды ворона»... Вероятно, неверно цитированное начало басни Лафонтена «Le Corbeau et le Renard («Ворона и лисица»): «Maître Corbeau, sur un arbre perché...»

«Черепослов» — единственная пьеса Козьмы Пруткова, несколько раз ставившаяся в театрах. В 1909 г. она выдержала ряд спектаклей в Петербурге, в «Веселом театре» Н. Евреинова и Ф. Коммиссаржевского, в том же году шла и в петербургском театре «Фарс», в 1911 г. была поставлена Ф. Курихиным в Большом Стрельнинском театре, в сезон 1922—1923 гг. шла в театре Юдовского в Петрограде (см. перечень постановок пьес Козьмы Пруткова в П. с. с. А., с. 618.)

Опрометчивый турка, или Приятно ли быть внуком. Св. 9, с. 56—62, в составе публикации «Краткий некролог и два посмертные произведения Кузьмы Петровича Пруткова», с подзаголовком «Комедия естественно-разговорная». Рук. В. Ж. заглавного листа с перечнем действующих лиц.

Сюжет «естественно-разговорного представления», насколько он может быть выделен из комически-бессмысленных реплик, якобы имитирующих «естественный разговор», — связан с афоризмом 73 основного собрания, поставленным в качестве эпиграфа к «Полному собранию сочинений» Козьмы Пруткова и ко всем его разделам. Фамилии действующих лиц взяты из комедии «Фантазия».

«Пролог» направлен против Аполлона Григорьева, который еще в статье «Русская литература в 1851 г.» объявил Островского ожидаемым творцом «нового слова» в литературе («От кого именно ждем мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту.» — Ап. Григорьев. Собрание сочинений, вып. 9, М., 1916, с. 51). Идея о «чистоте и откровенности» искусства принадле-

жит к числу центральных идей Ап. Григорьева, сформулированных и в специальной статье «О правде и искренности в искусстве» (1856).

Я знал его! .. Мы странствовали с ним в горах Востока и тоску изгнанья делили дружно... (с. 244) — начало стихотворения Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского». *Синапизм* (с. 246) — горчичник; *фонтанель* — нарочитая гнойная рана для врачебных целей; *гишпанская* (обычно: шпанская) *мушка* — особый порошковый пластырь из высушенного жучка того же наименования; *в ушах канат* — ср. афоризм 132 основного собрания; *креозот* — лекарство, применявшееся при туберкулезе, гангрене, гнилостных язвах и пр.; *заволока* — протянутая иглой сквозь кожу полоска полотна, ниток и т. п., применявшаяся для вызова нагноения. *Не дивитеся, друзья...* (с. 247) — переделка начала известной песни на слова стихотворения С. Е. Раича «Друзьям»:

Не дивитесь, друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.

Сродство мировых сил. П. с. с. 1, с. 243—253. Рук. Алексея Жемчужникова, являющегося автором этой «мистерии», с поправками Вл. Жемчужникова. Рук. В. Ж. титульного листа и афиши. На титульном листе надпись В. Жемчужникова: «(Получена от Алешеньки в первых числах октября 1883 г.)».

Среди долины ровныя...» (с. 250) — популярная песня на слова А. Ф. Мерзлякова... *в тот мир, откуда к нам никто Еще не возвращался* (с. 255) — цитата из знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть» («Гамлет», д. III, явл. 1).

II (Не вошедшее в основное собрание)

Любовь и Силин. «Развлечение», 1861, т. V, № 18, с. 209—213. Рук. Александра Жемчужникова, являющегося автором комедии, с правкой Алексея Жемчужникова. Печатается по П.с.с. А., в котором она напечатана по беловой рукописи, хранящейся в Пушкинском доме, но неотысканной во время работы над настоящим изданием, — с проверкой по рукописи Александра Жемчужникова. В журнальном тексте произведен ряд цензурных, — правда, внешних, — изменений. Так, Силин в журнальном тексте нигде не назван предводителем дворянства, дворянские выборы заменены неопределенным «съездом», вместо «ты более не предводитель» читаем «ты не избран» (неизвестно куда) и т. п. Исключены все упоминания о губернаторе, так что вместо

Губернатора потомок
Православных киевлян, —

в журнальном тексте напечатано:

Воеводский он потомок
Славных некогда древлян.

Кислозвездова называется не генеральшей, а бригадиршей и не «сладострастной», а просто «страстной» вдовой. «Священный» текст «Не нам, не нам, а имени твоему» заменен лаконичным «Не нам, а вам» и т. п.

В архиве В. А. Арцимовича (Пушкинский дом) хранится экземпляр брошюры в 18 страниц, сверстанной из набора журнальной публикации, с особо отпечатанной обложкой: «Любовь и Силин. Сочинение Кузьмы Пруткова (Сюжет заимствован из обыденной жизни). Москва. В типографии Каткова и комп. 1861». Здесь от руки внесены исправления части цензурных искажений.

Не признавая прутковскими сочинения Александра Жемчужникова, за исключением басни «Незабудки и запятки» и тех произведений, в которых он участвовал вместе с братьями, В. М. Жемчужников колебался в отношении комедии «Любовь и Силин». В письме к А. Н. Пыпину от 15 февраля 1883 г. (см. с. 341) он признал «кое-что прутковское» в этой комедии, равно как и в «малой частице» фельетонов 1876 г. («С того света» и «Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова»), но указал, что по смешанности прутковского с «чуждым и нисколько не свойственным К. Пруткову», „«Любовь и Силин», а тем паче помянутые фельетоны должны быть сполна причислены к чьим-то чужим сочинениям, неправильно выданным за прутковские“. В «Биографических сведениях» же В. М. Жемчужников, совершенно дезавуировав фельетоны, признал комедию «Любовь и Силин» принадлежащей Пруткову, но «напечатанной без его ведома, ранее окончательной ее отделки» и поэтому исключенной из собрания сочинений.

В журнальной публикации к заглавию дана сноска: «Редакция приносит искреннюю благодарность К. А. Булгакову за сообщение этой драматической шутки». Куплеты Керстена в III действии в журнальном тексте введены ремаркой: «поет под музыку соч. К. А. Булгакова». К. А. Булгаков — известный в светских кругах в 30—40-е годы остроумец, рассказчик, дилетант-музыкант, — в 50-е годы посылал в юмористические журналы шутливые произведения своих друзей, к которым, видимо, принадлежал и Александр Жемчужников (ср. комментарий к стих. «Пастух, молоко и читатель»).

Как справедливо сказал Альгемейн Цейтунг... (с. 258). «Allgemeine Zeitung» (Всеобщая газета) — название распространенной немецкой газеты, выходившей в Мюнхене в 1819—1908 гг. *Что в имени тебе моем?* (с. 261) — первый стих неозаглавленного стихотворения Пушкина *...что имя звук пустой...* (с. 261) — переинтонированная цитата из стих. Лермонтова «Ребенку» («Что имя? звук пустой!»). *Не нам, не нам, а имени твоему!* (с. 261) — надпись на медали в память Отечественной войны 1812—1814 гг. Текст взят из псалтыри: «Не нам, господи, не нам, но имени твоему дай славу...» (Псалом 113, стих 9). *«Ключ к таинствам натуры» Экартсгаузена* (с. 264) — сочинение известного немецкого мистика и алхимика XVIII века, изданное на русском языке в 1804 г.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

I (Основное собрание)

Биографические сведения о Козьме Пруткове. П. с. с. 1, с. III—XV. Рук. В. Ж. — беловик, превращенный сильной правкой в черновик новой редакции, — свидетельствует о принадлежности статьи В. Жемчужникову. Она была написана в 1883 г., специально для «Полного собрания сочинений»; еще 6 февраля этого года В. М. Жемчужников не упоминает о ней, перечисляя произведения, входящие в «Полное собрание сочинений», а предполагает включить в собрание «Краткий некролог» 1863 г. (см. с. 338).

«Биографические сведения» используют «Краткий некролог», но некоторые его данные игнорируют (сведения о семье Козьмы Пруткова), а некоторые исправляют. Так, в некрологе указаны даты жизни Козьмы Пруткова с 1801 по 1863 г., а между тем сообщается, что Прутков «умер на 60-м году своей жизни». В соответствии с последним указанием дата рождения Пруткова в «Биографических сведениях» переносится на 1803 г., а это вызывает изменение даты поступления на военную службу с 1816 года на 1820.

Библиографические данные, приводимые в «Биографических сведениях», неточны: «Досуги Кузьмы Пруткова» печатались в «Современнике» не в 1853—54 гг., а только в 1854 г., а «Пух и перья» — не в 1860—1864 гг., а только в 1860 г. После 1863 г. Козьма Прутков вообще в «Современнике» не печатался.

Об участии П. П. Ершова в трудах Козьмы Пруткова см. с. 360 и 387.

Упоминаемые авторы портрета Козьмы Пруткова — Л. М. Жемчужников, брат создателей Козьмы Пруткова, и его товарищи по Академии художеств, впоследствии профессора Академии художеств А. Е. Бейдеман и Л. Ф. Лагорио. «Подлинный рисунок», сохранившийся среди рисунков Л. М. Жемчужникова в собрании Гос. Русского музея, заметно отличается от литографированного портрета. Он впервые воспроизводится в нашем издании (между с. 336 и 337).

II (Не вошедшее в основное собрание)

Краткий некролог и два посмертные произведения. Св. 9, с. 54—66. Мы не перепечатываем в составе этой публикации произведения, входящие в нее в «Свистке» и напечатанные в других разделах настоящего собрания: «Опрометчивый турка» и «Проект» (см. в более поздней редакции под загл. «Проект: О введении единомыслия в России»).

«Краткий некролог» предполагался к помещению в «Полном собрании сочинений» (см. письмо В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину от 6 февраля 1883 г., — с. 338) и не вошел, очевидно, потому, что В. М. Жемчужников написал «Биографические сведения», повторяющие во многом данные «Некролога».

«И слава моя гремит, как труба. . .» — (с. 286) — строфа из стих. «Мой сон». Оно напечатано в «Современнике» не в 1852 г., как здесь указано, а в 1854 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Предуведомление. Св. 4, с. 43. Предисловие к публикации «Пух и перья (Daunen und Federn)».

Я враг всех так называемых вопросов. Эта фраза стала одной из крылатых прутковских фраз. Ср. в «Проекте: О введении единомыслия в России» (с. 129) и в «Биографических сведениях» (с. 277). Сатирическое послание А. К. Толстого Ф. М. Толстому 1869 г. кончается словами:

Я ж друг властей и вечный враг
Так называемых вопросов!

. . .гг. Григорий Бланк, Николай Безобразов... — публицисты реакционно-дворянского лагеря.

«Читатель! Прочти о сих записках...» «Искра», 1860, № 31, с. 330. Тетр. В. Ж. Предисловие к публикации «Из записок моего деда (Продолжение)».

Азбука для детей Косьмы Пруткова. «Искра», 1861, № 3, с. 43. Авторство Александра Жемчужникова удостоверяется пометкой В. Жемчужникова на копии: «Глупость Сашинькина!»

Простуда. «Развлечение», 1861, т. VI, № 1, с. 11. Вопрос об авторстве этого стихотворения, как и двух следующих, неясен. Стихотворение включено в «Полное собрание сочинений» А. К. Толстого под ред. П. В. Быкова (т. I, Спб., 1907, с. 507) на основании указаний различных лиц; однако на основе этих указаний П. В. Быков приписал А. К. Толстому произведения, заведомо ему не принадлежащие (см. примеч. к стих. «Эпиграмма № II» — с. 359). Алексей Жемчужников в письме «Происхождение псевдонима «Козьма Прутков» отверг принадлежность данного стихотворения, равно как и двух следующих, кому-либо из трех создателей Козьмы Пруткова, указывая на данный случай как на пример незаконного использования псевдонима Козьмы Пруткова «иными сатириками» (см. с. 331 настоящего издания).

Под именем Кузьмы Пруткова, кроме данного стихотворения и двух следующих, в «Развлечении» напечатана еще комедия «Любовь и Силин», принадлежащая Александру Жемчужникову. Вряд ли, помещая под псевдонимом Кузьмы Пруткова произведение одного из Жемчужниковых, журнал решился бы дать то же имя под произведением постороннего лица. Из участников журнала ближе других к Козьме Пруткову стоял А. Н. Аммосов (см. комментарий к басне «Пастух, молоко и читатель»); но его произведения печатались в «Развлечении» под его инициалами или под псевдонимом «Последователь Кузьмы Пруткова». Естественно думать, что если три стихотворения, помещенные в «Развлечении» под псевдонимом Кузьмы Пруткова, не принадлежат ни одному из трех его «опекунов», — они написаны Александром Жемчужниковым, который, кроме комедии «Любовь и Силин», напечатал еще в «Развлечении» «Выдержки из моего дневника в де-

ревне», подписанные, правда, в «Развлечении» другим псевдонимом, но в «Искре» перепечатанные под именем Кузьмы Пруткова. Если наше предположение правильно, непризнание стихотворений, напечатанных в «Развлечении», прутковскими, — один из актов той борьбы с претензией Александра Жемчужникова печатать свои произведения под именем Козьмы Пруткова, которую Алексей и Владимир Жемчужниковы постоянно ведут в 70-е и 80-е годы.

Папье-файяр — антиревматический пластырь доктора Файяра. Его нельзя было снимать, он должен был отпадать сам.

«Я встал однажды рано утром...» «Развлечение», 1861, т. VI, № 3, с. 33. Как и предыдущее стихотворение, включено в «Полное собрание сочинений» А. К. Толстого под ред. П. В. Быкова (т. I, Спб., 1907, с. 507). Все соображения об авторстве, высказанные в предыдущем примечании, относятся и к данному стихотворению. Отметим, что данное стихотворение приписано А. К. Толстому и анонимным автором статьи «Наши шутливые стихотворцы» в журнале «Отголоски» 1881 г., № 7, с. 71; в следующем номере журнала автор оговаривается, однако, что «ему было сделано возражение» против этой атрибуции (№ 8, с. 215).

«О ты, что в горести напрасно На бога ропщешь, человек!» — начало «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова. *«Морозной пылью серебрился Его бобровый воротник»* — слегка измененная цитата из «Евгения Онегина» (гл. I, строфа XVI).

«Сестру задев случайно шпорой...» «Развлечение», 1861, т. VI, № 13, с. 152. См. комментарий к стих. «Простуда».

Выдержки из моего дневника в деревне. «Развлечение», 1861, т. VI, № 15, с. 180—181 (1-е и 3-е стих.), с подписью «Асон де-Соколов» и надзаголовком: «Стихотворения Асона Апполиновича де-Соколова (Это вновь открытый автор, имеющий гораздо менее таланта Пруткова, но сильно ему подражающий)»; «Искра», 1862, № 48, с. 668, с подписью «Кузьма Прутков» (1-е, 2-е и 3-е стих.; печатаем стихотворения по этому тексту), «С.-Петербургские ведомости», 1876, № 117, в публикации Александра Жемчужникова «Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова» (1-е и 2-е стих.). Во 2-м стих. в этой публикации нет ст. 5—8, другие отличия текста незначительны.

Копия 3-го стих. из «Искры» с пометкой В. Жемчужникова «Глупость Сашинькина!» Очевидно, что и остальные стихотворения цикла, публиковавшиеся сперва вместе с данным стих., а затем без него, но тем же Александром Жемчужниковым, — также принадлежат ему.

Плац-майор (с. 297) — старинное название помощника городского военного коменданта. *Ляпис-инферналис* (с. 297) — адский камень.

С того света. «С.-Петербургские ведомости», 1876, №№ 84 и 96. Часть, напечатанная в № 84 (I—III) имеет дату: «24-го марта, 1876 г. (Annus, i)». Авторство указано В. М. Жемчужниковым в письме к М. М. Стасюлевичу от 2 апреля 1876 г.: «Что же касается Прутковского фельетона в прошлый четверг в СПБ. Вед., то он написан братом моим Александром, просто для шутки и заработка»

(«М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV, Спб., 1912, с. 312).

После опубликования первой части статьи, в № 87 газеты была помещена следующая заметка: «Г. Медиуму N.N. Редакция «С.-Петербургских ведомостей», напечатав в № 84-м присланную вашим превосходительством беседу с покойным К. Прутковым, просит вас не сетовать на вкравшиеся в помянутой статье ошибки типографии, происшедшие вследствие неразборчивости вашего старческого почерка. Ошибки и пропуски могут быть по желанию вашему исправлены. Примите и пр.».

Фельетон связан с оживленной полемикой о спиритизме, которая велась в то время на страницах русских журналов и газет.

И. И. Дибич (1785—1831) (с. 298) — главнокомандующий в турецкую кампанию 1829 г., получил за эту кампанию прибавку к фамилии, став Дибичем-Забалканским. *Известие о смерти* К. Пруткова («Краткий некролог») было помещено в «Современнике» на самом деле не в 1865, а в 1863 г. *Юм, Бредиф* (с. 299) — известные иностранные медиумы, гастролировавшие в Петербурге в 70-х годах. *...уволил по 3-му пункту* (с. 300) — т. е. без объяснения причин. Имеется в виду 3-й пункт положения комитета министров «о порядке увольнения от службы и определения вновь в оную неблагонадежных чиновников» от 7 ноября 1850 г. *П. М. Леонтьев* (1822—1875) (с. 301) — ближайший сотрудник редактора реакционной газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова, один из насадителей «классической системы образования», то есть усиленного изучения древних языков в гимназиях за счет занятий естественными науками, приводящих к «опасному» материализму. *Вопросы 4 и 5* (с. 303). В прессе 1875—1876 гг. большой шум вызвали процессы С. Т. Овсянникова, обвинявшегося в поджоге с корыстными целями арендованной им паровой мельницы, и игуменьи Владычно-Покровского монастыря Митрофании (баронессы П. Г. Розен), уличенной в выдаче фальшивых векселей. *...ирокезцами, которых я всегда издали и платонически любил...* (с. 305) — намек на «Мысли и афоризмы», № 55 (основного собрания). *Б. М. Федоров* (с. 305) — см. с. 378. *«Глафира спотыкнулась...»* (с. 307). Сюжет стихотворения отчасти перекликается с одним из сюжетов для комедии рекомендуемых Кутило-Завалдайским в «Фантазии»: «Например, что вот там один молодой человек любит одну девицу... Их родители соглашаются на брак, и в то время, как молодые идут по коридору, из чулана выходит тень прабабушки и мимоходом их благословляет!» (см. с. 201—202). *Под именем К. Прутков младший* (с. 308) в «Петербургской газете» писал Д. Д. Минаев. *Из моих же многочисленных потомков никто, к сожалению, не наследовал литературного таланта...* (с. 308). Александр Жемчужников не учитывал, а быть может и не знал, «Военных афоризмов», написанных именно от лица сына Козьмы Пруткова.

Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова. «С.-Петербургские ведомости», 1876, №№ 110 и 117. Часть фельетона, напечатанная в № 110, подписана: «Искреннейший племянник К. П. Пруткова и любимейший его родственник: К. И. Шерстобитов». Приписанный тому же автору, что и «Краткий некролог»,

фельетон развивает его темы и также включает «неизданные произведения Козьмы Пруткова». С другой стороны, фельетон теснейшим образом примыкает к фельетону «С того света». Он напечатан в той же газете, менее чем через месяц после первого фельетона, и является его естественным продолжением. «Некоторые материалы» начинаются с упоминания о фельетоне «С того света», возникший там образ «медиума Козьмы Пруткова» ставится теперь в связь с биографией Пруткова; автор ссылается на изложенный в первом фельетоне проект «о том, какое надлежит давать направление благонамеренному подчиненному...», ставя его рядом с напечатанным в «Кратком некрологе» «проектом», который впоследствии получит название «Проект: О введении единомыслия в России», а здесь назван проектом «о необходимости установить в государстве одно общее мнение».

Из всего этого следует, что «Некоторые материалы» принадлежат тому же автору, что и «С того света», то есть Александру Жемчужникову. Характерна одинаковая ошибка в указании времени публикации в «Современнике» «Краткого некролога». Что автор «Некоторых материалов» — Александр Жемчужников, видно и из данного им перечисления создателей Козьмы Пруткова, в котором наравне стоят четыре автора: А. К. Толстой, Алексей, Александр и Владимир Жемчужниковы. Характерно, что, ссылаясь на данный фельетон в «Защите памяти Козьмы Пруткова» в 1881 г., «непременный член К. Пруткова» (повидимому, Вл. Жемчужников) считает нужным внести оговорку: «Фамилии советников его верны, хотя не всех их покойный слушал в одинаковой мере». Вообще же он отмежевывается от «Некоторых материалов» и не признает прутковскими включенные в них произведения: «В этом сообщении, — пишет он, — много несправедливого; между прочим, приписаны К. П. Пруткову чужие произведения» (см. с. 326). В «Биографических сведениях» В. Жемчужников характеризует «Некоторые материалы» как «вымышленные сведения о Козьме Пруткове, неправильно подписанные фамилией К. И. Шерстобитова» (Ср. в письме к А. Н. Пыпину — с. 341).

«Произведения Козьмы Пруткова», включенные в «Некоторые материалы», повидимому в основном принадлежат самому Александру Жемчужникову. Однако «Отрывок из поэмы «Медик», по весьма вероятному предположению П. Н. Беркова (П.с.с. А., с. 551), «представляет часть написанного А. К. Толстым цикла «Медицинские стихотворения». Герой этих стихотворений — доктор А. И. Кривский, служивший в 1868—1870 гг. у А. К. Толстого в Красном Роге. П. Н. Берков указывает, в частности, что слова «Лукавый врач», которыми начинается «Отрывок», имеются и в одном из «Медицинских стихотворений» А. К. Толстого («Навозный жук, навозный жук...»). Из «мыслей и афоризмов», включенных в «Некоторые материалы», афоризм «Человек умирает, но ордена остаются на лице земли» — является вариантом афоризма 21 из не вошедших в основное собрание, а афоризм «Вспоминая минувшие счастливые дни свои, сравни их с настоящими и подведи итог» — вариантом афоризма 20 основного собрания. Эти два афоризма, очевидно, также не принадлежат Александру Жемчужникову, который, по категорическому утверждению Алексея Жемчужникова, «в сочинении *изречений* (Плоды раздумья) никакого участия не принимал» (Письмо в редакцию. — «Новое время», 1900, № 8613. Перепечатано в П.с.с. А., с. 494—496).

«Выдержки из моего дневника в деревне» не перепечатываем полностью, так как они вошли в наше собрание в виде отдельной публикации (с. 296—298).

...истый сын отечества, хотя и не участвовавший в редакции журнала и газеты этого имени... (с. 309). «Сын отечества»—название еженедельного журнала 1856—1861 гг. и ежедневной газеты 1862—1900 гг. *Грай-Жеребец* (с. 310)—фамилия взята из сатирического стихотворения А. К. Толстого «Сон Попова» (строфа 34). *...гумиластик* (гуммиэластик) (с. 312) — см. с. 376. *...с изрядно накостылеванным затылком...* (с. 313) — выражение из анекдота Козьмы Пруткова «Тихо и громко» (см. с. 141). *Борис Федоров* (с. 314) — см. с. 378 *...справедливые взгляды г. Бланка* (с. 315). О Г. Бланке см. с. 391. *...la loi punit le contrefacteur* (с. 316) — подделка преследуется законом. *Мысли над гробом «Прекрасной магометанки»* (с. 319). Имеется в виду чрезвычайно аляповатый, лубочный, но весьма популярный в низших слоях читателей роман Н. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга. Русская повесть в двух частях, с военными маршами и хорами певчих». Напечатанный в 1840 г., этот роман до конца 70-х годов выдержал 20 изданий.

Посмертное произведение Козьмы Пруткова. «Вестник Европы», 1907, № 11, с. 326—328, с подписью «Алексей Жемчужников», с датой «Октябрь, 1907. Тамбов» и с подстрочным примечанием редактора-издателя «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича: «Наш маститый поэт некогда сам принадлежал к числу членов кружка, столь известного и доныне под фирмою «Козьмы Пруткова», изречения которого повторяются нами нередко. В своем письме ко мне Алексей Михайлович пишет теперь, между прочим (следует цитата). Нельзя не отдать справедливости этой тени Пруткова, — она, как увидит читатель, с тою же откровенностью и бесстрастием, какими отличался и сам Прутков, обратилась ныне и к *управляемым* и к *правящим* переживаемых нами дней. — *М. Ст.*»

М. М. Стасюлевич приводит небольшую цитату с пропусками и искажениями из письма А. М. Жемчужникова от 12 октября 1907 г., позднее полностью напечатанного в издании «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке» (т. IV, Спб., 1912, с. 421). Приводим часть письма по тексту этого издания:

«Душевно уважаемый, дорогой Михаил Матвеевич, посылаю Вам только что написанное стихотворение. Мне представляется, что его стоит напечатать, и я очень Вас прошу, — если и Вы такого же мнения, — *непременно* поместить его в ноябрьской книжке хотя бы в самом ее конце, если я опоздал. Оно должно появиться вместе с открытием третьей Думы. Русская неразбериха дошла до того, что кому-то пришла мысль обратиться за советом даже к Пруткову; и я, 86-летний старец, нахожу, что хотя и без сомнения очень ограниченный, но вполне искренний член черной сотни былого времени должен отнестись к манифесту 17 октября именно так, как отнесся к нему вызванный спиритом почтенный К. Прутков... В стихотворении часто цитируются подлинные мысли и слова Пруткова. Так как его сочинения пользуются большою известностью, то это не пройдет незамеченным».

Действительно, в 3-й строфе имеется аллюзия на стихотворение «Мой портрет», а строфы 10—13 перефразируют прутковские афоризмы (№№ 156, 131, 22, 42 и 3 основного собрания).

Алексей Жемчужников воспользовался идеей Александра Жемчужникова (см. фельетон «С того света»), заставив Козьму Пруткова подавать голос из загробного мира посредством спиритизма.

II

Корреспонденция. «С.-Петербургские ведомости», 1874, № 37. Здесь впервые раскрыт в печати состав создателей Козьмы Пруткова в ответ на указание Н. В. Гербеля в биографической заметке об Алексее Жемчужникове: «Жемчужников написал множество шуточных стихотворений, прикрываясь псевдонимом Кузьма Прутков» («Христоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах». Составил Н. В. Гербель. Спб., 1873, с. 563).

Н. А. Арбузов — поэт, издавший в 1856 г. сборник стихотворений второразрядного качества и эклектического характера.

Защита памяти Косьмы Петровича Пруткова. Под этим заглавием разновременно были помещены два письма в редакцию «Нового времени». В отличие от подписанных братьями Жемчужниковыми писем в редакции «Нового времени», «С.-Петербургских ведомостей», «Новостей», — комментируемые два письма выдержаны в тоне мистификации, заверяя читателей в реальном бытии Козьмы Пруткова.

1. «Новое время» 1877, № 392. Это письмо в редакцию является, повидимому, второй попыткой изложения сценической истории «Фантазии» (см. комментарий к этой пьесе). Поскольку первая попытка («Предисловие издателя»), кое в чем совпадающая с данной, принадлежит Вл. Жемчужникову, можно думать, что и «Защита памяти Пруткова» принадлежит ему же. Приводимые в письме афоризмы взяты не только из «Современника», как указано здесь, но и из «Искры».

2. «Новое время», 1881, № 2026. Общее заглавие, та же подпись, указание «я выступал уже в вашей газете» — заставляют считать, что оба письма написаны одним автором, — то есть, по нашему предположению, Вл. Жемчужниковым. Это предположение подтверждается его отмежевыванием не только от Александра Жемчужникова, автора упомянутого фельетона в «С.-Петербургских ведомостях» 1876 г. («Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова»), но и от Алексея Жемчужникова, нарушившего тайну авторства Козьмы Пруткова в своей «Корреспонденции» в «С.-Петербургских ведомостях» 1874 г. (с. 321), чего автор комментируемого письма как будто не одобряет.

Статья, давшая повод к написанию этого письма, — «Письмо к издателю «Нового времени» В. П. Буренина («Новое время», 1881, № 2012). Здесь сказано: «...в «Современнике» пятидесятых годов под одним общим псевдонимом Кузьмы Пруткова писали три брата Жемчужниковых, покойные Панаев и гр. Алексей Толстой — итого целых пять лиц».

Текст включенных в статью басен «Цапля и беговые дрожки» и «Стан и голос» печатается нами здесь не полностью; мы даем лишь те стихи, к которым имеются примечания. Автор, повидимому, либо цитирует публикацию «Современника» по совершенно неисправному

списку с него, либо просто мистифицирует читателей, так как некоторых разночтений текстов «Современника», указанных им, на самом деле в «Современнике» нет (ср. примечания к этим басням). Впервые опубликованная здесь басня «Звезда и брюхо» нами не перепечатывается.

Письмо в редакцию. «Новое время», 1883, № 2496; то же в газ. «Голос», 1883, № 40.

В 1882 г. юрист и беллетрист М. А. Филиппов, печатавший в 60-х годах юридические статьи в «Современнике» и «Русском слове», начал издавать ежемесячный журнал «Век». С первого номера журнала Филиппов повел в нем сатирический фельетон под псевдонимом «Козьма Прутков первой формации». Это присвоение псевдонима не осталось незамеченным в печати и, между прочим, было отмечено в куплетах «Старого воробья» в «Петербургском листке» 1882 г., № 67, где сказано, что «Прутковым Козьмой прикрываясь... там какой-то гарсон стал строчить». Обидевшийся на то, что его «ни за что ни про что назвали гарсоном», Филиппов дал следующее разъяснение в фельетоне «Беседа сотрудников журнала «Век» («Век», 1882, № 5, отд. VI, с. 58—59):

«В литературе неоднократно заявлялось бывшими сотрудниками «Современника», что там работали под этим псевдонимом: А. М. Жемчужников, граф А. К. Толстой, В. М. Жемчужников *и многие другие*... Возьмите, например, календарь Суворина за 1881 год и в конце его, в отделе «Матерьялы», на странице 289, вы прочтете то же самое. Никто против этого никогда и нигде не протестовал, и, поэтому, под Козьмою Прутковым должно понимать целую клику, работавшую в «Современнике». После этого, я полагаю, как один из самых деятельных сотрудников этой журнальной эпохи, я вправе подписываться этим псевдонимом».

В дальнейшем (с 8-го номера 1882 г.) М. А. Филиппов отбросил в подписи слова «первой формации» и стал подписываться просто «Козьма Прутков».

Происхождение псевдонима «Козьма Прутков». «Новости и Биржевая газета», 1-е изд., 1883, № 20.

После появления «Письма в редакцию» В. М. Жемчужникова М. А. Филиппов не только не перестал пользоваться псевдонимом «Козьма Прутков», но и вступил в полемику. В «Послании единоличного Козьмы Пруткова коллективному Козьме Пруткову» Филиппов писал, обращаясь к В. М. Жемчужникову: «Псевдоним этот не принадлежит вовсе ни Вам, ни брату Вашему, ни покойному графу Толстому, а журнал сочинил коллективный псевдоним собственно для своего фельетона и не предоставил каждому отдельному лицу самостоятельно пользоваться им... К тому же мне положительно известно, что под этим псевдонимом работали еще: Панаев, Добролюбов и иные сатирики. ...Нет ни одного закона в целом мире, который установил бы исключительное право на ношение какой-нибудь фамилии или на принятие какого угодно псевдонима. Так, у меня печатается А. Краевский (присяжный поверенный), у меня же будет печататься Г. Пыпин (бывший сотрудник От. Записок); но потому лишь, что существуют другие литераторы: Ан. Ал. Краевский и Г. Пыпин (в Вестнике Европы), то неужели мои сотрудники не вправе подписываться уж своими фамилиями?»

Упоминаемое А. М. Жемчужниковым в комментируемом письме (с. 330) стихотворение, напечатанное в виде эпиграфа перед первым выпуском «Литературного ералаша» («Кто видит жизнь с одной карманной точки...»), В. М. Жемчужников предположительно приписывает Некрасову (см. с. 337).

Об авторстве стих. «Простуда», «Я встал однажды рано утром...» и «Сестру задев случайно шпорой...» см. в примеч. к этим стих.

Письмо А. М. Жемчужникова не подействовало на Филиппова: он продолжал подписывать свои фельетоны псевдонимом «Козьма Прутков» вплоть до последнего номера своего журнала, который прекратился на второй книжке 1884 г.

...псевдоним Крестовский (с. 332). Писательница 50—80-х гг. Н. Д. Хвощинская подписывалась «В. Крестовский-псевдоним». Между тем, в 60-е годы стал печататься беллетрист Всеволод Крестовский, автор известного романа «Петербургские трущобы».

Два письма В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину — от 6 и 15 февраля 1883 г. П.с.с. А., с. 451—464. Здесь же на с. 449—451 опубликовано еще письмо от 7 января 1883 г. Другая публикация тех же писем — в книге П. Н. Беркова «Козьма Прутков, директор Пробирной палатки и поэт». Л., 1933, с. 190—200. Оригиналы писем — в Пушкинском доме.

Продолжением этих писем являются неизданные письма от 25 февраля и 22 июля 1883 г. и от 12 февраля 1884 г., хранящиеся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ник. Павл. (с. 335) — т. е. император Николай Павлович. *Типография Михаила Матвеевича* (с. 335) — т. е. М. М. Стасюлевича. *...формат издания «Ста русских литераторов»* (с. 335). Имеется в виду сборник «Сто русских литераторов», рассчитанный на десять томов большого формата, из которых вышло в свет три (Спб., изд. А. Смирдина, 1839—1845). *Бедеман* (с. 335) — т. е. А. Е. Бейдеман. О нем см. с. 391. *Министр плодородия* (с. 338). Об этой неразысканной комедии Козьмы Пруткова см. во вступительной статье, с. XVII—XVIII. *Так и доселе поступает редактор журнала «Век», г-н Филиппов* (с. 341). См. «Письмо в редакцию» В. Жемчужникова, «Происхождение псевдонима „Козьма Прутков“» и комментарии к этим материалам... *...в малой частице фельетонов «СПб. Вед.» 1876 г.* (с. 341). Имеются в виду фельетоны «С того света» и «Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова».

От издателей. П.с.с. 1, с. I—II. В других изданиях П.с.с. (кроме П.с.с. А.) не перепечатывалось.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Первые цифры обозначают страницы текста, вторые (курсивом) — страницы примечаний.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая колонка цифр обозначает страницы текста, вторая страницы примечаний.

II

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

I

II

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК МОЕГО ДЕДА

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ФЕДОТА КУЗЬМИЧА ПРУТКОВА

I

II

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I

II

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

I

II

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

II

*Вступительная статья, редакция
и примечания Б. Я. Бухштаба*

Редактор А. Островский

Художник И. Серов. Техн. редактор А. Кирнарская. Подписано к печати 7/V 1949.
М-07695. Печ. л. 29. Уч.-изд. л. 21,95. А. л. 19,8. Тираж 10000 экз. Цена 14 р.
Заказ № 1635.

2-я типография „Печатный Двор" им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
177	7, 15, 16 св.	ler	ter
374	17 "	бревна же	бервна же
382	17 сн.	(см. с. 164)	(см. с. 163)
393	17 "	см. с. 378	см. с. 377
395	11 св.	см. с. 378	см. с. 377
398	10 сн.	с. 391	с. 390
398	9 "	с. XVII-XVIII	с. XIX-XX